

Иоахим Гофман

**Сталинская истребительная война
(1941-1945 годы)**

Планирование, осуществление, документы

Иоахим Гофман. Сталинская истребительная война. Планирование, осуществление, документы.

Настоящее издание представляет собой перевод с немецкого оригинального издания «Stalins Vernichtungskrieg 1941-1945», опубликованного в 1999 г. F.A. Verlagsbuchhandlung GmbH, München.

Работа Гофмана — взгляд крупного западногерманского историка на политику Советского Союза накануне и во время Второй мировой войны.

В центре книги находится Сталин. На основе неизвестных документов и результатов новейших исследований автор приводит доказательства того, что Сталин готовил наступательную войну против Германии при подавляющем превосходстве сил, которую лишь ненамного опередило нападение Гитлера на СССР. Сталин в 1941 году провозгласил истребительную войну. Свои намерения он выразил словами: «Каждый распространяет свою собственную систему настолько далеко, насколько может продвинуться его армия. По-другому и быть не может».

Содержание

Предисловие к русскому изданию.....	3
К читателю.....	5
Предисловие к новому изданию.....	6
Предисловие.....	9
Глава 1. 5 мая 1941 года. Сталин объявляет наступательную войну.....	11
Глава 2. 22 июня 1941 года. Гитлер предупреждает Сталина своим нападением.....	23
Глава 3. В бой через террор. Советских солдат гнали под огонь.....	40
Глава 4. «Боец Красной Армии не сдастся». Советским солдатам запрещалось сдаваться в плен. Предотвращение бегства вперед.....	47
Глава 5. Сталинский аппарат террора. Как фабриковались «массовый героизм» и «советский патриотизм».....	56
Глава 6. «Великая Отечественная война». Советская пропаганда и ее орудия.....	67
Глава 7. Ответственность и ответственные. Зверства с обеих сторон.....	78
Глава 8. «Гитлеровские негодяи». Советские злодеяния приписываются немцам.....	92
Глава 9. Криминализация Вермахта. Антинемецкая национальная и расовая травля.....	102
Глава 10. По всему фронту. Уже 22 июня 1941 года были убиты первые военнопленные.....	112
Глава 11. «Всех до единого». Убийствам военнопленных нет конца.....	122
Глава 12. «Ни пощады, ни снисхождения». Зверства Красной Армии при продвижении на немецкую землю.....	129
Глава 13. «Горе тебе, Германия!» Злодеяния находят свое продолжение.....	141
Заключение.....	152
Приложения.....	158
Сокращения.....	158
Источники и литература.....	159
Документы.....	172
Голоса прессы.....	174

Предисловие к русскому изданию

Книга Иоахима Гофмана «Сталинская истребительная война» (в немецком варианте — «Stalins Vernichtungskrieg 1941-1945») является одним из лучших исторических исследований «темных пятен» советско-германской войны. Автор является — вернее, являлся, так как Иоахим Гофман скончался 8 февраля 2002 года — одним из наиболее ярких представителей направления западногерманской исторической науки, отстаивавшей постулат, что в 1941-1945 годах война велась между двумя преступными режимами: гитлеровской Германией и сталинским СССР. Иоахим Гофман — известный историк, более 35 лет проработавший в Исследовательском центре Бундесвера по военной истории и специализировавшийся именно на Русском Освободительном Движении и антисоветских формированиях граждан СССР во время советско-германской войны. Работа Гофмана «Tragödie der “Russischen Befreiungsarmee” 1944/45»¹ по праву считается наиболее серьезным и глубоким исследованием по этой проблеме.

Из других книг, принадлежащих перу этого историка, можно выделить: «Восточные легионы в 1941-1943 гг. Туркестанцы, кавказцы, волжские татары в немецких сухопутных войсках»², «Немцы и калмыки в 1942-1945 гг.»³, «Кавказ в 1942-1943 гг. Немецкие войска и восточные народы СССР»⁴, «Берлин Фридрихсфельде. Немецкое национальное кладбище»⁵.

При этом, являясь последовательным антикоммунистом, Иоахим Гофман выступает прежде всего с уничтожающей критикой сталинского режима и проводившейся им политики, не выдвигая никаких обвинений в адрес народов СССР (и тем более русского народа, который, по мнению Гофмана, наиболее сильно пострадал от сталинской диктатуры). В самой Западной Германии у книги была непростая судьба — некоторые политические круги (прежде всего социал-демократы и зеленые) попытались объявить ее «политически опасной».

Гофман вводит в научный оборот значительное количество новых фактов, в том числе и из немецких военных архивов.

* * *

Иоахим Гофман родился 1 декабря 1930 года в столице Восточной Пруссии Кенигсберге. Возможно, это в какой-то степени наложило отпечаток на всё его творчество: после окончания Второй мировой войны территория Восточной Пруссии была поделена между СССР и Польшей, а переименованный в Калининград Кенигсберг стал административным центром Калининградской области СССР. Проживавшие же в Восточной Пруссии немцы — те, кто не успел покинуть родные места до прихода Красной Армии, — в течение нескольких лет были депортированы, большей частью в советскую оккупационную зону Германии. В Западной же Германии выходцы из Восточной Пруссии и других немецких земель, отошедших иностранным государствам, основали близкий к правому крылу ХДС/ХСС Союз изгнанный (Vertriebenenverbände). Семья Гофмана покинула Восточную Пруссию во время войны и уехала на запад Германии. В 1951 году Иоахим Гофман изучал в высших учебных заведениях Германии новейшую историю, историю Восточной Европы и сравнительную этнографию, защитив диссертацию и получив звание доктора философии. Затем он 35 лет (в 1960-1995 годах) проработал в Исследовательском центре военной истории Бундесвера (Militärgeschichtlichen Forschungsamt der Bundeswehr), постепенно поднимаясь по служебной лестнице. Последние годы он занимал должность научного директора Центра. Специализацией Гофмана стала тема «Вооруженные силы СССР». Таким образом, о Иоахиме Гофмане можно говорить как о крупном, состоявшемся историке-исследователе, хорошо ориентировавшемся в истории СССР и Второй мировой войны.

Книги Гофмана были отмечены в 1991 году Почетной премией им. Вальтера Экхардта за исследования в области истории («Dr.-Walter-Eckhardt-Ehrengabe für Zeitgeschichtsforschung»), а в 1992 году — Культурной премией «Генерал Андрей Андреевич Власов» (Kulturpreis «General Andrej Andrejewitsch Wlassow»).

Но судьба книг Гофмана не была простой. В Германии они часто подвергались критике со стороны левых политиков, не говоря уже о постоянной их критике со стороны просоветских военных историков. В нашей стране работы Гофмана довольно часто цитировались в научных публикациях, но при этом, хотя позиция автора осуждалась, он не получил права на ответ и ему не была дана возможность вести научную полемику. Фактически, дискуссия была односторонней: до сегодняшнего дня работа Гофмана была недоступна отечественному читателю, и его критики могли обходить молчанием многие приводимые им факты и аргументы, сосредотачиваясь на наиболее спорных аспектах концепции Гофмана. Теперь же читатель сможет ознакомиться с аргументацией самого Гофмана, что больше не позволит некомпетентным

графоманам-сталинистам выдвигать свои пропагандистские лозунги, пользуясь незнанием бывшими советскими людьми истории своей страны.

Основная идея, которую Гофман развивает в своей книге, заключается в том, что у советского руководства (олицетворяемого Сталиным) еще до нападения Германии на СССР имелись планы войны против Германии, причём войны истребительной, войны на уничтожение. Именно доказательству тезиса об осуществлении со стороны СССР истребительной войны, то есть войны не против вооруженных сил противника, а против всего немецкого народа, и посвящен данный труд Гофмана.

Примечания

1. Она вышла впервые в 1984 году под названием «Der Geschichte der Wlassow-Armee», а затем выдержала несколько переизданий. Последнее издание этой книги в 2005 году вышло на русском языке в переводе В.Ф. Дизендорфа под названием «Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии». Электронный вариант книги: <http://rus-nation.info/hofmann-istoriaroa.rar>
2. Die Ostlegionen 1941-1943. Turkotartaren, Kaukasier, Wolgafinnen im deutschen Heer. 1976.
3. Deutsche und Kalmyken 1942-1945. 3. Auflage. 1977.
4. Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvolker der Sowjetunion. 1991.
5. Berlin Friedrichsfelde. Ein deutscher Nationalfriedhof. 2001.

«Что ж, если немцы хотят иметь истребительную войну*, они ее получают. (*Бурные, продолжительные аплодисменты*).

Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов. (*Бурные аплодисменты, возгласы: «Правильно!», крики «Ура!»*).

Никакой пощады немецким оккупантам!

Смерть немецким оккупантам! (*Бурные аплодисменты*).»

Иосиф Виссарионович Сталин,
6 ноября 1941 г.

* В действительности Сталинская истребительная война началась сразу же после 22 июня 1941 г. Так, согласно его приказу, перед отходом Красной Армии надлежало расстреливать всех политзаключенных. Только в тюрьмах Львова с 24 июня 1941 г. органами НКВД было зверски убито более 4000 украинцев и поляков (среди них были также евреи и немецкие военнопленные).

К читателю

Когда 22 июня 1941 г. началась немецкая кампания против Советского Союза, национал-социалистическая пропаганда обосновывала открытие этого нового театра военных действий утверждением, что Вермахту нужно было превентивно опередить угрожавшее советское нападение. После Второй мировой войны немецкая и западная наука отнесли это утверждение к области фантазии и усматривали в Плане Барбаросса давно планировавшееся «нападение» фашистской Германии на ни о чем не подозревавший, плохо вооруженный и готовый к мирному сосуществованию с Германией Советский Союз.

Андреас Хильгрубер рассматривал войну с Советским Союзом как ступень на пути к достижению этой цели, изначально предусмотренную национал-социалистической идеологией и сознательно запланированную Гитлером в рамках его всеобъемлющей идеи мирового господства. Бернд Штегеман в начале 70-х годов в своей широко отмеченной статье выразил сомнение в отношении этой детерминистской трактовки национал-социалистической политики и охарактеризовал военную стратегию Гитлера как решения, вытекавшие прежде всего из текущих политических и военных обстоятельств. Эту дискуссию в 1988 г. продолжил Хартмут Шустерайт своим исследованием о мотивах решения Гитлера напасть на Советский Союз, которое он расценил как попытку «одолеть Запад путем победы на Востоке», охарактеризовав тезис Хильгрубера о многоступенчатой программе Гитлера как «фикцию».

С временным открытием советских архивов и либерализацией научной жизни с 1989 г. стали доступны новые источники, позволяющие лучше увидеть германско-советские отношения 1939-41 гг. и произвести взвешенное рассмотрение. Правда, многолетнюю дискуссию об участии Советского Союза в развязывании войны с Германией в 1941 г. приходится вести с оговоркой, что эта война была схваткой не на жизнь, а на смерть двух тоталитарных систем, которые для достижения своих политических целей использовали одни и те же средства и методы. После 1945 г. это едва ли доходило до сознания западноевропейских ученых, так как Советский Союз четыре года был союзником западных демократий и, в конечном итоге, понеся огромные жертвы решительно во всем, в решающей мере способствовал победе над Германией. Не потому ли в сознании западной интеллигенции победоносный Советский Союз являлся и представителем системы, историческую концепцию которой следовало позаимствовать?

Того, кто в Западной Германии даже через десятки лет после завершения Второй мировой войны подвергал советскую систему критическому исследованию, указывая на ее бескомпромиссное презрение к свободе и человеческому достоинству, на террор и угнетение, нередко обзывали фашистом, подозревали в неонацизме, подвергая смертельной угрозе. Под знаменем антифашизма объединились все те, кто не хотел признавать ничего, кроме советской системы.

Против этого возникло сопротивление на всех уровнях и во всех научных сферах, и именно в немецкой исторической науке не было недостатка в серьезных усилиях, чтобы спокойно, взвешенно и аргументированно противостоять всем попыткам «антифашистской» идеологической индоктринации; в них участвовал и автор настоящего исследования. На основе критического подхода к источникам он исследовал советские военные планы силового противоборства с Германским рейхом, ставшие известными за минувшие четыре года, сравнил их с доселе известными источниками и дополнил систематическим анализом мемуаров советских военачальников. При этом он приходит к выводу, что германско-советская

война была неизбежна, а потому обе державы вооружались для этого противоборства, разрабатывали оперативные планы и стремились превентивно опередить противника.

Явное изменение военной ситуации в пользу Советского Союза весной 1941 г., которое германское руководство смогло распознать лишь схематично, привело Гитлера к выводу, что июнь 1941 г. — это последний возможный срок, когда вообще еще можно вести превентивную войну. С другой стороны, Сталин, по всей видимости, весной 1941 г. перенес момент нападения с 1942 г. на июль-сентябрь 1941 г., чтобы несколькими мощными ударами уничтожить войска германского Вермахта, сконцентрированные на советской западной границе; в этой связи автор проводит детальное исследование майских событий, чтобы рельефно выделить решение Сталина о военных действиях против Германии летом 1941 г.

Основная часть исследования посвящена аспекту германско-советской войны, еще совершенно не дошедшего до сознания западного мира, а именно, что Сталин наметил, а затем и осуществил войну против Германского рейха как истребительную и захватническую, тогда как Гитлер придал своей кампании против Советского Союза существенные мотивы расового противоборства. Здесь особая роль принадлежала приказу Сталина от 6 ноября 1941 г. об истреблении всех немцев до единого, поскольку советская пропаганда, работавшая по инструкции И. Эренбурга, позаботилась о том, чтобы этот приказ не только доводился до сведения каждого солдата, но и неукоснительно выполнялся. Подстрекательство к убийству немецких военнопленных и раненых стояло на повестке дня с первого дня войны и обрело дьявольский размах, когда Красная Армия в конце 1944 г. достигла территории Германии и, следуя указаниям своего командования и политорганов, принялась убивать, насиловать, грабить и жечь немецкое гражданское население, оставляя на оккупированных ею территориях широкий кровавый след, в том числе в течение нескольких недель после 8 мая 1945 г.

В работе И. Гофмана особенно привлекает то, что своей «Сталинской истребительной войной» против Германии он освещает и выдвигает на первый план такие аспекты, которые пока что не вызвали в западной историографии должного интереса.

Д-р Манфред Кериг

Предисловие к новому изданию

Со времени своей первой публикации в июне 1995 г. эта книга была издана четыре раза. Она появилась в момент, когда дискуссия по поводу 50-летия окончания войны в Европе уже пошла на спад, что было вполне благоприятно. Ведь сталинский пропагандистский тезис о мнимом освобождении немцев победоносными войсками Красной Армии, во всю мощь запущенный в обиход заинтересованными кругами, уже успел несколько приесться, так что теперь вновь вступили в свои права неопровержимые контраргументы.

Кроме того, не лишено известной иронии, но, естественно, не было намеренным и явилось скорее подарком случая то обстоятельство, что работа «Сталинская истребительная война» уже получила распространение и была доступна всюду, когда под абсолютно недопустимым по своей тенденциозности и упрощенности названием «Истребительная война. Преступления Вермахта в 1941-44 гг.» в путь была отправлена выставка, демагогичность и низость которой едва ли может быть превзойдена, с прозрачным намерением ввести в заблуждение неинформированную публику, политически подстрекая и используя одну часть общественности против другой. Разумеется, при этом, как доказывает масса искажений, ошибок и фальсификаций, меньше всего думали о правде и справедливости. Эта тема была избрана потому, что ее сочли достаточно подходящей, чтобы вновь, после столь прискорбного исчезновения социалистического Советского Союза, укрепить властные позиции левых. Через 50 лет после завершения Второй мировой войны германский Вермахт, как своего рода обобщенный враг, должен был послужить мишенью, чтобы вновь упорядочить и выровнять расстроены ряды левых. Ведь в конце концов политико-идеологическая борьба за прежние цели, своего рода духовная гражданская война, не должна иметь перерывов.

Уже после того, как «Сталинская истребительная война» была представлена в ежедневных и еженедельных газетах и появились первые положительные рецензии специалистов, организаторы и их вдохновители признали, как это сформулировал один их представитель, что эта книга оказалась «политически опасной» для них; это и понятно, поскольку, например, «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» отметила, что автор вышел из научной дискуссии «победителем», и даже издаваемый федеральным министерством обороны официальный орган «Information für die Truppe» рекомендовал ее своим читателям как «важную и заслуживающую прочтения книгу». Во всяком случае, целям выставки могло лишь повредить то обстоятельство, что в ней однозначно доказывается: столь грубым и действенным лозунгом

«истребительная война» еще в 1941 г. воспользовался для характеристики своих бесчеловечных методов ведения войны — причем действительно по праву — не кто иной, как Иосиф Виссарионович Сталин. Что же было делать?

Поскольку самой книге не удавалось приписать недосмотров или ошибок, то есть в научном плане ее нельзя было ни опровергнуть, ни замолчать, и она, кроме того, получила быстрое распространение и удостоилась позитивного внимания, этим кругам оставался лишь один выход, который всегда более всего соответствовал их менталитету, — путь личного шельмования и насильственного подавления. Была развернута политико-пропагандистская акция такого рода, прецедента которой еще поискать — по крайней мере, в свободном конституционном государстве. После идеологической подготовки в соответствующих газетах («TAZ», «Konkret», «Zeit» и т. п.) депутаты фракции «Союз 90 / Зеленые» по договоренности с социал-демократическими депутатами и при их поддержке 28 февраля 1996 г. в час вопросов германского Бундестага направили в связи с книгой «Сталинская истребительная война» не менее шести провокационных запросов и 14 дополнительных вопросов по адресу Федерального правительства, которое вообще не ведает сферой исторической науки. «С большой вьедливостью», как писал внимательный наблюдатель, спрашивающие требовали детальных ответов и затем даже домогались служебно-правовых мер против автора и других лиц. На этот час, как сообщила печать, пленарное заседание парламента было «преобразовано» в инквизиционный трибунал против отсутствующего историка.

Естественно, одновременно с книгой мишенью должен был явиться здесь сам Бундесвер. Кампания, еще поддержанная различными подстрекательскими статьями той же тональности, нашла свое продолжение в письменном запросе, опять же состоявшем из 18 отдельных вопросов, пяти поименно названных, однако некомпетентных в научном плане депутатов Бундестага (Бунтенбах, Бек, Нахтвай, Фишер, Мюллер) и фракции «Союз 90 / Зеленые» Федеральному правительству от 13 сентября 1996 г., из которого, правда, вытекало, что они вообще не читали книгу и, тем более, не поняли ее смысла. Поэтому они обосновывали свои утверждения лишь полемическими выпадами левой печати. Но при всем доносительском рвении эти депутаты примечательным образом вынуждены были указать на «большое общественное воздействие публикации Гофмана» и тем самым признать, что книга получила неожиданное распространение.

Акция, запущенная с таким большим шумом и усилиями, которая дает ясно понять, как, согласно воле этих сил, должны обстоять дела со свободой науки в Германии, увенчалась жалкой неудачей. Ведь даже в Германии дело еще не дошло до того, чтобы функционеры и товарищи члены политических партий определяли, какие темы и в каких «терминах и значениях» должен исследовать историк и к каким научным результатам ему следует приходить. Пока что основополагающее право на свободную научную деятельность, имеющее высокий конституционный ранг, не подчиняется произволу агрессивного обскурантизма.

В целом, однако, лишь в результате случайного побочного успеха книга «Сталинская истребительная война» каким-то образом встала на пути подстрекательской передвижной выставки «Истребительная война Вермахта» и, благодаря к тому же неожиданной рекламной помощи со стороны фракции Бундестага «Союз 90 / Зеленые» и левой печати, следуя теперь по стопам этой выставки, может дать критически настроенному посетителю информацию о подлинных исторических обстоятельствах.

Это исследование, которое базировалось почти исключительно на архивных материалах и подлинных документах, ничего не зная о подготовке клеветнической выставки под девизом «Истребительная война», направленной против Вермахта, по своему характеру и методике, разумеется, преследует цели, лежащие не в сфере агитации, а в области научного познания. Далее, оно берется привести доказательства, что Сталин, имея подавляющие силы, готовил захватническую войну, которую по воле случая лишь слегка опередила захватническая война Гитлера. Показания из первоисточников и факты, свидетельствующие о предстоящем нападении Советского Союза с чисто военной точки зрения, сегодня действительно являются убедительными, но можно в достаточной мере доказать и наличие соответствующих политических планов. При этом речь идет о научном результате, который не принимается к сведению, прежде всего некоторыми кругами в ФРГ, поскольку он противоречит господствующей идеологии. И если исследователь подчас вынужден аргументировать, будто апеллируя к стене, то это вызвано причинами, которые глубоко коренятся в немецкой послевоенной психологии и потому едва ли могут иметь рациональное объяснение.

Это проявилось и при дружеской профессиональной беседе автора с Виктором Суворовым перед камерами Московского телевидения в Исследовательском центре по военной истории во Фрайбурге 12 мая 1993 г.

Русский режиссер господин Синельников, который вел передачу, во время поездки по Германии взял интервью по так называемому «вопросу о превентивной войне» у ряда известных лиц, об именах

которых мы здесь стыдливо умолчим, и ему единодушно ответили, что даже если Виктор Суворов прав и Гитлер лишь опередил Сталина, то об этом никогда нельзя будет сказать, поскольку ведь тем самым (что совершенно неверно) с Гитлера снимается вина. Неприятно удивленный этим обезоруживающим, но и вызывающим — в отношении русской аудитории — признанием, русский режиссер в самом начале воспользовался им как поводом, чтобы спросить и мнение автора на этот счет, который сказал тогда, что такие представления показательны для безнравственности, распространенной здесь в стране. Многие немцы в своей самопоглощенности уже просто не замечали, чего они, собственно, требовали при этом от русских. Ведь это означало не что иное, как мнение о том, что пусть они, русские, продолжают спокойно жить со сталинской пропагандистской ложью, лишь бы у них, немцев, было алиби в лице Гитлера. А алиби негативного явления — Гитлера им было нужно, чтобы перед всем миром представлять себя в должном свете, причем за счет русских, и демонстрировать, как велика все же стала сегодня дистанция между ними и Гитлером.¹

Профессор д-р Ричард К. Раак (Raack) из университета штата Калифорния в Хейуарде, прекрасный знаток проблемы, а также советских и восточных архивов, автор книги «Сталинское наступление на Запад» (Stalin's Drive to the West), изложил состояние исследований в двух фундаментальных статьях в авторитетном американском журнале «World Affairs» в 1996 г. столь же широко, как и убедительно, и при этом рассмотрел в научном контексте и книгу «Сталинская истребительная война». Сославшись на разоблачительный случай в Исследовательском центре по военной истории, он напомнил о публичном сожжении книг д-ром Геббельсом на площади Оперы (площадь императора Франца-Иосифа) в Берлине, столь шокировавшем цивилизованный мир, и продолжал: «Сегодня хорошо известные представители немецких левых предлагают (хотя, конечно, не столь фанатично, как некоторые профессора) запрещать книги по истории по политическим причинам». Аналогично выразился профессор д-р д-р Гюнтер Гиллессен (Gillesen) при обсуждении книги «Сталинская истребительная война» во «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» 10 октября 1995 г., когда сказал о «самоналоженном запрете на научные исследования» в ФРГ по «политическим мотивам».

Гитлер (таковы, во всяком случае, установленные научные данные) по времени лишь ненадолго опередил нападение Сталина, но это, конечно, ничего не говорит о том, задумал ли он сам, как и Сталин, захватническую войну. Здесь следует лишь еще раз констатировать, что русский военный писатель Виктор Суворов (Великобритания), социальный философ и университетский профессор Эрнст Топич (Topitsch; Австрия) и автор как военный историк своими публикациями 80-х годов, оказавшись в известной мере «тройкой», добились перелома в научной сфере. Далее, в представленном исследовании ставилась задача: на основе первоисточников показать, что методы ведения войны и управления войсками, использовавшиеся Сталиным и Советами, не имели аналогов в армиях других государств по своему варварству и противоречию международному праву. И этот результат также не должен скрываться. Наконец, в этой связи находит потрясающее выражение то, насколько зловещей была советская военная пропаганда.

В целом восприятие книги профессиональным миром в стране и за рубежом, а также заинтересованной, непредвзятой общественностью и, что особенно радует, молодыми читателями показывает, что в ней избран верный путь. Автор сегодня един во мнениях с коллегами-специалистами как в Германии, так и в США, Польше, Австрии, Швейцарии и других странах, особенно в России, где в 1995 г. вновь попытались заявить о себе старые сталинисты при поддержке своих западных друзей-историков, коррумпированных в научном плане. Тем временем, однако, доказательная база решающим образом изменилась им в ущерб. И, как писал эксперт по России «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» Маркус Венер в этой газете 10 апреля 1996 г. в связи с оживлением в русской исторической науке: «Публикация статьи немецкого историка Иоахима Гофмана, который не первый год поддерживает тезис Суворова, способствовала перелому. С этих пор ход дискуссии определяется представителями нового критичного поколения историков». Здесь имеется в виду статья автора «Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год», которая, опережая некоторые выводы книги «Сталинская истребительная война», появилась в 1993 г. в журнале Российской Академии Наук «Отечественная история». Она привлекла неожиданно большое внимание русских историков и оказала им воодушевляющую поддержку.

Итак, данное исследование созвучно целой международной научной школе, внося лепту в ее результаты. Всемирные масштабы противоборства вокруг сталинской подготовки к нападению сегодня столь очевидны, что их больше невозможно отрицать. «В действительности дискуссия является международной, — так подытожил свои исследования профессор Ричард К. Раак, — джин истины теперь вылез из бутылки.»

Ревностные усилия (и зачастую недостойные методы) старых сталинских апологетов и их историко-пропагандистских поклонников по сохранению затхлых, давно опровергнутых исторических легенд советской эпохи неизбежно обречены на провал, причем уже потому, что их больше невозможно

подкрепить никаким настоящим аргументом. То, что времена начали меняться, показывает и неожиданный интерес во всем мире к «Черной книге коммунизма» Стефэна Куртуа (Courtois), подтверждающей принципиальное направление данной работы. Реакция в кругах идеологов, которая колеблется между озадаченностью и ожесточением, является обнадеживающей и воодушевляющей предвестницей дальнейшего успешного поиска исторической правды.

Представленное новое издание было выпущено издательствами Langen Müller Herbig. Здесь я хочу выразить свою сердечную благодарность издателю, господину д-ру Герберту Флейснеру, и господину Рохусу фон Забюснигу.

Иоахим Гофман,
Фрайбург, март 1999 г.

¹ Eine Diskussion im MGFA, in: Strauss, Unternehmen Barbarossa und der russische Historikerstreit, S. 45 f.

Предисловие

Пятидесятая годовщина завершения войны должна явиться поводом, чтобы бросить взгляд назад и, отходя от привычных традиций, обратить внимание на то, в каких формах и какими методами осуществлялось столь судьбоносное германско-советское противоборство Союзом Советских Социалистических Республик. Ведь продолжающаяся десятилетиями и становящаяся все более односторонней обработка общественного мнения тем временем породила среди широкой публики в Германии неосведомленность и сформировала представления, находящие отражение и в прямо-таки обезоруживающих утверждениях и высказываниях в печати о трагических событиях тех лет. Нынешние российские солдаты неповинны в том, что выведенные в 1994 г. последние части бывшей оккупационной армии Советского Союза по-прежнему проникнуты пропагандистским тезисом, вообще выдвинутым лишь задним числом, будто Красная Армия осуществляла в 1944-45 гг. в Германии «освободительную миссию», а красноармейцы, в конечном итоге, выступили и были восприняты в Германии как «освободители». У них не может быть иного мнения, если сам президент Ельцин еще 1 сентября 1994 г. провозгласил в Берлине по случаю вывода бывших оккупационных войск, что «русские» (он имел в виду советских воинов) в солдатских шинелях прибыли в Германию не для того, чтобы сровнять ее с лицом земли, уничтожить немецкий народ или превратить его в прислужников «русских» (Советов). Дескать, даже в годы тяжелейших испытаний проводилась четкая грань между «простыми» немцами и «преступной» кликой, пришедшей к власти в Германии. Что стоит за такими утверждениями, покажет содержание данного исследования. Если, однако, с другой стороны, среди германской общественности, которая как-никак имеет в своем распоряжении все возможности для получения информации, распространяется мнение, согласно которому немцы были «освобождены» армиями сталинского Советского Союза, то это не может иметь оправданий, поскольку тем самым историческая реальность прямо ставится с ног на голову. Ведь Красная Армия вторглась не в качестве «освободительницы», хотя это должны внушать сегодня сооруженные в некоторых местах победные монументы; и, пожалуй, никем в Германии она тогда не воспринималась как освободительница.

Солдаты Сталина, согласно их собственным лозунгам, пришли не как освободители, а как беспощадные мстители. Все противоположные утверждения сегодняшней конъюнктурной пропаганды принадлежат к миру фантазии и равносильны полной фальсификации исторических фактов. Если здесь требуется доказательство, то оно видно уже по той панике, которая охватила все население восточных провинций Рейха с приближением Красной Армии. По представленной публикации нетрудно заметить, что действительность еще превзошла самые худшие ожидания.

Так же, как теперь можно надежно доказать, что военная кампания, которую Гитлер после визита Молотова считал неизбежной, по времени лишь ненамного опередила захватническую войну, усиленно планировавшуюся и готовившуюся Сталиным, сегодня можно констатировать и другие исторические факты. Так, не только Гитлер (как всегда пытается внушать определенная историография новейшей истории), но также именно Сталин, политическое и военное руководство Красной Армии с самого начала использовали в противоборстве такие методы, которые по своей жестокости отодвигают в тень всё доселе имевшее место. Уже начавшееся практически с первого дня войны систематическое подстрекательство военнослужащих Красной Армии, разжигание дьявольского чувства ненависти к солдатам вторгающихся вражеских войск сводят на нет все распространенные здесь в стране легенды о возможностях «гуманного»

ведения войны, не реализованных, якобы, лишь из-за отказа Гитлера. Столкновение двух диктаторски руководимых социалистических вооруженных сил, видимо, вообще оставляет заведомо мало места для соображений человечности или хотя бы для применения правил и норм международных конвенций, которые, впрочем, признавались Германским рейхом, тогда как Советский Союз наотрез отказался от их признания.

Немецкая сторона также совершала преступления в Советском Союзе, за которые несут ответственность прежде всего соответствующие органы рейхсфюрера СС Гиммлера. Но все эти злодеяния вновь и вновь становятся предметом подробного описания; сегодня они известны почти детально. Напротив, преступления, совершенные Советами, сознательно и методично предаются забвению, чтобы любой ценой избежать чего-нибудь подобного «сопоставлению взаимных претензий». А ведь при этом исторические сравнения, раскрытие взаимосвязей, зависимостей и параллелей принадлежат к неотъемлемому долгу правдивой историографии, если сознательно не отдавать предпочтения односторонней картине событий.

Итак, представленный том, основанный большей частью на неизвестных архивных материалах и документах германского и советского происхождения, совершенно сознательно — невзирая на так называемые «табу и интеллектуальные запреты» — освещает методы ведения войны на другой стороне фронта. Поэтому содержанием данного исследования являются преимущественно советские злодеяния, хотя злодеяния, совершенные на немецкой стороне, злоупотребляя именем немцев, не упускаются из вида и не замалчиваются. Но в любом случае должна проводиться дифференциация, и пропагандистские преувеличения необходимо свести к их реальному правдивому содержанию. Следовательно, в целом за настоящей публикацией следует признать более высокую степень понимания, чем у той историографии новейшей истории, которая — сознательно или просто за отсутствием информации — в принципе всегда обходит молчанием действия советского противника по войне. Того, что результаты не всюду вызовут согласие, следует ожидать, и это представляется вполне естественным ввиду чрезвычайной злободневности тематики. Но справедливая оценка не сможет отказать автору в стремлении к объективности и должна также признать вместе с ним, что сегодня в ФРГ уже нужно иметь почти гражданское мужество, чтобы высказывать неудобные исторические истины. Но прежде всего не следует сомневаться в чувствах симпатии автора к русскому народу, которыми вполне проникнуты уже его прочие книги по истории германско-советской войны.

Как уже говорилось, исходным пунктом представленного исследования является тот ставший отныне бесспорным факт, что Гитлер при развязывании боевых действий лишь ненадолго опередил готовившуюся Сталиным наступательную войну. Этим бесспорным научным результатом были в буквальном смысле слова удручены наши идеологи. Их аргументы потеряли силу, хотя доктринерское ослепление сохранилось. Я с благодарностью вспоминаю тех авторов, которые, невзирая на многие нападки, а отчасти и ядовитые выпады, вступились за историческую правду и тем самым, в конечном итоге, помогли ей пробить путь, наряду с прочими — в особенности господ университетского доцента д-ра Хайнца Магенгеймера (Magenheimer; Академия национальной обороны, Вена), профессора д-ра Вернера Мазера (Maser; Шпейер), Виктора Суворова (Бристоль), университетского профессора д-ра Эрнста Топича (Грац), профессора права и д-ра философии Альфреда Мориса де Заяса (Zayas; Чикаго и Женева). Господин профессор д-р д-р Гюнтер Гиллессен всегда проявлял себя во «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» столь же справедливым, как и умно оценивающим дискуссии критиком и тем самым оказал делу большую услугу. С известным автором книг по данным вопросам, умершим в 1993 г. д-ром Александром Моисеевичем Некричем, некогда во время войны — офицером-политработником Красной Армии (один из поносимых тогда «еврейско-большевистских комиссаров»), который после своей вынужденной эмиграции из СССР работал в Гарвардском университете, меня связывало далеко идущее совпадение мнений не только по «проблеме превентивной войны». Представленная публикация возникла еще во время моей 35-летней принадлежности к Исследовательскому центру по военной истории в рамках общей темы «Сталин и Красная Армия». Я обязан особой благодарностью главе центра, господину бригадному генералу д-ру Гюнтеру Роту (Roth) за сочувственно предоставленную свободу. Я чрезвычайно благодарен моей коллеге, госпоже Карин Хепп (Hepp), которая провела за меня успешные переговоры в Москве, а также госпоже Эльке Зельцер (Selzer), с большой точностью напечатавшей эту рукопись, как и недавно — мою работу о Кавказе. Вопреки духу и букве научной свободы, провозглашенной Основным законом, сегодня, к сожалению, уже рекомендуется проверять некоторые пассажи историографических текстов до их публикации на предмет возможной «уголовной наказуемости» — почти унижительное обстоятельство. Этой неприятной задаче тактично и дружески посвятил себя господин вице-президент суда Иоганн Бирк (Birk) из Фрайбурга, за что я здесь его сердечно благодарю. Моей сердечной благодарности заслуживает господин руководящий директор архива полковник д-р Манфред Кериг (Kehrig), любезно написавший предисловие.

Иоахим Гофман,
Фрайбург, март 1995 г.

Глава 1.

5 мая 1941 года.

Сталин объявляет наступательную войну

Империалистическая великодержавная политика, с самого начала свойственная Советскому государству, незаметно для общественности обрела и видимое внешнее выражение, а именно в государственном гербе СССР, сохранявшемся вплоть до 1991 г. На изображении этого герба серп и молот, обрамленные подстрекательским лозунгом на многих языках: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», угрожающе и грубо обременяют весь земной шар. Здесь столь впечатляюще проявляется провозглашенная со всей ясностью как Лениным, так и Сталиным цель мирового господства коммунистической советской власти или, как они это называли, «победы социализма во всем мире». Не кто иной, как Ленин, продемонстрировал это 6 декабря 1920 г., когда заявил в своей речи, что дело за тем, чтобы использовать расхождения и противоречия среди капиталистических государств и «натравить» их друг на друга, «двинуть ножи таких негодяев, как капиталистические воры, друг против друга», «поскольку, если ссорятся два вора, то выигрывает честный третий. Как только мы будем достаточно сильны, чтобы опрокинуть весь капитализм, мы тотчас схватим его за горло». «Победа коммунистической революции во всех странах неизбежна, — объявил он уже 6 марта 1920 г. — В не столь отдаленном будущем эта победа будет обеспечена.»¹

И, как показывает уже известная речь Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1925 г., Сталин также давно являлся приверженцем этого принципа большевизма. Он заявил тогда: «Если начнется война, то мы не останемся в бездействии — мы выступим, но выступим последними. И мы бросим решающую гирию на чашу весов, гирию, которая сможет сыграть определяющую роль». Вопреки противоположным утверждениям, «доктрина Сталина», как отмечает с необходимой однозначностью и Александр Некрич,² никогда не была отброшена. Она сохранила свою действенность, и стремление «натравить друг на друга фашистскую Германию и Запад» стало у Сталина, по выражению Дашичева,³ настоящей «навязчивой идеей». В 1939 г., когда Красная Армия в результате быстро растущего гигантского вооружения стала все более усиливаться, Сталин счел, что настало время вмешаться в кризис «мирового капитализма» военным путем. Уже посол Великобритании сэр Стаффорд Криппс и посол Соединенных Штатов Лоуренс Ф. Штейнгардт обратили внимание на то, что Сталин с 1939 г. хотел вызвать войну не только в Европе, но и в Восточной Азии. Ставшие известными документы Народного комиссариата по иностранным делам (Наркоминдел) позволяют нам судить об этом с достаточной ясностью.⁴ «Заключение нашего соглашения с Германией, — сообщал Наркоминдел 1 июля 1940 г. советскому послу в Японии, — было продиктовано желанием войны в Европе.» А в отношении Дальнего Востока в телеграмме из Москвы советским послам в Японии и Китае от 14 июня 1940 г. совершенно аналогично говорится: «Мы согласились бы на любые договоры, которые вызовут столкновение между Японией и Соединенными Штатами». В этих дипломатических директивах неприкрыто ведется речь о «Японско-Американской войне, возникновение которой мы бы охотно увидели». М. Никитин описывает позицию Москвы следующими словами: «Советский Союз, со своей стороны, был заинтересован в отвлечении внимания Англии и США от европейских проблем и в нейтралитете Японии в период разгрома Германии и “освобождения” Европы от капитализма».⁵

19 августа 1939 г. Сталин на неожиданно созванном секретном заседании Политбюро ЦК, в котором участвовали и члены русской секции Коммунистического Интернационала, провозгласил в программной речи, что теперь настало время поднести фитиль военного пожара и к европейской пороховой бочке. Сталин прямо заявил: «если мы примем предложение Германии о заключении пакта о ненападении с ними», то следует исходить из того, что «они, естественно, нападут на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным». Вызванные этим «серьезные волнения и беспорядки» привели бы, как он заявил, к дестабилизации Западной Европы без того, чтобы «мы», Советский Союз, были бы сразу же втянуты в конфликт. И он сделал перед своими ближайшими товарищами вывод, провозглашенный еще в 1925 г.: что тем самым «мы можем надеяться на выгодное для нас вступление в войну». На взгляд Сталина, теперь появилось «широкое поле деятельности для развертывания мировой революции», иными словами — для никогда не отбрасывавшейся цели советизации Европы и для установления большевистского господства. И он закончил призывом: «Товарищи! В интересах СССР, родины трудящихся, вперед, к началу войны между Рейхом и капиталистическим англо-французским блоком». В качестве первого этапа установления имперского господства Сталин охарактеризовал большевизацию Германии и Западной Европы. Через четыре дня после этой тайной речи, 23 августа 1939 г., между представителями правительства Рейха и правительства СССР был заключен пакт о ненападении с

важным секретным дополнительным протоколом.

Подлинность этой речи Сталина от 19 августа 1939 г., которая была передана французскому агентству «Гавас» из Москвы через Женеву «абсолютно надежным источником» и уже в 1939 г. опубликована в томе 17 «Revue de Droit International», до сих пор оспаривается сталинистской пропагандой и ее поклонниками с чрезвычайно примечательной ревностью.⁶ Тем временем, уже то обстоятельство, что лично Сталин счел нужным еще 30 ноября 1939 г.⁷ опубликовать в партийном органе «Правда» опровергающее интервью под вводящим в заблуждение заголовком «О лживом сообщении агентства Гавас», показывает, в какой мере он ощутил себя разоблаченным. Ведь сам Сталин шел на личные интервью лишь в чрезвычайных случаях.

Как показывает Виктор Суворов, 50 лет официальный Советский Союз, члены ЦК, маршалы, генералы, профессора, академики, историки, идеологи, используя все свое остроумие, с подлинной страстью стремились доказать, что в этот день 19 августа вообще не было заседания Политбюро ЦК. А затем 16 января 1993 г. все это лживое построение рухнуло в один день, когда профессор Волкогонов, биограф Сталина, подтвердил в «Известиях», «что заседание в этот день проводилось и что он сам держал в руках протоколы».⁸

Историк Т.С. Бушуева в рамках научной оценки книг Виктора Суворова, разошедшихся миллионными тиражами, в декабрьском номере журнала «Новый мир» за 1994 г. впервые представила и российской публике дословный текст речи Сталина, записанный, видимо, одним из членов Коминтерна, обнаруженный ею в секретном фонде бывшего спецархива СССР и сам по себе давно известный.⁹ Эта эпохальная сталинская речь вошла в сборник материалов конференции общества «Мемориал», проведенной 16 апреля 1995 г. в Новосибирске, и была детально проанализирована и прокомментирована историками Т.С. Бушуевой и И.В. Павловой, а также профессором В.Л. Дорошенко. «Вопрос состоит в том, — писала госпожа д-р Павлова автору 7 августа 1996 г., — готовил ли Сталин наступательную войну, выступал ли он с соответствующей речью 19 августа 1939 г. ... Изучение протоколов Политбюро за 1939-41 гг. дает мне дополнительные основания для утвердительного ответа на этот вопрос.» «Анализ показал, — так подытожил результаты своего исследования и профессор Дорошенко, — что текст, несмотря на все возможные искажения, принадлежит Сталину и должен быть оценен как одно из основополагающих свидетельств истории Второй мировой войны.»¹⁰ О том, что Сталин, как установлено, изобличается тем самым в качестве один из основных поджигателей войны, последовательно свидетельствуют все дальнейшие факты и весь ход событий.¹¹ Согласно Виктору Суворову, 19 августа 1939 г. было днем, когда Сталин начал Вторую мировую войну (в том числе и путем неожиданного удара по японской 6-й армии на Халхин-Голе, приказ о котором он отдал в тот же день). Профессор Лев Копелев сформулировал это 24 декабря 1994 г. иными словами, но не менее ясно: «В 1939 г. мировая война была продолжена гитлеровской и сталинской империями... в новых чудовищных масштабах».¹²

Российские историки теперь давно уже видят и непосредственную связь между 23 августа 1939 г. и 22 июня 1941 г. Пактом с Гитлером от 23 августа 1939 г. Сталин достиг своей первой цели и, как вспоминает маршал Советского Союза Жуков, «был убежден, что он, опираясь на пакт, обведет Гитлера вокруг пальца». «Ну, для начала мы обманули Гитлера», — таково было мнение Сталина, согласно Никите Хрущеву.¹³ Пакт от 23 августа 1939 г. воодушевил Гитлера напасть на Польшу и в результате, как ожидалось, вызвать европейскую войну, в которой Советский Союз с 17 сентября 1939 г. участвовал как агрессор, правда, не навлекший на себя объявления войны со стороны западных держав. «Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше, — так говорил ответственный руководитель советской политики, председатель Совета Народных Комиссаров Молотов, выступая 31 октября 1939 г. перед Верховным Советом, — со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения польских национальностей.»¹⁴ По настоятельному желанию Сталина, не должно было остаться даже следов государственного существования Польши.

В результате агрессивных войн против Польши и Финляндии, шантажистской аннексии суверенных республик — Эстонии, Латвии и Литвы и угрозы войны против Румынии Советский Союз после договоров с Гитлером смог увеличить свою территорию на 426000 кв. км, что примерно соответствовало площади Германского рейха в 1919 г. Тем самым Сталин разрушил государственные барьеры на своей западной границе, которые защищали и его, и значительно улучшил свою базу для агрессии против Запада. Теперь ему был нужен только следующий шаг, и предпосылки для этого были благоприятны. Ведь политико-стратегическое положение Германии, несмотря на ее первоначальные успехи, расценивалось в Москве как критическое. Финал в войне с Англией все больше отодвигался вдале. А за Великобританией с растущей решимостью стояли США. Вооруженные силы Германии были теперь распылены по всей Европе и скованы противостоянием с Великобританией на фронте от Норвегии до Пиреней. С другой стороны, в Москве

очень хорошо знали о неспособности Германии выдержать долгую войну в экономическом плане. А как уязвим был Германский рейх уже в отношении возможности отрезать его от жизненно важных поставок нефти из Румынии! Детальный анализ экономического и военного положения Рейха породил в Москве убеждение, что Германия будет все больше впадать в безнадежную слабость. То, что «советское руководство испытывало страх перед Германией и ее вооруженными силами», является, согласно М. Никитину, дезинформацией со стороны просталинской историографии.¹⁵

В этой ситуации конца 1940 года, когда военная ситуация Германии и ее «партнера по оси» Италии все более усложнялась, Сталин через Молотова передал в Берлин 12-13 ноября 1940 г. требования, которые сводились к распространению советской «сферы влияния» на Болгарию, Румынию, Венгрию, Югославию и Грецию, то есть на всю Юго-Восточную Европу, а на севере — на Финляндию, с которой ведь только в марте этого года был торжественно заключен мирный договор. Был затронут даже так называемый «шведский вопрос». Иными словами, Советский Союз теперь претендовал на господствующую позицию во всей Восточной Европе и в бассейне Балтийского моря, требуя, кроме того, создания баз у черноморских проливов и свободы передвижения по балтийским проливам (Большой Бельт, Малый Бельт, Зунд, Каттегат, Скагеррак), так что Рейх, борющийся за существование, оказывался словно в клещах с севера и с юга.

Эти инсинуации, переданные в ужесточающейся военной обстановке, были столь вызывающими, что практически оставляли Германии только выбор — сдаться или сражаться. Речь шла о преднамеренной рассчитанной провокации, в которой представляет интерес в первую очередь психологический мотив, поскольку он позволяет понять, как уверенно и сильно должен был уже чувствовать себя Сталин к этому моменту. А именно, если бы он, как не раз сообщало немецкое посольство в Москве, действительно боялся Гитлера, то он едва ли стал бы провоцировать его таким способом, который, по оценке Эрнста Топича, был равносителен «Соммации» [от слова «Сомма»], едва скрываемому требованию капитулировать. Молотов в дни своей берлинской миссии постоянно и интенсивно обменивался телеграммами со Сталиным,¹⁶ из чего несомненно следует, что он действовал по прямым указаниям Сталина.

То, что с миссией Молотова действительно связывался вызов, следует и из заметок, которые уверенно записала перед своей смертью в 1964 г. Ванда Василевская, когда-то — председатель Союза польских патриотов (коммунистов).¹⁷ «Я вспоминаю, — писала госпожа Василевская, пользовавшаяся особой благосклонностью Сталина, — что мы, коммунисты, независимо от официальной позиции советского правительства, придерживались мнения, что это (дружеское отношение к Германии) является лишь тактикой советского правительства и что в действительности дела обстоят совершенно иначе. Ведь нельзя забывать, что для каждого из нас уже тогда было ясно: должна грянуть германско-советская война... Независимо от официальных заявлений мы считали, что грядет война, и мы ожидали ее день ото дня. Весной 1940 г. я в первый раз была в Москве у Сталина, и уже тогда (когда на восточной границе стояли целых шесть немецких дивизий) Сталин сказал мне, что рано или поздно будет война с немцами. Так что уже тогда я имела заверение высшего авторитета и подтверждение, что мы были правы, когда ожидали войны.» Показательно то, что Ванда Василевская сообщает о беседе в дни миссии Молотова, в конце 1940 г., с первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии Пономаренко, позднее — начальником центрального Штаба партизанского движения, слова которого она передает так: «Молотов был в Берлине. Он только что вернулся. Будет война. Она наверняка начнется весной 1941 г., но мы должны готовиться уже сейчас».

Конечно, чувство превосходства Сталина, нашедшее выражение в раскрытии его агрессивных намерений, было вполне обоснованным, стоит только бросить взгляд на поистине гигантское советское производство вооружений, которое в то время набирало полные обороты.¹⁸ Так, уже через полгода, ко дню начала войны 22 июня 1941 г., Красная Армия имела не менее 24000 танков, из них 1861 типов Т-34 и КВ (Клим Ворошилов), которым не было равных во всем мире и которых в 1940 г. было произведено 358, а в первом полугодии 1941 г. — уже 1503. Военно-воздушные силы Красной Армии только с 1938 г. получили в целом 23245 военных самолетов, в т. ч. 3719 машин новейшей конструкции. Далее, Красная Армия обладала 148000 орудий и гранатометов всех видов и систем. В состав Военно-Морского Красного Флота, наряду с множеством кораблей других типов, входила уже 291 подводная лодка (по российским данным — не менее 213)¹⁹ — исключительно наступательное оружие. Тем самым советская армия имела более крупную флотилию подводных лодок, чем все другие страны мира, и более чем вчетверо превосходила по числу подводных лодок ведущую морскую державу — Великобританию.

Что касается советских танковых войск, то они, по оценке компетентного эксперта, маршала бронетанковых войск Полубоярова, как по численности, так и по своему «техническому оснащению, своим организационным формам и своим боевым качествам» превосходили любые зарубежные силы.²⁰ Это касалось не только непревзойденного среднего танка Т-34 и тяжелого танка КВ, но и так называемых старых моделей — Т-26, БТ-7, Т-28 и Т-35, последние из которых — средний танк Т-28 и тяжелый танк Т-35 — почти по всем боевым качествам и техническим данным явно превосходили немецкие боевые танки

моделей III и IV. Да и массовый, произведенный в количестве около 9000 штук советский быстроходный танк БТ-7 еще превосходил немецкий стандартный танк Р III по вооружению, броне, мощности, скорости и радиусу действий.²¹ В отношении вооружения многих разновидностей танка III это относилось даже к легкому танку Т-26. Точно так же поступившие на вооружение с 1940 г. 3719 советских самолетов новейших моделей, истребители МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1, пикирующий бомбардировщик Пе-2 и штурмовик Ил-2, которых было произведено 2650 только за первое полугодие 1941 г., ни в чем не уступали сравнимым немецким моделям, превосходя их уже по своей скорости. Но и более старые советские модели отличались солидными характеристиками и, как известный истребитель Поликарпова И-16 «Рата» (Крыса), вполне могли представлять угрозу и для немецких бомбардировщиков уже в силу своей маневренности. Наконец, и артиллерия Красной Армии, включая многоствольную реактивную установку БМ-13, 76-миллиметровую дивизионную пушку, 122-миллиметровую гаубицу, 152-миллиметровую пушку-гаубицу, отчасти обладала качествами, вызывавшими изумление немецкого командования. Все эти выводы подтверждены и еще подкреплены новыми российскими исследованиями.

Численное и материальное превосходство войск Красной Армии 22 июня 1941 г. вытекает из простого сопоставления сил. Так, в ее состав уже 15 мая 1941 г., как докладывал Сталину Генеральный штаб, входили 303 дивизии, из которых к этому моменту 258 дивизий и 165 авиационных эскадр были сосредоточены для наступления против Германии, Финляндии и Румынии. Вопреки прежним утверждениям, все эти соединения в результате негласного пополнения резервистами уже почти достигли своего мобилизационного штатного состава.²² Однако число дивизий 303, о котором доложил Генеральный штаб Красной Армии Сталину 15 мая 1941 г., в результате шедшего всюду формирования новых соединений к началу войны еще более возросло, так что, например, к началу августа 1941 г. только германской и ее союзным армиям противостояли на фронте 330-350 дивизий,²³ что означает совокупную мощь Красной Армии на этот момент, по меньшей мере, в 375 дивизий. 3550 немецких танков и штурмовых орудий противостояли, по российским данным, 14000-15000 советских танков — число, которое, однако (при совокупном количестве 24000 танков), наверняка занижено, особенно если учесть, что из 92-х механизированных дивизий (по состоянию на 15 мая) целых 88 были развернуты у западной границы, а наряду с этим имелись также многочисленные самостоятельные танковые подразделения, например — в составе кавалерийских и стрелковых дивизий, что приблизительно означает в совокупности 22000 танков. Кроме того, 1700 немецких танков относились к совершенно недостаточным типам Р I и Р II, а также к легким чешским танкам Р 38, так что лишь 1850 немецких танков и штурмовых орудий были вообще в состоянии противостоять советскому противнику.

2500 готовым к бою немецким самолетам (по другим данным — 2121) из общего количества 23245 наличных советских машин противостояли, якобы, лишь 10000-13500 самолетов, которые, даже будучи машинами «старых» образцов, в критических ситуациях все же появлялись и доставляли хлопоты немецким Люфтваффе, как жаловался в своих дневниках сам рейхсминистр д-р Геббельс. А 7146 немецким артиллерийским стволам противостояли, по российским данным, 37000 из общего количества 148000 орудий и гранатометов, переданных советской военной промышленностью Красной Армии. Поскольку, не считая резервов Главного командования, уже 15 мая 1941 г. 248 из 303 наличных дивизий и 165 из 218 наличных авиационных эскадр были сконцентрированы «на западе», то и доля находящегося там оружия была, очевидно, больше. Но даже согласно приведенным цифрам, на стороне Красной Армии 22 июня 1941 г. имелось 5-6-кратное превосходство в танках, 5-6-кратное — в самолетах и 5-10-кратное, если не больше, превосходство в артиллерийских стволах. При этом необходимо учесть, что серийный выпуск современного оружия только начался и скачкообразное нарастание объема производства не только предусматривалось, но и, несмотря на огромные потери промышленных мощностей в результате выигрыша немцев в пространстве, действительно было достигнуто уже во второй половине 1941 г.

На материальной основе гигантского и все быстрее развивавшегося боевого вооружения Красная Армия разработала авантюрную военную теорию, односторонне приуроченную к идее нападения.²⁴ Для этой военной доктрины было характерно отсутствие понятий «агрессивной войны», а также «несправедливой войны», как только речь заходила о Советском Союзе как воюющей стороне. Уже Ленин провозгласил, что дело не в том, кто нападает первым, кто совершает первый выстрел, а в причинах войны, в ее целях и в классах, которые ее ведут.²⁵ Для Ленина и Сталина всякая агрессивная война Советского Союза против любой страны всегда заведомо являлась чисто оборонительной войной — и тем самым в любом случае справедливой и нравственной войной, в результате чего исчезало также различие между превентивным ударом и контрударом. Впрочем, советская военная теория исходила из предпосылки, что войны сегодня больше не объявляются, поскольку любая нападающая сторона имеет естественное стремление обеспечить себе преимущество момента внезапности. «Внезапность парализует, — говорится уже в Полевом уставе 1939 г., — поэтому все боевые действия должны совершаться при величайшей маскировке и с величайшей быстротой.» Внезапно, без настоящего объявления войны начались и советские

нападения на Польшу и Финляндию в 1939 г. В результате внезапного начала войны боевые действия должны были сразу же перенестись на территорию противника, и тем самым с начала военных действий должна была быть захвачена инициатива.

Имея в виду подготовку к нападению весной 1941 г., принципы советской военной доктрины можно обобщить в следующих тезисах:²⁶

1. РККА (Рабоче-Крестьянская Красная Армия) — это «наступательная армия», «самая наступательная из всех армий».

2. Война всегда и в любом случае будет вестись на вражеской территории и завершаться, при малых собственных жертвах, полным разгромом противника.

3. Пролетариат в стране противника является потенциальным союзником советской власти и будет поддерживать борьбу Красной Армии восстаниями в тылу вражеского войска.

4. Подготовка войны — это подготовка нападения, оборонительные меры служат исключительно обеспечению подготовки нападения и проведению наступательных операций на соседних направлениях.

5. Возможность вторжения вражеских вооруженных сил на территорию СССР исключена.

Как будет показано, все советские меры ориентировались на эти принципы. Впрочем, догма о непобедимости и «легкой победе» Красной Армии имела в 1941 г. силу закона и не подлежала теоретическому обсуждению. Отклонения от официального учения считались оппозицией против генеральной линии партии и, тем самым, Сталина и почти гарантированно имели для соответствующего лица смертоносные последствия.

О том, каким образом прививалось военным служащим Красной Армии и Военно-Морского Флота, красноармейцам и краснофлотцам, чувство непобедимости вооруженных сил Советского Союза, немцы получили после начала войны обширную информацию. Так, советский подполковник Генерального штаба Андрушат²⁷ (39-й стрелковый корпус), имевший возможность перебежать на немецкую сторону, уже 25 апреля 1941 г. сообщал о массированном пропагандистском воздействии, оставлявшем в войсках глубокие следы: «Политкомиссары постоянно подчеркивают, что война будет происходить на чужой территории, а никак не на своей... Советский Союз будет всегда побеждать, так как имеет в среде любого противника бесчисленных союзников... Исходя из докладов политкомиссаров, Красная Армия считает себя лучшей в мире. Поэтому, дескать, ее никто не сможет разбить. Царит чудовищная собственная переоценка». Советские офицеры вновь и вновь высказывались таким же образом и после начала войны. Например, майор Филиппов (29-й стрелковый корпус) сообщал 26 июня 1941 г. о царящем в войсках «мнении, что Красную Армию нельзя победить».²⁸ Это соответствовало тому, что выразили полковник Любимов и майор Михайлов (оба 49-я танковая дивизия) 4 августа 1941 г., когда говорили о «существующей в полном объеме убежденности», «что Красная Армия вооружена и подготовлена наилучшим образом и тем самым непобедима».²⁹ Майор Орнушков (11-я танковая дивизия) также был «твердо убежден в том, что русскую армию нельзя разбить».³⁰ Он заявил 6 августа 1941 г.: «Согласно развернутой для Красной Армии пропаганде, русский народ тоже мог питать величайшее доверие к своим вооруженным силам. Военная периодика, печать, кино и радио вновь и вновь подчеркивают гигантское развитие танковых и военно-воздушных сил». Подполковник Ляпин (1-я мотострелковая дивизия) сообщил 16 сентября 1941 г., как низко, напротив, расценивались боевые качества немецких танков.³¹

И все время подразумевалось то, что лейтенант Ильин (из штаба 964-го стрелкового полка 296-й стрелковой дивизии), охарактеризованный как необычайно интеллигентный человек, студент-филолог, метко подтвердил допрашивавшим его немцам 3 января 1942 г.: «В России вплоть до первых месяцев войны все еще твердо рассчитывали, что внутри Германии вспыхнут волнения».³² В отношении дальнейших перспектив Советского Союза генерал-майор Зеруленков, командир 51-й стрелковой дивизии, заявил 10 октября 1941 г., когда еще полным ходом шло немецкое наступление на Москву, что СССР уже зимой будет в состоянии сформировать 300-400 дивизий.³³ Это было подчеркнуто комиссаром (и фактически командиром) 176-й стрелковой дивизии Филевым, когда он 11 октября 1941 г. заявил: «Кроме того, Красная Армия была во всех отношениях сильнее немецкой с материальной и численной стороны... Силы Красной Армии еще неизмеримы».³⁴ А командующий 19-й армией генерал-лейтенант Лукин предостерегал недоверчивых немцев 14 декабря 1941 г., что советская промышленность в состоянии практически каждый день оснащать танковую бригаду с 60-ю танками современных типов Т-34 и КВ.³⁵

Приходится ли удивляться при таких господствующих настроениях, что генерал-майор Кирпичников (43-я стрелковая дивизия) говорил о «недооценке, даже полном игнорировании вражеских сил и возможностей»?³⁶ «Настроение в войсках в начале войны было очень хорошее», — говорил и посланный из Москвы инспектор 96-й стрелковой дивизии генерал-майор Гольцев 17 августа 1941 г.³⁷ Командующий 32-й армией, высокопоставленный партийный функционер, задним числом сообщал как свидетель в октябре 1941 г. об иллюзии, распространенной еще в первый день войны в Кремле и вообще в

Москве, что Красная Армия будет «сражаться только на земле противника», что «война будет вестись на чужой территории».³⁸ Уже 22 июня 1941 г. в Москве курсировали слухи о взятии войсками Красной Армии Варшавы, Кёнигсберга и Бухареста. Ожидалось, что сообщения, поступающие с фронта, могут быть только позитивными.

Сталин считал неизбежной схватку с Германией с весны 1940 г., и, сознавая растущую силу Красной Армии и ухудшение положения Рейха, он 5 мая 1941 г. использовал в качестве повода выпуск слушателей военных академий, чтобы провозгласить перед командованием армии и широкой военной аудиторией, что перед лицом достигнутого к тому времени превосходства советской армии теперь настал момент, излагая дословно, «от обороны перейти к военной политике наступательных действий». Какое значение имеет это выступление Сталина для вынашиваемых им агрессивных намерений, вытекает уже из того факта, что, вопреки обычной практике, его слова были скрыты от общественности и текст его речи исчез в центральных партийных архивах. Такие сталинские дезинформаторы, как пресловутый генерал Голиков и журналист Безыменский, давно ввели в обиход вводящие в заблуждение версии, проникшие в особенности в западногерманскую историографию и выдававшиеся здесь за доказательство, якобы, мирных намерений Сталина. Правда, в изменившихся политических условиях России после конца Советского Союза не удалось утаить, что наряду с оригинальной версией речи Сталина, хранящейся сейчас в так называемом Президентском архиве и по-прежнему недоступной, существует ее «краткая запись» в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории, при определенных предпосылках доступная интересующимся.

Наши прежние познания об агрессивных намерениях Сталина находят полное подтверждение уже и в этой краткой записи, что теперь побудило Безыменского представить свои старые версии вновь, в известной мере в обновленном облике. Нельзя понять иначе обстоятельную статью под названием «Что же сказал Сталин 5 мая 1941 года?»,³⁹ появившуюся в журнале «Новое время», ведь здесь в пространственных комментариях, обходя решающие пассажи высказываний Сталина, вновь утверждается, что тот заботился исключительно об обороне, а не о нападении и что противоположные интерпретации лишены всяких оснований. В Германии такие словоизлияния тотчас упали на благодатную почву. И за боннским историком Александром Фишером было оставлено право представить в юбилейной статье уважаемой «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» по случаю 50-й годовщины со дня нападения на Советский Союз версию Безыменского, вводящую в заблуждение, как последнее слово пришедшей в движение российской историографии. При этом, ввиду многочисленных доказательств, к данному моменту уже не могло быть сомнений относительно подлинного основного пункта сталинской речи. Военнопленные советские офицеры уже вскоре после начала войны достаточно единодушно проинформировали об этом немцев.

Теперь была предпринята попытка поставить под сомнение значимость и таких свидетельств при помощи взятого с потолка утверждения, что военнопленные не будут говорить правду на допросах. Но верно именно противоположное, и даже в советской военной историографии «показаниям военнопленных солдат, офицеров и генералов, а также перебежчиков» придавалось «существенное значение в качестве первичного источника».⁴⁰ Как советское, так и немецкое командование подтверждало правильность этого вывода. «Военнопленные являются важным источником для получения важных данных о враге», — говорится, например, в приказе командира советского 6-го стрелкового корпуса генерал-майора Алексева и бригадного комиссара Шуликова от 22 июля 1941 г.⁴¹ И совершенно аналогично — в приказе начальника штаба 21-й армии генерал-майора Гордова от 8 августа 1941 г.:⁴² «Пленных нужно рассматривать как основной источник сведений о враге». Как показал командир 27-го стрелкового корпуса генерал-майор Артеменко в сентябре 1941 г.,⁴³ «эти показания были самым главным материалом, который имелся о враге... Итак, немецкий военнопленный оставался единственным надежным информационным и разведывательным материалом. Многие операции начинались лишь затем, чтобы добыть пленных». Немецкий опыт был аналогичен. И в докладе отдела иностранных армий Восточного Генерального штаба сухопутных войск о разведслужбе от 6 мая 1943 г.⁴⁴ в Позене [ныне Познань, Польша] подчеркивалось, что «допросы пленных часто являются единственным и самым надежным средством, чтобы действительно выяснить суть дела». Поэтому тот, кто когда-либо производил сравнительное исследование протоколов допросов военнопленных, вновь и вновь поражается чрезвычайной содержательности этих документов.

Первое известное указание на содержание сталинского выступления находится в архивных документах от 17 июля 1941 г., когда командир 53-й стрелковой дивизии полковник Бартенев сообщил, что Сталин на банкете по случаю выпуска воспитанников военных академий в Кремле с ходу отверг тост одного генерал-майора за мирную политику и возразил: «Нет, военная политика!»⁴⁵ Шесть молодых офицеров из различных дивизий (8-я и 49-я танковые дивизии, 11-я, 32-я, 240-я мотострелковые дивизии, 290-я стрелковая дивизия) единодушно показали 20 июля 1941 г.: «На выпуске штабных офицеров из военного училища в мае сего года Сталин, в частности, сказал: “Хочет того Германия или нет, но война с

Германией будет».⁴⁶ О начальнике артиллерии 49-й танковой дивизии полковнике Любимове 6 августа 1941 г. говорится: «Пленный подтверждает прежние показания, что Сталин в начале мая на выпуске офицеров из военной академии сказал: “Война с Германией будет безусловно”».⁴⁷ Начальник оперативного отделения штаба 1-й мотострелковой дивизии подполковник Ляпин говорил 15 сентября 1941 г., что в офицерском корпусе «все рассчитывали на начало войны с Германией после того, как Сталин на приеме офицеров 1.5.41 г. в Кремле сказал, что они должны теперь постоянно рассчитывать на войну и очень хорошо готовиться к ней».⁴⁸ Хорошо информированный в целом командующий 32-й армией в октябре 1941 г. рассказывал о выступлении Сталина «незадолго до начала войны, по случаю приема выпускников военной академии», что тот подчеркнул большое техническое превосходство Красной Армии над «так называемым непобедимым германским Вермахтом» и заявил, что «неверно считать немецкую армию непобедимой. Из слов Сталина косвенно вытекало, что планировалось нападение на Германию». Кроме того, один из выпускников, старший лейтенант Курильский, 24 марта 1942 г. еще очень точно помнил речь Сталина, произнесенную 5 мая в 18:00 в зале заседаний Верховного Совета в Кремле, Москва, перед выпускниками военных академий.⁴⁹ Согласно ему, Сталин сказал: «Германский Вермахт не является непобедимым. Советская Россия имеет лучшие танки, самолеты и артиллерию, чем Германия, и в большем количестве. Поэтому мы рано или поздно будет воевать с германским Вермахтом». В поздний час Сталин поднял тост и, в частности, сказал: «Я пью именно в такое время, когда мы ведем военную политику». Хотя показания отличаются друг от друга в деталях, общим для них является одно: они уже не оставляют сомнений в подлинном смысле высказываний Сталина.

Узловые пункты сталинского выступления 5 мая 1941 г. находят подтверждение и в беседах, которые советник посольства Густав Хильгер вел 18 января 1943 г. с командующим 3-й гвардейской армией генерал-майором Крупенниковым, а 22 июля 1943 г. — с начальником артиллерии 30-й армии генерал-лейтенантом Мазановым. Крупенников,⁵⁰ который, как и Мазанов, сам не участвовал в мероприятии в Кремле, правда, считал, «что Сталин слишком осторожен, чтобы так открыто выдавать свои планы», но определенно заявил, «что Сталин годами систематически готовился к войне с Германией и развязал бы ее под подходящим предлогом не позднее весны 1942 г. ... Конечной целью Сталина является достижение мирового господства с помощью старых большевистских лозунгов об освобождении трудящихся». Напротив, Мазанов,⁵¹ как пишет Хильгер, проявил себя «в точности информированным о речи Сталина на банкете в Кремле 5.5.1941 г. Хотя сам он на мероприятии не присутствовал, он процитировал высказывание Сталина о необходимости подготовки к наступательной войне почти дословно и затем выразил собственное убеждение, что Сталин развязал бы войну с Германией осенью 1941 г.»

Итак, немцы были проинформированы довольно быстро. И уже 18 октября 1942 г. начальник отдела иностранных армий Востока в Генеральном штабе сухопутных войск, полковник Генерального штаба Гелен направил представителю министерства иностранных дел при Главном командовании сухопутных войск, ротмистру запаса фон Этцдорфу письмо,⁵² к которому приложил написанные независимо друг от друга сообщения трех военнопленных советских офицеров, которые «единодушно» утверждали, что Сталин 5 мая 1941 г. на банкете в Кремле «угрожал Германии войной». Гелен подытожил содержание этих сообщений следующим образом: «1). Призыв быть готовыми к войне с Германией. 2). Высказывания о подготовке Красной Армии к войне. 3). Эпоха мирной политики Советского Союза позади. Теперь необходимо расширение Советского Союза на запад силой оружия. Да здравствует активная наступательная политика Советского государства! 4). Начало войны предстоит в не столь отдаленном времени. 5). Высказывания о больших перспективах на победу Советского Союза в войне против Германии». Гелен добавил: «Одно из трех сообщений содержит примечательное высказывание, что существующий мирный договор с Германией “является лишь маскировкой и завесой, за которой можно работать открыто”». В другом источнике полковник Генерального штаба Гелен сослался на высказывания плененных советских офицеров, согласно которым Сталин в мае 1941 г. ковал планы против Германии и говорил перед кругом офицеров, что теперь или никогда есть возможность ликвидировать капитализм, а главным противником в этой борьбе будет Германия.

Однако тревожное содержание сталинского выступления давно стало известно и широкой публике — за счет публикаций советника посольства Хильгера⁵³ и британского корреспондента в Москве Александра Верта⁵⁴ в послевоенные годы. И нет никакого повода сомневаться в сообщениях этих авторов, поскольку речь идет о двух совершенно разных, не связанных друг с другом личностях, которые, исходя из различных соображений, все же в существенной мере пришли к согласию. Хильгер, как он писал, опросил трех попавших в плен высокопоставленных советских офицеров, участников мероприятия в Кремле, сообщения которых совпали почти дословно, хотя они не имели возможности договориться друг с другом. Согласно им, Сталин резко отрицательно отреагировал на тост начальника военной академии имени Фрунзе, генерал-лейтенанта Хозина за мирную политику и заявил, что теперь пора кончать с этим

оборонительным лозунгом, поскольку он устарел и с ним нельзя больше добыть ни пяди земли. Мол, Красная Армия должна привыкнуть к мысли, что эпоха мирной политики завершилась и настала эпоха насильственного расширения социалистического фронта. Кто не признаёт необходимости наступательных действий, тот обыватель или дурак. Согласно информации, поступившей к Верту после начала войны, Сталин заявил, что необходимо оттянуть войну с Германией до осени, поскольку для немецкого нападения тогда будет слишком поздно. Но, дескать, война с Германией «почти неизбежно» произойдет в 1942 г., причем в гораздо более благоприятных условиях. В зависимости от международной обстановки Красная Армия будет «либо ожидать немецкого нападения, либо должна захватить инициативу». Верт недвусмысленно подчеркивал, что вся его информация совпадала «в основных чертах, прежде всего в одном из важнейших пунктов» — в «убежденности Сталина, что война почти неизбежно разразится в 1942 г., причем русские должны по возможности захватить инициативу». Как будет показано, Сталин, очевидно, перенес сроки начала войны с 1942 г. на 1941 г.

Наконец, и биограф Сталина, генерал-полковник, профессор Волкогонов передал точными словами выступление Сталина, увенчавшееся «угрозами войны против Германии», тем самым уличив Безыменского во лжи и со своей стороны.⁵⁵ Согласно Волкогонову, Сталин был «на редкость откровенен и говорил многое из того, что составляло государственную тайну». Однако его язык развязала не столько искренность, сколько спиртное, согласно русской поговорке: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Ведь, как сообщают свидетели, «в поздний час» он уже был сильно выпивший. Волкогонов обобщил выступление 5 мая 1941 г. следующим образом: «“Вождь” дал ясно понять: война в будущем неизбежна. Нужно быть готовыми к “безусловному разгрому германского фашизма”». «Война будет вестись на территории противника, и победа должна быть достигнута малой кровью.» Однако выступление 5 мая 1941 г., в котором Сталин вскрыл свои агрессивные намерения, означало лишь продолжение речи «товарища Сталина» от 13 января 1941 г. перед высокими войсковыми командирами и еще одной речи от 8 января 1941 г. перед высокими офицерами ВВС; обе были произнесены в ЦК и уже выдавали совершенно аналогичные мысли. Из захваченного дневника погибшего под Лохвицей майора НКВД (соответствует званию генерал-майора) Мурата из штаба 21-й армии можно почерпнуть некоторые их узловых положения.⁵⁶ Согласно записям, Сталин говорил о «культурном противнике» (то есть, в соответствии с тогдашней терминологией руководства Красной Армии, о Германии) и о «наступательных операциях», которые могут начаться, если иметь двукратное превосходство. «Двойное превосходство есть закон, более сильное еще лучше, — говорил Сталин 13 января 1941 г. — Игра приближается к военным действиям.» «Если 5000 самолетов всё разрушат, то можно попытаться пойти через Карпаты.» Весной 1941 г. в центре советских планов не раз оказывались Балканы. И то, как приблизительно задумывались эти действия, вскоре раскрыл советский полпред в Белграде.⁵⁷ «СССР отреагирует лишь в подходящий момент, — говорилось в его докладе весной 1941 г. — Воюющие державы все больше расплывают свои силы. Поэтому СССР выступит против Германии неожиданно. При этом СССР пересечет Карпаты, что послужит сигналом к революции в Венгрии. Из Венгрии советские войска вторгнутся в Югославию, пробьются к Адриатическому морю и отрежут Балканы и Ближний Восток от Германии.»

Сталин и советское руководство во все большей мере получали донесения о «нежелании немецкого народа вести войну», о «дезертирстве в немецкой армии», о «пораженческих настроениях в Вермахте».⁵⁸ «Если Германия бросится в войну с СССР, — говорили, якобы, немецкие солдаты, — то она будет разбита.» И еще: «Мы не хотим воевать, мы хотим домой». С «нарастанием пролетарских течений в Германии», казалось, вызревает тот «революционный кризис», о котором, как передает атмосферу в Москве сталинский биограф Волкогонов, «писала печать, вещало радио, утверждали теоретики». Генерал-полковник Волкогонов ссылается на распространенную тогда в Москве книгу «Первый удар» Шпанова,⁵⁹ отражавшую царившее в целом в Советском Союзе мнение, что «после сокрушительного удара Красной Армии в фашистской Германии на второй день вспыхнет восстание против нацистского режима». Для советской теории показательно, что такой «сокрушительный удар» не предполагал, например, немецкого нападения, а мог быть нанесен в любое время по собственному усмотрению. Академик Варга, особый любимец Сталина, заявил в своем выступлении в Военно-политической академии имени В.И. Ленина 17 апреля 1941 г., что как только в результате войны возникнет «революционный кризис», а «буржуазная власть» будет ослаблена и «пролетариат захватит власть в свои руки», «то Советский Союз должен будет пойти и пойдет на помощь пролетарской революции в других странах». «Советский народ не забывает о своем интернациональном долге перед мировым пролетариатом и всеми трудящимися капиталистических стран», — провозгласила «Советская Украина» уже 21 января 1941 г.⁶⁰ Стремление раздуть «пожар мировой революции» сочеталось здесь, как мы еще убедимся в другом месте, с советской жадной завоеваний, прикрытой пропагандистским одеянием революционно-освободительной войны.

На этом фоне следует оценивать и выступление товарища Сталина на выпуске слушателей

академий Красной Армии в Кремле 5 мая 1941 г., как оно передано в упомянутой «Краткой записи».⁶¹ Подлинная цель рассуждений Сталина состояла в том, чтобы донести до выпускников и командного состава армии убежденность, что германский Вермахт не является непобедимым и может быть теперь разгромлен Красной Армией. Ведь та настолько изменилась за последние 3-4 года в отношении боевой техники танков, артиллерии и авиации, что вы, товарищи, «теперь вернетесь в ее ряды и не узнаете армии».

Решающим был не тот выделенный Безыменским пассаж сталинской речи (хотя и важный сам по себе), что «теперь наша армия насчитывает 300 дивизий», а то, что Сталин затем доверительно добавил⁶² и о чем умалчивает Безыменский, а именно, что «из общего количества дивизий 1/3 — механизированные дивизии» и «из 100 дивизий 2/3 танковые дивизии и 1/3 мотострелковые дивизии», которые по вооружению и оснащённости также уже соответствовали немецким танковым дивизиям. Тем самым многократное превосходство, которого требовал Сталин 13 января 1941 г., однозначно имелось в наличии в танковом секторе, имевшем решающее значение для наступательных операций. Красная Армия обладала громадной боевой мощью бронированных ударных сил, которая позволяла ей вести обширные наступательные операции. То, что позднее выявились изъяны, например, в отношении командования механизированных корпусов, не имело значения для решений, принятых до 22 июня 1941 г.

Аналогичным образом обстояло дело в области авиации. «Мы имеем, — говорил Сталин, — в достаточном количестве и производим в массовом порядке самолеты, достигающие скорости 600-650 километров в час. Это первоклассные самолеты. В случае войны эти самолеты будут задействованы в первую очередь.» Напротив, как сообщал Сталин, немецкая армия «не имеет ни в отношении танков, ни в отношении артиллерии, ни в отношении самолетов ничего особенного». «Германская армия утратила вкус к дальнейшему улучшению военной техники», «кроме того, в германской армии возникли хвастливость, самоуспокоенность, зазнайство. Военная теория не прогрессирует, военная техника отстает не только от нашей, но Германию начинает обгонять в отношении авиации даже Америка».

Безыменский утаивает важнейший фрагмент мероприятия в Кремле, который передан в «Краткой записи» и представляет собой необычайное событие. Когда один генерал-майор танковых войск в поздний час провозгласил на банкете тост за мирную сталинскую внешнюю политику, произошло нечто неожиданное. Сталин поднялся в третий раз, чтобы выговорить генералу за его благожелательные слова, — доказательство того, что тот затронул решающий вопрос. Сталин сказал:

«Разрешите внести поправку.

Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика — дело хорошее. Мы до поры, до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы.

А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению.

Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная».

Итак, военные угрозы Сталина в отношении Германии 5 мая 1941 г., о которых сообщали вышеупомянутые офицеры всех рангов, находят в «Краткой записи» недвусмысленное отражение, как, впрочем, и воля Сталина к ведению наступательной войны. Это подтверждается писателем В.В. Вишневым, который, как сообщил в 1995 г. Валерий Данилов, 13 мая 1941 г. «с солдатской прямоотой» записал в своем дневнике следующие слова о сталинском выступлении 5 мая 1941 г.: «Речь имеет громадное значение. Мы начинаем идеологическое и фактическое наступление... А я ясно вспоминаю прогноз о том, что мы начнем борьбу с Германией — мы поведем грандиозную борьбу против фашизма, против опасного воинственного соседа — во имя революционизации Европы, а также Азии. Грядет наш поход на запад, грядет возможность, о которой мы давно мечтали».⁶³ Поскольку западногерманская историография новейшей истории всегда утверждала, что нигде не просматривается политическая воля Сталина к нападению, то укажем на то, что имеются и другие доказательства. Александр Некрич, изучавший в последние годы в Москве личные документы ближайших доверенных лиц Сталина — Калинина, Жданова, Щербакова, Берии и других, обращает наше внимание на эти доказательства. Согласно ему, в Политбюро никогда не было ни малейшего сомнения в том, что Советский Союз в подходящий момент начнет наступательную войну против Германии. Политическую цель Советского Союза усматривали в этих кругах в сужении «капиталистического мира» и в расширении «зоны социализма», которая отождествлялась с СССР. В этой связи процитируем Жданова, члена Политбюро и председателя комитета по внешней политике Верховного Совета СССР. В ноябре 1940 г., когда Молотов донес свою «Соммацию» до Берлина, Жданов в секретной речи в Ленинграде перед избранной

аудиторией,⁶⁴ ссылаясь на Сталина, заявил цинично и с грубой откровенностью, что дело за тем, чтобы «расширить позиции социализма, как только для этого представится возможность». Он, в частности, сказал: «Последний год мы следовали этой практике и, как вы знаете, результатом было расширение социалистической территории Советского Союза... Всем вам понятно, по каким линиям должны продолжать развиваться дела в дальнейшем (Смех)... Наш нейтралитет необычен: мы не воюем и приобретаем некоторые территории (Смех в зале). Необходима сила, чтобы поддерживать этот нейтралитет... Мы должны быть достаточно сильны, чтобы защищать позиции социализма как дипломатическим, так и военным путем». Захватнические планы нашли почти неприкрытое выражение, когда Жданов призвал своих высокопоставленных слушателей «не терять ни дня, ни часа для усовершенствования боевой техники, военной организации и при этом учитывать опыт современного наступления всеми методами и средствами атаки». «Жданов говорил исключительно о наступательных действиях, — отмечает Александр Некрич, — и ни словом об оборонительной стратегии.»

20 мая 1941 г., через 15 дней после воинственного сталинского выступления перед выпускниками военных академий Красной Армии, в котором в понятной для всех форме он охарактеризовал Германию как врага, через 5 дней после того, как Сталин одобрил план Генерального штаба Красной Армии по ведению наступательной войны с Рейхом, о чем еще будет идти речь, Калинин, председатель Президиума Верховного Совета СССР и тем самым глава Советского государства, один из самых преданных сообщников Сталина, подписавший и приказ о расстреле 14700 польских офицеров и 11000 видных польских гражданских лиц, произнес секретную речь перед партийными и комсомольскими функционерами аппарата Верховного Совета.⁶⁵ В этой компрометирующей речи Калинин раскрыл некоторые основные идеи политики и стратегии Советского Союза.

Конечно, концепция сталинской доктрины 1925 года, сводящаяся к тому, чтобы в случае взаимного истощения сил капиталистических государств вступить в войну со свежими силами и в конце продиктовать собственные условия, в 1940 г. была поначалу перечеркнута. Однако, настраивал Калинин партийные кадры на новый курс своего повелителя, коммунисты должны заниматься не вопросами обеспечения мира, а «прежде всего интересоваться вопросом о том, какую выгоду может извлечь коммунистическая партия из событий, которые происходят только раз в 50 лет». Настоящие марксисты должны понимать, сказал буквально Калинин: «фундаментальная идея марксистского учения состоит в том, чтобы извлекать из чудовищных конфликтов, происходящих среди человечества, максимально возможную выгоду для коммунизма». Коммунисты, говорил Калинин, должны поэтому поощрять конфликты, «если имеется шанс на успех» и если они обещают особые преимущества и возможности. «Самый лучший путь для укрепления марксизма, — гласил вывод, — состоит в том, чтобы изучать военные вопросы, а еще лучше для него — сражаться с оружием в руках.» «Война — это очень опасное дело, сопряженное со страданиями, — добавил он затем, — но в момент, когда возможно распространение коммунизма, не следует упускать из вида войну.» Калинин выразил свое удовлетворение по поводу того, что Советскому Союзу удалось «немного расширить зону коммунизма, причем относительно малыми жертвами». И он добавил, что расширение зоны коммунизма должно быть продолжено, «даже если это потребует больших усилий». Основные положения речи Калинина были обобщены в тезисной форме начальником его секретариата Кретовым.⁶⁶ Так, тезис № 10 гласил: «Капиталистический мир, наполненный страшными ужасами, может быть уничтожен только раскаленной докрасна сталью священной революционной войны».

Весь дух этой речи главы государства от 20 мая 1941 г. был нацелен, согласно Александру Некричу, не на защиту страны, а на завоевания, на «усиление мощи коммунизма», которое, как выразился Калинин, «возможно, станет решающим для всего последующего хода исторических событий». Надо ли было выражать агрессивные намерения в атмосфере мая 1941 года более ясно, чем Калинин, воскликнувший в заключение «под бурные аплодисменты» аудитории: «Армия должна помнить: чем скорее начнется схватка, тем лучше!»? «Война начнется в тот момент, когда будет возможно распространить коммунизм», — повторил он 5 июня 1941 г. в докладе перед слушателями Военно-политической академии имени В.И. Ленина.⁶⁷

Наряду с другими членами Политбюро, например, с Щербаковым, в мае-июне 1941 г. вновь и вновь пропагандировал агрессивную сталинскую политику и Жданов. Так, в речи перед специалистами кино 15 мая 1941 г.⁶⁸ он призвал «воспитывать народ в духе активного, боевого, воинствующего наступления». «Если нам позволят обстоятельства, — открыто добавил он, — то мы еще дальше расширим фронт социализма.» Но расширение «фронта социализма» на запад, как отмечает Никитин, было возможно лишь после предварительного разгрома Германии. На возглавляемом Ждановым совещании Главного военного совета Красной Армии 7 июня 1941 г. на заданную Сталиным тему «Задачи политической пропаганды Красной Армии в ближайший период» Жданов вновь провозгласил со всей откровенностью: «Мы стали

сильнее. Мы может ставить перед собой более активные задачи. Войны против Польши и Финляндии не были оборонительными войнами. Мы уже встали на путь наступательной политики».⁶⁹

События 5 мая 1941 г. и, как будет показано, 15 мая 1941 г. находятся в неразрывной связи с речами Жданова и Калинина того периода. Ведь они безжалостно разоблачают, что Сталин заботился вовсе не о сохранении мира и укреплении Советского государства, как по-прежнему утверждает сталинистская пропаганда и апологетика, а что он прилагал все усилия в военном и политико-пропагандистском плане, чтобы развязать захватническую войну.

Примечания

1. Topitsch, 1993, *Stalins Krieg*, S. 39 f.
2. Nekrich, *Past Tense*, S. 14 ff. См. также: Дорошенко, Сталинская провокация.
3. Daschitschew, *Der Pakt der beiden Banditen*.
4. Hosoya, *The Japanese-Soviet Neutrality Pact*, S. 310 ff.
5. Никитин, Оценка советским руководством, с. 143.
6. Когда Карл Густав Штрём в газете «Вельт» 16.7.1996 г. опубликовал верное сообщение о содержании речи Сталина от 19.8.1939 г., международная сталинская апологетика тотчас ощутила вызов для себя. Слово взял один из ее глашатаев, профессор Габриель Городецкий, руководитель института Камминга (Cummins) по российской истории Тель-Авивского университета, который принадлежал также к организаторам конференции, проведенной 31 января — 3 февраля 1995 г. в Москве и преследовавшей целью спасти для современности оказавшуюся под угрозой сталинскую версию. Городецкий поместил на страницах «Вельт» 31.8.1996 г. контрстатью, в которой утверждал, что текст речи Сталина от 19.8.1939 г. — это фальшивка французских спецслужб, но с содержательной стороны тотчас запутался в таких противоречиях, что его аргументация разваливается сама собой. Ведь здесь он назвал точной датой изготовления французской фальшивки 23 декабря 1939 г., упустив при этом из вида, что Сталин опубликовал свое опровержение в «Правде» еще 30 ноября 1939 г., т. е. за 23 дня до этого, а потому текст сталинской речи должен был стать известным во Франции уже гораздо раньше. Другой серьезный недосмотр, подрывающий все доверие к Городецкому, состоит в том, что он утверждает, будто секретный дополнительный протокол вообще обсуждался лишь в конце сентября 1939 г., во время второго визита Риббентропа в Москву, хотя уже у Вернера Мазера (Maser, *Der Wortbruch*, S. 48 f.) напечатано факсимиле полного текста «Секретного Дополнительного Протокола» о территориальных аннексиях, подписанного Молотовым и Риббентропом в Москве 23.8.1939 г. Городецкий путает секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении от 23.8.1939 г. с секретным дополнительным протоколом к Договору о дружбе и границе от 28.9.1939 г., что для специалиста уже несколько странно и едва ли простительно. Какой дефицит доказательств испытывают сегодня сталинские апологеты и к каким методам они прибегают в своей растерянности, демонстрирует и Г.-Э. Фолькман (Volkmann), выступая в еженедельнике «Die Zeit» 3.6.1997 г. в качестве «научного руководителя Исследовательского центра Бундесвера по военной истории». В этой роли он начинает статью на целую страницу по поводу «легенды о превентивной войне» с нападок на бывшего генерального инспектора Бундесвера генерала Хайнца Треттнера, чтобы затем продемонстрировать, что сам он не знаком ни с достаточно многочисленными немецкими и советскими первоисточниками, ни с состоянием международных исследований. За скудостью аргументов он пытается доказать, что агрессию планировал Гитлер, что вообще уже не является предметом современных исследований. Наука, напротив, занимается захватнической войной, готовившейся Сталиным, которого Гитлер опередил в основном по случайности. Неквалифицированная статья Фолькмана вызывает вопрос, не предпринята ли и здесь попытка ввести в заблуждение по идеологическим мотивам или налицо просто незнание. Фолькмана, который по любому поводу умаляет роль ленинско-сталинской деспотии, характеризуют также Рюдигер Проске (Proske, *Wider den Mißbrauch der Geschichte*, S. 16, S. 34, S. 61) и профессор, доктор права Герхард Айзельт (Eiselt, *Die historisch-politische Auseinandersetzung*).
7. О лживом сообщении. — Текст сталинского опровержения из «Правды» за 30.11.1939 г. и некоторые другие документы я получил от господина д-ра Михаэля Гютербока (Güterbock; Берлин), которого я здесь сердечно благодарю.
8. Suworow, *Der Tag M*, S. 76 f.
9. Бушуева, «Проклиная — попробуйте понять...», с. 232-233.
10. Дорошенко, Сталинская провокация Второй мировой войны, с. 17.
11. Для автора опубликованное в сборнике материалов конференции в Новосибирске содержание речи Сталина, известное с 1939 г. и подтвержденное всем дальнейшим развитием, являлось открытием настолько мало, что он сначала даже колебался, следует ли распространять в Германии текст, присланный ему госпожой д-ром И.В. Павловой в мае 1995 г., как она, собственно, желала. То, что запоздало пущенная им в обращение речь Сталина вызвала затем в ФРГ настоящую сенсацию, явилось сюрпризом не в последнюю очередь потому, что тем самым выявилось, насколько же недостаточными должны быть познания о Сталине здесь в стране даже в заинтересованных кругах.
12. Kopelew, *Freie Dichter und Denker*.
13. Khrushchev's Secret Tapes, S. 44.
14. Известия, 1.11.1939.

15. Никитин, Оценка советским руководством, с. 128 и след.
16. Переписка В.М. Молотова с И.В. Сталиным.
17. Wasilewska, in: Archiwum Ruchu Robotniczego, S. 339-432.
18. Hoffmann, Die Sowjetunion bis zum Vorabend des deutschen Angriffs, S. 62 f., S. 75.
19. Kiršin, Die sowjetischen Streitkräfte.
20. Полубояров, Крепче брони.
21. Шлыков, И танки наши, с. 122.
22. Филиппов, О готовности Красной Армии, с. 16.
23. ВА-МА, RH 2/2092, 9.9.1943.
24. Иссерсон, Развитие теории, с. 60.
25. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 23, с. 189.
26. Hoffmann, Die Angriffsvorbereitungen der Sowjetunion 1941, S. 370 (рус.: Хоффман, Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год, с. 20-21); см. также: derselbe, Stalin wollte den Krieg, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 16.10.1986. А.Н. Мерцалов и Л.А. Мерцалова поместили в сталинистском «Военно-историческом журнале» (Виж), 1994, № 5, с. 84, публицистический выпад против автора «Подготовки Советского Союза к наступательной войне», основанный на политических симпатиях и антипатиях. Повторенный в книге «Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?» (Между двумя крайностями, с. 43 и след.) полемический выпад гвардии полковника, профессора д-ра А.Н. Мерцалова и профессора д-ра Л.А. Мерцаловой, объясняющийся пристрастием авторов и направленный в целом против научных выводов «Хоффмана — Гиллессена — Суворова», находит в ведущих статьях указанной книги достаточное опровержение. Супружеской чете Мерцаловых следовало бы настоятельно порекомендовать внимательное прочтение настоящей книги «Сталинская истребительная война». Как показывает Вольфганг Штраус (Strauss) в своей статье «Сталинская истребительная война против собственного народа» (Stalins Vernichtungskrieg gegen das eigene Volk), супружеская чета авторов А. и Л. Мерцаловых в своей работе «Сталинизм и война», М., 1998, похоже, действительно пришла к новым взглядам и выводам.
27. ВА-МА, RH 21-3/v. 437, 25.4.1941.
28. Ebenda, 26.6.1941.
29. ВА-МА, RH 21-1/472, 4.8.1941.
30. Ebenda, 6.8.1941.
31. ВА-МА, RH 24-8/127, 16.9.1941.
32. ВА-МА, RH 21-1/481, 3.1., 4.1.1942.
33. ВА-МА, RH 24-3/136, 10.10.1941.
34. ВА-МА, RH 21-1/473, 11.10.1941.
35. ВА-МА, R 6/77, 14.12.1941; Hoffmann, Die Kriegführung aus der Sicht der Sowjetunion, S. 734.
36. PAAA, Pol. XIII, Bd. 13, 30.9.1941.
37. ВА-МА, RH 24-48/200, 17.8.1941.
38. Имелся в виду С.Н. Жиленков, высокопоставленный функционер в московском партийном аппарате, в Красной Армии — сначала армейский комиссар, затем командующий 32-й армией, который под Вязьмой в октябре 1941 г. попал в немецкий плен, там, не будучи опознанным, являлся шофером в 252-й пехотной дивизии, пока не был разоблачен в мае 1942 г. Жиленков был в звании генерал-лейтенанта Власовской армии начальником Главного управления пропаганды КОНР, см.: ВА-МА, RH 21-3/782; Hoffmann, Die Geschichte der Wlassow-Armee, S. 360.
39. Безыменский, Что же сказал Сталин 5 мая 1941 года?
40. Kusnezowa, Selesnjow, Der politisch-moralische Zustand, S. 600.
41. ВА-МА, RW 2/v. 158, 22.7.1941.
42. Ebenda, 8.8.1941.
43. ВА-МА, RH 21-1/473, September 1941.
44. ВА-МА, RH 2/2092, 6.5.1943.
45. ВА-МА, RH 21-2/v. 648, 17.7.1941.
46. ВА-МА, RH 21-1/471, 20.7.1941.
47. ВА-МА, RH 21-1/472, 6.8.1941.
48. ВА-МА, RH 24-8/127, 15.9.1941.
49. ВА-МА, RH 21-2/708, 24.3.1942.
50. PAAA, Handakten Etdorf, Bd. 24, 18.1.1943.
51. Ebenda, 22.7.1943.
52. Ebenda, 18.10., 22.10.1942.
53. Hilger, Wir und der Kreml, S. 307 f.
54. Werth, Russia at War, S. 122 f.
55. Волкогонов, Триумф и трагедия, с. 55-57, 63-64, 117, 124-128, 136 и след., 154-155.
56. ВА-МА, RH 24-24, 335, 24.9.1941.
57. ВА-МА, RW 4/v. 889, СССР — действительный поджигатель войны и агрессор!
58. Hoffmann, Die Angriffsvorbereitungen der Sowjetunion, S. 372 f.
59. Хоффман, Подготовка Советского Союза к наступательной войне, с. 22.
60. Советская Украина, 21.1.1941.

61. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Москва, Краткая запись выступления тов. Сталина на выпуске слушателей академий Красной Армии в Кремле 5 мая 1941 г. (Семенов К.).
62. См. прим. 39.
63. Данилов, Готовил ли Генеральный Штаб..., с. 91.
64. Nekrich, Pariahs, Partners, Predators, S. 230 f.
65. Nekrich, A Wise Design, S. 2-7; derselbe, Pariahs, Partners, Predators, S. 231 f.
66. Ebenda, S. 233.
67. Никитин, Оценка советским руководством, с. 138.
68. Там же, с. 140.
69. Киселев, Упрямые факты начала войны, с. 78; Петров, О стратегическом развертывании, с. 68; Невежин, Выступление Сталина 5 мая 1941 г., с. 158.

Глава 2.

22 июня 1941 года.

Гитлер упреждает Сталина своим нападением

Сталин 5 мая 1941 г. официально потребовал идейно-пропагандистской переориентации Красной Армии на идею наступления и превознес большое превосходство Красной Армии, но не коснулся вопроса собственно оперативной подготовки наступательной войны против Германии, что перед аудиторией, собранной в Кремле, было и не вполне уместно. Однако военная подготовка давно началась. Так, Красная Армия, как вынужден признать Жуков, позднее — начальник Генерального штаба и маршал Советского Союза,¹ уже в 1940 г., то есть задолго до немецкого развертывания, начала занимать наступательные позиции в уязвимых фронтальных выступах под Белостоком и Львовом. Совещание высшего командования Красной Армии под председательством наркома обороны, маршала Советского Союза Тимошенко в декабре 1940 г. приняло решение вести будущую войну как наступательную. В январе 1941 г. двое крупных штабных маневров высшего командного состава Красной Армии, также под руководством наркома обороны и частично в присутствии Сталина и некоторых членов Политбюро,² дали первую информацию по ведению наступательной войны против Германии. Обыгрывалось, во-первых, наступление крупных советских сил с территории Прибалтики для захвата Восточной Пруссии и Кёнигсберга, во-вторых — наступление подавляющих сил из района Бреста через Карпаты в юго-западном ударном направлении для захвата Южной Польши, Словакии и Венгрии. Показательно, что как советская военная историография, так и мемуарная литература либо вообще не касаются этих стратегических плановых игр, проведенных 2-6 и 8-11 января 1941 г., либо затрагивают их лишь вскользь,³ что может быть расценено как указание на то, что на первом плане этих мероприятий находились не оборонительные меры, а наступательные действия.

Затем, через 10 дней после изречения Сталиным своих военных угроз, 15 мая 1941 г. начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Жуков передал «председателю Совета Народных Комиссаров СССР товарищу Сталину» в присутствии наркома обороны маршала Тимошенко подписанный ими обоими план наступательной войны против Германии под безобидным названием: «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Заместитель начальника оперативного отдела Генерального штаба генерал-майор Василевский от руки переписал начисто этот документ, из-за строжайшей секретности подготовленный лишь в одном экземпляре, и лично передал его Жукову в кремлевской приемной Сталина. Первый заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Ватутин карандашом подчеркнул необходимые места и внес редакционную правку.

Этот план наступательной войны против Германии, который кандидат исторических наук, полковник Валерий Данилов,⁴ при содействии университетского доцента, д-ра Хайнца Магенгеймера⁵ из венской Академии национальной обороны, опубликовал в авторитетном журнале «Österreichische Militärische Zeitschrift» и подробно прокомментировал, представляет собой квинтэссенцию еще нескольких проектов, разработанных Генеральным штабом весной 1941 г. для нападения на Германию. Среди них назовем:

1) стратегический план развертывания Вооруженных Сил СССР на случай войны с Германией от 2 марта 1941 г.;

2) предусмотренный оперативный план на случай войны с Германией, на который ссылался документ от 15 мая 1941 г.;

3) уточненный план развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке от 11 марта 1941 г., который, согласно генерал-полковнику Волкогонову,⁶ также был подготовлен при участии генерал-майора Василевского и представлен Сталину маршалом Тимошенко и генералом армии Жуковым.

Данилов цитирует краткое так называемое «наступательное кредо» из плана Генерального штаба от 15 мая 1941 г., которое идентично по содержанию одноименному (без текстуального добавления «на случай войны с Германией и ее союзниками») документу от 15 мая 1941 г., опубликованному Волкогоновым; правда, если следовать Волкогонову, речь шла лишь о записке Жукова Сталину, то есть, возможно, о кратком ориентирующем сопроводительном письме. Во всяком случае, «наступательное кредо» плана Генерального штаба от 15 мая 1941 г. совпадает по содержанию с «Соображениями по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза», которые в сокращенном виде опубликовал полковник Карпов в журнале «Коммунист Вооруженных Сил» в 1990 г. и которые в 1991 г. были представлены как наступательный план Жукова в еженедельнике «Шпигель» с многозначительным подзаголовком: «Как начальник Генерального штаба СССР в мае 1941 г. хотел опередить Гитлера».⁷

Заслуга полковника Данилова состоит в том, что он полностью опубликовал и обстоятельно прокомментировал советский наступательный план, представив при этом очень доказательные детали военных приготовлений. План Генерального штаба от 15 мая 1941 г. впитал основы сталинского выступления перед выпускниками военных академий и средствами Генштаба практически превратил высказывания от 5 мая 1941 г. в руководство к оперативным действиям. Составление этого наступательного плана и его презентация 15 мая 1941 г. автору требования о том, что теперь необходимо «перейти к военной политике наступательных действий», означали в высшей степени официальный шаг Генерального штаба Красной Армии, который в условиях сталинского режима мог быть предпринят только по указанию самого Сталина. Данилов с полным правом подчеркивает, «что оперативные документы такой важности» могли составляться «исключительно по указанию Сталина, на основе выдвинутых им военно-стратегических концепций». Любая собственная инициатива в вопросах такой значимости была исключена, поскольку она могла быть истолкована как групповой протест против «линии партии», то есть против Сталина, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Разумеется, это тем более относилось к наркому обороны и начальнику Генштаба, и именно Жуков, вспоминая о «Большой чистке», однажды разъяснил, что означало бы оппонировать линии Сталина и ковать самовольные планы.

Сталин не любил подписывать документы судьбоносного содержания. Но сам генерал-полковник Волкогонов не оставил сомнений в том, что Сталин принял к сведению план Генерального штаба от 15 мая 1941 г., и 29 июня 1990 г. заявил в Исследовательском центре по военной истории во Фрайбурге, что Сталин снабдил его своей «монограммой».⁸ Согласно Александру Некричу, «Сталин желал осуществления плана, но не хотел пачкать собственных рук».⁹ Но ведь так Сталин действовал в решающих вопросах всегда. Кроме того, в «Президентском архиве» (бывшем архиве Политбюро ЦК) в Москве был обнаружен необычный документ — текст интервью, подготовленного 20 августа 1965 г. маршалом Василевским, с одобрительной пометкой Жукова, из которого вытекает, «что Сталин полностью одобрил важнейшие тезисы “Соображений”». Тимошенко и Жуков должны были получить согласие Сталина, так как они немедленно приступили к реализации плана, осуществив, как считает и Валерий Данилов, «широкомасштабную подготовку» к наступательной войне с Германией.

Наконец, даже генерал-полковник Горьков в своем предисловии к интервью маршала Василевского уже не может не признать, что наступательный план Генерального штаба Красной Армии очень быстро, в течение 9 дней, 24 мая 1941 г. стал предметом обсуждения совещания на уровне высшего руководства в присутствии Сталина.¹⁰ То, что это совещание в Кремле действительно являлось мероприятием первого ранга, показывает и участие первого заместителя председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел Молотова, а также Тимошенко, Жукова, Ватутина, начальника Главного управления ВВС Красной Армии Жигарева, далее командующих войсками пяти приграничных военных округов, генералов Попова, Кузнецова, Павлова, Кирпоноса, Черевиченко, членов их Военных советов и других ведущих офицеров их структур.¹¹

На основе детальных исследований полковник Киселев приходит к выводу, что Сталин, хотя он прямо не одобрил наступательный план от 15 мая 1941 г. (что было в его духе), все же принял его.¹² «Одно из важнейших указаний на справедливость этого предположения состоит в том, — отмечает он, — что меры, о которых ходатайствовало верховное командование в документе от 15 мая, и были осуществлены.» «Перечисленные в “Соображениях по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза” от 15 мая 1941 г. меры, — как подытоживает Киселев, — начали претворяться в жизнь, что без разрешения политического руководства, т. е. Сталина, не было бы возможно.» Михаил Мельтюхов воспринял эти результаты исследования и защитил их от искажающей идеологической критики.¹³ «Поэтому невозможно, — пишет он, — не согласиться с В. Киселевым и В. Даниловым, что план от 15 мая был одобрен советским руководством, т. к., как сказано выше, предложенные в нем меры, насколько можно проследить, осуществлялись в мае-июне. Вследствие этого мнение В. Данилова, В. Киселева и Б. Петрова о том, что Красная Армия сформировала наступательную группировку, представляется вполне

обоснованным.»

Аргумент, выдвинутый генерал-полковником Горьковым¹⁴ и другими сталинскими апологетами, что наступательный план Генерального штаба Красной Армии от 15 мая 1941 г. следует расценивать как «оборонительный», поскольку не существовало дополнительного политического плана по оккупации занимаемых территорий, также лишен всякого основания. Так, например, возражает против него компетентный американский историк, профессор Ричард К. Раак:¹⁵ «Где-то, на каком-то уровне должно было вестись и другое планирование, касающееся определенных политических результатов от успешного вторжения в соответствии с планом, о котором сообщил Горьков». Для Раака «отсутствие дополнительного советского планирования немыслимо», и, как подчеркивает также Виктор Суворов, то обстоятельство, что подобный план не найден, не является контраргументом, поскольку в Москве, как учит и Катынское дело, всегда находят лишь те документы, которые там как раз желают найти. Ведь в конечном итоге, с 1939 г., удалось аннексировать почти с ходу и огромные территории Польши, Финляндии, прибалтийских республик и Румынии.

Суворов разъясняет, что подготовка Красной Армии к «освободительным походам» 1939 и 1941 гг. протекала по одной и той же схеме.¹⁶ Как уже было в 1939 г., так и в связи с запланированной «освободительной войной» 1941 года, с целью осуществления советизации при Военных советах из избранных высоких партийных функционеров создавались группы особого назначения (осназ), существование которых позднее замалчивалось. Однако из официальной работы Института военной истории о 18-й армии, которая прошла сквозь все цензурные органы, можно почерпнуть, что, наряду с другими партийными функционерами, перед началом войны такой группе осназа был придан и будущий генеральный секретарь Брежнев. Ведь на странице 11 этой работы можно прочесть: «До середины сентября 1941 г. Леонид Ильич принадлежит к группе особого назначения при Военном совете Южного фронта».¹⁷ Суворов видит в этом вынужденное признание того, что в 1941 г. готовилась большевизация оккупируемых территорий и что, наряду с наступательным планом Генерального штаба Красной Армии от 15 мая 1941 г., должны были существовать и соответствующие политические планы.

В чем же состояли детали плана Генерального штаба? Вышеупомянутое краткое «наступательное кредо» гласило следующее:

«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить (это слово Ватутин подчеркнул дважды) нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это и разбить немецкую армию (последнее зачеркнуто), считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить (слово дважды подчеркнуто Ватутиным) противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Как заметил внимательный наблюдатель Пурре (Poutray), если Генеральный штаб опасался, что немцы могут «упредить» Красную Армию, то на русской стороне уже должно было начаться нечто, что вообще могли опередить немцы.

Первой стратегической целью, согласно плану Генерального штаба, был разгром главных сил немецкой армии южнее линии Брест — Демблин и выход к 30-му дню на рубеж Остроленка — р. Нарев — Лодзь — Крейцбург — Оппельн [ныне соответственно Ключборк и Ополе, Польша] — Ольмюц [ныне Оломоуц, Чехия]. Последующей стратегической целью было наступление из района Катовице в северном или северо-западном направлении, чтобы разгромить также силы левого немецкого крыла и овладеть территорией всей Польши и Восточной Пруссии. Главный удар должен был наноситься силами Юго-Западного фронта из Львовского выступа, чтобы отрезать немецкую армию от ее южных союзников. Одновременно было запланировано окружить и разбить немецкую группировку в районе Люблин — Радом правым крылом Юго-Западного фронта во взаимодействии с левым крылом Западного фронта, наступающим из Белостокского выступа в направлении Варшава — Демблин. Против Финляндии и Восточной Пруссии — очевидно, результат январских штабных маневров, — как и против Румынии и Венгрии, должна была сначала вестись активная оборона, а затем должно было последовать наступление на юге из районов Черновиц и Кишинева против Румынии для занятия Ясс и разгрома левого крыла румынской армии.

В одном узловом пункте план Генерального штаба от 15 мая 1941 г. означал отход от прежней доктрины: намечалось уже не ответить на вражеское нападение уничтожающим ударом, а Красная Армия должна была уничтожающим ударом упредить вражеское нападение, которое, правда, в этот момент было еще чисто гипотетическим, так как бронированные ударные силы германской Восточной армии вообще стали развертываться у восточной границы лишь с 3 июня 1941 г. Поскольку этот мощный уничтожающий удар был предназначен для того, чтобы положить начало «военной политике наступательных действий»,

которую 5 мая 1941 г. потребовал проводить Сталин, и, как признал Калинин 20 мая 1941 г., речь в действительности шла о политических целях, о «распространении зоны коммунизма», то есть о распространении власти Советского Союза, то здесь готовилась чисто агрессивная и захватническая война, а не превентивная война, подобно тому, как агрессивную войну планировал Гитлер, хотя и по другим мотивам.

Это справедливо независимо от того, что в качестве предлога было использовано немецкое развертывание и при этом также оказалось необходимым временно прикрыть подготовку к нападению, стягивание и развертывание частей Красной Армии местной обороной. Успех запланированного широкомасштабного и внезапного наступления против войск Вермахта предполагал принятие некоторых мер, на которых настаивал Генеральный штаб Красной Армии 15 мая 1941 г.

1. Под видом учений солдат Красной Армии нужно было произвести скрытое от мобилизации войск.

2. Под видом выхода в лагерь нужно было произвести сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования.

3. Авиация должна была скрытно сосредоточиться на полевых аэродромах, и сразу же следовало начать развертывание авиационного тыла.

4. Далее, под видом учебных сборов и тыловых учений должны были быть развернуты и тыловые службы.

Эти требования в существенных чертах соответствовали новым оперативным и тактическим принципам Красной Армии, на которые своевременно обратили внимание и немцы. С весны 1941 г. немецкая сторона зарегистрировала в советской военной литературе «далеко идущие исследования» о «начальной фазе современной войны». Все эти исследования, как говорится в сводке командования немецкой 18-й армии от 15 апреля 1941 г.,¹⁸ приводили к выводу, что современные войны будут начинаться «с “вползания” в войну, без официального объявления войны, при постепенной и — вплоть до окончательного начала военных действий — замаскированной мобилизации». Моторизованные силы и кавалерия должны были сосредотачиваться в «учебных военных лагерях и при маневрах» и «в кратчайшее время использоваться в качестве армии вторжения». Цель «внезапного развязывания войны» — «перенести военные действия на территорию противника и с самого начала кампании захватить инициативу». Встает вопрос, в какой степени эти требования находились еще в стадии реализации или уже были выполнены к 22 июня 1941 г.

Что касается скрытой мобилизации, то войска западных приграничных военных округов получили приказ Генерального штаба Красной Армии: к июню 1941 г. достичь полной мобилизационной готовности в соответствии с новым мобилизационным планом «МП-1941 года».¹⁹ В качестве сроков можно установить для всех частей и подразделений Западного особого военного округа 15 июня 1941 г., для Прибалтийского особого военного округа — 20 июня 1941 г. Мобилизация войск в соответствии со сроками, установленными схемой развертывания, должна была быть подготовлена «до мелочей». Генеральный штаб, видимо, хотел сделать в июне «решительный шаг вперед» и провести также всеобщую мобилизацию. Тем временем Сталин 14 июня 1941 г. отверг соответствующее предложение Тимошенко и Жукова, так как мобилизация, по тогдашним представлениям, автоматически повлекла бы за собой начало военных действий, которые, однако, должны были начаться неожиданным ударом в избранный самой нападающей стороной момент. Но и предпринятые меры, как недавно показал полковник Филиппов, являлись уже настолько действенными, что надобность в проведении мобилизации вообще отпала.²⁰ В мае 1941 г. Сталин приказал призвать еще 800000 резервистов, так что наготове стояли уже около 300 дивизий, недоукомплектованных до боевой численности лишь на 2500 человек каждая. Правда, стоящие за этим намерения своевременно раскрыло и немецкое командование,²¹ расценив нарастающий призыв специалистов и привлечение всех резервистов определенных лет как целенаправленное усиление Красной Армии без его «внешнего проявления в целях маскировки». «В результате этих мер, — гласил вывод, — при определенных условиях больше не потребуется открытой всеобщей мобилизации.»

Как и секретная мобилизация, тайное стягивание войск под видом учебных сборов также было в основном завершено. Система «децентрализованных лагерных учений» расценивалась советской историографией именно как доказательство мнимых миролюбивых намерений Советского Союза. Но в действительности Генеральный штаб по указанию Сталина уже 13 мая 1941 г. в строжайшей тайне направил из глубины страны в приграничные районы еще четыре армии, за которыми в июне последовали другие армии. Речь шла о 16-й, 19-й, 20-й, 21-й, 22-й, 24-й, 28-й, то есть в целом о семи армиях, а также о 21-м и 23-м механизированных корпусах и о 41-м стрелковом корпусе. Эта мощная передислокация войск происходила под прикрытием опровержений, инспирированных Сталиным. Так, агентство ТАСС 15 мая 1941 г. выступило против слухов о сильной концентрации войск с прямо-таки обезоруживающим

утверждением, что в целях лучшего размещения была передислоцирована из Иркутска в Новосибирск одна-единственная дивизия.²² 13 июня 1941 г. ТАСС назвало слухи о подготовке войны с Германией «ложными и провокационными»; сборы запасных и предстоящие маневры служили, якобы, лишь «обучению» и «проверке работы железнодорожного аппарата». К этому моменту, согласно более поздним немецким выводам, уже «почти все наличные вооруженные силы СССР в итоге продолжавшегося месяцами перемещения были подтянуты из глубины России к германскому Восточному фронту». Иначе перед фронтом немецких войск едва ли и могли оказаться крупные соединения в количестве, которое, согласно докладу 4-й танковой группы о расположении противника от 10 августа 1941 г., составляло 330 советских дивизий, а по разведсводке 3-й танковой группы от 7 августа 1941 г. — даже 350.²³ Такое массированное сосредоточение войск должно было, по убеждению Генерального штаба сухопутных войск, начаться уже задолго до войны, тем более, если учесть «обширность территорий» и «сложные транспортные проблемы» Советского Союза.

Но то, «что Советский Союз подготовился к наступательной войне с Германским рейхом», вытекает и из характера расположения войск, собственно «оперативного построения», как настоятельно подчеркивает подписанный начальником отдела иностранных армий Востока Генерального штаба сухопутных войск, полковником Генерального штаба Геленом 9 сентября 1943 г. меморандум «Справка о русских агрессивных намерениях против Германии (готовность к войне личного состава и развертывание)».²⁴ Так, крупные силы, особенно «мобильные», то есть механизированные, моторизованные и кавалерийские соединения, были сосредоточены преимущественно в глубоко вдававшихся в германскую территорию фронтальных выступах под Белостоком и Львовом. «Оба эти плацдарма, — гласит меморандум, — позволяют ясно распознать намерение — путем стремительного наступления в общем направлении на Литцманштадт (Лодзь) окружить и уничтожить немецкие силы, находящиеся в выдвинутой части генерал-губернаторства [Польша], и при благоприятном развитии ситуации на севере путем удара в направлении Эльбинга [ныне Эльблонг, Польша] отрезать Восточную Пруссию от Рейха.» При этом полные масштабы плана Генерального штаба от 15 мая 1941 г. здесь не были верно разгаданы даже отдаленно. Показательно также, что такая «оперативная конфигурация» сохранялась, несмотря на уверенность в немецком нападении, хотя, как признавал после войны и маршал Жуков, расставленные таким способом войска тотчас оказывались под угрозой глубокого охвата, окружения и уничтожения. Согласно генерал-майору Григоренко, это могло бы оправданно только в одном случае, «а именно, если эти войска предназначались для того, чтобы внезапно перейти в наступление. Ведь иначе они были бы сразу же наполовину окружены. Противнику было достаточно нанести только два встречных удара по основанию нашего клина, и окружение становилось полным».²⁵ Впрочем, захваченные немцами документы²⁶ подтверждают факт, констатированный полковником Филипповым, что еще до начала немецкого наступления, с 18 до 21 июня 1941 г. большинство советских дивизий было приведено в боевую готовность. Кроме того, с 14 июня 1941 г. действовал приказ, понятный лишь в случае предстоящих военных действий: перебазировать фронтовые штабы (вновь созданные из штабов военных округов мирного времени) на полевые командные пункты.

Секретная концентрация авиации, развертывание авиационного тыла и тыловых служб были также уже почти завершены к 22 июня 1941 г. Генеральный штаб Красной Армии сконцентрировал «в непосредственной близости от государственных границ самую мощную наступательную группировку авиации» за всю историю войны в воздухе и в этих целях с весны 1941 г. оборудовал в этой зоне плотную сеть оперативных аэродромов. Причем, что логично, в первую очередь во фронтальных выступах под Белостоком и Львовом, откуда, согласно плану Генерального штаба от 15 мая 1941 г., должны были последовать мощные неожиданные удары Западного и Юго-Западного фронтов. На карте, составленной штабом оперативного руководства германских Люфтваффе во время войны, массированное скопление советских аэродромов на намеченных основных ударных направлениях также предстает чрезвычайно впечатляюще.²⁷ Так, к западу от линии Вильно — Ковель были обнаружены не менее 142, а к западу от линии Луцк — Черновицы — не менее 260 советских аэродромов. Бросалось в глаза и скопление аэродромов в Прибалтике, а также возле Румынии. Впрочем, советские ВВС уже с 1937 до 1940 гг. подготовили точную документацию и описание целей по большому количеству немецких городов, по крайней мере, до линии Киль — Целле — Эрфурт²⁸ — для штаба оперативного руководства Люфтваффе это явилось «однозначным доказательством» методичной подготовки Красной Армии к войне еще в те годы.

Явные наступательные намерения выдавало и подтягивание всех материальных ресурсов вооруженных сил непосредственно к западной границе государства. Огромные склады с боеприпасами, оружием и материальной частью, горючим, продовольствием и другими предметами снабжения, со всеми мобилизационными запасами создавались, как отметил и полковник Данилов, практически в сфере

достижимости вражеского огня — наготове лежали даже железнодорожные рельсы.²⁹ Так, например, в одном Брест-Литовске в руки немцев попали 10 миллионов литров горючего — «несомненный признак наступательных планов», поскольку эта масса бензина была складирована непосредственно у границы, даже впереди развернувшихся частей 14-го механизированного корпуса.³⁰ «Все меры, — писал тогдашний начальник Управления связи наркомата обороны генерал-майор Гапич [Гопич?], основываясь на знании своей профессиональной сферы, — были направлены на создание и подготовку плацдармов, чтобы нанести удар по противнику и перенести войну на вражескую территорию.»³¹ По оценке Г.П. Пастуховского, все было подготовлено, «чтобы обеспечивать глубокие наступательные операции».³²

Далее, верным признаком широкомасштабных наступательных планов являлись карты, которыми были оснащены части Красной Армии. Немецким войскам в разных местах приграничной территории, а также в более глубоком тылу попал в руки картографический материал, сориентированный далеко на запад, вглубь германской территории, и столь же обильные материалы с информацией о Германии. Такие картографические находки были обнаружены в Кобрине, Дубно, Гродно и во многих других местах.³³ Еще в октябре 1941 г. 24-й танковый корпус захватил карту Литвы и Восточной Пруссии, «очевидно, оперативную разработку: наступление на Восточную Пруссию».³⁴ Как доложил 48-й танковый корпус уже 1 июля 1941 г.,³⁵ в крепости Дубно нашлись «карты, упакованные на случай войны и подготовленные для раздачи дивизиям. Речь идет исключительно о картах, относящихся к территории на запад от границы Рейха, вплоть до района Кракова... Обнаружено также большое количество учебных заданий для штабных офицеров и текстов докладов о Германии». В одном неназванном учебном военном лагере, как отмечено в докладе о действиях 28-го армейского корпуса от 16 июля 1941 г., были «обнаружены моб. карты Красной Армии, отображающие исключительно Южную Литву, бывшие польские территории и части Восточной Пруссии. Эти карты вновь подкрепляют намерение Красной Армии напасть на Германский рейх».³⁶

23 июля 1941 г. капитан Бондарь, начальник штаба 739-го стрелкового полка 213-й стрелковой дивизии, также показал, что «Красная Армия настраивалась совсем не на оборону, а на наступление на генерал-губернаторство».³⁷ Как и другим частям Красной Армии, его полку тоже были «уже розданы карты вплоть до Кракова». «Из-за неожиданного удара немцев все эти планы выброшены на свалку.» Такое оснащение Красной Армии картами действительно тем более подозрительно, что у советских войск сплошь и рядом недоставало военных карт, когда операции, вопреки ожиданиям, внезапно развернулись к востоку от германской границы, на собственной территории. Как показали надежные свидетели, например, полковник Любимов,³⁸ начальник артиллерии 49-й танковой дивизии и многолетний преподаватель тактики в Артиллерийской академии в Москве, полковник Ованов,³⁹ начальник штаба 46-й стрелковой дивизии, майор Кононов,⁴⁰ командир 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии, а также столь же сильный характером, как и умный сын Сталина, старший лейтенант Джугашвили⁴¹ из 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й бронетанковой дивизии, нехватка карт в частях была действительно настолько острой, что из-за этого серьезно затруднялось ведение боевых действий. Недавно умерший ординарный профессор истории Восточной Европы в Майнцком университете д-р Готхольд Роде (Rhode),⁴² в свое время переводчик и Sonderführer (К) в штабе 8-й пехотной дивизии, 23 июня 1941 г. обнаружил в здании штаба 3-й советской армии в Гродно, как он отметил в своем дневнике, «в одном помещении кипы карт Восточной Пруссии, прекрасно напечатанных, масштабом 1:50000, намного лучших, чем наши собственные карты. Была охвачена вся территория Восточной Пруссии». Для чего Красной Армии, спрашивал он тогда, «сразу сотни экземпляров карт соседней страны?» «Непонятным остается одно, — писал Роде в наши дни, — если Сталин не хотел начать собственную наступательную войну уже в конце лета 1941 г., то зачем же он так наполнил мешок у Белостока дивизиями, которых для обороны было намного больше необходимого? Или он просто хотел предстать как тот, которого атаковали, на кого напали и который смог быстро нанести ответный удар, и просчитался только при определении соотношения сил?»

О советских наступательных планах говорит и тот факт, что военные игры, штабные учения и т. п. были принципиально наступательными и носили атакующий характер. Даже в масштабе дивизий, как сообщает 1-й офицер для поручений из 87-й стрелковой дивизии старший лейтенант Филипенко, обучались «почти исключительно наступлению при поддержке артиллерии и бронемашин», а «обороне — только изредка, не более, чем силами роты».⁴³ 24 мая 1941 г. немецкая радиоразведка «несомненно» засекала на приграничной территории у Грудека учение с участием танковых частей «Нападение на страну N», под которой подразумевалась Германия.⁴⁴ Подполковник Ковалев,⁴⁵ в последний период — командир 223-й стрелковой дивизии и до мая слушатель военной академии в Москве, а также капитан Пугачев,⁴⁶ 1-й офицер для поручений при штабе 11-го механизированного корпуса, сообщили о плановых играх в рамках армий, которые, правда, затрагивали лишь правый фланг (Западный фронт) советского наступательного фронта, но, тем не менее, уже давали представление о масштабах глубокой операции в соответствии с планом Генерального штаба от 15 мая 1941 г. Согласно Ковалеву, в московской военной академии

проводились плановые игры по следующим «контрнаступлениям»: «От Ленинграда в направлении Хельсинки, с линии Гродно — Брест-Литовск в направлении Восточной Пруссии, на юге с Украины в направлении Варшава — Лодзь, с фланговым прикрытием Припятскими болотами и Карпатами». Еще более показательны данные Пугачева о плановой игре командующего Западным Особым военным округом с командующими армиями и командирами корпусов уже с 18 по 21 марта 1941 г.: «3-я армия имела задачу наступать через Августов на Сувалки. 4-я и 10-я армии имели задачу наступать на Варшаву и Лодзь. Эту задачу нужно было решить за 14 дней. Войска, размещенные в Литве, должны были удерживать границы с Восточной Пруссией и, когда южные армии выполнят перечисленные задачи, вступить в Восточную Пруссию». Как видно, основная идея плана Генерального штаба от 15 мая 1941 г. нашла свое отражение уже здесь.

Выдвижение главных сил Красной Армии к западу и государственной границе проводилось в строжайшей секретности, но его, конечно, нельзя было скрыть полностью. Немцам были неизвестны лишь подлинные масштабы того, что готовилось к востоку от германско-советской границы. Малополезную роль сыграло в этом отношении германское посольство в Москве, в особенности военный атташе генерал-лейтенант Кёстринг и военно-морской атташе капитан 1-го ранга фон Баумбах, которые оба проявили слабую информированность. Так, например, еще в марте 1941 г. Кёстринг считал специалиста по операциям с крупными танковыми соединениями генерала армии Жукова мало подходящим для поста «начальника Генерального штаба современной миллионной армии», поскольку полагал, что ему для этого «явно недостает умственных способностей» и он в остальном также проявил «относительно низкий уровень».⁴⁷ Баумбах писал в Берлин дезориентирующие доклады,⁴⁸ которые, видимо, побудили даже главнокомандующего ВМС гросс-адмирала, почетного д-ра Редера выступить перед Гитлером против Плана Барбаросса, так как он не мог усмотреть угрозы в Советском Союзе. Ведь Баумбах стремился внушить, что «военное отставание советских вооруженных сил от Германии» настолько велико, что даже при «самой напряженной беспрепятственной работе» его нельзя преодолеть и за годы. Потребуется, мол, по меньшей мере, десятилетие, «пока советские вооружения станут весомым фактором наряду с германским Вермахтом». Поэтому, гласил абсурдный вывод, Советский Союз даже при «продолжении нынешней войны в течение лет не в состоянии нанести удар в спину германской военной стратегии».

Замешательство вызывали доклады Кёстринга, который в силу недостаточной информированности приходил к неверным выводам. Когда в марте 1941 г. возник вопрос об оперативном использовании советских танковых соединений, Кёстринг, исходивший из общей численности не в 24000, а лишь примерно в 6000 танков, утверждал в «личной ориентировке № 4»,⁴⁹ что этого количества танков хватит в основном лишь для оснащения каждой из 200 пехотных дивизий танковым батальоном из 30 танков, так что создание, помимо этого, самостоятельных оперативных танковых соединений едва ли будет еще возможно. Под влиянием таких докладов Главное командование сухопутных войск не рассчитывало на использование сильных танковых соединений в широкомасштабных наступательных операциях,⁵⁰ а по-прежнему считало танки преимущественно вспомогательным оружием пехоты, хотя танковые атаки с ограниченными целями и контратаки против прорвавшегося врага представлялись вполне возможными.

Поскольку немцы до 22 июня 1941 г. не распознали существования около 100 танковых и моторизованных дивизий, а предполагали наличие лишь 7 танковых дивизий и 38 моторизованных механизированных бригад,⁵¹ их после начала войны очень удивила масса танковых дивизий, которая стала им враз противостоять.⁵² «Вскоре выяснилось, что в распоряжении русских имеется намного больше соединений, чем предполагало ОКХ [Главное командование сухопутных войск] до начала восточной кампании», — отмечала 1-я танковая армия 19 декабря 1941 г. «На всем участке враг, очевидно, был все же сильнее, чем считалось в начале операции», — констатировала 3-я танковая группа уже 23 июня 1941 г.⁵³ Удивление вызывало при этом не только количество танков и самолетов, которое превзошло все ожидания, но и качество советского оружия и материальной части. Хвалебных слов удостоивалось отчасти даже советское командование, которое было представлено, например, в оценке противника 3-й танковой группой от 8 июля 1941 г. как «чрезвычайно ловкое, энергичное и целеустремленное».

Признание разительной недооценки Красной Армии имеется даже в дневниках д-ра Геббельса,⁵⁴ который 19 августа 1941 г. ретроспективно отмечал: «Мы, очевидно, совершенно недооценили советскую ударную силу, прежде всего оснащенность советской армии. У нас даже отдаленно не было ясного представления о том, что имелось в распоряжении большевиков. Отсюда и наши ошибочные оценки...» Рейхсминистр народного просвещения и пропаганды распространялся о том, насколько тяжело и без того далось Гитлеру решение напасть на Советский Союз, и добавил: «Но если заботы, которые при нашей неверной оценке большевистского потенциала пришлось нести фюреру, были уже столь велики и... так сильно напрягали его нервы, то что же было бы в случае, если бы у нас была ясность о полных масштабах угрозы!» Гитлер, добавил Геббельс, теперь очень негодует, «что позволил настолько ввести себя в

заблуждение относительно потенциала большевиков донесениями из Советского Союза. В наших военных операциях нам доставила чрезвычайно много хлопот прежде всего его недооценка вражеских танковых и авиационных сил. Он очень страдал из-за этого. Имел место тяжелый кризис...» Известны высказывания из уст Гитлера, вполне подтверждающие это свидетельство. Так, в ставке фюрера 12 апреля 1942 г.⁵⁵ Гитлер откровенно признал, что ошибся в оценке силы Красной Армии, заявив, что Советы «чрезвычайно замаскировали все, что касается их вооруженных сил. Вся война в Финляндии в 1940 г., как и русское вторжение в Польшу, осуществленное древними танками и оружием и плохо обмундированными солдатами, были сплошным крупным отвлекающим маневром, поскольку Россия в то время уже обладала вооружением, которое можно сравнить исключительно с немецким и японским».

Правда, последующие успехи Вермахта уже не позволили реально оценить ситуацию. Еще по оценке отдела иностранных армий Востока Генерального штаба сухопутных войск от 9 августа 1941 г. боевая мощь Красной Армии считалась исчерпанной, на значительные новые формирования больше не рассчитывали.⁵⁶ «Отныне совокупных сил недостаточно ни для крупного наступления, ни для создания сплошного оборонительного фронта, — говорится там, — в отношении личного состава в обозримом будущем также должен быть достигнут предел.»

Поскольку в основу плана Генерального штаба Красной Армии от 15 мая 1941 г. были положены 258 советских дивизий, а до 8 августа на германском фронте появились уже 330-350 дивизий, то можно утверждать, не рискуя ошибиться, что еще в день начала войны в меньшем или большем удалении от государственной границы должно было быть сосредоточено примерно 300 советских дивизий. Главное командование сухопутных войск до 17 июня 1941 г. обнаружило на советской стороне лишь 182 дивизии (включая 7 танковых дивизий), а также 38 моторизованных механизированных бригад, а Гитлер в своем заявлении от 22 июня и вовсе говорил только о «160 советских дивизиях на нашей границе»,⁵⁷ то есть уже эта численность являлась в его глазах угрожающим фактором. Хотя, следовательно, имелись лишь неточные представления о подлинных размерах и наступательной ударной силе советской армии вторжения, ее развертывание даже в ожидаемых масштабах уже явилось предметом тщательного анализа. Правда, в целом советские меры расценивались как оборонительные, не в последнюю очередь — по политическим причинам. Тем не менее, ввиду обнаруженного сосредоточения сил с весны 1941 г. вновь и вновь возникала тревога по поводу опережающего нападения Красной Армии.

Уже в марте 1941 г., когда стали множиться сообщения о сильном сосредоточении войск в Прибалтике и появились высказывания латышских офицеров, например, полковника Опитиса и полковника Карлсона, что вблизи германской границы будут проведены крупные маневры, а затем начнется война с Германией,⁵⁸ «нападение на Мемельскую [Мемель — ныне Клайпеда, Литва] область» впервые стало считаться не «полностью исключенным», а «возможным». Начальник штаба 18-й армии издал предупредительный приказ об «удержании плацдарма у Тильзита [ныне Советск, Россия]» и направил соответствующее предостережение 26-му армейскому корпусу.⁵⁹ «Возможно, что русские начнут воевать путем наступлений, по крайней мере — в ограниченных масштабах», — заявляло и командование 16-й армии⁶⁰ 1 мая, а командование 3-й танковой группы⁶¹ высказалось аналогичным образом 30 мая 1941 г.: «Мобильные русские соединения в непосредственной близости от границы допускают возможность, что русские намерены нанести удар по немецким исходным позициям». С апреля стало ясно, что Красная Армия и «на румынской границе имеет достаточно мощные силы для внезапного начала наступательной операции».⁶² В мае и июне множилось рассуждения, которые связывали стягивание «мощных мобильных сил» в непосредственной близости от границы у Черновиц и в Южной Бессарабии и подготовку переправочных средств у реки Прут с наступательными планами в южном направлении против Румынии.⁶³

А как обстояло дело с бросающимися в глаза фронтальными выступлениями у Белостока и Львова, из которых и должны были наноситься главные наступательные удары? Еще 20 мая 1941 г. Главное командование сухопутных войск считало вероятным лишь частичное наступление или контр наступление против флангов прорвавшихся немецких соединений, в рамках «местного наступательного ведения обороны».⁶⁴ Только в теории, но не на практике считалось возможным и «превентивное наступление» «на основе боевого развертывания», как оно было обнаружено, причем также с относительно ограниченными целями: «сильным ударом из района Черновицы — Львов на Румынию, Венгрию или Восточную Галицию, другой сильной наступательной группой из Белоруссии в направлении Варшавы или на Восточную Пруссию». Несмотря на растущую тревогу в майские и июньские недели 1941 года, руководящие органы Главного командования сухопутных войск еще не могли представить себе общего наступления из районов Львова и Белостока в западном направлении до Одера у Оппельна с дальнейшим развертыванием на север и с прямой целью разгрома всей германской армии на Востоке, захвата всей Польши, Восточной Пруссии и других территорий. На совещании начальника Генерального штаба генерал-полковника Гальдера с начальниками штабов групп армий и армий 4 июня 1941 г. 1-й штабной офицер оперативного отдела

полковник Хойзингер даже дал явно «примитивную оценку» противника, которая, однако, была еще подтверждена Гальдером.⁶⁵ Поскольку «крупные наступления являются для русских нелепостью», начальник Генерального штаба не верил ни во все-таки возможное «превентивное наступление» Красной Армии, ни в «частичное наступление... в рамках оборонительного решения». Этой неверной оценкой, еще поддержанной командующими группами армий, начальник Генерального штаба проявил то же легкомыслие, как и после начала войны, когда он, как известно, предавался попросту гротескным представлениям о продолжительности «похода» против Советского Союза.

Напротив, Верховное главнокомандование Вермахта [ОКВ] — что было обусловлено, возможно, и его более широким кругозором — сделало из разведывательных данных весны 1941 года существенно более серьезные выводы, чем конкурировавшее с ним Главное командование сухопутных войск. Так, начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал артиллерии Йодль⁶⁶ и начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал Кейтель⁶⁷ с апреля по июнь 1941 г. направили несколько писем министерству иностранных дел и правительству Рейха, в которых они с растущей тревогой, а в конце почти умоляющим тоном и с «сильнейшей настойчивостью» обращали внимание на то, что Советская Россия осуществляет «против Германии самое мощное боевое развертывание в своей истории» и в любой момент может привести в движение на запад «гигантскую советскую вооруженную мощь».

Являлись ли такие предупреждения лишь частью мер по пропагандистскому обеспечению уже принятого и начавшего осуществляться наступательного Плана Барбаросса, выдававших его за ответ на угрозу со стороны Советского Союза, или за этим скрывалась подлинная тревога? Согласно ходячей интерпретации «антифашизма» сталинистской чеканки, особенно в Германии, речь здесь, разумеется, может идти только о предупредительном пропагандистском маневре для оправдания наступления, которое эти круги стереотипно выдают «за вероломное фашистское нападение на ни о чем не подозревавший, миролюбивый Советский Союз». Если, однако, напротив, принять во внимание очевидные сегодня факты подготовки советской захватнической войны, то предупреждения предстают в ином свете, тем более с учетом еще неполной информации, имевшейся у ОКВ. Так, например, начальник штаба оперативного руководства Вермахта в своем письме послу Риттеру 20 июня 1941 г. смог указать на наличие из танковых сил во фронтальном выступе у Белостока, выдававшегося далеко на запад, лишь одной танковой дивизии и пяти танковых бригад, и уже это послужило основанием для тревоги, тогда как в действительности в полукруге вокруг Белостока было ведь сосредоточено не менее трех механизированных корпусов, имевших, как минимум, по 1030 танков каждый, а еще один механизированный корпус располагался у основания выступа, между Брестом и Кобрином. Хотя разведанные немецкой стороны и были еще неполными, в сводках ОКВ они, тем не менее, складывались в целостную картину, носившую уже угрожающий характер.

Согласно данным ОКВ, советское военное командование систематично поставило на службу наступательному планированию «все имеющиеся в его распоряжении разведывательные средства». К ним принадлежали и «планомерные операции Военно-воздушных сил СССР над территорией Рейха», «почти ежедневно поступающие сообщения о новых нарушениях воздушного пространства советскими самолетами», «сознательные провокации»; точно так же сюда относились планомерная съемка местности и разведка немецкой территории советскими военными комиссиями, «частично — высшими офицерами с большим штатом сотрудников», на что, как на безошибочный признак предстоящего наступления, обратил внимание и Виктор Суворов.

Все более близкое подтягивание советских соединений, причем по всей линии фронта от Прибалтики до Южной Бессарабии, воспринималось в ОКВ как «серьезная угроза», и, тем не менее, его подлинные масштабы еще сильно недооценивались. Одновременно вызывало тревогу — причем, как мы сегодня знаем, с полным основанием — отмеченное ОКВ быстрое развертывание авиационного тыла и занятие «близких к границе аэродромов сильными соединениями авиации», ведь эти меры были верно расценены как «подготовка дальних налетов сильных бомбардировочных соединений на Германский рейх», тем более, что стали известны многочисленные высказывания ведущих советских офицеров, которые «открыто говорили о скором русском наступлении».

11 мая 1941 г. генерал-фельдмаршал Кейтель в письме рейхсминистру иностранных дел впервые высказался о «постоянно растущей тревоге» ОКВ по поводу развития, которое приобрело «развертывание русских вооруженных сил вдоль германской восточной границы». Это письмо шефа ОКВ, имевшего ранг члена кабинета, своему коллеге-министру могло бы, конечно, трактоваться как простое обеспечение алиби в отношении предстоящей реализации Плана Барбаросса, если бы его содержание не было полностью подтверждено нашими сегодняшними познаниями. И если Кейтель тогда выражал убежденность ОКВ, «что эти масштабы русского развертывания на германской восточной границе, практически равносильные мобилизации», могут расцениваться «только как подготовка русских наступательных мероприятий величайших масштабов», то эта информация соответствовала основному принципу, выдвинутому

Генеральным штабом Красной Армии 15 мая 1941 г. Столь же верным, как и тревожным, был и вывод о том, что «практически завершённое развертывание», как действительно планировалось, позволит «советскому государственному руководству свободно выбрать момент нападения».

Принципиальное подтверждение находит и содержание меморандума, который шеф ОКВ 11 июня 1941 г. направил через рейхсминистра иностранных дел непосредственно по адресу правительству Рейха. Так, когда Кейтель вновь предостерегающе указывал на то, что «военные меры» Советского Союза привели «к крупному развертыванию Красной Армии от Черного до Балтийского морей» и «однозначно нацелены на подготовку нападения на Германский рейх», то это соответствовало реальной ситуации. Основываясь на сегодняшних познаниях, нельзя найти контраргумента, когда Кейтель отмечает, что «русское развертывание» все более перемещалось к границе и «отдельные соединения сухопутных войск и авиации» были подтянуты вперед: «Приграничные аэродромы заняты сильными соединениями авиации... Все эти факты, в сочетании с культивируемой в русских вооруженных силах волей к уничтожению, направленной против Германии», согласно Кейтелю, приводили к выводу, «что Советский Союз готовится в любой момент, представляющийся подходящим, перейти к наступлению на Великогерманский рейх».

Итак, ОКВ, в отличие от ОКХ, сделало в рамках своих ограниченных возможностей вполне правильные выводы. Едва ли в каком-то месте писем Кейтеля и Йодля можно найти фактическое преувеличение, угроза по незнанию скорее еще преуменьшается. Ведь в действительности подготовка наступления Генеральным штабом Красной Армии, как мы сегодня знаем, была уже не слишком далека от своего завершения. С той же определенностью, как в отношении оперативной части, об этом можно сказать и по поводу идеологической части подготовки к нападению, которая осуществлялась Главным управлением политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА) во главе с армейским комиссаром 1-го ранга Запорожцем. Ведь Сталин дал не только Генеральному штабу, но и «политическому» Главному управлению вполне определенные директивы в духе своего выступления от 5 мая 1941 г. Генерал-полковник Волкогонов свел их к следующей четкой формуле: «“Вождь” дал ясно понять: война в будущем неизбежна. Нужно быть готовыми к “безусловному разгрому германского фашизма”». Сталин потребовал разработать директиву «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время»,⁶⁸ где, согласно его распоряжению, должны были содержаться те требования, которые он выдвинул уже 5 мая 1941 г.: «Новые условия, в которых живет наша страна, современная международная обстановка, чреватая неожиданностями, требуют революционной решимости и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага... Все формы пропаганды, агитации и воспитания направить к единой цели — политической, моральной и боевой подготовке личного состава к ведению справедливой, наступательной и всесокрушающей войны... воспитывать личный состав в духе активной ненависти к врагу и стремления схватиться с ним, готовности защищать нашу Родину на территории врага, нанести ему смертельный удар...»

Значение, которое Сталин придавал ориентации вооруженных сил Советского Союза на новую «военную политику наступательных действий», проявлялось в то же время в том, что ведающее данными проблемами Главное управление политической пропаганды было подчинено в этом решающем вопросе непосредственному контролю могущественного большевистского пропагандистского аппарата.⁶⁹ В этих целях были привлечены ведущие функционеры ЦК ВКП(б): в первую очередь опять же член Политбюро, Оргбюро и Главного военного совета Жданов, далее кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК Щербаков, а также начальник Управления агитации и пропаганды ЦК Александров — все они принадлежали к ближайшему окружению Сталина.

На заседании Главного военного совета 14 мая 1941 г. армейскому комиссару 1-го ранга Запорожцу было поручено подготовить соответствующий проект заказанной Сталиным директивы. Запорожец сообщил 26 мая 1941 г. Жданову, Щербакову и Александрову, что подготовлены и дополнительные документы⁷⁰ под названиями: «Изменившиеся задачи партийно-политической работы в Красной Армии», «О марксистско-ленинском обучении командного состава Красной Армии», «Текущая международная обстановка и внешняя политика СССР». Все эти документы, в особенности, конечно, текст основополагающей пропагандистской директивы «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время»,⁷¹ были проникнуты духом наступательного плана Генерального штаба, разработанного одновременно. Так, например, в подготовленной Главным управлением политической пропаганды директиве «О политической учебе красноармейцев и младших командиров Красной Армии в летний период 1941 г.», также направленной в войска,⁷² напоминалось о словах Ленина, что «как только мы будем достаточно сильны, чтобы опрокинуть весь капитализм, мы тотчас схватим его за горло». Было указано, «что Красная Армия будет вести только оборонительную войну, причем забывается та истина, что любая война, которую ведет Советский Союз, будет справедливой войной».

Такие слова в тот момент позволяют понять, о чем в действительности шла речь: не о том, чтобы

«упредить» грозящую вражескую агрессию, а о «далеко идущих планах коммунистических амбиций». Якобы необходимый превентивный удар был лишь поводом и предлогом, чтобы убрать с пути Германию, «фашизм» и тем самым главное препятствие к расширению собственной власти. И, естественно, перед лицом столь величественных политических целей, как мировая революция, по словам Валерия Данилова, «развязывание войны Советским Союзом против любой страны считалось, с точки зрения Сталина, правомерным, даже нравственным делом». Наступательный план Генерального штаба и директива Главного управления политической пропаганды Красной Армии дополняли друг друга и служили одной и той же цели. Эти документы были созвучны выступлению Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. и политическим речам Жданова, Калинина и других ведущих большевистских функционеров, потому их и поручил разработать Сталин. Это находит свое подтверждение в двух сопроводительных письмах армейского комиссара 1-го ранга Запорожца к пропагандистским директивам от 26-27 мая 1941 г., где он не раз определенно утверждал, что они были составлены «на основе указаний товарища Сталина», данных им 5 мая 1941 г. «по случаю выпуска слушателей академий».⁷³ После детального анализа пропагандистских директив, подготовленных на высшем политическом уровне, Владимир Невежин приходит к тому же выводу,⁷⁴ а именно, что они выдержаны «в духе выступления Сталина перед выпускниками военных академий» в Кремле 5 мая 1941 г. «Руководящие пропагандистские документы мая-июня 1941 г. всегда и всюду подчеркивают точку зрения, — пишет он, — что СССР в возникшей ситуации вынужден, а также обязан взять на себя инициативу первого удара и начать наступательную войну с целью расширения “границ социализма”».

Уже в мае 1941 г. была начата крупномасштабная пропагандистская кампания с целью политически и идеологически настроить весь личный состав Красной Армии, в соответствии с требованиями Сталина, на идею наступательной войны. Так, по согласованию с направленным из Москвы начальником 7-го отдела ГУППКА отдел политической пропаганды 5-й армии разработал «План политического обеспечения военных операций при наступлении»,⁷⁵ который позволяет увидеть, что директивы Сталина немедленно претворялись в жизнь. Этот документ, наряду с другими важными актами, попал в руки немецких войск в здании штаба советской 5-й армии Киевского Особого военного округа в Луцке. Шеф политической пропаганды 5-й армии (видимо, Уронов) дал в нем детальные указания по политико-пропагандистской подготовке и осуществлению неожиданного удара по германскому Вермахту. В этом «Плане политического обеспечения военных операций при наступлении», который основан на директиве ГУППКА «О задачах политической пропаганды...», разработанной по приказу Сталина, и, видимо, на дополнительных указаниях эmissара из Москвы, говорится, что «германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники. Значительная часть германской армии устала от войны...» В соответствии с этим, в докладе руководителя политической пропаганды 5-й армии из Ровно от 4 мая 1941 г. о «настроениях населения в генерал-губернаторстве»⁷⁶ также констатируются «первые признаки упадка морали германского Вермахта». Дескать, немецкие солдаты недовольны, и недовольство находит выражение в «открытых и не открытых выступлениях против войны, против политики Гитлера», в «антигосударственных высказываниях», в «распространении коммунистической пропагандистской литературы», в «пьянстве», «задиристости», «самоубийствах», «отсутствии служебного рвения» и «дезертирствах». «Необходимо, — говорится в “Плане политического обеспечения военных операций при наступлении”, — нанести врагу очень сильный молниеносный удар, чтобы быстро подорвать моральную сопротивляемость солдат... Молниеносный удар со стороны Красной Армии несомненно повлечет за собой нарастание и углубление уже заметных явлений разложения во вражеской армии...» В качестве «первого этапа» — и уже эта формулировка свидетельствует о подготовке наступательной войны — рассматривалось «сосредоточение армии, занятие исходной позиции и подготовка к переходу через Буг». Считалось, что «боевые действия развернутся на территории врага, причем в благоприятных для Красной Армии условиях» — в том числе из-за ожидавшейся поддержки частью польского населения и, «за исключением крупных торговцев», также еврейского населения. Еврейским «крупным торговцам» приписывалось мнение: «У немцев, правда, тяжело, но вести торговлю можно, а у советских русских нужно работать». Но на благоприятный ход операций рассчитывали и ввиду ожидаемого выступления немецких солдат «против войны, против политики Гитлера». Поэтому, гласил «доклад о настроениях» от 4 мая 1941 г., необходимо напряженно работать, «чтобы падение вражеской морали усиливалось и чтобы на этой основе было доведено до конца уничтожение врага».

«План политического обеспечения...» давал политработникам 5-й армии точные указания о их задачах при проведении предстоящей наступательной операции. К широкомасштабной пропагандистской подготовке принадлежало и издание газет («тираж на первые дни на немецком 50000») и листовок как для немецких солдат, так и для польского населения. Соответствующие листовки для «вражеских войск», «содержание которых затушевывает наши намерения, разоблачает империалистические планы противника,

призывает солдат к неповиновению», имелись наготове в большом количестве еще до начала войны. Потому и не удивительно, что под Шакяем в Литве, на участке немецкой 16-й армии, уже в первый день войны, 22 июня 1941 г., были обнаружены «листовки Советского Союза, обращенные к немецким солдатам». ⁷⁷ Эти листовки, сообщало командование 16-й армии, «являются убедительным доказательством подготовки войны Советским Союзом».

Немалое число политработников и офицеров Красной Армии оставило свидетельства о воздействии усиленно начавшейся тогда антинемецкой военной пропаганды. В работе «Политком и Политорг» ⁷⁸ говорится: «Итак, цель советской пропаганды незадолго до начала Восточной кампании стала однозначной. Совершенно неожиданно появились новые лозунги: С Германией дело плохо. Нехватка всего необходимого... Сталин видит приближение второй мировой войны, которая на сей раз разыграется на немецкой земле». Перебежавший военный комиссар 16-й стрелковой дивизии Горяинов ⁷⁹ дал 21 июля 1941 г. следующие письменные показания, сообщенные министерству иностранных дел: «15.6.41 в лагере Гагала (Цзоланд) в выходной день — воскресенье — див. комиссар Мжаванадзе в речи перед красноармейцами и командирами заявил, что мы не будем ждать нападения Германии, а выберем себе благоприятный момент и сами нападём на Германию». Перебежавший командир 7-й стрелковой бригады Никонов (Тимофеев), ⁸⁰ служивший до 8 августа 1941 г. в политотделе штаба 13-й армии, сообщил 23 августа 1941 г., что пропаганда против Германии после «заключения пакта была официально прекращена. Но в скрытой форме она велась по-прежнему неограниченно, особенно сильно поддерживаясь командным составом К.А. С мая 1941 г. травля вновь повсюду шла открыто». То, что с мая 1941 г. произошло изменение к худшему, не осталось секретом и для немецкой радиоразведки. «В разговорах внезапно проявляется враждебное настроение в отношении немецких солдат, которого до сих пор не наблюдалось», — говорится в сообщении 44-й пехотной дивизии о радиоперехвате от 19 мая 1941 г. ⁸¹

Военные настроения, разжигавшиеся в Красной Армии, нашли доказательное выражение в политическом докладе одного влиятельного функционера 15 июня 1941 г. перед явно высокопоставленной аудиторией. ⁸² Он состоялся за неделю до начала войны, через день после известного сообщения агентства ТАСС, которое должно было, очевидно, оказать «успокоительное» воздействие. Полный текст этой разоблачительной пропагандистской речи попал в руки немецких войск 19 июля 1941 г. в казарме в Буюканах (Buiucani) под Кишиневом. Вот некоторые ее основные положения: «В последнее время Германия, завоевав другие страны, расширилась и раздулась, что не означает, что она тем самым стала жизнеспособной... Война затягивается и приобретает форму, которая смертельно ослабит Германию... Германия может вести блицкриги, но не затяжную войну. Англия может рискнуть вести долгую войну, войну на истощение — тем более, что ее поддерживают США... Разумеется, Германия идет к своему поражению...» Исходя из неблагоприятной политико-стратегической ситуации Германии, этот высокопоставленный функционер 15 июня 1941 г. пришел в отношении Советского Союза к выводу, созвучному директивам Сталина от предыдущего месяца. Он сказал:

«Народы СССР против империалистической войны. Мы за революционную войну. К этой войне революций народы СССР готовы. Они охотно воюют и являются хорошими бойцами... Мы за справедливую войну. В интересах ускорения мировой революции мы поддерживаем народы, которые борются за свое освобождение. Красная Армия делает выводы:

1. Строжайшая бдительность.

2. Постоянная готовность к войне...

4. Готовность с честью выполнить грядущие приказы нашей большевистской партии и советского правительства во главе с нашим товарищем Сталиным.

5. Красная Армия будет сражаться так, чтобы достичь полного уничтожения врага...»

Главному управлению политической пропаганды действительно удалось, в соответствии с указаниями Сталина, сформировать в Красной Армии к 22 июня 1941 г. мнение, согласно которому между Советским Союзом и Германией неизбежно будет война и Красная Армия должна нанести первый удар. Об этом имеется много единодушных свидетельств, из которых в качестве доказательства приведем некоторые. Так, штаб участка Готцмана (17-я армия) сообщал 22 мая 1941 г.: «Русские комиссары, занимающие штатные партийные должности (политрук), разъясняют населению, что безусловно должна быть война с Германией и что бедняки должны воевать с богачами». ⁸³ Также еще до начала войны 4-я танковая группа доложила о показаниях одного перебежчика: «Со времени визита Молотова в Берлин царит мнение, что война между Германией и Россией неизбежна. Офицеры говорят: если Сталин прикажет, то будет наступление». ⁸⁴

Имеются многочисленные соответствующие показания начального периода войны. Например, 4-й армейский корпус сообщил 30 июня 1941 г. следующее: «Из допросов пленных постоянно вытекает, что политкомиссары говорили о предстоящих русских атаках по Германии. С указанием на то, что Германия

ослаблена борьбой с Англией».⁸⁵ Согласно показаниям неназванного лейтенанта авиации от 17 июля 1941 г., «ни для кого не было секретом, что Красная Армия вторгнется в Германию».⁸⁶ В Военно-технической академии в Ленинграде, сообщил лейтенант Сазонов (60-я стрелковая дивизия) 3 августа 1941 г., «каждый день говорили, что все должно служить подготовке войны с Германией. Такая война должна настать».⁸⁷ Военный врач Котляревский, призванный 30 мая 1941 г. на 45 дней в 151-й медсанбат 147-й стрелковой дивизии, показал 24 сентября 1941 г.: «7.6. был собран медицинский персонал, и ему доверительно сообщили, что по истечении 45 дней увольнения не последует, поскольку в ближайшее время будет война с Германией».⁸⁸ Согласно тому, что показал Кравченко (75-я стрелковая дивизия) 25 июня 1941 г., «на новой позиции говорили о намеченном вторжении в Германию: дескать, Красная Армия призвана разгромить немецкую армию».⁸⁹ А майор Клепиков (255-я стрелковая дивизия) сообщил 24 августа 1941 г., «что уже до войны хотя и не официально, но в постоянных разговорах среди офицеров злободневной темой была подготовка войны против Германии».⁹⁰

Высшие офицеры тоже вновь и вновь сообщали о военных настроениях, разжигаемых против Германии. Командующий 12-й армией генерал-майор Понеделин и командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов 7 августа 1941 г. выразили мнение, что противоречия между Советским Союзом и Германией должны были «неизбежно привести к конфликту».⁹¹ Осознавалось, что постоянная угроза мировой революцией... не может остаться безразличной для Германии». А со слов командующего 32-й армией занесено в протокол: «Было ясно, что ожидается война с Германией... Очевидно, согласно расчетам Сталина, в качестве агрессора должна была выступить Россия, поскольку войну ведь нужно было вести на чужой территории». Командующий 2-й ударной армией и заместитель командующего Волховским фронтом генерал-лейтенант Власов также заявил советнику посольства Хильгеру 7 августа 1942 г., что наступательные планы у Сталина в 1941 г. «несомненно имелись... Концентрация войск в районе Львова указывает на то, что планировался удар по Румынии в направлении нефтяных источников. Соединения, собранные в районе Минска, были предназначены для того, чтобы отразить неизбежный немецкий контрудар».⁹² По этому же поводу командир 41-й стрелковой дивизии полковник Боярский сказал, «что Кремль... нанес бы удар не позднее весны 1942 г. Тогда Красная Армия двинулась бы в “юго-западном направлении”, то есть на Румынию». Незадолго до своей выдачи Советам в 1946 г. генерал-майор Власовской армии (ВС КОНР, РОА) Меандров, в Красной Армии — начальник оперативного отдела 6-й армии, тоже подчеркнул следующее: «Политика правительства по подготовке большой войны была для нас совершенно ясна... То, что нам представляли в качестве оборонительных мер, в действительности оказалось давно готовившимся и тщательно замаскированным планом агрессии».⁹³ «Политика Советского Союза была направлена против Германии и после 1939 г., — аналогичным образом высказался хорошо информированный функционер из центрального аппарата НКВД Жигунов уже 18 сентября 1941 г. — Договор о дружбе 1939 г. был заключен, чтобы загнать Германию в войну и извлечь выгоду из ее ожидавшегося в результате ослабления... Если бы Германия не опередила Москву, то рано или поздно напал бы Советский Союз.»⁹⁴

Такие высказывания еще неопределенны в том, что касается срока советского нападения. А генерал-лейтенант Ершаков, командующий 20-й армией, 20 ноября 1941 г. указал на якобы имевшее место высказывание Жукова весной 1941 г., согласно которому в 1941 г. еще следовало избежать войны.⁹⁵ Если весной 1941 г. имелись такие мнения, то Сталин в мае, во всяком случае, отошел от них, так как имеются весомые указания на то, что он перенес дату нападения назад. Все указывает на то, что эта дата должна была находиться между июлем и сентябрем, поскольку Красная Армия не могла оставаться всю зиму в западных районах в таком громадном скоплении и, как установили и немецкие командные структуры, в начале лета должна была начаться обратная передислокация, если только силы не стояли готовыми к нападению. О планах нападения летом свидетельствует и то обстоятельство, что Сталин хотел оттянуть войну по тактическим мотивам, для завершения своей подготовки еще немного, «хотя бы на несколько недель!» (Волкогонов),⁹⁶ «хотя бы на месяц, неделю или несколько дней» (Данилов).⁹⁷ Что можно было выгадать за столь краткий срок, если бы не существовало намерения молниеносно напасть на Германский рейх?

И что могло бы означать то, что Политбюро ЦК, согласно пункту 183 протокола № 33 своего заседания от 4 июня 1941 г., приняло решение в срок до 1 июля «сформировать в составе Красной Армии стрелковую дивизию из лиц польской национальности и со знанием польского языка»? Уже поэтому тезис о «намеченном на 6 июля 1941 г. нападении Сталина на Гитлера», согласно Борису Соколову, приобретает «статус научной истины».

Не случайно, конечно, и то, что советские высшие и штабные офицеры, которые ведь не только подвергались массированному пропагандистскому воздействию, но и до некоторой степени были знакомы с реальным состоянием подготовки к войне, рассчитывали на начало военных действий с июля до сентября

1941 г. Например, капитан Краско, адъютант 661-го стрелкового полка 200-й стрелковой дивизии, заявил 26 июля 1941 г.: «Еще в мае 1941 г. среди офицеров высказывалось мнение, что война начнется уже после 1 июля».⁹⁸ Со слов майора Коскова, командира 24-го стрелкового полка 44-й стрелковой дивизии, было занесено в протокол: «По мнению командира полка, объяснение сдачи Западной Украины тем, “что Советы, якобы, подверглись нападению неподготовленными”, никоим образом не соответствует действительности, поскольку со стороны Советов давно велась подготовка к войне и, судя по масштабам и интенсивности этой подготовки к войне, русские, со своей стороны, напали бы на Германию максимум через 2-3 недели».⁹⁹ Полковник Гаевский, командир полка в 29-й танковой дивизии, заявил немцам 6 августа 1941 г.: «Среди командиров много говорили о войне между Германией и Россией. Существовало мнение, что война начнется примерно 15.7.41 г., причем Россия выступит в роли нападающей стороны».¹⁰⁰ Лейтенант Харченко из 131-й стрелковой дивизии показал 21 августа 1941 г., «что с весны 1941 г. шла большая подготовка к войне с Германией. Он считает, что война началась бы не позднее конца августа или начала сентября, после уборки урожая, если бы немцы не выступили раньше. Намерение состояло, разумеется, в ведении войны на вражеской территории. В результате начала войны в России были опрокинуты все военно-стратегические планы».¹⁰¹

Мало чем отличались высказывания майора Соловьева, начальника штаба 445-го стрелкового полка 140-й стрелковой дивизии: «В принципе конфликта с Германией ожидали лишь после уборки урожая, примерно в конце августа — начале сентября 1941 г. Пospешную передислокацию войск к западной границе в последние недели перед началом военных действий можно объяснить тем, что Советы перенесли срок нападения назад (примечание: последнее заявление прозвучало в ответ на указание, что нашей стороной были захвачены документы, из которых было ясно видно, что Советский Союз хотел напасть на Германию в начале июля)».¹⁰² Лейтенант Рутенко, командир роты в 125-м стрелковом полку 6-й стрелковой дивизии, 2 июля 1941 г. датировал начало войны с русской стороны 1-м сентября 1941 г., сроком, к которому «велась вся подготовка».¹⁰³ А подполковник Ляпин, начальник оперативного отделения 1-й мотострелковой дивизии, 15 сентября 1941 г. говорил о том, что на советское нападение «рассчитывали осенью 1941 г.» Генерал-лейтенант Мазанов, как упоминалось, тоже определенно заявил, «что Сталин развязал бы войну с Германией еще осенью 1941 г.»

Обращают на себя внимание различные указания на август как срок нападения. Так, неназванный подполковник, командир артиллерийского полка, который хотя и заявил 26 июля 1941 г., что Германия «односторонне нарушила Договор о ненападении и напала на нас», затем добавил: «Но я признаю, что массовое сосредоточение Красной Армии у ее восточной границы означало угрозу для Германии, говорили даже о том, что Германии следует ожидать нашего нападения в августе этого года».¹⁰⁴ Генерал-майор Малышкин, в свое время начальник штаба 19-й армии, 11 сентября 1945 г. высказал фельдмаршалу Риттеру фон Леебу аналогичное суждение, примечательное и точным указанием цифр, а именно, «что Россия напала бы в середине августа, используя около 350-360 дивизий».¹⁰⁵ В этой связи упомянем полковника Токаева, начальника аэродинамической лаборатории Военно-воздушной академии в Москве, который со ссылкой на военного комиссара, генерала Клокова, рано констатировал следующее: «Политбюро ожидало, что советско-германская война начнется в начале августа. Этот момент Сталин и Молотов считали наиболее благоприятным, чтобы повести наступление на своих друзей Гитлера и Риббентропа».¹⁰⁶

Ключом к пониманию наступательной подготовки Сталина весной 1941 г., как вновь и вновь единодушно сообщают советские военные всех рангов, среди которых — и маршал Советского Союза Василевский, и российские военные историки, является крупная «переоценка сил СССР и Красной Армии»,¹⁰⁷ «переоценка боеспособности наших войск»,¹⁰⁸ «чудовищная... собственная переоценка».¹⁰⁹ И это ощущение собственной силы имело достаточные материальные основания, если иметь в виду многократное превосходство Красной Армии в танках, самолетах и артиллерийских стволах и принять во внимание, что промышленные мощности СССР достигли объема, позволяющего предоставить советским вооруженным силам «просто невообразимое вооружение» в кратчайший срок. Однако превосходство касалось не только материального оснащения, но и личного состава и даже командных кадров. Стоит напомнить, например, только о том, что еще в 1935 г. армия германского Рейха имела лишь около 4000 офицеров, а Красная Армия уже тогда — примерно 50000 «командиров», то есть исходное положение немцев было существенно хуже. Где же им было взять офицеров в период наращивания вооружений? Советское превосходство существовало и в сфере командного персонала, поскольку, как показал полковник Филиппов, даже мощное кровопускание в ходе «Большой чистки» было уже в определенной мере восполнено к лету 1941 г. за счет выпускников многочисленных военных учебных заведений, включая Академию Генерального штаба и Военную академию имени Фрунзе. Кроме того, Сталин рассчитывал на начало деморализации в войсках Вермахта. В Москве также царил мнением, что в случае войны с Советским Союзом пролетариат

противника поспешит на помощь Красной Армии. Это, правда, была иллюзия, но такие иллюзии еще более разжигали агрессивные настроения накануне 22 июня 1941 г., а не умеряли их.

Сознание собственной силы и в то же время понимание трудной политико-стратегической ситуации Германии, которая ведь, как было известно, не могла выдержать войну на два фронта, и породили решение, корни которого были заложены в большевизме со времен Ленина, а именно, что нужно использовать уникальный исторический шанс, чтобы инсценировать так называемую «революционно-освободительную войну» и неизмеримо расширить власть Советского государства, как наглядно изображено уже в символике советского государственного герба. Сталин и Калинин, а также такие высокопоставленные функционеры, как Жданов, весной 1941 г. не раз открыто декларировали в своих речах советский империализм.¹¹⁰ Чувство растущего превосходства побудило Сталина в ноябре 1940 г. поставить в Берлине требования, позволяющие понять, во всяком случае, одно: что он уже тогда не видел в Германии угрозы. Красная Армия, имея подавляющие силы, заняла на западной границе наступательные позиции, которые не были переориентированы на оборону и тогда, когда обнаружилось, что Германия готовила нападение со своей стороны.

Сегодня неопровержимо доказано, что Сталин был точнейшим образом информирован о немецком нападении. Уже в 1966 г. министр обороны, маршал Советского Союза Гречко разъяснил, что немецкое нападение явилось неожиданностью, возможно, кое-где для фронтовых частей, но ни в коей мере не для советского руководства и командования Красной Армии.¹¹¹ Примечательно, что и Хрущев, наряду с военными, не оставил в этом сомнений, заявив: «Никто, обладая хотя бы малейшим политическим рассудком, не сможет поверить, что мы были захвачены врасплох неожиданным вероломным нападением».¹¹² О неожиданном «немецком нападении» не может быть и речи, коротко заметил и полковник Филиппов. Впрочем, чувство превосходства у Сталина было так велико, что он даже считал себя в состоянии с ходу «отразить любое внезапное нападение Германии и ее союзников», «отразить любое нападение и разгромить агрессора».¹¹³ Председатель Президиума Верховного Совета СССР Калинин выразил эту убежденность в докладе в Военно-политической академии имени В.И. Ленина 5 июня 1941 г., когда он без обиняков заверил своих слушателей: «Немцы намереваются на нас напасть... Мы ждем этого! Чем раньше они это сделают, тем лучше, так как тогда мы свернем им шею раз и навсегда».¹¹⁴ При таких настроениях ни Сталин, ни Политбюро даже 22 июня 1941 г. ни на мгновение не усомнились в том, что Гитлеру удастся дать достойный отпор. Генерал Судоплатов, шеф [один из руководителей] разведслужбы, прямо говорит о «большой лжи относительно паники в Кремле».¹¹⁵ Как подчеркивает генерал-полковник Волкогонов,¹¹⁶ Сталин оказался в шоке не 22 июня 1941 г., а лишь несколько дней спустя, когда рассеялись иллюзии и выявилась катастрофа на фронте, когда стало ясно, что немцы все-таки воюют лучше.

Если Сталин проявлял заносчивость уже в случае отражения вражеского нападения, то это тем более относилось к намеченному собственному генеральному наступлению. «На рассвете в мае или июне тысячи наших самолетов и десятки тысяч наших орудий нанесли бы удар по тесно сконцентрированным войскам, расположение которых было известно с точностью до батальона, — еще более невообразимая неожиданность, чем при нападении немцев на нас», — писал полковник Карпов в 1990 г. о плане Генерального штаба от 15 мая 1941 г.¹¹⁷ Сталин, Генеральный штаб и ГУШКА в любом случае рассчитывали на легкую победу Красной Армии, они ожидали, что запланированное гигантское наступление завершится при малых собственных жертвах полным разгромом противника. А что касается Гитлера и немцев, то у них вообще были лишь очень неполные представления о том, что готовилось на советской стороне. Но если принять во внимание масштабы этой подготовки, то становится ясно, что Гитлер лишь чуть опередил усиленно готовившееся наступление Сталина. 22 июня 1941 г. являлось практически последним сроком, когда вообще еще можно было вести «превентивную войну».

Кандидат исторических наук полковник Петров выразил это к годовщине победы, 8 мая 1991 г., в передовой статье партийного официоза «Правда» простыми, но точными словами:¹¹⁸ «В результате переоценки собственных возможностей и недооценки противника перед войной создавались нереалистичные планы наступательного характера. В их духе началось формирование группировки советских вооруженных сил у западной границы. Однако противник упредил нас». В заключение процитируем русского историка М. Никитина, который детально проанализировал цели советского руководства в решающие месяцы мая-июня 1941 г. и выразил результаты своих исследований следующими словами:¹¹⁹ «Повторим еще раз: основополагающая цель СССР состояла в расширении “фронта социализма” в максимально возможных территориальных масштабах, в идеале — на всю Европу. По мнению Москвы, обстоятельства благоприятствовали осуществлению этого намерения. Оккупация больших частей континента Германией, затягивающаяся бесперспективная война, нарастание недовольства среди населения оккупированных стран, распыление сил Вермахта по различным фронтам, предстоящий японско-американский конфликт — все это давало советскому руководству уникальный шанс разгромить

Германию неожиданным ударом и “освободить” Европу от “загнивающего капитализма”». Согласно Никитину, изучение директивных документов ЦК ВКП(б) «совместно с данными о непосредственной военной подготовке Красной Армии к наступлению» недвусмысленно доказывает «намерение советского руководства напасть на Германию летом 1941 г.»

Примечания

1. Жуков, Воспоминания, с. 272.
2. Nekrich, Pariahs, Partners, Predators, S. 234.
3. Maser, Der Wortbruch, S. 272 ff.
4. Danilov, Hat der Generalstab der Roten Armee einen Präventivschlag gegen Deutschland vorbereitet? См. также: Gillessen, Krieg zwischen zwei Angreifern; derselbe, Der Krieg der Diktatoren (1986); derselbe, Der Krieg der Diktatoren (1987). Рукописный русский оригинальный текст опубликован Мазером: Maser, Der Wortbruch, S. 406-420. Полковник и кандидат исторических наук, профессор Валерий Данилов ясно и убедительно выразил свои выводы в противовес идеологически мотивированным маневрам неосталинистского «Военно-исторического журнала»: «Попытка возрождения глобальной лжи».
5. Magenheimer, Neue Erkenntnisse zum «Unternehmen Barbarossa»; derselbe, Zum deutsch-sowjetischen Krieg 1941. Neue Quellen und Erkenntnisse.
6. Волкогонов, Эту версию уже опровергла история; Суворов, Вторую мировую войну начал Сталин.
7. Schlafende Aggressoren; Schukows Angriffsplan.
8. Волкогонов, Триумф и трагедия, с. 136, 155.
9. Nekrich, Pariahs, Partners, Predators, S. 237.
10. Здесь же, S. 236, со ссылкой на «Накануне войны» Василевского.
11. Данилов, Готовил ли Генеральный Штаб..., с. 85.
12. Киселев, Упрямые факты начала войны, с. 77-78.
13. Мельтюхов, Споры вокруг 1941 года, с. 99.
14. Горьков, Готовил ли Сталин упреждающий удар.
15. Raack, Stalin's Role in the Coming of World War II, S. 207 f.
16. Suworow, Der Tag M, S. 101 ff.
17. Восемнадцатая в сражениях, с. 11.
18. ВА-МА, RH 20-18/951, 15.4.1941.
19. ВА-МА, RW 4/v. 329, 6.6., а также 10.5., 31.5./2.6.1941.
20. Филиппов, О готовности Красной Армии, с. 9, 11.
21. ВА-МА, RH 19I/128, 22.5.1941; ВА-МА, RH 21-3/v. 435, 15.5.1941.
22. Suworow, Der Eisbrecher, S. 228 f., S. 236 f.
23. ВА-МА, RH 21-4/266, 10.8.1941; ВА-МА, RH 21-3/v. 423, 7.8.1941.
24. ВА-МА, RH 2/2092.
25. Nekritsch/Grigorenko, Genickschuß, S. 272.
26. ВА-МА, RH 21-3/v. 437, 18.6., 21.6., 23.6.1941; а также трофейный приказ о боевой готовности моторизованных и механизированных соединений от 15.6.1941 г., ВА-МА, RH 20-4/671, 28.6.1941.
27. ВА-МА, RLD 13/127, Sowjetunion, Bodenorganisation, archivmäßig bearbeitete Flugplätze, Stand 1.2.1942, Anlage 3 zu ObdL, FüStab Ic/IV, Nr. 1300/42geh; ВА-МА, RLD 13/119; ВА-МА, Fliegerbodenorganisation, Stand 1.4.1941, Kart 160 K-4, K-5.
28. ВА-МА, RW 4/v. 330, 22.4.1942.
29. Chor'kov, Die Rote Armee in der Anfangsphase, S. 432.
30. Heydorn, Der sowjetische Aufmarsch, S. 79 f.
31. Гапич, Некоторые мысли, с. 48.
32. Пастуховский, Развертывание оперативного тыла, с. 19.
33. ВА-МА, RH 21-2/v. 646, 25.6.1941.
34. ВА-МА, RH 24-24/335, 7.10.1941.
35. ВА-МА, RH 24-48/198, 1.7.1941.
36. ВА-МА, RH 24-28/10, 16.7.1941.
37. ВА-МА, RH 21-1/471, 23.7.1941.
38. ВА-МА, RH 21-1/472, 6.8.1941.
39. ВА-МА, RH 21-3/v. 437, 26.7.1941.
40. ВА-МА, RH 22/271, 6.9.1941.
41. ВА-МА, RH 20-9/248, 22.7.1941.
42. Rhode, Aufzeichnungen zur Frage einer sowjetischen Vorbereitung auf einen Angriffskrieg im Jahre 1941 oder 1942, Archiv des Verf.
43. ВА-МА, RH 21-1/471, 27.6.1941.
44. ВА-МА, RH 24-17/158, 24.5.1941.
45. ВА-МА, RH 20-17/282, 27.8.1941.

46. BA-MA, RH 20-4/672, o. D.
47. BA-MA, RH 20-17/282, 30.4.1941.
48. Ebenda, 18.5.1941.
49. BA-MA, RH 191/128, 25.3.1941.
50. BA-MA, RH 20-9/247a, 16.5.1941.
51. BA-MA, RH 20-6/487, 17.6.1941; BA-MA, RH 20-9/247, 17.6.1941; BA-MA, RH 20-18/951, 18.6.1941; BA-MA, RH 24-5/104, 20.6.1941.
52. BA-MA, RH 24-28/10, Juni 1941; BA-MA, RH 21-4/266, 10.7.1941; BA-MA, RH 20-17/282, 11.7.1941; BA-MA, RH 21-1/470, 19.12.1941.
53. BA-MA, RH 21-3/v. 423, 23.6., 8.7.1941.
54. Goebbels, Tagebücher, Bd. 4, S. 1655 ff.
55. Picker, Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier, S. 277.
56. BA-MA, RH 20-9/248, 9.8.1941; BA-MA, RH 21-4/266, 10.8.1941.
57. BA-MA, RH 20-6/489, «Soldaten der Ostfront!».
58. BA-MA, RH 20-18/951, 13.3.1941.
59. BA-MA, RH 20-18/950, 11.3.1941.
60. BA-MA, RH 24-28/11, 1.5.1941; а также BA-MA, RH 20-9/247a, 5.5.1941.
61. BA-MA, RH 21-3/v. 423, 30.5.1941.
62. BA-MA, RH 19III/381, 29.4.1941.
63. BA-MA, RH 19I/127, 18.6.1941.
64. BA-MA, RH 2/1983, 20.5.1941.
65. BA-MA, RH 20-18/71, Chefbesprechung, 4.6.1941.
66. Jodl an Ritter, 1.3., 23.4., 6.5., 8.6., 20.6.1941 (приложение: Zusammenstellung der Grenzverletzungen durch russische Flugzeuge und russische Soldaten. Grenzzwischenfälle Winter 1939/40); Reports from OKW to Reich Government, National Archives Washington.
67. Keitel an Reichsminister des Äußeren, 11.5.1941; derselbe an Reichsregierung, 11.6.1941; Reports from OKW to Reich Government, National Archives Washington.
68. Волкогонов, Триумф и трагедия, с. 154-155.
69. Невежин, Выступление Сталина 5 мая 1941 г., с. 148.
70. Там же, с. 149.
71. Там же, с. 159.
72. См. прим. 4.
73. Невежин, Выступление Сталина 5 мая 1941 г., с. 152.
74. Там же, с. 166-167.
75. BA-MA, RW 4/v. 329, (Mai) 1941; см. также: Невежин, Выступление Сталина 5 мая 1941 г., с. 165.
76. BA-MA, RW 4/v. 325, 4.5.1941.
77. BA-MA, RH 20-16/474a, 27.6.1941.
78. BA-MA, RW 4/v. 330, Politkom und Politorg.
79. PAAA, Pol. VI, 1, o. D.
80. BA-MA, RH 24-24/333, 23.8.1941.
81. BA-MA, RH 24-17/158, 19.5.1941.
82. BA-MA, RH 24-54/177, 19.7.1941. Никитин, Оценка советским руководством, с. 123, ссылаясь на приведенный в статье: И. Хоффман, Подготовка Советского Союза, с. 27-28, доклад «влиятельного функционера», расценивает его как доказательство агрессивных планов советского политического руководства.
83. BA-MA, RH 19I/128, 22.5.1941; BA-MA, RH 20-6/487, 18.6.1941.
84. BA-MA, RH 21-4/265, 8.5.1941.
85. BA-MA, RH 24-4/91, 30.6.1941.
86. BA-MA, RH 21-1/471, 17.7.1941.
87. BA-MA, RH 24-48/200, 3.8.1941.
88. BA-MA, RH 24-17/172, 24.9.1941.
89. BA-MA, RH 24-24/333, 25.6.1941.
90. BA-MA, RH 21-1/472, 24.8.1941.
91. Ebenda, 7.8.1941.
92. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht, Bd. II, 2, S. 1287.
93. BA-MA, MSg 149/14, Brief des Generalmajors Meandrov, Januar 1946; BA-MA, MSg 149/46, Tagebuch des Generalmajors Borodin.
94. BA-MA, RW 4/v. 889, 18.9.1941.
95. PAAA, Pol. XIII, Bd. 16, 20.11.1941.
96. Волкогонов, Триумф и трагедия, с. 125.
97. Danilov, Hat der Generalstab der Roten Armee einen Präventivschlag gegen Deutschland vorbereitet?; Соколов, Похвальное слово.
98. BA-MA, RH 24-17/171, 26.7.1941.
99. BA-MA, RH 20-17/282, o. D.

- 100.ВА-МА, RW 2/v. 151, 6.8.1941.
- 101.ВА-МА, RH 20-6/491, 21.8.1941.
- 102.РААА, Pol. XIII, Bd. 12, Teil 2, o. D.
- 103.ВА-МА, RH 24-24/333, 2.7.1941.
- 104.ВА-МА, RH 21-1/471, 26.7.1941.
- 105.Generalfeldmarschall Wilhelm Ritter v. Leeb, Tagebuchaufzeichnungen, 11.9.1945.
- 106.Токаев, Stalin means War, S. 34.
- 107.Волкогонов, Триумф и трагедия, с. 128.
- 108.Филиппов, О готовности Красной Армии, с. 10.
- 109.ВА-МА, RH 21-3/v. 437, 25.4.1941.
- 110.Nekrich, «A Wise Design»; derselbe, Past Tense; Волкогонов, Триумф и трагедия, с. 127.
- 111.Гречко, 25 лет, с. 10. См. также: Генерал Петров, Мемуары, с. 14: «Первым вопросом Сталина ко мне был: “Как вы считаете, будет у нас война с немцами?” Я ответил: “Будет и очень скоро”.», Архив авт.
- 112.Khrushchev’s Secret Tapes, S. 44.
- 113.Филиппов, О готовности Красной Армии, с. 10, 12; Волкогонов, Триумф и трагедия, с. 155.
- 114.Хорьков, Начальный период Великой Отечественной войны, с. 26, Архив авт.
- 115.Sudoplatow, Erinnerungen und Nachdenken, 21: Beginn des Krieges, Archiv des Verf.
- 116.Волкогонов, Триумф и трагедия, с. 50, 154.
- 117.Карпов: Коммунист Вооруженных Сил; см. также: Schlafende Aggressoren (прим. 7).
- 118.Петров Б., Трагедия и мужество. К 50-летию начала Великой Отечественной войны.
- 119.Никитин, Оценка советским руководством, с. 142, 146.

Глава 3.

В бой через террор.

Советских солдат гнали под огонь

В основе советской историографии советско-германской войны лежит одно утверждение, которое, невзирая на все прочие переоценки, с железной последовательностью сохраняется до наших дней. Оно было публично провозглашено Сталиным под лозунгом так называемого «советского патриотизма» к 27-й годовщине Октябрьской революции 6 ноября 1944 г.¹ и, коротко говоря, гласило, что народы Советского Союза, исполненные «горячим и животворным советским патриотизмом», «горячей любви к своей социалистической Родине», «беспредельной преданности делу Коммунистической партии», «безграничной верности идеям коммунизма», «сплотились вокруг Коммунистической партии и Советского правительства» и объединились в «жгучей ненависти к захватчикам». ² «Морально-политическое единство советского общества», «несокрушимая дружба народов СССР» друг с другом — так гласила отныне вновь и вновь повторявшаяся стереотипная формула — «блестяще» подтвердились и проявили себя в ходе «Великой Отечественной войны Советского Союза».

В отношении Красной Армии без устали распространялось, что каждый красноармеец был «безгранично преданным своей социалистической Родине бойцом», движимым «чувством высокой ответственности... за порученную ему задачу защиты социалистической Родины», исполненным «высокой морали, выдающейся стойкости, мужества и героизма» и готовым, исполняя «священный долг по защите социалистического Отечества», сражаться «за партию и правительство, за товарища Сталина», «за нашу социалистическую Родину, за нашу честь и свободу, за великого Сталина» до последнего патрона, до последней капли крови. Вопреки всем контраргументам и уже в период, когда товарищ Сталин был давно разоблачен как преступник против человечества, а Советский Союз шел к гибели, еще в октябре 1991 г., заместитель директора Института военной истории министерства обороны в Москве, генерал-майор, профессор д-р Хорьков мог говорить в рамках международной конференции о «Плане Барбаросса», организованной Исследовательским центром Бундесвера по военной истории во Фрайбурге, о «воле к сопротивлению советского народа и его армии» 22 июня 1941 г., о «массовом героизме советских солдат», «о массовом героизме, храбрости и стойкости», проявленных всеми без исключения красноармейцами с самого начала войны.³ Если такие утверждения воспринимались беспрекословно, даже аплодисментами в аудитории, которая должна была претендовать на компетентность и научность, то чего же ожидать от широкой общественности, чьи исторические познания в основном проистекают лишь из поверхностных сообщений едва ли не менее осведомленной, но зато политически однозначно ориентированной журналистики?

Кто знаком с русской военной историей, тот знает о высоких качествах русских солдат, о не раз доказанной храбрости и стойкости русских воинов при нападении и особенно при защите своего отечества. В 1941 г. немцы во многом недооценили, сколь высокая мера любви к родине и отечеству исконно присуща русским людям и русским солдатам. В документах периода после начала войны действительно имеются бесчисленные примеры того, что советские солдаты, по каким бы мотивам то ни было, в некоторых местах, самоотверженно сопротивляясь, держались и сражались вплоть до своей гибели. Однако советская историография недопустимым образом обобщала такие случаи и, сознательно вводя в заблуждение, игнорировала все, что не соответствует пропагандистской картине советского героизма. Возникает ведь вопрос: какие же, собственно, мотивы должны были иметься у русских солдат и солдат других угнетенных народов Советского Союза, чтобы сражаться «до последнего патрона, до последней капли крови» за товарища Сталина и его террористический режим, причинивший им и их народам самые ужасные страдания и лишения?

Во всяком случае, сам Сталин, поначалу полный обманчивых ожиданий относительно силы и сплоченности Красной Армии и лишь через несколько дней пораженный парализующим шоком, не предавался иллюзиям по этому вопросу. Он верно связывал развал фронта не только с несостоятельностью командования, но и прежде всего с недостатком воли к борьбе у войск Красной Армии. И, чтобы вдохнуть в солдат «советский патриотизм» и вызвать тот настрой, который вплоть до наших дней характеризуется как «массовый героизм», для него существовал лишь один метод, который до сих пор всегда оправдывал себя и на котором зиждилась вся система его господства: использование высшей меры принуждения и террора в сочетании с разжиганием разнузданной пропагандистской кампании в целях политического воздействия. Когда он 3 июля 1941 г. впервые решился обратиться по радио к народам Советского Союза,⁴ он объявил с многократными повторами о том, что ему было нужно теперь. «Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам», — говорилось в этой первой

военной речи. «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов... Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица.» «Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села...» Руководящий аппарат Красной Армии немедленно воплотил эти намерения в приказы, которые не должны были больше оставлять солдатам иного выбора, как сражаться или умереть.

В первую очередь Главное управление политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА) во главе с армейским комиссаром 1-го ранга Мехлисом теперь пустило в ход все средства, чтобы вдолбить «речь Вождя народов, председателя Государственного Комитета Обороны товарища Сталина, и наши задачи» в голову каждого «отдельного солдата». ⁵ В ряде директив и приказов, например, № 20 от 14 июля, ⁶ № 081 от 15 июля 1941 г., ⁷ и в других основополагающих указаниях были даны соответствующие лозунги. Все они выдвигались под девизом: защищать «каждую пядь советской земли», как гласила формула, «до последней капли крови», «до последнего дыхания». Самовольное «оставление позиции», «бегство с поля боя», «сдача в плен» были провозглашены нарушением «священной присяги», «изменой родине», «преступлением против твоего народа, советской Родины и правительства». «Дезорганизаторам, паникерам, трусам, дезертирам и распространителям провокационных слухов» среди «солдат, командиров (офицеров) и политработников» отныне грозили «безжалостная борьба», «жестокие» и «решительнейшие меры», «беспощадное» преследование.

Как конкретно это должно было осуществляться, было продемонстрировано, когда 26 июня 1941 г. в 131-й механизированной дивизии один красноармеец за невыполнение незначительного приказа был заколот штыком на виду у всех. «Так нужно поступать со всеми изменниками родины», — гласил призыв приказного характера. ⁸ Командные структуры, равняясь на Главное политуправление, стали в целях всеобщего устрашения спешно выхватывать из массы производившихся теперь расстрелов отдельные случаи с указанием фамилий. Приказом № 1 войскам Юго-Западного фронта 6 июля 1941 г. было объявлено о расстреле солдат Игнатовского, Вергуна, Колибы и Адамова. ⁹ Командующий генерал-полковник Кирпонос, член Военного совета Михайлов, заместитель начальника штаба генерал Трутко угрожающе объявили: «В этот момент дезертиры, становящиеся предателями своих товарищей, забывающие данную ими присягу, заслуживают только одной участи — смертного приговора, презрения и удаления из наших рядов». Чистка шла и на Западном фронте после того, как нарком обороны, маршал Советского Союза Тимошенко в конце июня занял место арестованного командующего генерала армии Павлова. Уже приказ № 01 войскам Западного фронта от 6 июля 1941 г., подписанный совместно с членом Военного совета армейским комиссаром Мехлисом, должен был доводиться до всего командного состава вплоть до командиров взводов и послужить предостережением всем офицерам. ¹⁰ Было объявлено, что капитан Сбиранник, военврач 2-го ранга Овчинников, военврач 2-го ранга Белявский, майор Дыкман, батальонный комиссар Крол и помощник начальника отдела фронтового штаба Беркович «за проявленную трусость» и измену передаются Военному трибуналу.

Приказ № 02 войскам Западного фронта, изданный на следующий день, 7 июля 1941 г., и также подписанный Тимошенко и Мехлисом, продолжил запугивание командного состава. ¹¹ Теперь «за невыполнение боевого приказа и предательство» Военному трибуналу был передан инспектор инженерных войск Красной Армии майор Уманец. Его проступок состоял в том, что он запоздал своевременно взорвать мосты через Березину у Борисова, который в результате попал в руки немцев. Этот приказ был объявлен всему командному составу Западного фронта вплоть до командиров взводов, как и таковым с Юго-Западного фронта, оказавшегося под угрозой, а также войскам НКВД. ¹² Тимошенко, в Военный совет которого, наряду с Мехлисом, вошел теперь и секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Пономаренко, 8 июля 1941 г. издал приказ № 03 войскам Западного фронта, также предназначенный для устрашения, в котором объявлялось об осуждении Военным трибуналом командира 188-го зенитного полка полковника Галинского и командира батальона Церковникова. ¹³ «Преступные действия» обоих офицеров состояли не в чем ином, как в том, что немцам под Минском 26 июня 1941 г. в результате неожиданного удара удалось захватить часть военного имущества этого зенитного полка.

Беспощадные действия бывшего наркома обороны должны были послужить примером, и затем им всюду стали подражать командные структуры всех уровней, например, в 20-й армии генерал-лейтенанта Курочкина, который приказом № 04 от 16 июля 1941 г. оповестил все подразделения, что «за трусость и разжигание панических настроений» передал Военному трибуналу командира 34-го танкового полка подполковника Ляпина, командира батальона 33-го танкового полка старшего лейтенанта Пятинина и заместителя командира разведывательного батальона 17-й танковой дивизии капитана Чуракова, ¹⁴ что было равносильно смертному приговору. Маршалы Советского Союза Ворошилов и Буденный, разумеется,

ни в чем не отставали от своего коллеги Тимошенко. И то же самое относилось к генералу армии Жукову, которого боялись в Красной Армии за его жестокость и который, будучи командующим Западным фронтом, 13 октября 1941 г. издал приказ о расстреле «трусов и паникеров» на месте.¹⁵ Военным трибуналам оставалось только гарантировать выполнение этого приказа. А командующий 43-й армией генерал-майор Голубев своим приказом № 0179 от 19 ноября 1941 г. пригрозил «убить как собак» всех «трусов».¹⁶

10 июля Сталин потребовал привлечь к ответственности командиров-«предателей» Северо-Западного фронта, отступивших перед врагом.¹⁷ Он возложил ответственность за «позор» на весь штаб фронта, штабы корпусов и дивизий и дал указание расправиться с «трусами и предателями» на месте. Назначенный им новым командующим Северо-Западным фронтом Ворошилов, а также член Военного совета Жданов, один из самых близких доверенных людей Сталина в Политбюро, претворили требование в жизнь. В приказе № 3 от 14 июля 1941 г. было велено отдавать под Военный трибунал «командиров (офицеров) и солдат», отступающих с передней линии, и приговаривать их к смерти или просто «уничтожать на месте».¹⁸ В точно таком же духе был выдержан и вдобавок еще обогащен ругательствами приказ № 5 командующего войсками Юго-Западного направления маршала Советского Союза Буденного от 16 июля 1941 г.¹⁹ 13 июля 1941 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР Калинин расширил право утверждать исполнение смертных приговоров Военных трибуналов.²⁰ Широкомасштабные расстрелы офицеров, политработников и красноармейцев по приговору и без него давно уже всюду были в порядке вещей, когда вновь вмешался Сталин, чтобы еще больше разжечь террор.

Сталин решил, что смещенный и арестованный командующий Западным фронтом генерал армии Павлов и его штаб должны послужить примером, чтобы нагнать страху на всю Красную Армию и отвлечь внимание от своей собственной ответственности за крушение Западного фронта. Он приказал вынести смертный приговор генералу армии Павлову, начальнику штаба Западного фронта генерал-майору Климовских, начальнику связи фронта генерал-майору Григорьеву, далее командующему 4-й армией генерал-майору Коробкову. Приговор, подписанный председателем Военной коллегии Верховного суда СССР, кровавым армейским юристом Ульрихом, был сформулирован согласно указаниям Сталина, затем представлен ему и одобрен им²¹ без проведения хотя бы формального судебного процесса. Такова была обычная практика советской юстиции в советских военных трибуналах.

16 июля 1941 г. Сталин в своем качестве председателя Государственного Комитета Обороны приказом № 00381 сообщил Красной Армии о предстоящем осуждении указанных генералов, а также командира 41-го стрелкового корпуса генерал-майора Кособуцкого, командира 60-й горно-стрелковой дивизии генерал-майора Шалихова, полкового комиссара Курочкина, командира 30-й стрелковой дивизии генерал-майора Галактионова и полкового комиссара Елисеева.²² Они были обвинены в «трусости, неосуществлении служебного контроля, неспособности, дезорганизации, оставлении оружия врагу и самовольном покидании позиций». О том, что эти обвинения не были полностью высосаны из пальца, видно по приказу № 001919 Ставки Верховного Главнокомандования, подписанному, видимо, 12 сентября 1941 г. Сталиным и начальником Генерального штаба, маршалом Советского Союза Шапошниковым, где содержится разоблачительный пассаж. «На всех фронтах, — говорится здесь, — имеются многочисленные элементы, которые даже бегут навстречу врагу и при первом же соприкосновении бросают свое оружие и тянут за собой других... тогда как число стойких командиров и комиссаров не очень велико».²³ Едва ли Сталин стал бы без нужды делать такое признание.

Вновь введенный в тот же день, 16 июля 1941 г., для слежки за военачальниками всех рангов институт военных комиссаров и политруков представляет собой дополнительное доказательство того, насколько ненадежным считалось политико-моральное состояние Красной Армии. И войска НКВД не составляли при этом исключения, о чем свидетельствует пример 23-й мотострелковой дивизии оперативных частей НКВД. 12 июля 1941 г. замполит командира и начальник отделения политической пропаганды 23-й мотострелковой дивизии НКВД, полковой комиссар Водяха счел нужным в приказе № 02/0084 обратить внимание подчиненных частей и подразделений на случаи «непонимания сущности Отечественной войны народов Советского Союза против немецких фашистов».²⁴ Невзирая на развернутую «вождем народов» товарищем Сталиным 3 июля 1941 г. по радио военную программу «деятельности советского народа и его славной Красной Армии», согласно Водяхе, имелись «лица в рядах наших бойцов и даже командного состава, которые проявляют сомнения в нашей победе, выражают пораженческие настроения и восхваляют мнимую мощь армии фашистской Германии, рассказывая небылицы о хорошем снабжении немецкой армии и даже выражая сомнения в правдивости нашей печати». Дескать, такие разговоры означают «враждебное, вреднейшее воздействие и пособничество врагу». Теперь распространителям таких «лживых слухов» пригрозили, что их, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР, опубликованным 6 июля 1941 г. и подписанным Калининным, привлекут к

ответственности и отдадут под суд.

Позволительно спросить, как вообще должно было обстоять дело в Красной Армии с постоянно заклиняемым «горячим советским патриотизмом» и с «массовым героизмом», даже просто с понятием чести, если Верховному Главнокомандующему приходилось самым суровым тоном «предупреждать» своих командующих и Военные советы фронтов и армий, командующих военными округами, командиров корпусов, дивизий, полков и батальонов, весь офицерский состав советской армии, включая командиров рот, эскадронов и батарей, что «любое проявление трусости и дезорганизации» будет «пресекаться железной рукой» и будут приниматься «строжайшие меры, невзирая на лица». Во всяком случае, в германском Вермахте даже на заключительной стадии войны не было подобного недоверия, такого рода постыдных мер. «Обращаю внимание, — провозглашал, например, Сталин угрожающим тоном всем советским офицерам вплоть до полковых командиров, — что впредь все, кто нарушают присягу, забывают о долге перед Родиной, порочат доброе имя солдата Красной Армии, проявляют трусость, панику, самовольно покидают боевые позиции и без боя отдают оружие врагу, будут беспощадно, невзирая на лица, наказываться со всей строгостью по законам военного времени.» Одновременно он велел арестовать большую группу советских генералов. 28 июля 1941 г. командный состав Красной Армии приказом № 250 народного комиссара обороны был поставлен в известность о расстреле генералов Павлова, Климовских, Григорьева и Коробкова.²⁵ Было создано впечатление, будто имевший место фарс Военной коллегии Верховного суда СССР являлся нормальным судебным процессом. 28 октября 1941 г. были расстреляны генерал-полковник Штерн и генерал-лейтенант авиации Смушкевич, в феврале 1942 г. — генерал-лейтенант авиации Пумпур, генерал-майор авиации Шахт и другие генералы.

Все принятые до сих пор меры являлись лишь своего рода прелюдией к приказу Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г., который подписали Сталин в качестве председателя Государственного Комитета Обороны, Молотов, как его заместитель, маршалы Советского Союза Буденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников, а также генерал армии Жуков и который был зачитан всем солдатам Красной Армии.²⁶ Если еще требуется доказательство, что постоянно превозносимый «советский патриотизм» и «массовый героизм» советских солдат был не чем иным, как пропагандистской фразой, то оно содержится в этом основополагающем сталинском приказе, которому трудно найти аналог в военной истории. Как уже было 16 июля 1941 г., так и теперь вновь признавалось, «что в рядах Красной Армии... находятся неустойчивые, малодушные, трусливые элементы, причем их можно найти не только среди красноармейцев, но и в командовании». Кстати, тот факт, что «трусливые элементы» оказались в центре внимания столь основополагающего приказа, свидетельствует, что они не могли быть второстепенным явлением. А в чем состояла трусость? В том, что в советских войсках было распространено как раз настроение не сражаться «до последнего патрона, до последней капли крови», а либо побежать вперед и сдаться немцам, либо покинуть позицию и пуститься в бегство в тыл. Сталинский приказ № 270 пригрозил драконовскими мерами, чтобы преградить оба пути к бегству.

Отпугивающими примерами вновь послужили три генерала: погибший на деле 4 августа 1941 г. у Старинки от прямого попадания снаряда командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, из солдатской смерти которого извлекли выгоду таким способом, попавший в плен тяжело раненым командующий 12-й армией генерал-майор Понеделин, а также командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов. Их обвинили в том, что они трусливо сдались в плен «немецким фашистам», тем самым совершили преступление дезертирства и нарушили военную присягу. Однако обвинение касалось не только одних этих генералов, но и членов Военных советов армий, командиров, политработников, даже служащих особых отделов, командиров полков и батальонов и практически каждого солдата Красной Армии, который не позволил убить себя на передовой за «товарища Сталина». «Трусость и дезертирство надо уничтожить», — повторил Сталин, и теперь он приказал считать «командиров и политруков», бегущих от врага или сдающихся ему, «злостными дезертирами, клятвопреступниками и изменниками родины» и «уничтожить на месте». Так, генералы Понеделин и Кириллов после плена и пятилетнего следствия были уже 25 августа 1950 г. приговорены к смерти Военной коллегией Верховного суда СССР и расстреляны.²⁷ «Командиров и красноармейцев», которые предпочли сдаться в плен вместо того, чтобы сражаться и умереть, надлежало уничтожить «всеми средствами на земле и с воздуха». В соответствии с этим советская авиация атаковала и бомбила переполненные лагеря для военнопленных, например, под Орлом и Новгород-Северским. То, что для советского руководства не существует военнопленных, а имеются лишь изменники родины, стало в Красной Армии общеизвестно не позднее финской зимней войны, а о недостойной практике судебной ответственности всех членов семьи знал каждый советский человек. Всем военнослужащим Красной Армии теперь еще раз недвусмысленно пригрозили, что семьи сдавшихся офицеров и политработников будут арестовываться, а семьи сдавшихся красноармейцев лишат «государственных пособий и помощи». Но практика чаще всего выглядела куда хуже.

Типичным для Сталина и характерным для отношений в Красной Армии было то, что он не воззвал к постоянно заклиняемому «советскому патриотизму», а, напротив, счел распространение страха и ужаса подходящим средством, чтобы побудить красноармейцев сражаться за их «социалистическое отечество». Это проявилось и во время кризиса 1942 года, когда, невзирая на систему террора, и без того доведенную к этому периоду до совершенства, Сталин еще раз прямо обратился к советским солдатам всех рангов в угрожающем тоне. После того, как в июле 1942 г. на южном участке наметилась угроза прорыва немецких наступающих соединений вглубь страны и в немецких документах уже пошла речь о «паническом» и «диком бегстве» советских войск, Сталин в качестве народного комиссара обороны 28 июля 1942 г. издал приказ № 227,²⁸ практически — еще одно ужесточение приказа № 270 от 16 августа 1941 г. Недвусмысленными словами напоминалось теперь о требовании ликвидировать на месте или передавать для осуждения военному трибуналу «изменников родины», сдающихся врагу или предающихся бегству от него, «паникеров и трусов». В Рабоче-Крестьянской Красной Армии, якобы, исполненной «горячим советским патриотизмом» и «массовым героизмом», не только военнослужащие низших офицерских рангов, как командиры взводов и рот, или даже командиры батальонов и полков, но и точно так же все генералы, командиры дивизий и корпусов, а также командующие армиями и их Военные советы, военные комиссары и политруки, не говоря уже о солдатской массе, считались в принципе способными к «измене родине», и им угрожали суровым возмездием. Кроме того, Сталин приказал сформировать «смотря по обстановке» штрафные батальоны по 800 человек для всех неустойчивых «средних и старших командиров» и «соответствующих политработников» и штрафные роты для всех пораженчески настроенных младших командиров и рядовых, чтобы дать им возможность «искупить кровью свои преступления перед Родиной». Для военнослужащих этих штрафных подразделений, беспощадно использовавшихся на особенно трудных участках фронта, это практически означало, что они считались амнистированными лишь в случае тяжелого ранения, а при легком ранении, после излечения их тотчас вновь гнали под огонь. Хорошо вооруженные заградительные отряды позади сражающихся войск получили приказ открывать огонь по отступающим частям или солдатам и «расстреливать на месте паникеров и трусов».

Насколько оправданно было еще и в 1942 г. предполагать отсутствие «советского патриотизма» и «массового героизма» у военнослужащих Красной Армии всех рангов, проявилось в особенности при боях в предгорьях Кавказа, после того как немецкие войска прорвали советский фронт под Ростовом. Обобщающий немецкий доклад о допросах военнопленных или перебежавших солдат, офицеров и политработников 1 августа 1942 г. охарактеризовал масштабы морально-политического разложения следующим образом: «Сначала бежали высшие командиры, затем офицеры, наконец, войска, оставшиеся без командования».²⁹ Кроме того, сообщалось о массе перебежчиков среди советских офицеров и солдат. Командующий Северо-Кавказским фронтом, маршал Советского Союза Буденный в августе 1942 г. в «закрытом письме», подписанном совместно с доверенным лицом Сталина, членом Политбюро Кагановичем, который присутствовал в штабе в качестве соглядатая, далее с Корнийцом, Делезевым (Селезевым) и начальником Политуправления фронта бригадным комиссаром Емельяновым, счел себя вынужденным еще раз настойчиво напомнить своим войскам о сталинском приказе № 227.³⁰ То, что Сталин, как автор приказа № 227, утверждал относительно внутреннего разложения войск, нашло убедительное подтверждение и здесь, исходя из опыта Северо-Кавказского фронта. Буденный вынужден был признать, что после «беспорядочного отхода» с Дона «командиры и политработники взводов, рот, батальонов, полков [дивизий?] и армий», то есть все военное и политическое командование, едва обуздывало пораженчество солдат и не выполнило приказа «товарища Сталина» именно потому, что оно само было охвачено паникой. Этот документ, составленный в витиеватых формулировках, тоже увенчивался известными угрозами, «что командиры и политработники, охваченные страхом и боящиеся немцев», будут разбиты и «что... все трусы и паникеры, бегущие с фронта, и все, кто им пособничает, будут расстреляны». Это были не пустые слова, поскольку отовсюду сообщалось о расстрелах без разбора даже за незначительную мелочь.

Постсоветская литература, которая уже не могла поступить иначе, как в известной мере пожертвовать Сталиным и назвать своими именами многие его преступные меры, тем не менее, использует всю свою ловкость, чтобы отстоять определенные позиции сталинистской исторической пропаганды. К легендам, которые не ставятся под сомнение, принадлежат: версия о «трусливом вероломном нападении фашистов на ни о чем не подозревавший, миролюбивый Советский Союз», формулы о «Великой Отечественной войне Советского Союза», которой в таком виде вовсе не было, и о безраздельном «советском патриотизме» и «массовом героизме» военнослужащих Красной Армии. С этих позиций террористические приказы Сталина, например, приказы № 270 и № 227, выдаются за продолжение необоснованных репрессий 30-х годов, которые опять же были обращены против невиновных и безосновательно нанесли ущерб оборонительным усилиям,³¹ как будто «измена родине» в больших

масштабах вообще не существовала. Анализ документов приводит к иным выводам. Ведь Сталин хотел не просто найти виновных в катастрофе на фронте, ответственность за которую он, в конечном итоге, нес сам, — он для начала, используя беспощадный террор, стремился заставить советских солдат сражаться. Лишь за счет распространения страха и ужаса он надеялся стабилизировать фронт, ведь все сообщения с передовой свидетельствовали о моральном крахе войск Красной Армии, хотя, конечно, можно вновь и вновь приводить соответствующие контрпримеры. «В наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: “Нас окружили”», — так говорилось в личной директиве Сталина уже 12 сентября 1941 г. «В результате подобных действий... дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть...» Далее Сталин признавал, «что твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много». Как показывают документы высоких командных структур от лета и осени 1941 г., ситуация при этом была отражена верно. Так, в донесениях начальника политотдела 20-й армии начальнику Главного политуправления Красной Армии армейскому комиссару 1-го ранга Мехлису говорится о «массовых дезертирствах» в 229-й и 233-й стрелковых дивизиях, а также в 13-й танковой дивизии в период с 13 по 23 июля 1941 г.³² Например, в 229-й стрелковой дивизии из 12000 человек «бесследно исчезли» 8000. Армейские прокуроры отдали под военный трибунал десятки офицеров, включая полковников и батальонных командиров, которые впали в панику и бежали во главе своих людей. Другие офицеры были «отданы под суд за уничтожение своих знаков отличия, выбрасывание партбилетов (комиссары!) и бегство в гражданской одежде, за публичное чтение немецких листовок (комиссар-еврей), за восхваление немецких войск и т. д.» Немногим отличалась ситуация в 6-й армии Южного фронта еще в октябре 1941 г. 4 октября 1941 г. командующий генерал-майор Малиновский, член Военного совета бригадный комиссар Ларин, начальник штаба комбриг Батюня обратились к подчиненным частям с приказом № 0014, выдержанным в угрожающем тоне.³³ Ведь число «пропавших» и «отсутствующих по другим причинам», особенно в 255-й, 270-й и 275-й стрелковых дивизиях, только с 1 сентября по 1 октября 1941 г. составило более 11000 человек при 167 зарегистрированных военнопленных. Эти категории составили 67% общих потерь — согласно Малиновскому, «позорное явление», всю ответственность за которое он возложил на командиров (офицеров) и военных комиссаров.

Точные данные имеются по армиям, входившим в состав Юго-Западного фронта. Перед штабом Юго-Западного фронта (начальник штаба генерал-майор Тупиков, военный комиссар Соловьев, полковник Конованов) встала неприятная задача — сообщить 1 сентября 1941 г. начальнику Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии командарму 1-го ранга Щаденко точную расшифровку потерь в 5-й, 37-й, 26-й, 38-й и 40-й армиях с начала войны.³⁴ Согласно ей, «пропали» или «отсутствовали по другим причинам» не менее 94648 военнослужащих, включая 3685 офицеров, но в плен попали, якобы, лишь 720 военнослужащих, из них 31 офицер. Кроме того, как признали в приказе № 41 командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Кирпонос, член Военного совета Бурмистенко и начальник штаба генерал-майор Тупиков, эти «позорные случаи дезертирства и исчезновения из частей» еще более усугублялись тем фактом, что, согласно донесению командира войск НКВД, с учетом 6-й и 12-й армий в целом во фронтовом тылу было задержано 48756 офицеров и солдат.³⁵

Командующий 26-й армией генерал-майор Костенко, член Военного совета бригадный комиссар Колесников и начальник штаба полковник Бареников в связи с огромными потерями от «дезертиров», «изменников родины» и «беглецов», которые не удавалось преодолеть, невзирая на все репрессии и пропагандистские меры, в письме № 00134 от 16 сентября 1941 г. обратили внимание Военного совета Юго-Западного фронта еще на один тревожный момент.³⁶ Ведь уже Политуправление Северо-Западного фронта под № 0116 от 20 июля 1941 г. процитировало директиву Сталина,³⁷ согласно которой среди красноармейцев «западных областей Украины, Белоруссии... Молдавии, Буковины и Прибалтики», так называемых «правобережных», проявились «массовые настроения», «продиктованные желанием не воевать», а «убежать домой». В этой связи у Сталина сразу же возникло недоверие не только к массе красноармейцев, но и — причем с полным основанием — именно к «командирам (офицерам) и политрукам».

Все эти «позорные явления дезертирства и измены родине», вновь и вновь признаваемые в советских документах, следует оценивать на фоне того факта, что военнослужащих Красной Армии, несмотря на все угрозы наказания, не удавалось удерживать от массовой сдачи в плен немцам. К середине августа 1941 г. в немецком плену находились 1,5 миллиона советских военнослужащих всех рангов, к середине октября 1941 г. — более 3 миллионов и к концу 1941 г. — более 3,8 миллионов. В целом в ходе всей войны немцами были пленены 5,25 миллионов советских солдат и офицеров. Немецкие командные структуры отмечали в первый период войны, «что большие части противника не проявляют достаточно сильной воли к борьбе», однако вскоре после этого констатировали, «что вражеские подразделения

оказывают жесткое, отчасти отчаянное сопротивление»,³⁸ хотя скрытая склонность сдаться или убежать не была полностью преодолена в течение всей войны. И это наблюдалось не только в 1941 г. и в период крупного кризиса 1942 года, но еще и в последующие годы и даже на заключительной стадии войны.³⁹

Если спросить, как удалось, в конечном итоге, побудить красноармейцев, проявлявших мало энтузиазма и, в сущности, незаинтересованных, к «сопротивлению любой ценой» ради советского режима, то на это имеется лишь один ответ. Это было вызвано испытанным сталинским методом «сильнейшего террора и сознательного введения в заблуждение», что быстро отметили и немцы. Эффективным оказался только метод террора, и его действенность вынужденно признает в своей сталинской биографии и генерал-полковник Волкогонов, отрицательно настроенный в отношении Сталина. На первом месте находились массовые расстрелы офицеров, политработников и красноармейцев, по приговору или без него, военными трибуналами, заградительными отрядами либо верными официальной линии офицерами, политработниками или коммунистами и прочие драконовские меры. По данным российских специалистов, обнаруженным на германско-российской конференции по архивам в Дрездене 6 июля 1997 г., одни советские военные трибуналы с 1941 по 1945 гг. завели миллион дел против собственных солдат и привели в исполнение не менее 157000 смертных приговоров.⁴⁰ Рука об руку с этим шло запрещение сдаваться в плен и шельмование каждого попавшего в плен как дезертира и изменника родины, в сочетании с обычными для Советского Союза репрессиями в отношении членов семей. К этому добавлялась и разнузданная пропаганда о зверствах немцев и их союзников, которая должна была заведомо отбить желание сдаться «фашистам» у любого красноармейца.

Примечания

1. Stalin, *Über den Großen Vaterländischen Krieg*, S. 171 ff.
2. Hoffmann, *Die Kriegführung aus der Sicht der Sowjetunion*, S. 720 f.; derselbe, *Kaukasien 1942/43*, S. 372 f.
3. Chor'kov, *Die Rote Armee in der Anfangsphase*, S. 435.
4. Soldatenzeitung, 8.7.1941.
5. BA-MA, RH 21-1/471, 12.7.1941.
6. BA-MA, RH 21-2/649, 14.7.1941.
7. BA-MA, RH 20-18/996, 15.7.1941.
8. BA-MA, RH 24-3/134, 27.6.1941.
9. Ebenda, 6.7.1941.
10. BA-MA, RH 21-2/v. 648, 6.7.1941.
11. BA-MA, RH 21-3/v. 437, 7.7.1941.
12. BA-MA, RH 21-1/471, 12.7.1941.
13. BA-MA, RH 24-23/239, 8.7.1941.
14. BA-MA, RH 20-9/248, 16.7.1941.
15. BA-MA, RH 24-23/239, 13.10.1941.
16. BA-MA, RH 24-24/336, 10.11.1941.
17. Wolkogonow, *Triumph und Tragödie*, Bd. 2/I, S. 157.
18. BA-MA, RH 20-18/996, 14.7.1941.
19. BA-MA, RH 24-3/134, 16.7.1941.
20. BA-MA, RH 21-1/471, 13.7.1941.
21. Wolkogonow, *Triumph und Tragödie*, Bd. 2/I, S. 168 ff.
22. BA-MA, RH 24-48/198, 16.7.1941.
23. BA-MA, RW 4/v. 329, 15.9.1941.
24. BA-MA, RH 21-1/471, 12.7.1941.
25. BA-MA, RH 24-3/136, 28.7.1941.
26. BA-MA, RH 20-17/283, 16.8.1941.
27. Кузнецов, *Генералы 1940 года*.
28. BA-MA, RH 27-3/188, 28.7.1942; Hoffmann, *Kaukasien 1942/43*, S. 476 ff.
29. BA-MA, 27759/14, 1.8.1942.
30. BA-MA, RH 27-3/188 (1942).
31. Так, например, у Бонвеча: Bonwetsch, *Die Repression des Militärs*, S. 415.
32. BA-MA, RH 21-3/v. 437, 31.7.1941.
33. BA-MA, RH 20-17/282, 4.10.1941.
34. BA-MA, RH 19II/123, 1.9.1941.
35. BA-MA, RH 19II/123, o. D.
36. Ebenda, 16.9.1941.
37. BA-MA, RW 4/v. 329, 20.7.1941.
38. BA-MA, RH 24-23/239, 30.7.1941.

39. Хоффман, История Власовской Армии, с. 125.
40. Auch die Nichtverurteilten sollen bald rehabilitiert werden. Уже число «законно» приведенных в исполнение смертных приговоров в Красной Армии позволяет распознать фундаментальное различие между военным правосудием германского Вермахта, которое несомненно сильно ужесточилось в период Второй мировой войны и которое, тем не менее, можно назвать почти умеренным, и варварской практикой советских военных трибуналов.

Глава 4.

«Боец Красной Армии не сдается».

Советским солдатам запрещалось сдаваться в плен. Предотвращение бегства вперед

Советский Союз был единственным государством в мире, объявившим пленение своих солдат тяжким преступлением. Военная присяга,¹ статья 58 Уголовного кодекса РСФСР и прочие служебные предписания, например, Устав внутренней службы или «Боевое наставление пехоты Красной Армии», не оставляли сомнений в том, что сдача в плен в любом случае карается смертью, как «переход к врагу», «бегство за границу», «измена» и «дезертирство». «Плен — это измена родине. Нет более гнусного и мошеннического деяния, — говорится там. — А изменника родины ожидает высшая кара — расстрел.» Сталин, Молотов и другие руководящие лица, как, например, мадам Коллонтай, не раз заявляли и публично, что в Советском Союзе существует лишь понятие дезертиров, изменников родины и врагов народа, а понятие военнопленных неизвестно.² Поскольку «рабоче-крестьянской власти» было невозможно допустить, чтобы революционные солдаты Рабоче-Крестьянской Красной Армии искали спасения в пленении классовым врагом, то советское правительство уже в 1917 г. больше не считало себя связанным Гаагскими конвенциями о законах и обычаях войны, а в 1929 г. отказалось и от ратификации Женевской конвенции о защите военнопленных. Эту позицию в отношении военнопленных необходимо иметь в виду, чтобы понять тактический маневр Москвы в июле 1941 г., который вплоть до наших дней вызывает основательную путаницу в умах.

Ведь Молотов, отвечая 27 июня 1941 г. на инициативу Международного комитета Красного Креста (Comité international de la Croix-Rouge),³ заявил о готовности при условии «взаимности» принять предложения о военнопленных и об обмене поименными списками. Совет Народных Комиссаров уже 1 июля 1941 г. поспешил утвердить «Положение о военнопленных» (Постановление СНК СССР № 1798-8000, секретно, утверждено),⁴ предписания которого об обращении с военнопленными были вполне созвучны принципам международных конвенций. Далее, главный интендант Красной Армии генерал-лейтенант Хрулёв циркуляром № 017 (4488) от июля 1941 г. установил соответствующие нормы снабжения для военнопленных солдат германского Вермахта.⁵ Наконец, Санитарное управление Красной Армии (начальник — дивизионный врач Смирнов, заместитель начальника по тыловым службам — генерал-майор Уткин) еще 29 июля 1941 г. представило соответствующее предложение о подобающем госпитальном обслуживании раненых или больных военнопленных вражеских армий.⁶ Имея это бюрократическое прикрытие, государство-посредник (Schutzmacht) Швеция [защищавшее интересы граждан СССР и Германии на противоположной стороне после начала войны между ними] 19 июля 1941 г. сообщило вербальной нотой правительству Рейха, приложив «Положение о военнопленных», что правительство СССР готово признать предписания Гаагской конвенции о законах и обычаях войны от 18 октября 1907 г. по военнопленным при условии, «что это будет также иметь место с немецкой стороны».

Итак, коренной поворот в позиции по вопросу военнопленных? Дальнейшие события позволяют понять, что советское руководство никогда всерьез ни на мгновение не думало о том, чтобы обеспечить пленным военнослужащим Красной Армии защиту и привилегии, предусмотренные Гаагской конвенцией, или, напротив, принять какие-либо обязательства в отношении немецких военнопленных.⁷ И то, что при демонстративном требовании о признании взаимности речь шла на деле о пропагандистском маневре, предпринятом лишь в отношении западных держав, как верно утверждает граф Толстой,⁸ о «явном обмане» (patently a blind), показывают уже различные сталинские приказы тех же дней, особенно приказ № 270 Государственного Комитета Обороны, угрожавший советским солдатам, сдавшимся в плен, как дезертирам, уничтожением «всеми средствами на земле и с воздуха». Лишь в отношении зарубежья и показалось целесообразным придать себе соответствующую международному праву, цивилизованную внешность, ведь немного погодя, 26 августа 1941 г., и американский государственный секретарь Корделл Хэлл обратился к советскому правительству с запросом, какие из международных конвенций «предполагается сделать основой обращения с пленными» с советской стороны.⁹ И после опять же туманного заявления заместителя наркома иностранных дел Вышинского от 8 августа 1941 г. советское правительство в действительности никогда больше не возвращалось к вопросу о соглашении. Оно с самого начала наотрез отказалось от применения важнейших положений Гаагской конвенции, например, от обмена списками военнопленных, доступа Международного Красного Креста к лагерям, разрешения переписки и посылок. Все усилия, предпринимавшиеся Международным комитетом Красного Креста со ссылками на советские обещания, чтобы добиться соглашения или хотя бы обмена мнениями в Москве, далее попросту игнорировались, как ранее аналогичные усилия времен войн Советского Союза против Польши в 1939 г. и против Финляндии в

1939-40 гг.

Уже 9 июля 1941 г. Международный комитет Красного Креста поставил в известность советское правительство о готовности Германии, Финляндии, Венгрии и Румынии, а 22 июля также Италии и Словакии произвести обмен списками военнопленных на условии взаимности. 20 августа 1941 г. был передан первый немецкий список военнопленных. Списки военнопленных Финляндии, Италии и Румынии также были переданы Международному Красному Кресту и направлены в советское посольство в Анкаре, указанное Молотовым в качестве посредника. Не последовало даже подтверждения их получения, не говоря уже о том, чтобы Советский Союз признал требуемый принцип взаимности. Ввиду упорного молчания советского правительства Международный комитет Красного Креста добивался по различным каналам — так, через советские посольства в Лондоне и Стокгольме — разрешения направить в Москву делегацию или делегата в надежде устранить предполагаемые недоразумения путем устных переговоров. Вновь и вновь выдвигаемые соответствующие предложения остались безо всякого ответа. Точно так же была упущена созданная Международным комитетом Красного Креста возможность направления помощи советским военнопленным в Германии, поскольку советское правительство не отреагировало на соответствующие ходатайства из Женевы. Все усилия по достижению соглашения в вопросе о военнопленных, предпринимавшиеся параллельно к этому государствами-посредниками, нейтральными государствами и даже союзниками СССР, тоже не вызвали в Москве ни малейшей реакции. Международный Красный Крест в начале 1943 г. счел себя вынужденным напомнить советскому правительству по всей форме о данном Молотовым 27 июня 1941 г. обещании и одновременно с разочарованием констатировать «qu'il avait offert ses services, sans résultat pratique dès le début des hostilités». Тем временем эта ситуация не изменилась и теперь. Как советское правительство оценивало добрые услуги, оказанные Красным Крестом во время войны, выявилось в 1945 г., когда находящаяся в Берлине делегация МКК была «грубо» (brusquement) лишена возможностей для своей работы и безо всякой мотивировки депортирована в Советский Союз.

При этих предпосылках возникает вопрос, какие меры приняло советское руководство для предотвращения бегства красноармейцев вперед, то есть их сдачи в плен противнику. Как всегда, существовало два взаимодополнявшихся средства — пропаганды и террора. Иными словами, там, куда не проникала пропаганда, вступал в дело террор, кто не верил пропаганде, тот ощущал на себе террор. Выпущенное Политуправлением Ленинградского военного округа в 1940 г. руководство для политагитации под многозначительным названием «Боец Красной Армии не сдается» (Н. Брыкин, Н. Толкачев) своевременно обобщило моменты, на которые красноармейцам следовало обращать внимание в этом вопросе.¹⁰ Исходя из военной присяги и из аксиомы, что плен — это «измена родине», это величайшее преступление и величайший позор для советского солдата, сначала был произведен нажим на педали так называемого «советского патриотизма». Согласно этому, «смерть или победа» — вот что, дескать, уже в Гражданскую войну являлось законом для каждого бойца Красной Армии, которые все предпочли бы «смерть позорному плену». Мол, девиз «большевики не сдаются в плен» был для красноармейцев путеводным принципом как в Гражданской войне, так и в боях с японцами на озере Хасан и реке Халхин-Гол, при «освобождении» Западной Украины и Западной Белоруссии, иными словами — в неспровоцированной агрессивной войне против Польши, и прежде всего в развязанных и организованных «англо-французскими империалистами» боях с финскими белогвардейцами, то есть в неспровоцированной агрессивной войне против Финляндии. «Исполняя свой священный воинский долг», «патриоты социалистической Родины», «подлинны сыны советского народа», якобы, считали чем-то само собою разумоюшимся покончить с собой перед взятием в плен классовым врагом, сберечь последнюю пулю для себя самого, если потребуется — сжечь себя живьем, причем еще запев большевистскую партийную песню.

Второй аргумент состоял в расписывании страшных пыток, «ужасной мученической смерти», которые неизбежно ждут красноармейцев в плену у капиталистов. Сильнодействующие примеры приводились прежде всего из боев с «белофинскими бандами», «финскими головорезами», «белофинскими вырожденками». Финны, якобы, направляли все свои усилия на то, чтобы причинить военнопленным и раненым «небывалые муки, заживо сжечь раненых, как на острове Лассисаари, выжечь им глаза, распороть животы, изувечить их ударами ножа». Политагитаторы Брыкин и Толкачев могли сослаться на речь, с которой выступил 29 марта 1940 г. перед Верховным Советом СССР глава советского правительства Молотов¹¹ и в которой он привел много примеров «неслыханного варварства и зверства» «белофиннов». «Когда финны в одном районе к северу от Ладожского озера окружили наши санитарные шалаши, в которых находились 120 тяжелораненых, — говорил Молотов, — часть из них была сожжена, часть найдена с пробитыми головами, а остальные заколотыми или пристреленными. Не считая смертельно раненых, здесь и в других местах на большинстве погибших имелись следы выстрелов в голову и убийства ударами прикладов, а на большинстве убитых огнестрельным оружием — следы ножевых ран, нанесенных

в лицо финскими женщинами. Некоторые трупы были найдены с отрубленными головами, и головы обнаружить не удалось. При обращении с теми, кто попал в руки белофинских женщин-санитарок, практиковались особые издевательства и невероятные жестокости. Финская белая гвардия, шуцкор, который финские рабочие давно уже зовут палачами, особенно ясно продемонстрировал свою звериную натуру в войнах против СССР. Издевательства, надругательства, пытки и варварские методы уничтожения пленных были у финнов излюбленным образом действий против советских бойцов. Противник не щадил никого: ни раненых, ни санитарные команды, ни женщин.» Если уж и финские медсестры, служащие Lotta Svärd, жестоко расправлялись даже над беспомощными ранеными, то чего же, спрашивается, могли ожидать нераненые военнопленные или чего им было ждать в будущем?

Правда, для того, кто не вполне желал верить официальным доводам, Политуправление имело наготове еще один и на этот раз действительно убедительный аргумент. «А таких, которые сдаются из страха и тем самым изменяют родине, ожидает позорная участь, — говорилось с угрозой, — ненависть, презрение и проклятие семьи, друзей и всего народа, а также позорная смерть.» В агитационном издании приводится случай с двумя красноармейцами, которым после возвращения из финского плена пришлось «ответить перед советским народом» за свою «измену» и «клятвопреступление» и которые понесли «заслуженное наказание». Военный трибунал приговорил обоих, как «изменников родины», «ублюдков» и «мерзких душонок», к смертной казни — расстрелу, поскольку «изменник социалистической родины не имеет права жить на советской земле». В действительности дело обстояло несколько иначе, так как советские военнопленные, репатриированные после заключения мира с Финляндией 12 марта 1940 г., не были обвинены индивидуально, а все без исключения арестовывались НКВД только за свою сдачу в плен. О них никогда больше ничего не слышали, ведь они все до единого были расстреляны.¹²

Оценка плена как преступления, как показывают уже сталинские террористические приказы, разумеется, тем более практиковалась в советско-германской войне. Начальник Управления политической пропаганды Красной Армии армейский комиссар 1-го ранга Мехлис распоряжением № 20 от 14 июля 1941 г.¹³ ввел соответствующий нормативный язык, сориентированный на агитационное издание 1940 года. В начале приводится советско-патриотический призыв: «Ты дал присягу до последнего дыхания быть верным своему народу, советской Родине и правительству. Свято исполни свою присягу в боях с фашистами». Далее следует устрашение: «Боец Красной Армии не сдается в плен. Фашистские варвары зверски истязают, пытаются и убивают пленных. Лучше смерть, чем фашистский плен». И в конце — весомая угроза: «Сдача в плен является изменой родине». Политиздание «Фашистские зверства над военнопленными. По данным зарубежной печати. Ленинград, 1941», распространенное в помощь пропагандистам и агитаторам осенью 1941 г., указало путь, как можно для начала по доброй воле отбить у красноармейцев желание сдаваться в плен немцам. Так, здесь лицемерно утверждалось, что Германия «не соблюдает международные соглашения о военнопленных», которые в действительности признавались именно Германией, но не Советским Союзом. Дескать, тем самым военнопленные поставлены «вне закона. Каждый в фашистской Германии может их убить». Свидетелем якобы «зверского обращения с пленными, беженцами и населением на оккупированных территориях» явился военный комиссар Мушев из 22-й армии, о котором еще будет упомянуто ниже.¹⁴ Теперь Главное управление политической пропаганды Красной Армии с грубой наглядностью демонстрировало красноармейцам, что означала бы для них сдача в плен: «Все пленные чрезвычайно сожалеют, что живыми попали в руки фашистов; смерть — ничто по сравнению с тем, что им приходится испытывать в плену», «фашистский плен — это ад, смерть», «плен у фашистов означает то же самое, что мучительная смерть», «фашистский плен — это каторга, нечеловеческие муки, хуже смерти».

Воздействие на военнослужащих Красной Армии в том духе, что в немецком плену они неизбежно будут убиты,¹⁵ началось с самого начала войны — согласно документальному подтверждению, с 23 июня 1941 г.,¹⁶ развертывалось и усиливалось политическим аппаратом в качестве центральной задачи и с железной последовательностью проводилось всю войну. Однако речь шла не только об одних расстрелах, но и — в продолжение пропаганды финской зимней войны — о том, что немецкие солдаты «надругаются над военнопленными перед их верной смертью», «зверски их пытаются», «ужасно увечат», «истязают до смерти», «отрезают им уши и нос и выкалывают глаза», «отрезают им пальцы, нос, уши, голову или разрезают спину и вынимают позвоночник, прежде чем их расстрелять».¹⁷ В документах всюду рассеяны ссылки на подобные якобы совершавшиеся зверства, без которых в 1943 г. не должна была больше обходиться никакая политическая учеба или доклад, ни один «митинг», никакое «обращение» политработников и ни одна фронтовая газета. Для большего правдоподобия приходилось использовать и грубые фальшивки. Так, уже в июле 1941 г. фотографии поляков и украинцев, которых тысячами расстреливали органы НКВД во львовских тюрьмах, выдавались за доказательство злодеяний «немецких солдат» в отношении военнопленных. Использовались и другие методы. Немецких военнопленных

расстреливали и оставляли лежать у путей отступления, чтобы спровоцировать ответные меры в отношении советских военнопленных, что в свою очередь, как надеялись, будет сдерживать «склонность красноармейцев к переходу на сторону врага».¹⁸ Отдельные немецкие командные структуры действительно намеревались поддаться на подобные провокации. Однако Верховное главнокомандование Вермахта своевременно положило этому конец и запретило меры возмездия, «поскольку они способствуют лишь ненужному ожесточению борьбы».

Судьба, которая, якобы, ожидала советских военнопленных в руках немцев, столь настойчиво демонстрировалась военнослужащим Красной Армии, что такая пропаганда не оставалась безрезультатной. Так, немецкие командные структуры вновь и вновь сообщали, что среди красноармейцев в результате систематической обработки их своими «офицерами и комиссарами» распространено мнение, будто немцы «убивали каждого пленного», будто «мы расстреливаем каждого русского военнопленного, а перед этим даже надругаемся над ним».¹⁹ Как выяснилось, зачастую рассчитывали на расстрел, во-первых, «простые натуры» среди солдат. Уже упоминавшийся медик с кафедры микробиологии медицинского института в Днепропетровске Котляревский, теперь — в составе 151-го медсанбата 147-й стрелковой дивизии, показал 24 сентября 1941 г., что «все его раненые, которым он был придан как врач-ассистент, были твердо убеждены, что немцы их убьют». Но это опасение разделялось и в офицерских кругах, даже частью высших офицеров, а в отдельных случаях — и генералами.²⁰ Так, например, командир 102-й стрелковой дивизии генерал-майор Бессонов 28 августа 1941 г., как и полковник из штаба 5-й армии Начкебия 21 сентября 1941 г.²¹ и другие офицеры, находились под впечатлением, что поплатятся в немецком плену своей жизнью. «Многие офицеры и командиры считали, что в немецком плену их расстреляют», — признал майор Ермолаев, командир 464-го гаубичного артиллерийского полка 151-й стрелковой дивизии 20 сентября 1941 г.

Сейчас общеизвестно, что на основе пресловутых комиссарских директив Гитлера политические функционеры Красной Армии действительно расстреливались как мнимые некомбатанты охранной полицией и СД, а частично, согласно приказу, и войсками, хотя и в относительно ограниченном количестве и с растущим нежеланием. Представляется, однако, необходимым упомянуть в этой связи, что полная аналогия тому имела и на советской стороне — ведь и здесь военнослужащие Вермахта, особенно офицеры, о чьем членстве в НСДАП становилось известно, чаще всего тоже немедленно ликвидировались. Полковник Гаевский из 29-й советской танковой дивизии 6 августа 1941 г. даже дал показание о наличии приказа вышестоящей армии (4-й или 10-й), согласно которому «офицеры низших рангов должны были расстреливаться, так как их считали офицерами, преданными Гитлеру».²²

Плен на немецкой стороне вполне мог характеризоваться различными методами обращения, как будет показано в кратком обзоре. Ведь если, например, германские сухопутные войска, согласно приказу генерал-квартирмейстера, генерал-лейтенанта Вагнера, с 25 июля 1941 г.²³ перешли к тому, чтобы отпускать советских военнопленных украинской, а вскоре и белорусской национальности в их родные места на оккупированной территории (в зоне ОКХ, согласно российским данным, таких пленных до прекращения этой акции 13 ноября 1941 г. насчитывалось 292702, в зоне ОКВ — 26068), и если, к примеру, 3-я танковая группа отправила домой в качестве поощрения 200000-го захваченного ею военнопленного по фамилии Дрюк,²⁴ а другие соединения поступали аналогичным образом, то оперативные группы охранной полиции и СД принялись физически ликвидировать «нетерпимые элементы», то есть прежде всего неудобные в политическом и «расовом» отношении. Жертвами этих акций уничтожения становились и представители народов Средней Азии и Кавказа, очень часто — именно самые непримиримые противники советского режима, которые теперь отсортировывались из-за своей подчас экзотичной внешности как символы большевизма, неверно трактуемого как «азиатский» или «монгольский». И опять же именно представителей этих национальных меньшинств Главное командование сухопутных войск с зимы 1941/42 гг. сочло достойными и призвало вступать в качестве соратников и равноправных солдат в создаваемые национальные легионы туркестанцев, азербайджанцев, северокавказцев, волжских татар, грузин и армян, а также в Калмыцкий кавалерийский корпус и прикреплять к серой полевой униформе германскую государственную эмблему со свастикой в лапах орла.

В целом судьба советских военнопленных в немецком плену зимой 1941/42 гг., как известно, была ужасающей. Это по праву было названо «трагедией величайшего масштаба», ведь сотни тысяч из них погибли в эти месяцы от голода и эпидемий. Причины этой массовой смертности имеют многообразную природу. Нередко могли играть свою роль, прежде всего на низовом уровне, незнание народов Востока, а также человеческое бездушие и злая воля, вытекавшая из политического подстрекательства. Но в более высоком смысле это была не столько злая воля, сколько техническая невозможность хоть как-то обеспечить и разместить на восточных территориях миллионную массу военнопленных, зачастую уже совершенно изможденных, в условиях зимы 1941/42 гг., так как после почти полного развала транспортной системы и

немецкая действующая армия, оборонявшаяся не на жизнь, а на смерть, испытывала в это время тяжелую нужду. Кроме того, для сравнения можно указать, что и уровень смертности советских военнопленных в финском плену составил почти треть их общего количества.²⁵ И попытка возложить теперь ответственность за это именно на генерал-квартирмейстера, ведавшего в Генеральном штабе сухопутных войск делами военнопленных, и, как оно имело место, связать его с так называемой гитлеровской «политикой уничтожения» на Востоке попросту противоречила бы исторической правде. Ведь именно генерал-квартирмейстер в Генеральном штабе сухопутных войск своими приказами от 6 августа, 21 октября и 2 декабря 1941 г. установил для всех военнопленных, находившихся на оккупированных восточных территориях, включая районы подчинения командующих Вермахта на Украине и в Прибалтике (Ostland), а также в Норвегии и Румынии, продовольственные рационы в достаточном для сохранения жизни и здоровья размере. Поэтому встает лишь вопрос о том, выполнялись ли и в каком объеме или могли ли выполняться эти приказы и, если нет, то по каким причинам выполнение отсутствовало.

Во всяком случае, приказы и распоряжения Главного командования не могли просто игнорироваться. И действительно, можно показать, что соответствующие командующие тыловыми районами сухопутных войск и коменданты тыловых армейских территорий, а также многие лагерные коменданты в рамках своих ограниченных возможностей стремились улучшить положение военнопленных и как-то им помочь. Если им удавалось добиваться лишь очень ограниченных успехов, то это было вызвано растущими трудностями снабжения ввиду гигантского числа пленных и, наконец, как было сказано, полным крахом транспортной системы зимой 1941/42 гг., который поставил под серьезнейшую угрозу и снабжение германских Восточных армий. Однако весной 1942 г., когда лед тронулся, были предприняты многообразные и энергичные меры по улучшению положения советских военнопленных, сознательно увязывавшиеся с положениями Гаагских конвенций о законах и обычаях войны, которые никогда не признавались Советским Союзом. С весны 1942 г. ситуация в сфере действий как ОКХ, так и ОКВ начала шаг за шагом консолидироваться, так что простое выживание в лагерях для военнопленных вскоре уже не составляло вопроса.

Это, разумеется, не затронуло распространения измышлений о зверствах, как важного фактора советских военных усилий, и в Красной Армии оно непоколебимо продолжалось.²⁶ Даже весной 1943 г., когда во всех заведениях для военнопленных и дивизиях немецкой армии на Востоке давно уже функционировали «Русские подразделения помощи» (Russische Betreuungsstaffeln) РОА (Русской Освободительной Армии) в составе 1 офицера, 4-х унтер-офицеров и 20 рядовых, задача которых состояла в защите интересов их военнопленных соотечественников — учреждение, которое, кстати говоря, оказывало устойчивое воздействие на красноармейцев, — с советской стороны неизменно сообщалось,²⁷ что немцы «вешают или расстреливают» каждого военнопленного, причиняют ему «жестокие муки» и, как недавно в Катыни, «в районе Смоленска, перестреляли 35000 пленных»,²⁸ имея в виду убийство польских офицеров советским НКВД. Даже антисоветски настроенные красноармейцы, как гласили немецкие документы, начали «несколько настораживаться, поскольку они не знают, расстреляют их у немцев или нет».²⁹

В целом немецким войскам пришлось скоро убедиться, что систематическое распространение сообщений о мнимых или подлинных зверствах в отношении военнопленных автоматически влекло за собой ужесточение сопротивления Красной Армии и склонность красноармейцев сдаваться в плен ослабевала. Майор Соловьев, начальник штаба 445-го стрелкового полка 140-й стрелковой дивизии, выразил это такими словами: «Единственное объяснение сопротивления Красной Армии следует искать исключительно в том обстоятельстве, что о зверствах военнослужащих германского Вермахта говорят и пишут с неслыханной интенсивностью».³⁰ Уже 24 июня 1941 г. военнопленные назвали «причиной своего упорного сопротивления» то, что им «убедительно внушали:

1. Если они оставят позиции и отступят, то их сразу же расстреляют политические комиссары.
2. Если они перейдут к немцам, то будут немедленно расстреляны ими.
3. Если их не расстреляют немцы, то это произойдет тотчас, когда вновь придут красные войска. В этом случае будут иметь место также конфискация имущества и расстрел близких».

Эти слова обрисовывают безвыходную ситуацию, в которой на деле оказались советские солдаты.

Ужесточившееся сопротивление войск Красной Армии может служить и прагматичным объяснением растущего нежелания немецких командных структур применять директивы о комиссарах, которые 6 мая 1942 г. были, наконец, отменены. Чтобы избавить советских солдат от страха перед пленом, с немецкой стороны была одновременно запущена массированная пропаганда с помощью листовок.³¹ Ведь у военнопленных, наряду с негативным, иной раз бывал и позитивный опыт, как это отметил командир 8-го стрелкового корпуса генерал-майор Снегов, который 11 августа 1941 г. пожелал занести в протокол следующее: «Первые дни в немецком плену оказали на нас чудесное воздействие. Мы заметили, что

становимся другими людьми. Я и мои товарищи в первый раз смогли откровенно поговорить друг с другом». ³² После того, как была пережита катастрофическая зима 1941/42 г., можно было в возрастающей мере приводить позитивные аргументы. Но предпосылкой успеха такой контрпропаганды была и оставалась безусловная правдивость. Поэтому командование 3-й танковой армии и дало знать Главному командованию сухопутных войск 21 августа 1942 г., что обещание хорошего обращения без выполнения этого обещания сделает в перспективе сомнительной всю немецкую фронтовую пропаганду. ³³

Командование Красной Армии пыталось средствами террора задушить в корне любое сомнение в его сообщениях о зверствах противника. Это отнеслось прежде всего к немецкой пропаганде с помощью листовок, хотя она, как и соответствующая советская пропаганда, поначалу отличалась неуклюжей грубостью и зимой 1941/42 г. потерпела ощутимое фиаско. Лишь когда с помощью местных знатоков страны удалось приспособиться к образу мышления советских солдат и когда прежде всего перестали игнорировать также офицеров и политработников и угрожать им, а к ним начали обращаться персонально, прокладывая к ним «золотые мосты», ³⁴ и когда, кроме того, на листовках появились надписи об их использовании в качестве пропусков, ³⁵ они возымели действие в полной мере. Советские командные структуры реагировали на это нервозно и привели в движение все, чтобы воспрепятствовать попаданию немецких листовок к чрезвычайно заинтересованным советским солдатам. ³⁶ «Усильте сбор и уничтожение фашистских листовок... партийными и комсомольскими организациями и политическим аппаратом дивизий и позаботьтесь о том, чтобы листовки не попадали в руки красноармейцев», — гласил лозунг НКВД в сентябре 1941 г. ³⁷ Уже просто поднятие «контрреволюционных фашистских листовок» угрожало тяжкими карами. В случае нахождения немецких листовок у красноармейцев соответствующие военнослужащие, согласно директивам вновь созданных «особых отделов» НКВД (контрразведка, до этого 3-е управление), к примеру, Юго-Западного фронта, 26-й армии (2 августа 1941 г.), 9-й армии (5 сентября 1941 г., № 25165), должны были «немедленно арестовываться» и привлекаться к ответственности. ³⁸ О том, что происходило с виновными, документы единодушно сообщают: сбор и чтение немецких листовок наказывались смертью. ³⁹ Красноармейцев всюду расстреливали за это и без приговора военных трибуналов, по возможности — перед строем. ⁴⁰ «Если у красноармейца будет найдена немецкая листовка, то он попадает под военный суд и в большинстве случаев расстреливается», — без обиняков признал командир 27-го стрелкового корпуса генерал-майор Артеменко в сентябре 1941 г. ⁴¹

Не менее вредоносным для правдоподобия антинемецких измышлений о зверствах оказался и другой источник информации. Это были «изменники» и «шпионы», названные так Сталиным в одной директиве (Северо-Западный фронт, № 0116, 20 июля 1941 г.), в особенности «командиры (офицеры), политруки и красноармейцы, возвращающиеся из окружения в западных районах Украины, Белоруссии и в Прибалтике поодиночке и группами», одним словом — все военнослужащие Красной Армии, независимо от их рангов, которые пробивались к собственным войскам из немецкого плена или тыла. Теперь они все, согласно воле Сталина, автоматически считались подозрительными и ставились в положение обвиняемых. Наряду с прямой агентурной деятельностью, командование Красной Армии опасалось прежде всего распространения «провокационных слухов... того содержания, что командование немецкой армии, якобы, не предпринимает никаких репрессий в отношении военнопленных, хорошо их кормит и затем отпускает на работу в колхозы», как гневно заметил начальник 3-го отдела 12-й армии полковник Розин 15 июля 1941 г., ⁴² «провокационных слухов о непобедимости немецкой армии, о хорошем, сердечном обращении немцев с пленными красноармейцами», как говорится в другом месте. Хотя советские военнопленные на немецкой стороне подвергались ведь и притеснениям, и насилию, а с осени 1941 г. все сильнее терпели нужду, советские командные структуры, например, Курский областной военкомат 23 сентября 1941 г., ⁴³ все же подозревали, что «контрреволюционные слухи» о, якобы, хорошем обращении с «пленными красноармейцами и мирным населением» могут пошатнуть пропагандистские версии о «кровавых преступлениях и зверских актах насилия гитлеровских людоедов».

Из захваченных под Вязьмой документальных материалов ⁴⁴ особого отдела НКВД 19-й армии немцы в мае 1942 г. действительно смогли с удовлетворением сделать вывод: «Противоположную позицию в сравнении с пресловутыми партизанами занимает мирное население многих населенных пунктов, которое с искренней радостью встречает немцев как спасителей. Уникальный, видимо, в военной истории факт, что народ приветствует в чужеродном противнике освободителя от невыносимого ига собственного руководства, уже сам по себе является уничтожающим приговором. Но этот приговор находит свое документальное подтверждение во всеохватывающем недоверии, которое пронизывает данные документы НКВД от первого до последнего листа. Каждый гражданский человек, каждый солдат, даже бежавшие с риском для жизни из немецкого плена советские военнослужащие, подозреваются в государственной измене, причем подозрения зачастую принимают попросту гротескные формы».

Теперь со стороны аппарата НКВД, политического аппарата и аппарата военной юстиции стали

приниматься энергичные меры, чтобы во исполнение сталинских директив пресечь любое воздействие на войска спереди и изолировать либо обезвредить возвращенцев. Правда, главный военный прокурор Красной Армии, дивизионный военный юрист Кондратьев в своем приказе № 00120 от 24 сентября 1941 г.⁴⁵ еще пытался провести различие между завербованными «прямыми изменниками» и «совратителями» из числа «фашистских военнопленных», которые лишь рассказывали «о хорошем обращении» в плену, хотя по нему, разумеется, уже «представляли большую опасность» обе категории. Но руководящий аппарат НКВД давно не обращал внимания на такие тонкости. Так, например, особый отдел 26-й армии объявил 5 августа 1941 г., что немцы проводят «среди гражданского населения, среди сдающихся в плен красноармейцев и дезертиров массовую вербовку агентов» и направляют их «в целях шпионажа и диверсий на советскую территорию» — огульное обвинение, которое предполагало распространение «провокационных слухов» как само собою разумеющееся явление и одновременно вскрывало недоверие к каждому советскому солдату. Уже армейский комиссар 1-го ранга Мехлис принципиально рассчитывал на наличие «шпионов и белогвардейцев» в особенности среди возвращающихся офицеров.⁴⁶

Отныне стали угрожать «самыми острыми контрмерами»: «арест всех лиц, прибывающих с оккупированной немецкими войсками территории, обстоятельный допрос с целью получения признания и отдача под военный трибунал», что было равносильно расстрелу. Как показали 16 августа 1941 г. высокопоставленные офицеры советских 6-й и 12-й армий, среди которых — генерал-лейтенант Музыченко, генерал-лейтенант Соколов, генерал-майор Тонконогов, генерал-майор Огурцов (6-я армия), генерал-майор Понеделин, генерал-майор Снегов, генерал-майор Абранидзе, генерал-майор Прошкин (12-я армия), «солдаты, бежавшие из немецкого плена, немедленно расстреливались». Согласно показанию командира 196-й стрелковой дивизии генерал-майора Куликова, возвращающиеся офицеры «за пребывание на территории врага» получали лишь не менее 10 лет лагерей.⁴⁷ Кроме того, суровым преследованиям подвергались все советские солдаты, которые спаслись после развала фронтов и боев в окружении и пробивались к своим частям. Как пишет генерал-майор Григоренко,⁴⁸ этих «окруженцев» «встречали приказом о казни»: «Расстреливались солдаты и офицеры, снабженцы, пехотинцы, летчики... экипажи танков... артиллеристы... а на следующий день те, кто расстреливал их по законам военного времени, сами попадали во вражеский котел и их могла постичь та же участь, что и тех, кого они расстреляли вчера». Дескать, только отсутствие сплошного фронта и развал упорядоченного командования уберegli от бессмысленного массового уничтожения буквально «сотни тысяч».

С советской стороны использовалось еще одно, психологическое средство, чтобы удержать военнoслужаших Красной Армии от бегства вперед: хорошо знакомый каждому жителю Советских Социалистических Республик принцип мести и возмездия членам семьи (Уголовный кодекс, часть 2, статья 58^{1b}). Записи допросов согласно разоблачают, с каким страхом пленные советские солдаты сознавали реальность «такой мести советских власть имущих»,⁴⁹ а именно, что их близкие «будут сосланы Советами в Сибирь или расстреляны».⁵⁰ А «круг родственников, подлежащих самым суровым репрессиям», был, согласно высказыванию одного военнопленного старшего лейтенанта, «очень широк».⁵¹ Старший лейтенант Филипенко, 1-й офицер для поручений в штабе 87-й стрелковой дивизии, уже 27 июня 1941 г. показал под протокол, что в Советском Союзе существует закон, «по которому родственники попавшего в плен или перебежавшего солдата привлекаются к ответственности, то есть расстреливаются». В итоговом докладе о допросах военнопленных немецкого 23-го армейского корпуса от 30 июля 1941 г. говорится: «Офицеры находятся под угрозой, что все их близкие будут расстреляны ГПУ, если они сдадутся в плен». Таково было впечатление и экипажа самолета — лейтенанта Аношкина, младшего лейтенанта Никифорова и сержанта Смирнова: «Если становится известно, что летчик попал в немецкий плен, то за это должна отвечать его семья — путем ссылки или расстрела отдельных членов семьи. Этот страх перед наказанием семьи удерживает их от того, чтобы перебежать». Генерал-майор Абранидзе, командир 72-й горно-стрелковой дивизии, 14 августа 1941 г. точно так же высказал немцам большую тревогу «за судьбу своих близких», «если станет известно, что он попал в плен».⁵² Генерал-майоры Снегов (командир 8-го стрелкового корпуса), Огурцов (командир 49-го стрелкового корпуса), полковники Логинов (командир 139-й стрелковой дивизии), Дубровский (заместитель командира 44-й стрелковой дивизии) и Меандров (заместитель начальника штаба 6-й армии) в тот же самый день подтвердили наличие приказа от весны 1941 г., согласно которому близкие перебежчика «наказываются по всей строгости закона, вплоть до смертной казни — расстрела».

Итак, в Красной Армии уже было распространено чувство тревоги за судьбу членов семьи, когда Сталин приказом № 270 от 16 августа 1941 г. еще раз подчеркнуто велел применять принцип ответственности всех близких. Согласно приказу № 270,⁵³ подписанному Сталиным в качестве председателя Государственного Комитета Обороны (другие подписавшие — Молотов, Буденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников, Жуков), как упоминалось, командиры (офицеры) и политруки,

попавшие в плен, приравнивались к дезертирам. Поэтому их семьи должны были арестовываться как «семьи нарушивших присягу и предавших Родину» дезертиров, а семьи пленных красноармейцев лишались «государственных пособий и помощи» и тем самым обрекались на голодную смерть. Ссылка офицерских семей в необжитые районы ГУЛага, к тому же с конфискацией всего имущества, предполагалась как нечто само собою разумеющееся. Но политработники, разъяснявшие сталинский приказ в частях, согласно показаниям военнопленного главврача д-ра Варабина и других, тут же «намекали и на более суровое наказание».⁵⁴

Где только возможно, особые отделы НКВД и политотделы в частях отныне видели свою задачу в том, чтобы передать домашние адреса плененных солдат соответствующим местным органам НКВД с целью осуществления грозящих репрессий.⁵⁵ Такое происходило, например, даже в случаях, когда, как это было 27 сентября 1941 г. в 238-м стрелковом полку 186-й стрелковой дивизии, красноармейцев неожиданно захватывала и уводила немецкая разведгруппа. Главный военный прокурор Красной Армии дивизионный военный юрист Кондратьев 24 сентября 1941 г. также дал указание военным прокурорам фронтов: осуждать военнопленных красноармейцев в их отсутствие и «предпринять все меры к применению репрессий в отношении близких». 15 декабря 1941 г. военный прокурор 286-й стрелковой дивизии даже получил выговор от исполняющего должность начальника отдела Главной военной прокуратуры военного юриста 1-го ранга Варского (№ 08683), поскольку он запоздал выслать адрес родственников убитого при попытке «изменить родине» красноармейца Панстыяна для осуществления предусмотренных законодательством репрессий в отношении семьи.⁵⁶

Вся шаткость фраз о мнимом «советском патриотизме» и «массовом героизме» в Красной Армии проявилась в показательном приказе № 0098 Ленинградского фронта от 5 октября 1941 г., который подписали генерал армии Жуков, член Военного совета и секретарь ЦК Жданов, члены Военного совета адмирал Исаков и Кузнецов, а также генерал-майор Семашко.⁵⁷ Поводом явилось «беспрецедентное поведение» отдельного 289-го пулеметного батальона, дислоцированного на участке Слуцк — Колпино, где появились немецкие солдаты и завязали разговоры с красноармейцами, чтобы побудить их перейти на свою сторону. Теперь Жуков в привычной грубой манере использовал это «преступное братание» на поле боя, чтобы поставить под подозрение сразу все войска Ленинградского фронта и пригрозить им. Были преданы Военному трибуналу и расстреляны как «пособники и преступники перед родиной», как «пособники фашистской нечисти» не только непосредственные командиры и политруки данных солдат, которые не пресекли эти переговоры. Драконовским наказаниям подверглись и сотрудники политорганов и особых отделов на уровне данного батальона, укрепрайона, 168-й стрелковой дивизии и 55-й армии. Чтобы впредь уже в корне подавить любую попытку «измены и подлости», разумеется, не устрасился преследования членов семей и Жуков, он приказал: «Особому отделу НКВД Ленинградского фронта немедленно принять меры к аресту и отдаче под суд членов семей изменников родины». Если солдатам Красной Армии во многих случаях не оставалось ничего иного, как сражаться до самоуничтожения, то глубокие движущие силы этого явления зачастую следует искать в таких и подобных преступных приказах советского командования, а не в идейных побудительных мотивах так называемого «советского патриотизма».

Примечания

1. BA-MA, RH 2/2411, 3.1.1939.
2. Hoffmann, Die Geschichte der Wlassow-Armee, S. 135 ff.
3. Rapport du Comité international de la Croix-Rouge, S. 435.
4. BA-MA, RW 2/v. 158, 1.7.1941.
5. Ebenda, 3.7.1941.
6. Ebenda, 29.7.1941.
7. Hoffmann, Die Geschichte der Wlassow-Armee, S. 136 ff.
8. Tolstoy, Victims of Yalta, S. 33 ff.; см.: Hoffmann, Die Kriegführung aus der Sicht der Sowjetunion, S. 721.
9. BA-MA, RW 2/v. 158, 26.8.1941.
10. PAAA, Pol. XIII, Bd. 10, o. D.
11. BA-MA, RH 19III/381, 29.3.1940.
12. Поздняков, Советская агентура в лагерях военнопленных.
13. BA-MA, RW 4/v. 329, 18.10.1941; BA-MA, RH 21-2/649, 14.7.1941.
14. BA-MA, RH 24-23/239, 14.10.1941; BA-MA, RH 24-24/336, Обращение.
15. BA-MA, RH 20-6/489, 25.6.1941; BA-MA, RW 4/v. 330, 17.6.1942.
16. BA-MA, RH 20-9/251, 23.6.1941; BA-MA, RH 21-3/v. 437, 24.6.1941.
17. BA-MA, RH 21-1/471, 23.7., 29.7.1941; BA-MA, RH 24-23/239, 30.7.1941; BA-MA, RH 24-3/134, Juni 1941.

18. BA-MA, RH 21-1/481, 22.2.1942; BA-MA, RW 4/v. 330, 23.2.1942.
19. BA-MA, RH 21-1/471, 29.7.1941.
20. BA-MA, RH 21-1/472, 16.8.1941.
21. BA-MA, RH 21-1/473, 21.9.1941.
22. См.: Глава 2, прим. 100.
23. Гриф секретности снят, с. 333-334.
24. BA-MA, RH 24-3/135, 4.9.1941.
25. Hoffmann, Die Geschichte der Wlassow-Armee, S. 141 ff.
26. BA-MA, RH 21-1/481, 21.3.1942.
27. BA-MA, RH 21-3/v. 472, 19.4.1943.
28. BA-MA, RH 21-3/v. 496, 9.12.1943.
29. BA-MA, RH 21-2/v. 708, 3.8.1942.
30. BA-MA, RH 24-4/91, 24.6.1941.
31. BA-MA, RH 24-3/135, 11.9.1941.
32. PAAA, Pol. XIII, Bd. 12, Teil II, 14.8.1941.
33. BA-MA, RH 21-3/v. 782, 21.8.1942.
34. Hoffmann, Kaukasien 1942/43, S. 116 ff.
35. BA-MA, RH 21-3/437, 7.8.1941.
36. BA-MA, RH 21-1/471, 12.7.1941.
37. BA-MA, RH 20-17/283, 19.9.1941.
38. Ebenda, 29.9.1941.
39. BA-MA, RH 21-2/v. 648, 12.7.1941; BA-MA, RH 24-3/134, 4.8.1941; BA-MA, RH 20-4/672, 28.8.1941.
40. BA-MA, RH 24-17/152, 13.8.1941.
41. BA-MA, RH 21-1/473, September 1941.
42. BA-MA, RH 21-1/471, 15.7.1941.
43. BA-MA, RW 4/v. 330, 23.9.1941.
44. Ebenda, Mai 1942.
45. BA-MA, RH 20-2/1121, 24.9.1941.
46. BA-MA, RW 4/v. 329, 15./20.7.1941.
47. BA-MA, RH 20-17/283, 1.10.1941.
48. Nekritsch/Grigorenko, Genickschuß, S. 280.
49. BA-MA, RH 24-28/10, o. D.
50. BA-MA, RH 24-17/152, 2.7.1941.
51. BA-MA, RH 20-17/282, 28.7.1941.
52. PAAA, Pol. XIII, Bd. 12, 14.8.1941.
53. BA-MA, RH 2/2425, 16.8.1941.
54. BA-MA, RH 2/2411, 16.4.1942.
55. Ebenda, November 1941.
56. BA-MA, RW 2/v. 158, 15.12.1941.
57. BA-MA, RH 2/2425, 5.10.1941.

Глава 5.

Сталинский аппарат террора. Как фабриковались «массовый героизм» и «советский патриотизм»

Ранее уже стало ясно, что Красная Армия, наряду с аппаратом военного командования, жила еще на одном столпе — автономном политическом аппарате, который обладал собственной субординацией и был непосредственно подчинен начальнику Главного управления политической пропаганды (с июля 1941 г. — Главное Политуправление), пресловутому армейскому комиссару 1-го ранга Мехлису. К этому добавлялось еще одно зловещее учреждение, функционировавшее скрытно, но тем более опасное, — аппарат террора НКВД, который в организационном плане не имел отношения к Красной Армии и получал свои указания от наркомата внутренних дел во главе с Берией. Система власти Советского Союза, как говорилось, руководствовалась простым принципом: тот, кто не верил пропаганде, ощущал на себе террор. И в Красной Армии тоже были предусмотрены для этого наилучшие организационные условия.

Не совсем необоснованное недоверие Сталина к надежности «командного состава» и войск Красной Армии вообще вызвало 16 июля 1941 г. в армии, а 20 июля в Военно-морском флоте весомые организационные последствия. Ведь с этих дней во всех корпусах, дивизиях, полках, в штабах военных учебных заведений и учреждений, а также в технических частях — танковых батальонах и артиллерийских дивизионах, с декабря — также в стрелковых батальонах учреждался «институт военных комиссаров», во всех ротах, батареях, эскадронах, эскадрильях в соответствующей функции — «институт политических руководителей» (политруки), которые при выполнении своих задач использовали политотделы. На уровне армий и фронтов эти же задачи взяли на себя высокопоставленные партийные функционеры в роли членов Военных советов. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «Законодательные предписания о военных комиссарах в Красной Армии», подписанному председателем Президиума Калининым 16 июля 1941 г.,¹ командующие и командиры частей в тот же день лишились принадлежавших им до сих пор политических функций, которые теперь, в роли военных комиссаров или политруков, в полном объеме приобрели их прежние заместители по вопросам политпропаганды.

Однако этим в большинстве своем «совершенно необразованным в военном отношении» функционерам была вверена в армии не только политическая ответственность, но и «ответственность за военную работу», ответственность «в военном отношении». Хотя формально они были лишь «равноправными» с командирами, но на практике являлись вышестоящими по отношению к ним и в действительности были их соглядатаями, ведь они имели право и обязанность «строго контролировать выполнение всех приказов высшего командного состава» и «ставить в известность Верховное командование и правительство о командирах и политработниках, которые недостойны имени командира и политработника и которые своим командованием роняют честь Красной Армии». Войсковой командир даже в должности командира дивизии больше не мог принимать решений от себя также в оперативных и тактических вопросах, а был низведен до роли исполнительного органа, простого военспеца. Ведь все приказы командира без подписи военного комиссара, представлявшего «партию и правительство в Красной Армии», являлись недействительными, а приказы комиссара или политрука без подписи командующего или командира были действительны и в любом случае должны были выполняться. Как показал комиссар 280-й стрелковой дивизии Мартынов 5 июня 1942 г., военный приказ подлежал исполнению лишь тогда, когда комиссар ставил на нем служебную печать, находившуюся только в его распоряжении.

Какое значение придавалось в Красной Армии политическому аппарату, показывало не только главенствующее положение военных комиссаров, но и многочисленный личный состав политуправлений и политотделов, находившихся в их распоряжении. Так, например, личный состав политотдела стрелковой дивизии, согласно данным как командира 436-го стрелкового полка майора Кононова и начальника оперативного отделения 137-й стрелковой дивизии капитана Нагельмана, так и функционера центрального аппарата НКВД Жигунова, насчитывал 25 человек: дивизионный комиссар, начальник политотдела и еще 23 сотрудника. Тем самым политотдел превосходил по численности персонал военного штаба дивизии. Если к тому же принять во внимание политорганы полков, батальонов, рот, то (с учетом партийных и комсомольских секретарей и политинструкторов, но без учета многочисленных агентов и шпионов и рядовых членов партии и комсомола) получается совокупная численность в 559 штатных функционеров.

Сфера задач политического аппарата была уточнена в «Программе для комиссаров и политруков в Ленинграде», изданной армейским комиссаром 1-го ранга Мехлисом 19 августа 1941 г. вслед за приказом № 270 Ставки Верховного Главнокомандования.² Согласно ей, военный комиссар, «наряду с командиром», однозначно являлся и «военным руководителем своего подразделения». Он должен был следить и шпионить не только за всем составом рядовых, но и за командирами, командованием частей и офицерами и

при этом «сотрудничать с органами военной прокуратуры, трибуналов и особых отделов». Военные комиссары и политруки должны были обеспечивать «безусловное выполнение» всех боевых приказов и отвечали за то, чтобы солдаты «храбро» и с «неизменной готовностью» «сражались до последней капли крови с врагами нашей Родины». Стало быть, именно они в первую очередь гнали красноармейцев под огонь, невзирая на потери. Одновременно комиссар был обязан «вести беспощадную борьбу с трусами, паникерами и дезертирами, твердой рукой восстанавливая революционный порядок и военную дисциплину». Это означало, иными словами, «расстреливать на месте» каждого военнослужащего, независимо от ранга, при попытке перейти к врагу (или сдаться в плен) или при проявлениях «нежелания наступать». Точно так же это значило «беспощадное» уничтожение «трусов и паникеров, малодушных и дезертиров», то есть всех, «кто самовольно, без приказа оставляет позицию». В бою с трусливыми командирами надлежало поступать в соответствии со сталинским приказом № 270. «В рядах Красной Армии, — гласил призыв Мехлиса к военным комиссарам, — нет и не может быть места для малOVERов, трусов, паникеров, дезертиров и малодушных.»

Господствующая роль комиссаров и политруков в Красной Армии в качестве согладатаев и погонщиков приводила к тому, что масса военнослужащих видела в них объект страха и неприязни. Это касалось, в частности, и офицеров, чьи командные прерогативы были сужены и которые зачастую подвергались и личной угрозе, а потому не проявляли сдержанности в оценках — во всяком случае, перед немцами. Так, командир 49-го стрелкового корпуса генерал-майор Огурцов, кстати говоря, заклеивший советский режим «как величайший обман народа в мировой истории»,³ 11 августа 1941 г. «с величайшим ожесточением высказался о сотрудничестве со своим политическим комиссаром», который хотя и не обладал «никакими военными знаниями», но был наделен «неограниченными полномочиями» и имел «решающее слово во всех вопросах». Этим оказывалось значительное влияние на боевые действия «в ущерб корпусу». Военный комиссар постоянно угрожал доносами.

Точно так же командир 139-й стрелковой дивизии полковник Логионов сообщил 14 августа 1941 г. о глубокой пропасти между офицером и комиссаром, которая преодолевалась «лишь с помощью страха и террора». Командир 43-й стрелковой дивизии генерал-майор Кирпичников сказал 30 сентября 1941 г., что комиссары связывают командиров «по рукам и ногам» и попросту душат «их творческие силы и их оперативное мышление».⁴ «Каковы условия, — гласил “разочарованный” ответ капитана ВВС (военного инженера) Огрызко 19 сентября 1941 г.,⁵ — вы можете легко себе представить, если учтете, что на каждого военного командира приходится политкомиссар или контролер... В целом по армии на 2-х солдат приходится третий, который служит этому аппарату как член комсомола, партии или НКВД. В офицерском корпусе соотношение 1:1.» И это подтвердил командующий 19-й армией и всей окруженной под Вязьмой группировкой (19-я армия, 20-я армия, влившаяся в ее состав 16-я армия, 32-я армия, 24-я армия, оперативная группа Болдина) генерал-лейтенант Лукин⁶ на основе собственного опыта: командующий армией больше не в состоянии сделать «ни единого самостоятельного шага». «Его окружают комиссары, шпики и собственный Военный совет... И у генералов есть свои шпики, они имеются у командиров полков и т. д.» Если это относилось в целом уже к сравнительно «открыто» работавшему политическому аппарату, то что же говорить о секретно функционировавшем подлинном аппарате террора в Красной Армии, аппарате НКВД, который в дальнейшем будет подвергнут более детальному рассмотрению.

Об НКВД (народный комиссариат внутренних дел), ведавшем миллионами убийств, системой концлагерей (ГУЛаг), постоянным подавлением и терроризированием жителей Советского государства и несшем ответственность за это, использовавшем для выполнения своих функций соответствующие подчиненные органы и специальные войска, написано уже так много, что в этом месте нет нужды в общих рассуждениях. Добавим здесь лишь небольшое, но характерное сообщение из начальной стадии войны о методах деятельности этой преступной организации. Начальник управления разведки и контрразведки Верховного главнокомандования Вермахта адмирал Канарис представил в июле 1941 г. доклад об осмотре здания советского посольства в Париже, то есть экстерриториального дипломатического учреждения.⁷ Согласно докладу, выяснилось, что один боковой флигель парижского посольства «был оборудован под центр ГПУ с приспособлениями для пыток, экзекуций и для устранения трупов» — видимо, уникальное явление в истории дипломатии цивилизованных государств. В докладе высказано предположение, «что в свое время здесь были устранены и трупы различных белых русских генералов, которые несколько лет назад таинственным образом исчезли в Париже».

16 июля 1941 г., когда Сталин сообщил о предстоящем осуждении арестованных генералов из штаба Западного фронта и нескольких генералов, попавших в плен, им было принято и решение восстановить в Красной Армии, наряду с «институтом военных комиссаров и политических руководителей», аппарат НКВД, точнее — особые отделы НКВД. Постановление Государственного Комитета Обороны от 17 июля 1941 г. вновь подчинило непосредственно НКВД особые отделы,

включенные в состав наркомата обороны в качестве органов 3-го управления НКВД лишь в марте 1941 г.⁸ — что угодно, но только не чисто административная мера, которую нарком Берия более детально описал в приказе от 18 июля 1941 г. и обосновал «славными чекистскими традициями», то есть большим опытом в осуществлении массового террора.

Показательно, что существование в Красной Армии секретной террористической организации «особые отделы», наделенной неограниченными полномочиями,⁹ вплоть до наших дней осталось практически неизвестным, и, например, в западногерманской публицистике речь всегда ведется лишь о так называемых «политических комиссарах» (имея в виду военных комиссаров и политруков). И именно этот филиал НКВД должен был решать в вооруженных силах задачу величайшей важности. Ему была поручена «решительная борьба со шпионажем и предательством в частях... и ликвидация дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе», а также «беспощадная борьба против враждебной тайной деятельности трусливых предателей и дезертиров». В соответствии с этим особые отделы всех уровней, вплоть до дивизий (дивизионный особый отдел), получили полномочия в любое время арестовывать дезертиров из числа солдат, сержантов и — в безотлагательных случаях — офицеров и при необходимости расстреливать их на месте. Арест военнослужащих «среднего, высокого и высшего командного состава» сам по себе привязывался к предварительному разрешению особого отдела НКВД соответствующего фронта — конечно, едва ли более, чем формальное препятствие, поскольку, как показал и майор Кононов, это разрешение «в принципе разъяснялось», а в большинстве случаев и запрашивалось лишь после расстрела. На практике дело обстояло так, «что командир дивизии, когда расстреливали одного из его офицеров, получал затем краткое извещение».

Особые отделы НКВД существовали на уровне фронтов, армий, корпусов и дивизий, тогда как в штабе полка находился «уполномоченный» начальника особого отдела дивизии со своими сотрудниками. С целью охраны арестованных и для проведения расстрелов особый отдел дивизии располагал собственной стрелковой командой силой до взвода. Особые отделы, чей персонал, кроме того, имел право «всяческого контроля и просмотра всех документов» и участия по всех служебных совещаниях, являлись организацией, эффективность которой базировалась в первую очередь на системе шпионажа, пронизывавшей все разветвления армии. Приказ № 40 начальника особого отдела НКВД Отдельной 51-й армии, бригадного комиссара Пименова от 25 октября 1941 г.¹⁰ дает представление о том, в каком объеме «советские патриоты» в Красной Армии подвергались слежке и доносам. Ведь Пименов угрожающим тоном сетовал на то, что в 276-й стрелковой дивизии «оперативными» тайными сотрудниками, доверенными лицами и агентами все еще не созданы во исполнение сталинского приказа № 270 и дополнительных приказов НКВД ни «массовая секретная служба», ни «широкомасштабная справочная сеть», ни «густая сеть агентов-осведомителей», ни «работоспособные агентурные ячейки». Хотя в каждую роту, наряду с «резидентом», надлежало внедрить не менее 8 «агентов-осведомителей»,¹¹ в одной роте этой дивизии, как он указывал, на передовой находился только единственный шпион, так что «классово-враждебные», «контрреволюционные», «преступные элементы» могли беспрепятственно вести свою «подрывную работу».

Документальный материал особого отдела НКВД 19-й армии во главе с полковником (госбезопасности) Королевым дает некоторое представление об обычной каждодневной работе НКВД, следившего, между прочим, также за военными комиссарами и политруками: она состояла, коротко говоря, в разоблачении, аресте и ликвидации «предателей». Постоянно приходилось обрабатывать «многие сотни сообщений» ротных доносчиков по поводу солдат. С 25 до 27 июля 1941 г. особый отдел только одной дивизии и его караульная команда арестовали «до 1000 беглецов с фронта». А вот что гласили некоторые случайно подобранные отдельные записи: «Перед строем расстреляны 7 человек... Далее расстреляны без приговора суда 5 человек: 3 дезертира и 2 изменника родины, которые попытались перебежать к противнику. По приговору военного трибунала расстреляны 3 дезертира, 16 самострелов, 2 перебежчика и 2 человека за самовольное оставление поля боя». «29 августа с. г. перед строем был расстрелян командир 3-го батальона 400-го стрелкового полка Юргин Федор, член ВКП(б). Юргин не выполнил приказ командира полка майора Новикова о наступлении».

Каковы были обычные методы, видно и из случайно обнаруженного «спецдонесения» особого отдела НКВД 264-й стрелковой дивизии начальнику особого отдела НКВД 26-й армии майору (госбезопасности) Валисю о первых боевых действиях 1060-го стрелкового полка.¹² Когда молодые солдаты 4-й роты 2-го батальона спасовали, станковые пулеметы открыли по ним огонь и убили не менее 60 из них: «Командир и политрук расстреляли всех, кто попытался сдаться». Согласно письму писателя Ставского «дорогому товарищу Сталину», только в 24-й армии в районе Ельни в течение нескольких дней августа 1941 г., по данным командования и политотдела, было «расстреляно за дезертирство, паникерство и другие преступления» 480-600 солдат.¹³ Перед лицом таких цифр документы заполнены также данными о единичных и массовых расстрелах в частях Красной Армии. «Поразительно велико число каждодневных

казней за дезертирство и самострелы», — гласило одно немецкое итоговое сообщение. Поэтому не удивительно, что, как сказано в одном месте, уже только существование особых отделов оказывало «на офицеров и солдат парализующее воздействие», или, как признавали перед немцами военнопленные генералы Снегов и Огурцов и другие высокопоставленные офицеры: «Страх перед таинственной властью НКВД был непреодолим», «среди всех офицеров царит сильный страх перед НКВД». ¹⁴ Это с готовностью признал 9 августа 1941 г. и командующий 6-й армией генерал-лейтенант Музыченко, который сам по себе мог быть причислен к верным системе офицерам: «НКВД — страшный орган, который может уничтожить каждого из нас в любой момент». ¹⁵ Один из тех, кто был близок к событиям, комиссар 176-й стрелковой дивизии Филев, коротко свел функции особых отделов к следующему: «Любая контрреволюционная деятельность тотчас беспощадно подавляется драконовскими мерами». ¹⁶

Далеко идущее ограничение полномочий офицеров в пользу вновь введенных военных комиссаров и политруков и создание независимого от армии секретного аппарата НКВД показались Сталину еще недостаточными, чтобы должным образом держать за горло вооруженные силы, за которыми он следил с недоверием. На основе приказа № 001919 Ставки Верховного Главнокомандования, подписанного 12 сентября 1941 г. Сталиным и маршалом Шапошниковым, ¹⁷ в течение пяти дней в каждой дивизии надлежало сформировать так называемые заградительные отряды из «надежных бойцов», из «надежных, стойких, преданных командиров, политруков, младших командиров и солдат», как говорится в другом месте, силой до батальона. Эти хорошо вооруженные, оснащенные также несколькими танками и бронемашинами заградительные отряды получили полномочия препятствовать самовольному отступлению фронтовых частей силой оружия и пристреливать всех впавших в панику солдат, которые хотели уклониться от боя.

Из исполнительного приказа № 04/00378 командующего 19-й армией генерал-лейтенанта Лукина и члена Военного совета дивизионного комиссара Шекланова от 15 сентября 1941 г. видно, что заградительные отряды формировались вовсе не только от случая к случаю, а действительно являлись штатными и «самостоятельными» частями. Однако, наряду с этими постоянными заградительными отрядами дивизий в «1 роту на 1 полк», располагавшимися на высотах артиллерийских позиций, уже в июле 1941 г. отмечены специально сформированные полковые заградительные отряды. По показаниям командира полка майора Кононова, ¹⁸ этим отрядам, формировавшимся перед боевыми действиями из членов партии и комсомола (для маскировки — всякий раз в ином составе), было приказано расстреливать всех «трусков», то есть всех тех, «кто по каким-либо причинам не рвался слепо вперед». В тыловых районах армий, особенно на дорогах и возле узловых пунктов, кроме того, расставлялись замаскированные заградительные команды «военного комиссара и начальника особого отдела», чтобы задерживать подозрительных солдат, переправлять их в «спецлагеря НКВД», где они «проверялись», то есть большей частью расстреливались.

В период кризиса 1942 г. заградительные отряды были восстановлены. Ведь Сталин в своем известном приказе № 227 от 28 июля 1942 г. вновь обратился к этому испытанному учреждению и подчеркнул свое требование еще одним дополнительным приказом от 31 июля 1942 г., подписанным им самим и теперешним начальником Генерального штаба генералом Василевским. ¹⁹ Согласно им, под руководством сотрудников особых отделов непосредственно за каждой дивизией устанавливались и подчинялись Военным советам армий хорошо вооруженные заградительные отряды до 200 человек в каждом. В случае беспорядочного отступления и они должны были опять же «расстреливать на месте паникеров и трусков». Если добавить к политуправлениям и политотделам, к особым отделам, к заградительным отрядам еще и юстицию военных прокуратур и военных трибуналов, а также введенные приказом № 227 штрафные батальоны и штрафные роты и, кроме того, принять во внимание варварские методы, использовавшиеся этими органами, то становится ясно кое-что о подлинных движущих силах так называемого «массового героизма» и «советского патриотизма» солдат Красной Армии в «Великой Отечественной войне Советского Союза». Однако именно применявшиеся методы еще требуют более детального рассмотрения.

В целом здесь можно констатировать, что бесчеловечное обращение с советскими солдатами отличалось от обращения с советским гражданским населением в районе военных действий только своей завершенностью. Девиз выдвинул Сталин, когда он 3 июля 1941 г. призвал не оставлять противнику «ни килограмма хлеба, ни литра горючего» и безусловно уничтожать «все ценное имущество... которое не может быть вывезено». 7 июля 1941 г. это было еще раз особо внушено населению советским радио. ²⁰ Уничтожать следовало весь подвижной состав, все запасы сырья, все горючее, каждый килограмм хлеба и каждую голову скота. Осуществление провозглашенного теперь разрушительного принципа означало, что тем самым неизбежно разрушались и основы жизни гражданского населения. И точно так же должна была вызвать не поддающиеся учету последствия и подвергнуть население угрозе жесточайших репрессий со

стороны немецких и союзных им войск развязанная в то же время, противоречащая международному праву партизанская война.

Уже 29 июня 1941 г. Совет Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) дали указание мобилизовать на борьбу против немцев все силы «советского» населения и организовать широкомасштабную народную войну в тылу врага.²¹ Какой облик должна была носить эта «народная война», может прояснить типичная для многих аналогичных призывов²² директива ЦК КП(б) Белоруссии от 1 июля 1941 г.,²³ которая поручала создаваемому «партизанскому движению»²⁴ следующие задачи: «Уничтожать любую связь в тылу противника, взрывать или повреждать мосты и дороги, поджигать склады горючего и продовольствия, грузовые машины и самолеты, устраивать железнодорожные аварии, уничтожать врагов, не давая им покоя ни днем, ни ночью, уничтожать их всюду, где их удастся настичь, убивать их всем, что попадется под руку: топором, косой, ломом, вилами, ножами... При уничтожении врагов не бойтесь применять любые средства: душите, рубите, жгите, травите фашистских извергов». Согласно показанию захваченного партизана Козлова от 1 октября 1941 г., член ЦК Казалапов из Хольма [Холмечь?], кроме того, призывал еще мучить немецких солдат и раненых «перед расстрелом, калечя их».²⁵

Не только партизанские отряды и группы, рекрутированные из мужского населения отчасти насильно, под угрозой расстрела,²⁶ начали теперь партизанскую войну, противоправную с позиции международного права, вопиюще противоречившую духу и букве Гаагских конвенций о законах и обычаях войны. В нее было безответственно втянуто все гражданское население, как показывает уже обращение, направленное командующим Западным фронтом маршалом Советского Союза Тимошенко, а вместе с ним — членом Военного совета Булганиным 6 августа 1941 г. всем жителям «оккупированных врагом территорий».²⁷ «Атакуйте и уничтожайте немецкие тыловые связи, транспорты и колонны, сжигайте и разрушайте мосты, рвите телеграфные и телефонные провода, поджигайте дома и леса, — призывали они “рабочих, крестьян и всех советских граждан”. — Бейте врага, мучьте его до смерти голодом, сжигайте его огнем, уничтожайте его пулей и гранатой... Чтобы производить разрушения в тылу врага, широко используйте местные средства, применяйте вспомогательные средства, требующие взрывчатки... Поджигайте склады, уничтожайте фашистов как бешеных собак.» Обо всем этом было легко говорить тем, кто чувствовал себя в безопасности; последствия должен был нести народ. Ведь во всем мире нет армии, которая бы не использовала самые жесткие репрессии против такого метода ведения войны.

Некоторые листовки были обращены специально к русским женщинам.²⁸ С помощью утверждения, что немецкие солдаты «убивают маленьких детей на глазах у матерей, распарывают животы беременным женщинам, отрезают груди у кормящих матерей, насилюют жен, матерей и сестер и загоняют их в дома терпимости», женщины, «дорогие гражданки» призывались совершать чрезвычайно опасные акты, противоречившие международному праву. А для тех женщин, которые, как большинство из них на оккупированных территориях, ничего не жаждали так сильно, как скорого наступления сколько-нибудь сносных условий жизни, у Советов была наготове скрытая угроза: «Мы вскоре увидимся снова, мы скоро опять будем вместе с вами!» Каждый знал, что это должно было означать. Агентам поручалось составлять «точные списки» всех лиц, которые каким-либо образом общались с немцами или, возможно, всего лишь не смогли избежать размещения у себя немцев.²⁹ Как показал старший лейтенант Ковалев из 223-й стрелковой дивизии, население, кроме того, призывалось к отказу от работы.³⁰ Надлежало поджигать поля, леса и постройки. Сельское население должно было жечь зерно, разрушать сельскохозяйственные орудия, рабочие в городах — уничтожать машины и разрушать фабричные сооружения. «Да здравствует наш великий Сталин!» — кричали Тимошенко и Булганин населению,³¹ которое призывали собственноручно лишать себя последних возможностей для жизни.

Чтобы подкрепить политику «выжженной земли», провозглашенную Сталиным 3 июля 1941 г. и введенную партийными и государственными органами директивой ЦК и Совнаркома уже 29 июня 1941 г., формировались так называемые «истребительные батальоны» из членов партии и комсомола и верных системе элементов.³² Их задача состояла в том, чтобы осуществлять в угрожаемых врагом центрах и городах страны разрушения максимально возможного масштаба. По приказу Ставки Верховного Главнокомандования, под руководством Главного военно-инженерного управления и во взаимодействии с фронтовыми штабами, например, в Харькове, Киеве и других городах создавались и оперативные саперные отряды с единственной целью — взрывать или минировать все основные объекты и здания в регионе.³³ Кроме того, генерал-полковником Волкогоновым опубликован приказ № 0428 Ставки Верховного Главнокомандования от 17 ноября 1941 г.³⁴ В этом «страшном приказе», характерном своей «жестокостью», Сталин распорядился сформировать в каждом полку особые поджигательские команды, которые и в случае вынужденного отступления должны были совместно с партизанами и диверсантами «разрушать и сжигать дотла» все без исключения человеческие селения и жилища в немецком тылу на расстоянии 40-60 километров в глубину и на 20-30 километров вправо и влево от дорог. В этом разрушительном деле должны

были участвовать соединенные силы авиации и артиллерии. Никакой оглядки на жившее ведь и здесь население, лишавшееся своего последнего убежища и изгонявшееся в ледяные заснеженные пустыни, не предусматривалось. «Ведь горели деревни и дома там, где немцев не было, — пишет Волкогонов. — Где были оккупанты, поджечь было непросто.» «Пылали потемневшие крестьянские избы. Матери в ужасе прижимали к себе плачущих детей. Стоял стон над многострадальными деревнями Отечества.» Сталинский приказ, переданный фронтовым и армейским штабам, очевидно, исполнялся уже загодя, как показывают захваченные немцами документы о «систематических поджогах». Так, например, начальник штаба 1322-го стрелкового полка майор Жарков уже 17 ноября 1941 г. дал 1-му батальону боевое задание — будущей ночью сжечь деревни у Барыкова, Лутовина и Крюковки и уничтожить людей (солдат и гражданских лиц), которые пожелают покинуть дома, гранатами и огнестрельным оружием.³⁵

Бесчувствие Сталина к страданиям населения проявилось и в приказе, который он отдал 21 сентября 1941 г. командующему войсками под Ленинградом генералу армии Жукову, членам Военного совета Жданову и Кузнецову, а также представителю НКВД Меркулову.³⁶ Повод не скрывается, но и не вызывает особого доверия. Во всяком случае, указанные лица донесли, что немецкие войска посылают вперед к Ленинграду «стариков, старух, женщин и детей» с просьбой к большевикам сдать Ленинград и установить мир. Сталин отреагировал в привычной манере, «предельно жестоко» и с угрозой, что тех «в наших рядах», которые не сочтут возможным применить оружие «к такого рода делегатам», «надо уничтожать... ибо они опаснее немецких фашистов». Его «совет», а в действительности приказ, переданный начальником Генерального штаба Красной Армии маршалом Советского Союза Шапошниковым, гласил: «Не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам... Бейте всю по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, косите врагов, все равно, являются ли они вольными или невольными врагами. Никакой пощады ни немецким мерзавцам, ни их делегатам, кто бы они ни были». Командирам и комиссарам дивизий и полков в Ленинграде этот приказ Сталина об огне по старикам, женщинам и детям был передан незамедлительно.

Бесчеловечное отношение Сталина и его режима к собственному населению проявилось в полной мере, когда в 1943 г. немецкие войска начали отступать и советские войска шаг за шагом возвращали себе оккупированные прежде территории. По пятам за частями Красной Армии всюду следовали пограничные войска и части НКВД для охраны тыла, которые имели задание принять «чекистские меры», чтобы очистить «до конца от вражеских элементов и их пособников», от «агентов врага и прочих враждебных элементов» «всю освобожденную от оккупантов территорию», особенно города и населенные пункты, «нормализовать» и «восстановить» ситуацию и навести в тылу сражающегося фронта «революционный порядок».³⁷ Что это должно было означать, достаточно ясно показала практика советских органов безопасности: расстрел, невзирая на возраст и пол, всех жителей и обитателей, которые поддерживали хотя бы терпимые отношения с немецкой оккупационной властью или ее солдатами. Теперь жертвами чисток со стороны органов НКВД стали сотни тысяч — количество, сравнимое с числом жертв оперативных групп охранной полиции и СД с немецкой стороны, если не превосходящее его.

Ужасная судьба ожидала кавказские народы — калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкар, часть кабардинского народа, а также крымских татар за их сотрудничество с германской оккупационной властью.³⁸ После первых, уже глубоких и кровавых волн чистки эти народы по решениям Сталина, Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны (ГКО) в 1943-44 гг. вырвали из их исконных мест проживания и депортировали либо в концлагеря в суровых районах Сибири и к северу от Полярного круга, либо в Среднюю Азию, там рассеяли, тем самым лишили их национальной индивидуальности и впредь обращались с ними практически как с заключенными. Десятки тысяч стали жертвами этого, по словам Хрущева в 1956 г., «массового беззакония», в котором он сам принимал участие, преступления, которое осуществлялось с использованием столь же коварных, как и жестоких методов, с обычными сопутствующими явлениями в виде расстрелов и систематического рассоединения семей. Здесь налицо однозначный факт геноцида, согласно определению Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него, принятой ООН в 1948 г., а в 1954 г. ратифицированной и руководством СССР.

Кто действовал так безжалостно даже против своего гражданского населения, тот, естественно, не мог знать жалости и в отношении собственных солдат. Это можно показать по многим характерным действиям. Например, распространенным явлением в Красной Армии было, что солдаты перед серьезными наступлениями сами причиняли себе увечья, чтобы избежать боевых действий. Самострелы, встречавшиеся во всех частях, как вновь и вновь вытекает из документов, как правило, расстреливались, по приговору военных трибуналов или без него — это в советских условиях было несущественно. Число осужденных за самострелы, значительное уже в 1941 г., скачкообразно возросло в 1942 г.: на Калининском, Юго-Западном и Северном фронтах с января по май 1942 г. — почти вдвое, на Северо-Западном фронте за тот же период — в 9 раз. Главный военный прокурор Красной Армии корпусной юрист Носов 18 июля 1942 г.

избрал поводом для вмешательства не то, например, обстоятельство, что на «этапах», то есть в полевых лазаретах и военных госпиталях тыла, находились «иногда сотни самострелов», а то, что лишь немногие из подобных случаев вскрывались на передовой, в пунктах первой медицинской помощи (ППМ) и медсанбатах (МСБ). Его приказом № 0110 военным прокурорам фронтов и армий предписывалось действовать не задним числом, как было всегда до сих пор, но уже в период подготовки или непосредственно после начала активных боевых действий изобличить нескольких самострелов, осудить их и затем, чтобы достичь максимальной меры устрашения, немедленно расстрелять «перед строем».³⁹ Запугивание — таков был и в этой сфере принцип, чтобы вызвать среди солдат Красной Армии «массовый героизм» и «советский патриотизм». В отличие от условий в германском Вермахте, где солдат лишь в исключительных случаях подозревали в совершении так называемых самострелов,⁴⁰ в Красной Армии в принципе заведомо подвергалась подозрению широкая масса солдат. Даже в раненом или больном состоянии их, согласно подписанному генерал-лейтенантом Хрулевым приказу наркома обороны № 111 от 12 апреля 1942 г., должны были подозревать и преследовать как самострелов вплоть до санитарных учреждений.

Система пренебрежения человеческой жизнью, свойственная советскому рабовладельческому обществу, ясно проявляется в практиковавшемся Красной Армией методе наступления, тактике «человеческого парового катка», которая, согласно генерал-майору Григоренко, руководствовалась «бесчеловечным девизом»: «Человеческих жизней не жалеть».⁴¹ Генерал-полковник Волкогонов просмотрел тысячи оперативных документов Верховного Главнокомандующего Сталина и ни в одном из них не нашел указания на то, что следует щадить человеческие жизни, добиваться поставленных целей минимумом жертв, не бросать солдат в неподготовленные наступления. Напротив, Сталин требовал успехов «ценой любых жертв» и, например, в одном приказе обязал «как генерал-полковника Еременко, так и генерал-лейтенанта Гордова, не щадить сил и не останавливаться ни перед какими жертвами». «Жертвы, массовые жертвы» были ему безразличны и попросту не шли в счет, если только достигался намеченный успех.⁴² И таким способом он, согласно Волкогонову, вел вооруженные силы к победе «ценой невыразимых потерь». Чем объяснить, спрашивал Волкогонов, «что наши потери были в два-три раза больше, чем у противника?»⁴³ — еще заниженные данные, поскольку, судя по опыту финской армии, советские потери уже в зимней войне, «по осторожным оценкам», превосходили финские впятеро: «Безо всякой оглядки на потери пехоту массами гнали на финские позиции».⁴⁴ Это соотношение подтвердили авторы позднего советского периода, когда они, к большому неудовольствию сталинистского «Военно-исторического журнала» (1991, № 4), прояснили, «что наша армия в минувшей войне понесла потери, которые в пять и более раз превосходили потери гитлеровской армии».⁴⁵

Примененный Красной Армией уже в зимней войне метод наступления, отличавшийся от такового всех других армий, повторился в более грубой форме во время советско-германской войны, согласно девизу, который приписывается начальнику Главного Политуправления армейскому комиссару 1-го ранга Мехлису: «Всех не убьют!» «Если не удастся первая атака, то тупое следование приказу зачастую приводит к тому, что русская пехота истекает кровью под оборонительным огнем», — говорится в одном немецком обобщении опыта в 1941 г. А майоры Аникин и Горячев из 10-го стрелкового корпуса описали этот метод наступления на Кубанском плацдарме 10 марта 1943 г. следующим образом: «Если однажды дан приказ об исполнении и исполнение этого приказа оказывается невозможным, то красноармейцев, невзирая на самые большие потери, вновь и вновь гонят в бой в том же месте».⁴⁶ Да и как могло быть иначе в армии, в которой под личной угрозой находились даже командующие? В последнюю декаду июля 1941 г. Сталин был крайне раздражен, что немцы заняли Смоленск, ведь он видел, что на Москву надвигается угроза стратегического прорыва. По поручению Ставки Верховного Главнокомандования начальник штаба главнокомандования Западного направления генерал Маландин и член Военного совета Булганин приказали командующему 16-й армией генерал-лейтенанту Лукину, чьи войска находились в окружении, 20 июля 1941 г. вновь занять город Смоленск любой ценой: «Приказ Ставки не выполнен Вами... Отвечайте!.. Приказ должен быть выполнен до конца в любом случае. За невыполнение Вы будете арестованы и отданы под суд».⁴⁷ Аналогичный приказ получил и командующий 20-й армией, также окруженной под Смоленском, генерал-полковник Курочкин.⁴⁸ Тяжелораненый генерал-лейтенант Лукин дал немцам представление о том, в какой форме протекали тогда атаки. Деморализованных солдат «гнали вперед» и при тщетных попытках «вновь и вновь» жертвовали десятками тысяч из них. «Войска наступают только под сильнейшим принуждением со стороны политорганов», — таков был опыт и уже упомянутого командира полка майора Кононова.

Приведем картину таких наступлений по нескольким соответствующим показаниям из необозримой массы подобных.⁴⁹ «Среди задействованных сил примерно в 700 человек из первой атаки вернулись лишь 70-80, — говорил, например, 24 июля 1941 г. один полковник, начальник штаба 46-й стрелковой

дивизии. — Вторая атака с вновь прибывшим батальоном... была столь же кровопролитной.»⁵⁰ Немецкий 9-й армейский корпус доложил 2 августа 1941 г., что вражеские атаки, «несмотря на сильнейшие потери, ведутся чрезвычайно упорно... По собственным наблюдениям и по показаниям пленных было установлено, что русскую пехоту гонят в бой пулеметным огнем с тыла и пистолетами комиссаров».⁵¹ «5 дней мы пытаемся наступать, — доверил своему дневнику 17 апреля 1943 г. погибший впоследствии старший лейтенант Сергеев из 2-го батальона 5-й гвардейской стрелковой бригады. — В ротах осталось 6-8 человек.» И 1 мая 1943 г.: «Мы наступаем с прежним успехом, только потеряли много людей».⁵² Что означала такая аномальная наступательная тактика для солдат Красной Армии, видно по показаниям нескольких пленных из выживших солдат 105-й стрелковой бригады от 11 июля 1942 г.⁵³ «7.7. бригада в первый раз была использована при наступлении на Башкино, — гласит протокол допроса. — В этом первом наступлении был почти полностью перемолот 1-й батальон... Участок наступления был уже усеян трупами после предыдущих атак 12-й гвардейской дивизии. Когда батальон вновь собрался после первого наступления, появились командир бригады (полковник) и комиссар бригады. Они велели выйти вперед всем комсомольцам и членам партии и сформировали из них 1-ю роту, которая при следующем наступлении должна была идти вперед во второй линии и расстреливать всех тех, кто отступил или залег. По приказу комиссара были расстреляны 3 красноармейца... При следующем наступлении 9.7. вновь наблюдались очень сильные потери, так что остатки бригады были к обеду сведены в батальон, который опять же использовался для нового наступления на Башкино. Из этого наступления вечером 9.7. при сборе батальона вернулись всего лишь 60 человек. Участок наступления представлял собой ужасную картину из-за большого числа трупов, везде были разбросаны части человеческих тел, особенно в воронках от прямых попаданий, так что ни один красноармеец не мог избежать этого жуткого зрелища.»

Следует упомянуть еще несколько моментов из практики ведения боев Красной Армией, например, то, что перед наступлениями, когда только было возможно, раздавалась водка.⁵⁴ В результате этого красноармейцы шли вперед тесно сосредоточенными и несли большие потери. В отличие от немецкой, советская пехота зачастую не была оснащена даже стальными касками и тем самым беззащитно подвергалась риску тяжелых повреждений головы. Уже в боях с японцами у озера Хасан и с финнами в зимней войне танковые экипажи подчас запирали в их боевых машинах.⁵⁵ В 1941 г. с немецкой стороны отмечалось, что советских солдат запирали и в бункерах.⁵⁶ В ВВС было запрещено прыгать с парашютом над немецкой территорией.⁵⁷ Как гласил приказ 322-й стрелковой дивизии командиру 1087-го стрелкового полка майору Романенко от 16 января 1942 г., здания нужно было продолжать оборонять даже в горящем состоянии.⁵⁸ То, что красноармейцы погибали в пламени, не играло роли. Наконец, к этой тематике относится и то, о чем известил маршал Советского Союза Жуков после войны онемевшего при этом американского генерала Эйзенхауэра, а именно, что «когда мы подходим к минному полю, то наша пехота наступает точно так же, как если бы его там не было».⁵⁹ Возникающие человеческие потери воспринимались как нечто само собою разумеющееся.

Вся система пренебрежения человеческой жизнью нашла выражение и в тех методах, которыми с 1943 г. обращались с пополнением, насильственно призванным на вновь занятых территориях. При этом необходимо иметь в виду, что население Кавказа, казачьих областей на Тереке, Кубани и Дону, как и юга Украины, в целом поддерживало особенно хорошие отношения с немецкими войсками,⁶⁰ с советской точки зрения — позиция измены и враждебности. Насильственная мобилизация всех мужчин призывного возраста непосредственно после нового овладения этими территориями являлась тем самым частью актов наказания и возмездия, обычно предпринимавшихся в отношении населения. Как видно из приказа № 052 3-й гвардейской армии от 23 февраля 1943 г.⁶¹ и как показал также майор Генштаба Жилев из штаба 58-й армии,⁶² после первых неорганизованных наборов фронтными частями мобилизация мужского населения была предоставлена командирам корпусов и дивизий, которые должны были получить возможность спокойно восполнить высокие потери личного состава в своих соединениях. На практике были назначены местные коменданты, которые обратились к мужскому населению, пригрозив серьезными карами, и затем, с помощью особых отделов и прочих органов НКВД, начали систематично прочесывать города и населенные пункты в поисках «годных к военной службе» рядовых⁶³ и бесцеремонно призывать схваченных «в ту же ночь».⁶⁴ Военнообязанными и годными к военной службе считались все мужчины до 50, отчасти и до 60 лет⁶⁵ и, как правило, все юноши, включая 1927-й, подчас и 1928-й год рождения, то есть 16-летние и иногда 15-летние, во многих дивизиях — с фальсификацией даты рождения.⁶⁶ Согласно словам Сталина, что в этой войне не должно быть негодных, отставлялись только «явные больные и калеки», а во многих случаях привлекались как «годные к военной службе» даже лица с физическими недостатками. Молодые люди, в соответствии с оценкой, либо тотчас направлялись во фронтовые части, либо доставлялись в штрафные подразделения, так что, как говорится в одном месте, «штрафные роты большей частью состоят из солдат молодых и младших возрастов».⁶⁷

В большинстве своем имеющих лишь скудное образование или вообще без такового, частично одетых в гражданскую одежду, плохо вооруженных и недостаточно обеспеченных довольствием, этих людей на линии фронта тотчас бросали в бой и гнали на немецкие пулеметы. Немецкие командные органы вновь и вновь регистрировали, например, на Таманском полуострове и в других местах, как противник заставлял свои части без обучения и подготовки, волна за волной, при «чрезвычайно высоких потерях» атаковать оборудованные и полностью подготовленные к обороне немецкие позиции. Незванный советский политработник в ранге капитана очень точно отметил в своем дневнике 4 марта 1943 г.: «В округе молодых людей... мобилизуют и сразу же посылают в бой в качестве пушечного мяса».⁶⁸ «Высокие кровопролитные потери, — таково было единое мнение советских перебежчиков и военнопленных, — которые, естественно, несет это пополнение, не обученное и не заинтересованное сражаться за Советский Союз, воюющее между фронтом и заградительной командой, несутся сознательно, так как Советский Союз больше не заинтересован в сохранении этих элементов, зараженных фашизмом и, тем самым, представляющих угрозу для морального духа Красной Армии.» Немецкие войска принимали во внимание эти бесчеловечные и противоречащие международному праву методы хотя бы в том отношении, что рассматривали вооруженных гражданских лиц не как партизан, а как военнопленных и соответственно обращались с ними, если те находились в боевых порядках и рядом с регулярными солдатами Красной Армии.

Отвечая на известную речь Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г., Сталин в зарубежном интервью, опубликованном в партийном органе «Правда» 14 марта 1946 г., разъяснил, что «Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами и, кроме того, в результате немецкой оккупации и отправки советских людей на немецкие каторжные работы около семи миллионов человек», включая, стало быть, и военных, и гражданских лиц.⁶⁹ В последующем эта цифра не раз еще резко повышалась по пропагандистским мотивам. Так, общее число погибших военных и гражданских лиц в СССР, увеличенное в 1965 г. членом Политбюро [Президиума ЦК] и сталинским партийным доктринером Суловым уже до 20 миллионов⁷⁰ и официально закрепленное в брежневскую эпоху, было повышено советским президентом Горбачевым 9 мая 1990 г. до 27 миллионов. 8668000 из них принадлежали к вооруженным силам, включая военнотружущих внутренних войск, пограничных войск и органов госбезопасности.⁷¹ Год спустя, в преддверии юбилейных торжеств, 21 июня 1991 г. советский историк, профессор д-р Козлов даже решился утверждать: «СССР расплатился 54 миллионами погибших в годы войны».⁷² Дискуссия с использованием явных спекуляций едва ли приведет к надежному результату. И, кроме того, как верно заметил австрийский военный историк, университетский доцент д-р Магенгеймер, «можно предположить, что основную часть погибших среди гражданских лиц следует приписать репрессиям, ликвидациям и депортациям сталинской системы, не в последнюю очередь — насильственным репатриациям в конце войны и после ее завершения в 1945 г., которые последовали по настоятельному желанию Сталина».⁷³

Лично Сталин и потребовал после завершения войны, в приказе командующим войсками 1-го, 2-го Белорусских, 1-го, 2, 3, 4-го Украинских фронтов, а также «тов. Берия, тов. Меркулову, тов. Абакумову, тов. Голикову, тов. Хрулеву, тов. Голубеву» сформировать гигантские лагеря НКВД-НКГБ на миллион человек для «бывших военнопленных и репатрируемых советских граждан». Что же касается конкретно числа погибших среди военных, то следует напомнить, что Советский Союз воевал не только с Германским рейхом, но с 1939 по 1945 гг. также находился в состоянии войны со следующими государствами (или напал на них силой оружия): Польша, Финляндия, Италия, Румыния, Венгрия, Словакия, Хорватия, Иран, Болгария и Япония. Если уже генерал-полковник Волкогонов оценивает советские потери вдвое-втрое выше, чем у противника, но они в действительности только в зимней войне с Финляндией, «по осторожной оценке», впятеро превосходили потери противника и это соотношение с 1941 по 1945 гг., видимо, еще более ухудшилось, то причины этого следует искать прежде всего на советской стороне.

Советский Союз не признал Гаагские конвенции о законах и обычаях войны и не ратифицировал Женевскую конвенцию о военнопленных, желая воспрепятствовать, чтобы советские солдаты искали спасения в плену противника. Военнопленные принципиально считались «изменниками родины» и «дезертирами», которых надлежало уничтожить всеми средствами на земле и с воздуха, и в лагерях они подвергались советской авиацией целенаправленным бомбовым атакам. Итак, ответственность за потери среди военнопленных — таково было и мнение Международного комитета Красного Креста — изначально несло само советское руководство, что, однако, может снять вину с немцев лишь в той мере, в которой их обращение с ними диктовалось не бездушием и злой волей, а властью обстоятельств. Далее, обычные в Красной Армии на протяжении всей войны отдельные и массовые расстрелы вызвали среди солдат потери, которые трудно определить, но которые в целом должны были быть огромны. И, наконец, варварство советских методов наступления обошлось во множество человеческих жизней. Этими наступательными боями, которые бездушно включались в расчет советским руководством, Красная Армия отличалась от

армий всех других стран, включая и немецкую. Стоит напомнить лишь о том, насколько серьезно, например, еще до Первой мировой войны в германской императорской армии шла борьба вокруг теории ведения по возможности бескровных пехотных наступлений и что слепые атаки напрапалую на готового к обороне противника уже тогда считались фактически запретными.

Вопреки всем контрмерам к концу 1941 г. сдались немцам более 3,8 миллионов, а в целом за время войны — 5,245 миллионов советских солдат, согласно официальному определению — «изменников родины» и «дезертиров». Два миллиона из них погибли от голода и эпидемий, преимущественно — в первую военную зиму. Большое количество было расстреляно в полном ослеплении и органами охранной полиции и СД.⁷⁴ Однако миллион советских солдат добровольно перешли на военную службу к немцам и были вооружены немецкой стороной для борьбы против советского режима. При таких обстоятельствах возникает и вопрос о том, как можно всерьез говорить о «Великой Отечественной войне Советского Союза». Кроме того, какое оправдание имеют стереотипные фразы о мнимом «массовом героизме» и «советском патриотизме» советских солдат, если требовалось использовать самые недостойные насильственные средства, чтобы погнать красноармейцев в бой? «Повторяю, что военное поражение явилось результатом нежелания армии воевать», — писал в отношении 1941 года бывший лейтенант Олег Красовский из 16-й стрелковой дивизии имени Киквидзе, позднее — адъютант генерал-майора РОА Благовещенского и вплоть до своей смерти в 1993 г. главный редактор альманаха «Вече», издаваемого Русским национальным объединением.⁷⁵ Согласно генерал-лейтенанту профессору Павленко, вопросы советско-германской войны «беззастенчиво фальсифицировались» советской историографией. И представляется, что к этим фальсификациям в первую очередь принадлежали именно те раздутые пропагандистские формулы, которые наполняют историческую литературу о советско-германской войне вплоть до наших дней.

Примечания

1. ВА-МА, RH 21-2/650, 16.7.1941.
2. ВА-МА, RH 20-17/282, 19.8.1941.
3. PAAA, Pol. XIII, Bd. 12, Teil II, 11.8., 14.8.1941.
4. PAAA, Pol. XIII, Bd. 13, 30.9.1941.
5. ВА-МА, RH 21-2/v. 658, 19.9.1941.
6. ВА, R 6/77, 14.12.1941.
7. PAAA, Handakten Ritter 29, Rußland, 20.7.1941.
8. PAAA, Pol. XIII, Bd. 8, o. D.
9. ВА-МА, RH 22/271, 12.7.1941.
10. ВА-МА, RH 20-17/283, 25.10.1941.
11. ВА-МА, RH 24-5/110, 14.8.1941.
12. ВА-МА, RH 20-17/283, 21.9.1941.
13. Wolkogonow, Triumph und Tragödie, Bd. 2/1, S. 179.
14. PAAA, Pol. XIII, Bd. 12, Teil II, 30.8.1941.
15. PAAA, Handakten Etzdorf, Bd. 24, 9.8.1941.
16. ВА-МА, RH 21-1/473, 11.10.1941.
17. ВА-МА, RW 4/v. 329, 12.9.1941, см. также в дальнейшем.
18. ВА-МА, RH 22/271, 6.9.1941.
19. ВА-МА, RH 27-3/188, 19.8.1942; Wolkogonow, Triumph und Tragödie, Bd. 2/1, S. 280.
20. ВА-МА, RH 24-3/134, 16.7.1941.
21. Бычков, Партизанское движение, с. 47.
22. ВА-МА, RW 2/v. 158, 27.7.1941; ВА-МА, RW 4/v. 330, 1941.
23. Зарождение и развитие, с. 53-54.
24. ВА-МА, RH 22/271, 15.7.1941.
25. Ebenda, 1.10.1941.
26. ВА-МА, RH 21-3/v. 472, 30.6.1942.
27. ВА-МА, RH 21-3/v. 437, 6.8.1941.
28. ВА-МА, RH 24-3/136, 12.11.1941.
29. ВА-МА, RH 24-3/135, 13.8.1941.
30. ВА-МА, RH 20-17/282, 26.8.1941.
31. ВА-МА, 20-17/332, 3.3.1942.
32. Биленко, Истребительные батальоны; Кирсанов.
33. Старинов, Это было тайной.
34. Wolkogonow, Triumph und Tragödie, Bd. 2/1, S. 240 f., S. 260 f. (Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0428).

35. ВА-МА, RH 24-24/336, 17.11.1941; ВА-МА, RH 21-1/481, 12.12.1941.
36. Wolkogonow, Triumph und Tragödie, Bd. 2/1, S. 238 («Жукову, Жданову, Кузнецову, Меркулову»).
37. Пограничные войска, с. 473, 490.
38. Hoffmann, Kaukasien 1942/43, S. 456 ff.
39. ВА-МА, Н 20/290, 18.7.1942; Methodik für die Untersuchungsführung bei einzelnen Arten von Vergehen während der Kriegezeit, 1. Untersuchung bei vorsätzlichen Selbstverstümmelungen, ebenda.
40. ВА-МА, Н 20/290, о. D.
41. Hoffmann, Die Kriegführung aus der Sicht der Sowjetunion, S. 780 f.
42. Volkogonov, Stalin als Oberster Befehlshaber, S. 491 f.
43. Волкогонов, Верховный Главнокомандующий, с. 3, Архив авт.
44. ВА-МА, RH 19111/381, 1940.
45. Гареев, О мифах старых и новых, с. 46.
46. ВА-МА, 34691/2, 10.3.1943.
47. ВА-МА, RH 21-2/649, 20.7.1941.
48. ВА-МА, RH 24-5/110, 30.7.1941.
49. См. также текст немецких листовок: ВА-МА, RH 21-3/v. 782.
50. ВА-МА, RH 21-3/437, 24.7.1941.
51. ВА-МА, RH 21-2/650, 2.8.1941.
52. ВА-МА, RH 20-17/487, 26.7.1943.
53. ВА-МА, RH 21-2/707, 11.7.1942.
54. ВА-МА, RW 4/v. 329, 3.8.1941; ВА-МА 27759/15, 21.12.1942.
55. ВА-МА, RH 19III/380, 15.1.1940.
56. ВА-МА, RH 24-3/134, 23.6.1941; ВА-МА, RH 24-17/152, Juni 1941.
57. ВА-МА, RH 24-3/134, 16.7.1941.
58. ВА-МА, RH 24-24/336, 16.1.1942.
59. Eisenhower, Crusade in Europe, S. 467.
60. Hoffmann, Kaukasien 1942/43, S. 430 ff.
61. ВА-МА, RH 24-3/146, 5.3.1943.
62. ВА-МА, RH 20-17/457, 12.2.1943.
63. Ebenda, 19.6.1943.
64. ВА-МА, RH 24-3/146, 2.2.1943.
65. ВА-МА, RH 24-3/147, 12.3.1943.
66. ВА-МА, RH 21-3/v. 496, 19.10., 29.10., 22.12.1943.
67. Ebenda, 14.10.1943.
68. ВА-МА, RH 24-3/147, 21.3.1943.
69. Интервью тов. И.В. Сталина.
70. Magenheimer, Massenrepressalien, Bevölkerungsverluste und Deportationen, S. 540.
71. Гриф секретности снят, с. 129.
72. Kozlov.
73. Тепляков, Трагедия плена.
74. Hoffmann, Die Kriegführung aus der Sicht der Sowjetunion, S. 730; derselbe, Die Geschichte der Wlassow-Armee, S. 140 f.
75. Красовский, 22 июня 1941 года, с. 7.

Глава 6. «Великая Отечественная война». Советская пропаганда и ее орудия

22-е июня 1941 г. в корне изменило международное положение Советского Союза и одним махом избавило его от пятна прежнего партнерства с Германией. Ведь «в высшей степени аморальным и преступным договором» от 23 августа 1939 г. Сталин, по выражению Дашичева, превратил себя в «соучастника фашистской агрессии». «Германско-советский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г., — как было вне всякого сомнения уже для социалиста России, — являлся пактом о нападении на Польшу... Секретное соглашение доказало... на юридическом уровне, что это преступление было совершено вдвоем, а именно Германией и Россией... Германско-советские соглашения от августа-сентября 1939 г. имели своей основой раздел Восточной Европы.»¹ С первого дня германско-польской войны, 1 сентября, Советский Союз непосредственно оказывал военную помощь с целью разгрома Республики Польша, с готовностью откликнувшись на просьбу начальника Генерального штаба германских Люфтваффе и подавая по радиопередатчику в Минске пеленгационные сигналы немецким бомбардировщикам, действующим в Польше. 3 сентября 1939 г. советское правительство выразило свое «безусловное» согласие на овладение «сферой интересов», предоставленной ему в Москве, с 10 сентября согласовало с германским послом в Москве графом фон дер Шуленбургом соответствующие технические процедуры и 17 сентября начало неспровоцированную и вероломную наступательную войну в спину Польше, сражавшейся за свое существование.

Советско-германские военные переговоры 20 сентября 1939 г. в Москве увенчались протоколом, в котором германский Вермахт обязался принять «необходимые меры», чтобы воспрепятствовать «каким-либо провокациям и актам саботажа польских банд и т. п.» в городах и населенных пунктах, подлежащих передаче Красной Армии. Красная Армия, со своей стороны, обязалась предоставить «необходимые силы для уничтожения польских частей и банд» на путях отхода немецких войск. «Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше, — говорил народный комиссар [председатель Совнаркома] Молотов, ответственный руководитель советской политики, выступая 31 октября 1939 г. перед Верховным Советом, — со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения польских национальностей.»² Согласно настоятельному пожеланию Сталина, который в телеграмме рейхсминистру иностранных дел фон Риббентропу от 27 декабря 1939 г. говорил о «дружбе между народами Советского Союза и Германии, скрепленной кровью», не должно было остаться даже следов государственного существования Польши и любое проявление национального сопротивления поляков надлежало задуть уже в корне, по взаимной дружеской договоренности. Советско-германский договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., заключенный за счет Польши и других суверенных государств, скрепил общественно опасное сотрудничество двух великих держав.

После того, как польский вопрос, с советской точки зрения, был «урегулирован», причем «окончательно», советское правительство, как заявил Сталин, желало немедленно приступить к решению «проблемы» прибалтийских государств согласно протоколу от 23 августа 1939 г., то есть оно, невзирая на существующие договоры, начало оказывать массированное давление на суверенные республики Эстонию, Латвию и Литву и шаг за шагом уничтожать их независимость с использованием политического террора и угрозы военной силы. Финляндии, которая, в соответствии с советско-германским договором от 23 августа 1939 г., также считалась принадлежащей к «сфере интересов» СССР, была несомненно уготована такая же участь, как Польше и прибалтийским государствам,³ однако в результате упорного финского сопротивления неспровоцированная, противоречащая международному праву наступательная война против Финляндии приобрела неожиданный ход, так что советскому руководству, чтобы избежать угрожавших осложнений с западными державами, пришлось отодвинуть в сторону свои цели в отношении Финляндии и — пока что — довольствоваться аннексией крупных территорий в Карелии. На основе советско-германского договора от 23 августа 1939 г. Советский Союз весной 1940 г. занял агрессивную позицию и в отношении Румынии. Командование советской 12-й армии, сконцентрированной на советско-румынской границе, и механизированной кавалерийской группы во главе с генерал-лейтенантом Черевиченко 26 июня 1940 г. уже отдало приказ о внезапном нападении на Румынию, когда правительство в Бухаресте по настоятельному совету Германии уступило ультимативному требованию советского правительства о передаче Бессарабии и Северной Буковины и военный конфликт не разразился.

Итак, договоренности Сталина с Гитлером имели непосредственным результатом, что Советский Союз вел агрессивные войны против Польши и Финляндии, что он в союзе с Германией уничтожил

суверенитет и независимость Польского государства, что Румыния под угрозой войны была вынуждена пойти на огромные территориальные уступки и что при косвенном или прямом применении силы была ликвидирована самостоятельность прибалтийских республик — Эстонии, Латвии и Литвы и эти страны были включены в советскую империю. Польша выдавалась советским руководством за вопрос, касающийся исключительно Советского Союза и Германии, а право западных держав — Великобритании и Франции на вмешательство в польские дела принципиально оспаривалось. Ведь, как распространялись в Москве, Англия и Франция, «безраздельно господствующие над сотнями миллионов колониальных рабов», вообще не имеют морального права говорить «о свободе народов». Поэтому обоснование западными державами объявления войны Германии характеризовалось как простой предлог для затушевывания подлинных мотивов и целей, которые, дескать, следует искать не в чем ином, как в сохранении прежнего, установленного западными державами в Версале и выгодного лишь для них равновесия в Европе, именно ликвидация которого, согласно словам Сталина, и являлась подлинным смыслом советско-германского договора. Мол, им было нужно лишь устранение усиливавшейся Германии как опаснейшего конкурента на мировом рынке.

Англия и Франция клеймились советским правительством как зачинщики империалистической войны, и на них возлагалась ответственность за ее продолжение и расширение. Поэтому и Молотов в своей речи перед Верховным Советом 31 октября 1939 г. охарактеризовал выдвинутый западными державами мотив продолжения войны с Германией — борьбу с «фашизмом», против которого до 1939 г. и вновь с 1941 г. всеми средствами боролись и в Советском Союзе, как бессмысленную и преступную глупость и жестокость или, как писала «Правда» 30 сентября 1939 г., «преступление провокаторов и бесчестных политиков против народов». И Сталин, подытоживая официальное мнение, заявил в интервью «Правде» 29 ноября 1939 г.:⁴ «1. Не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию и тем самым взяли на себя ответственность за нынешнюю войну; 2. После начала военных действий Германия сделала Франции и Англии мирные предложения, и Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, поскольку полагал и все еще полагает, что быстрое завершение войны в корне облегчило бы положение всех стран и народов; 3. Правящие круги Франции и Англии в оскорбительной форме отвергли мирные предложения Германии и усилия Советского Союза по быстрому завершению войны. Таковы факты».

Партнерство и пособничество Сталина и Гитлера проявилось не только в том, что Советский Союз был активным соучастником насильственного преобразования межгосударственных отношений в Восточной Европе, но и в том, что он оказал активную политическую, экономическую и военную поддержку Германскому рейху в его борьбе с западными державами. Помощь немцам в ведении морской войны против Англии, саботаж военных усилий Франции, предпринятый по указке Москвы Французской коммунистической партией,⁵ безоглядное стремление советского руководства санкционировать с позиций международного права положение, созданное в Европе успехами оружия Германии, и, наконец, гигантские стратегические экономические поставки Рейху — все эти события уже достаточно известны, и о них нет нужды еще раз говорить в этом месте. Приведем лишь некоторые примечательные высказывания, чтобы охарактеризовать позицию Советского государства.

Поскольку, с советской точки зрения, продолжения войны желали одни западные державы, то оккупация Дании и Норвегии немецкими войсками весной 1940 г. была расценена как оправданный контршаг против распространения Великобританией и Францией войны на Северную Европу. 9 апреля 1940 г. Молотов по всей форме выразил правительству Рейха понимание Советским Союзом, как он выразился, навязанных Германии «оборонительных мер» и пожелал ей в этом «полного успеха». Самые многотиражные газеты СССР, партийный орган «Правда», государственный орган «Известия» и профсоюзный орган «Труд», комментируя события в Скандинавии, писали, что Англия и Франция «вторглись» в нейтральные воды скандинавских стран, чтобы подорвать военное положение Германии. Мол, перед лицом того факта, что западные державы «нарушили суверенитет скандинавских государств», «распространили военные действия на Скандинавию», дискуссия о правомерности «навязанных» Германией действий «смехотворна». Дескать, Англия и Франция «возложили на себя всю тяжесть ответственности за распространение военных действий на Скандинавию». В своей речи перед Верховным Советом 31 июля 1940 г. Молотов заявил со всей открытостью, что без косвенной поддержки со стороны СССР Германия не смогла бы распространить сферу своей власти на Скандинавию и Западную Европу.

Советское руководство нашло лишь слова понимания и защиты также для немецкого нападения на нейтральные страны Голландию и Бельгию. «Правда» и «Известия», инструктируемые лично Сталиным, указывали на то, что в планы англо-французского блока уже давно входило «втягивание в империалистическую войну» и Голландии с Бельгией. Дескать, Германия в результате встала перед необходимостью нанести контрудар против запланированного западными державами вторжения на

территорию Рейха. Мол, не Германия, а Англия и Франция тем самым втолкнули «в пламя империалистической войны еще две малые страны». Точно так же немецкое западное наступление против Франции было расценено в Москве в 1940 г. вовсе не как «нападение фашистских войск», а как мастерски спланированная и проведенная стратегическая операция. Когда Франция была повержена, Молотов выразил немецкому послу графу фон дер Шуленбургу «самые теплые поздравления советского правительства с этим блестящим успехом германского Вермахта». Советский Союз видел себя в роли «ценного секунданта» Германии, и посол граф фон дер Шуленбург доложил в Берлин, что сообщения советского аппарата печати и пропаганды во время операций во Франции соответствовали «наилучшим ожиданиям» немцев. Молотов неоднократно — например, в своей речи от 31 июля 1940 г. и в своих беседах с Гитлером в ноябре 1940 г. — напоминал о том, что советско-германские договоры 1939 года «остались не без влияния на великие немецкие победы».

Пособничество Сталина и Гитлера на пути ко Второй мировой войне и в первой стадии войны, как упоминалось ранее, резко оборвалось 22 июня 1941 г. Без собственного содействия Советский Союз внезапно оказался в кругу государств, которые должны были бороться с Германией и находились в состоянии войны с Рейхом, что, как отметил Сталин уже в своей речи от 3 июля 1941 г., являлось чрезвычайно благоприятной ситуацией, «серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией». Германия, говорил Сталин, «разоблачила себя в глазах всего мира, как кровавый агрессор», вследствие чего, согласно Сталину, «лучшие люди Европы, Америки и Азии... сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое...» Отныне существовали лишь две четко отделенные друг от друга воюющие стороны — агрессоры во главе с Германией и жертвы агрессии, самой очевидной из которых теперь, по иронии судьбы, стал Советский Союз. Советское руководство с первого дня войны сумело воспользоваться этой благоприятной политической ситуацией с еще небывалой разнузданностью, полностью поставив теперь на службу военным усилиям и оружию пропаганды.

Советских журналистов и литераторов, деятелей искусства, а также историков призвали по-своему внести вклад в победу Советского Союза. Они должны были использовать всю свою находчивость и все свое умение, чтобы в испытанной черно-белой манере начертать образ врага, для расписывания которого годилось любое, даже самое недостойное средство, лишь бы оно только служило одной цели — исполнить Советский Союз и военнослужащих Красной Армии чувством ненависти ко всему немецкому. На «ни о чем не подозревающий, мирный Советский Союз», гласит историческая легенда, распространяемая поныне и, видимо, неискоренимая, «коварно и вероломно напали фашисты». Если следовать легенде, то советское руководство оказалось в шоке от этого неожиданного вероломства своего прежнего союзника, сообщника и партнера. Однако шок обычно влечет за собой паралич, а не, к примеру, целенаправленные ясные действия. Тем временем советская военная пропаганда еще в тот день, 22 июня 1941 г., смогла преподнести программу, явно разработанную заранее, и начать действовать. Ведь уже в этот первый день войны известных советских писателей созвали под эгидой ведущего функционера Союза писателей и сталинского фаворита Фадеева, чтобы воспринять директивы по радикальному повороту в пропагандистском освещении Германии, удивительным образом уже утвержденные.⁶ В «поразительной спешке» они, как отмечается, получили задание поставить отныне все свои силы на службу начинающейся теперь «Священной войне», как это и пообещал автор советских массовых песен Лебедев-Кумач в своем одноименном гимне, обнародованном несколько дней спустя, 24 июня 1941 г.⁷ На деле низверглась хорошо управляемая пропагандистская лавина, которая затмила все, что было доселе, прошла по всей сфере советского господства и оставила глубокие следы также в несветских странах. А немцы имели слабое представление о том, что здесь надвигалось на них.

Из числа советских писателей, которые теперь приняли участие в гигантской военной пропаганде, направленной против немцев, и которые в большинстве своем отправились в качестве корреспондентов газет во фронтовые и армейские штабы Красной Армии, особо выделим некоторых. Так, к ним принадлежал уже упомянутый, покончивший жизнь самоубийством в 1956 г. писательский функционер Фадеев, ярко выраженный партийный литератор, обязанный своей известностью в Советском Союзе созданному в 1927 г. партизанскому роману «Разгром», публикации, за которой в 1945 г. последовал роман «Молодая гвардия», прославляющий борьбу «советского народа» против фашистских захватчиков. Далее, здесь можно назвать будущего Нобелевского лауреата Шолохова, который в своем всемирно известном романе «Тихий Дон», изданном в четырех томах в 1928-40 гг., изображает борьбу двух миров, доброго и злого (большевистский считается при этом добрым), и чей основной вклад в пропагандистскую битву советско-германской войны, наряду с бесчисленными статьями в партийном органе «Правда» и армейском органе «Красная звезда», состоит в появившемся в 1942 г. рассказе под многозначительным заголовком «Наука ненависти».⁸ Также преимущественно для «Красной звезды» писал Симонов, обратившийся к теме

советского человека на войне, автор ряда книг, а также статей, киносценариев, очерков и т. п.⁹ Его военное стихотворение «Жди меня», которое популяризировалось всеми средствами, стало в Советском Союзе всеобщим достоянием и пользовалось довольно большой любовью среди широких масс. Далее, не следует забывать профессора Гарле, известного историка преимущественно наполеоновского периода, а также автора двухтомного труда «Крымская война» (1941-43 гг.), чья публицистическая и пропагандистская деятельность во время войны является образцом злоупотребления исторической наукой и ее духовного разложения в политических целях при советском режиме.¹⁰

К этому ряду принадлежит и Алексей Толстой, по отцу — выходец из графского рода, по матери — из рода Тургеневых, способный, несколько расплывчатый писатель, целиком находившийся на службе сталинизму.¹¹ Когда в 1937 г. всю страну охватил лихорадочный бред «Большой чистки», Толстой выступал за рубежом на так называемых «антифашистских конгрессах» в качестве представителя Советского Союза с целью воздействия на интеллигенцию Запада. Конечно, его именем не менее, чем его услужливостью, объясняется то, что во время войны он выступал в качестве ведущего члена «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» — учреждения военной пропаганды, целевая направленность которого еще будет освещена ниже. При этом Толстой по заслугам получил Сталинскую премию за оставшийся незаконченным роман «Петр I». Его публикации «Рассказы Ивана Сударева» (1942-44 гг.), «Иван Грозный» и «Трудные годы», но прежде всего его многочисленные эмоциональные пропагандистские статьи в немалой мере способствовали возбуждению в советских солдатах недобрых страстей.

Однако в первую очередь следует вспомнить Илью Григорьевича Эренбурга, сыгравшего главенствующую роль в военной пропаганде Советского Союза.¹² От Эренбурга нельзя отмахнуться одним замечанием, что он был просто человеком с «наказуемой уголовной энергией большого масштаба», «подстрекателем к убийству» или, возможно, лишь «психопатом», человеком с болезненными наклонностями. Ведь уголовные или психопатические наклонности ни в коей мере не исключают наличия писательских и журналистских способностей. Во всяком случае, это в сочетании с недостатком правдивости и отсутствием всяких угрызений совести позволило ему стать важнейшим орудием пропаганды ненависти, обращенной против всего немецкого. Политическая агитация, которую он с большой ловкостью вел многие годы, и беспринципная изощренность, с которой он сумел после смерти своего хозяина Сталина в повести «Оттепель» и в своих мемуарах «Люди, годы, жизнь» переоценить и затушевать прошлое и свой собственный образ действий и приспособиться к новым условиям, создали ему и в западных странах реноме, которого не следует недооценивать и которое существует и поныне. Федеративная Республика Германия не составляет при этом исключения. И до некоторой степени поражает, когда наблюдаешь, насколько мало распространенная здесь интеллигенция поняла или, возможно, всего лишь хотела понять советский мир и с какой легкостью именно здесь преступаются заповеди приличия и морали.

Так, например, издатель западногерманского перевода мемуаров Киндлер принялся внушать, что приведение определенных примеров эренбургской пропаганды ненависти представляет собой лишь повторение «геббельсовской лжи».¹³ И, к примеру, уже в 1991 г. фракция ХДС в собрании депутатов округа Берлин-Шёнеберг внесла предложение по достоинству отметить в рамках выставки «Русские в Шёнеберге» также «творчество» Эренбурга и почтить память об этом журналисте и писателе. По случаю его 100-летия в 1991 г. ведущие немецкие ежедневные газеты не упустили возможности почтить его память, отметить его «кипучее желание писать», провозгласить его «мастером сатиры», «искателем истоков зла» и восхититься его «грандиозными панорамными полотнами». Тщетно искать хотя бы единого слова объяснения преступной деятельности Эренбурга в военный период, которая имела столь ужасные последствия именно для бесчисленных немецких мужчин, женщин и детей. Об этом роде деятельности Эренбурга и Вальтер, автор памятной статьи в литературном приложении к «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», упоминает одной сухой фразой, написав, что Эренбург был «одним из самых активных» и — вводящая в заблуждение формулировка — «ярких военных пропагандистов»¹⁴ — недооценка, которая удостоилась в той же газете резкой отповеди от одного из тех, кто знал, о чем идет речь, Хайнца Навратила (Nawratil), автора книги «Изгнание немцев» (Die Vertreibung der Deutschen).¹⁵ Кто же был Эренбург?

Эренбург, родившийся в 1891 г. в Киеве сын еврея-пивовара, всю жизнь признавал свое происхождение и, как он сам писал: «Я — еврей. Я говорю это с гордостью» (I am a Jew and proud of it).¹⁶ Не имея расположения к получению упорядоченного образования, он уже школьником посвятил себя не столько своим гимназически-школьным обязанностям, сколько шатаниям по политическому деклассированному миру своей среды. Будучи так называемым «16-летним революционером-большевиком»,¹⁷ он эмигрировал в Париж, чтобы с этого момента вести бродячее существование

интеллигента без родины и корней, который всю жизнь испытывал к людям, честно зарабатывающим свой хлеб в упорядоченной буржуазной жизни, лишь глубокую антипатию. Находясь до 1917 г. в Париже в качестве литератора-политикана, он являлся постоянным посетителем кафе «Closerie des Lilas», где «изо дня в день сидел и писал». Однако, привлеченный революцией, он в 1917 г. приехал в Москву, где, правда, поссорился и с новыми властями, так что опять попытался осесть в Париже. Тем временем, высланный французской полицией, он до 1924 г. пребывал в беспокойной атмосфере тогдашнего Берлина, где, находясь с 1921 г. на советской службе, зарабатывал себе на жизнь, видимо, как сотрудник советской печати и прежде всего как доносчик и шпион пресловутой советской тайной полиции ГПУ (Государственное политическое управление). Находясь затем в Москве и вновь в Париже, он во время испанской гражданской войны 1936-39 гг. был командирован в Испанию в качестве корреспондента и агитатора, но в 1939-40 гг. опять пребывал в Париже, а после вступления туда немецких войск — с неясным заданием в Берлине, чтобы затем окончательно переехать в Москву.

В 20-х годах Эренбург стал известен в международных кругах благодаря различным публикациям, включая политический роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников», содержанием которого является преодоление буржуазности революцией в эпоху Первой мировой войны. В этой книге, в качестве, так сказать, аксиомы большевистской мудрости, приводится и фраза: «Для блага человечества нужно убивать». В появившейся в 1941 г. книге «Падение Парижа» Эренбург смог вновь дать волю своей старой «ненависти к хорошо темперированной французской буржуазии», описав под впечатлением испанского опыта причины поражения Франции в 1940 г. с позиций социалистической классовой борьбы.¹⁸ Высшая литературная награда, которую мог вручить Советский Союз, Сталинская премия 1-й степени, стала заслуженным воздаянием за эту желанную пропагандистскую стряпню. Этой пачкотне едва уступал по своему «массовому воздействию на современников» появившийся в 1946 г. политический роман «Буря», который в результате был также увенчан Сталинской премией. Своими талантами, своей беззастенчивостью, своим зарубежным опытом и, не в последнюю очередь, своей испытанной услужливостью Эренбург, как никто другой, подходил для выполнения важнейшей пропагандистской задачи, которая внезапно встала перед Сталиным в 1941 г.

Ведь когда началась советско-германская война, советская пропаганда в известном смысле оказалась запутанной в своих собственных сетях. Правда, было не так уж сложно возбудить враждебные чувства против «фашистов», поскольку скрытая антифашистская агитация с 1939 г. не прекращалась никогда. Однако, наряду с ней, имелось и более старое учение, согласно которому «немецкие рабочие и крестьяне» являлись естественными противниками «фашизма», который и без того мог захватить власть только «с помощью рурских магнатов и социал-предателей». По этой теории гитлеровской Германии противостояла «другая Германия», а «рабочие и крестьяне» в Вермахте, как считалось, откажутся воевать против «отечества трудящихся», Советского Союза, если только «узнают правду». Этим и объясняется неуклюжая советская фронтовая агитация, которую вообще не понимали немецкие солдаты, на первой стадии войны. Лозунги, подобные почерпнутому из одной советской листовки: «Немецкие солдаты! Кому выгодна война против Советского Союза? Только капиталистам и помещикам!»,¹⁹ не давали результата. «Настоящей ненависти к Вермахту» в Красной Армии, как признавал Эренбург, «поначалу не знали».²⁰ Тут нужно было прояснить обстановку, дабы дело не дошло до «преступного братания» на поле боя или, еще хуже, до того, чтобы красноармейцы стали массами сдаваться в плен немцам. Сталину нужно было возбудить «ненависть, ненависть и еще раз ненависть» не только против «фашизма», но и против всего немецкого вообще, о чем сообщил генерал-лейтенант Власов, сам слышавший, как Сталин в Кремле после битвы под Киевом обратился с соответственным наглым требованием к Берии.²¹ А пропагандистские предпосылки для этого были созданы давно. Нужно было только обратиться, например, к таким подстрекательским произведениям, как фильм «Александр Невский» режиссера С. Эйзенштейна по сценарию П. Павленко и с музыкой С. Прокофьева, выпущенный Мосфильмом в 1938 г. Но задача была поставлена еще шире.

Заместитель наркома иностранных дел Лозовский уже в первые дни войны довел до сведения Эренбурга, какое решающее значение одновременно придавал Сталин зарубежной работе на Великобританию и США. Ведавший такими вопросами член [кандидат в члены] Политбюро Щербаков теперь официально дал ему важное поручение — «ежедневно» писать и для союзников на Западе. Подгоняемый определенными указаниями Сталина точно так же, как чувствами ненависти своего испорченного рассудка и порочной души, Эренбург принялся развивать деятельность, которая, как считал он сам, больше не имела отношения к «литературе» даже в социалистической интерпретации этого понятия. С тех пор он действительно каждый день писал статью, а зачастую несколько, до пяти статей, для государственного органа «Известия», для партийного органа «Правда» и прежде всего для армейского органа «Красная звезда», а также для других советских газет и — в различных вариантах — для

просоветских периодических изданий за рубежом. «Красная звезда» в первую очередь создавала рабочую основу для безобразной политпропаганды в Красной Армии, и красноармейцам с тупой монотонностью вдалбливали статьи этого органа: «Со статьями Эренбурга мы ложились по вечерам и вставали по утрам». Имя Эренбурга, как сказано 21 сентября 1944 г., было известно каждому красноармейцу: «Советский народ считает его одним из лучших своих писателей и величайших патриотов».²²

Если войскам для повышения боевой мощи не раздавалась перед наступлениями традиционная водка, то «им перед началом наступления зачитывали статьи Эренбурга», которые в бесчисленных вариациях повторяли основную тему: немцы — не люди, их нужно беспощадно истреблять. Этот стереотип, хотя он, конечно, отвечал намерениям советского руководства, подчас вызывал в своей обобщенной форме робкие сомнения, видимо, даже в Советском Союзе. Так, Эренбурга иногда спрашивали, как можно постоянно писать только об одном и том же предмете — о несходстве немцев с людьми. «Неужели они действительно такие палачи?» — спросили москвичи летом 1944 г. Романист Гроссман, сам активный представитель советской военной пропаганды, по крайней мере, упрекнул Эренбурга, что тот не допускает наличия разницы между немцами и, с другой стороны, «фашистами» и «гитлеровцами».²³ Возражения раздавались и в западных странах. Когда, например, просоветская шведская газета «Гётеборгс Хандельстиднинген» в 1942 г. принялась печатать статьи Эренбурга, то вмешалось не только правительство Германского рейха, но и другие шведские газеты — так, «Стокгольмс Тиднинген», «Гётеборгс Моргонпост» и «Афтонбладет» выразили протест, а «Дагпостен» написала: «Эренбург держит все рекорды в интеллектуальном садизме. Для чего еще опровергать эту свинскую ложь и доказывать, что Эренбург приписывает немцам вещи, которые у красноармейцев случаются сплошь и рядом».

Эренбург, чьи статьи частично переводились на английский язык, вовсе не всюду встречал понимание также в Великобритании и США. Известный журнал в Нью-Йорке, например, призвал в 1945 г. выразить протест против «жестокости таких советских писателей, как Алексей Толстой и Илья Эренбург». И сам Эренбург счел себя вынужденным 26 октября и 23 ноября 1944 г. публично возразить некой леди Гибб из Англии, которая написала ему: «Вы возбуждаете в сердцах русского народа очень, очень старое зло, а именно желание мести после достижения победы. Это старое, старое зло... не принесет победителям благословения... Мы так сильно заинтересованы в том, чтобы вы использовали свои большие таланты на службе России для установления справедливого и долгого мира, а он никогда не может основываться на самоуверенности и желании мести».²⁴ Советская пропаганда, в это время уже вплотную занятая тем, чтобы застраховать огромные военные территориальные завоевания, начала оказывать на леди Гибб массивный нажим, дабы еще в корне задуть любое проявление справедливости и человечности. Эренбург ответил ей исполненным ненависти языком чудовища, процитировав якобы полученное письмо от некоего [младшего] лейтенанта Зинченко, который с возмущением написал: «Моя мать тоже верует, и она во имя этой веры благословляет меня: “Убей немца!”» «Нельзя жалеть зверя, — писал Эренбург, — зверя нужно уничтожить... Такого мнения у нас весь народ, многоуважаемая леди.»

В своем положении Эренбург, во всяком случае, мог быть уверен. И даже мнимое взыскание со стороны идеолога ЦК КПСС [ВКП(б)] Александрова, который опубликовал в партийном органе «Правда» незадолго до конца войны, 14 апреля 1945 г., передовую(?) статью под заголовком «Товарищ Эренбург упрощает»,²⁵ являлось не чем иным, как тактической уловкой, предпринятой по прямому поручению Сталина, которая вовсе не была направлена против персоны Эренбурга, как тому тотчас с пониманием намекнули, но лишь учитывала в пропагандистском плане изменившуюся политическую ситуацию. Наделенный неограниченным — не считая краткого раздражения в 1949 г. — доверием Сталина, Эренбург сразу же после окончания войны был направлен в качестве коммивояжера в страны Восточной и Восточно-Центральной Европы с важным поручением — подготовить в агитационном отношении и закрепить завоевание там власти коммунистами. Насколько ценил в это время Эренбурга Сталин, проявилось, когда госсекретарь США Бирнс в 1945 г. перед лицом советских насильственных актов и злоупотреблений в Румынии пригрозил публикацией сообщений американских корреспондентов. На этот протест Сталин ответил, как сообщалось,²⁶ «презрительным движением руки: “Тогда я пошлю в Румынию Илью Эренбурга и велю ему сообщить о том, что он увидит. Его слово будет значить больше, чем слово Вашего человека”». В качестве вице-президента (согласно скрытой советско-коммунистической табели о рангах, в действительности президента) охватившей весь мир советской организации «Всемирный Совет Мира» Эренбург в последующие годы развернул интенсивную подрывную работу в странах и государствах всех частей света. Завязанные им многообразные личные знакомства и связи теперь прояснили и то, в какой мере левые интеллигенты, а также известные фигуры духовной и политической жизни многих стран вольно или невольно унизили себя до роли прислужников сталинского режима. И даже бывший левый политик из партии Центра и германский рейхсканцлер д-р Вирт не пренебрег дружескими переговорами с Эренбургом в Швейцарии. Правда, для лауреата [международной] Сталинской премии д-ра Вирта это не удивительно,

ведь по «объемному» делу ЦРУ «Подоплека Иозефа Вирта» (The background of Joseph Wirth) можно проследить его деятельность в качестве советского агента вплоть до начала 20-х годов.²⁷

Печатная продукция за годы «Великой Отечественной войны Советского Союза», как упоминалось, вышла у Эренбурга, который всю жизнь много писал, за обычные рамки в том смысле, что она, по его собственным словам, представляла собой не «литературу», даже в скромном смысле слова, а политическую агитацию, то есть политическую травлю. Около 3000 его руководящих статей и обращений были еще раз специально собраны в 1942-44 гг. в трехтомной книжной публикации под названием «Война». Правда, позднее Эренбург хотел знать о них уже не слишком много. В своих мемуарах «Люди, годы, жизнь», предназначенных и для того, чтобы замести следы, он словоохотливо распространяется прежде всего о человеческих приобретениях этих судьбоносных лет. О военных статьях сказано лаконично: «А что у меня осталось от тех лет? Тысячи статей, похожих одна на другую, которые теперь сможет прочитать только чрезмерно добросовестный историк». Движущие мотивы этой скромности сможет понять тот, кто действительно вторгнется в эти материи с «добросовестностью историка».

И анализ этого потока статей также вполне пригоден, чтобы освежить воспоминания о другом авторе статей, Юлиусе Штрейхере, том гауляйтере Франконии, который в 1940 г. был снят со своих постов за личные упущения,²⁸ издатель антисемитской подстрекательской газеты «Штюрмер», которая, правда, как, вероятно, следует добавить, из-за своего низкого уровня в значительной мере отвергалась даже в кругах НСДАП. В 1945-46 гг. Штрейхер находился среди обвиняемых перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, был признан виновным и приговорен к смерти, поскольку он, как говорится в обосновании приговора, «в своих речах и статьях неделю за неделей, месяц за месяцем отравлял образ мысли немцев ядом антисемитизма и подстрекал немецкий народ к активному преследованию евреев». «Передовая статья от сентября 1938 г., — сказано там, — являлась типичной для его поучений, в которых еврей характеризуется как бацилла и чума, а не как человеческое существо.» Дескать, Штрейхер недвусмысленно призывал к уничтожению евреев.

Если уж его по обвинительному пункту № 4 (преступления против человечества) приговорили в Нюрнберге к смертной казни через повешение, то что же говорить об Эренбурге, который годами «неделю за неделей, месяц за месяцем», даже день за днем отравлял образ мысли народов Советского Союза (а также западных стран) ядом антигерманизма и подстрекал к активному преследованию и убийству немцев, причем не в захолустном периферийном листке, а в ведущих газетах Советского Союза, по сугубо официальному поручению? Если Штрейхер был «подстрекателем против евреев № 1», то представляется не только оправданным, но даже необходимым назвать Эренбурга «подстрекателем против немцев № 1». «Штрейхер нес ответственность за смерть миллионов евреев», — писал Эренбург 13 декабря 1945 г., будучи наблюдателем на процессе в Нюрнберге.²⁹ Необходимо еще более обстоятельно показать, что он не только ни в чем не уступал Штрейхеру, но своей злобностью, возможно, даже многократно превосходил его.

Советский Союз, безо всяких собственных заслуг внезапно очутившийся в лагере уже не агрессоров, а жертв агрессии, мобилизовал пропагандистский аппарат, чтобы предать забвению свое бывшее сообщничество с Германией и представить себя как защитника «свободолюбивых народов». А как же было на деле? 17 сентября 1939 г., после предварительной договоренности с правительством Рейха, Советы напали на Польшу, ночью «подвергли бомбардировке» территорию восточнее Львова, «обошли» и «уничтожили» «польские войска», «уничтожали» «польские пехотные дивизии и артиллерийские бригады», «сбивали» самолеты, «захватывали» или тоже «уничтожали» боевую технику и орудия, «брали» пленных, «занимали» города, «очищали от польской армии» или «зачищали» поля сражений, леса, земельные участки, страну, в «торжественной форме» принимали из рук немецких войск крепости Осовец и Брест, город Белосток и другие места.³⁰ Во Львове 8500 польских военнослужащих, включая 100 офицеров, бежали к немецким войскам, чтобы не попасть в плен к Советам — счастливое решение, поскольку их ожидало обращение согласно принципам Женевской конвенции, а не выстрел в затылок. Ведь 15000 польских офицеров, попавших в руки Советов, помимо профессиональных военнослужащих — тысячи «университетских профессоров, врачей, ученых, деятелей искусства, учителей средних школ», «цвет польского общества», «исполнявшие свой долг в качестве офицеров запаса», были, как известно, расстреляны НКВД под Катынью, в Харькове (и в других местах) по приказу Сталина, Калинина и прочих вождей Советского Союза. Из 250000 польских военнопленных в Советском Союзе погибли 148000, из 1,6-1,8 миллионов депортированных польских гражданских лиц — 600000, а из 600000 депортированных в Советский Союз польских евреев бесследно исчезли 450000.³¹

Советское руководство обвинило западные державы, что они под предлогом защиты Польши развязали империалистическую войну, а затем стали виновниками распространения военных действий на Скандинавию, Бельгию и Нидерланды. Оно поддерживало в пропагандистском, а частично и в военном

отношении немецкие военные походы и дипломатически санкционировало их, демонстративно считаясь с новыми реалиями, чтобы Рейх ощущал себя в полной безопасности. Уже в 1939 г. Москва разорвала отношения с Чехословакией, которой, согласно договору, обязана была оказать помощь, и вместо этого признала независимость отделившейся Словацкой республики. В мае 1941 г. она отказала в признании эмиграционным правительствам Норвегии, Бельгии, Нидерландов с мотивировкой, что они больше не обладают суверенитетом над своими странами. Вскоре после этого последовал разрыв с Грецией и — в манере, которая не могла не поразить «даже самых опытных и беспристрастных наблюдателей советских методов», причем «прежде, чем немцы успели открыть рот», — с Югославией, территориальная целостность и независимость которой торжественно признавались Москвой всего за месяц до этого.³² Обо всем этом теперь надлежало забыть. Сталин, провозгласил Эренбург 8 февраля 1942 г., «не думал о том, чтобы напасть на земли других народов... Мы строили города, работали и учились... Мы воспитывали человеческие существа... А немцы строили танки»³³ — и это перед лицом 6-8-кратного превосходства Красной Армии в танках на 22 июня 1941 г.

Эренбург, пропагандистский рупор Сталина, писал 4 января 1945 г., имея в виду политику, проводимую в свое время западными державами, но не, к примеру, Советским Союзом: «Европа и мир теперь видят мораль этой аморальной политики: развалины Варшавы, горе Парижа, раны Лондона». В Польше Советы помогали наводить немецкие бомбардировщики на их цели. Но теперь «поджигателями» стали одни немцы: «Они бросали бомбы на Варшаву и умирали от смеха». 17 сентября 1939 г. Советский Союз вероломно ударил в спину Польше. «Мы приветствуем нашу сестру Польшу, — лицемерно писал Эренбург 7 ноября и 14 декабря 1941 г. — В городах истерзанной Польши по ночам бродит тень Шопена... Поляки говорят друг другу: “Жива красота. Жива Польша”».³⁴ «Мы хотим свободы для себя и для всех народов, — говорил Эренбург 1 января 1942 г. — Не быть Польше немецкой каторгой.» В 1939-40 гг. Москва подстрекала Французскую коммунистическую партию саботировать военные усилия Франции. После капитуляции в Компьене советское правительство выразило свои поздравления правительству Рейха и поспешило дипломатически признать «Французское государство» — «Виши». А тут маршал Петэн одним махом оказался всего лишь подкупленным изменником, прислужником, «французским Иудой»,³⁵ и Эренбург обозвал Рено и генералов Вейгана, Жоржа, Гамелена «капитулянтами», объявив Народный фронт и прежде всего французских коммунистов (изменников родины) единственными подлинными патриотами. «Победы под Ростовом и Калининским явились смертным приговором для людей, подписавших перемирие в Компьене», — было сказано 21 марта 1942 г.

Что касается немецких войск во Франции, то среди них, как известно, царила строжайшая дисциплина, и даже Андре Мальро, член ФКП до 1939 г., писатель и министр де Голля, принадлежавший к Сопротивлению, после войны по собственному почину подтвердил, что его «опыт общения с германским Вермахтом был только позитивным, а с гестапо — только негативным». А Эренбург утверждал 14 июля 1941 г.: «По бульварам маршировали убийцы и грабители», чтобы опустошать и грабить Францию, убивать французских детей и обрекать население на голодную смерть 50-ю граммами хлеба в день.³⁶ Из-за пустяка он грозил возмездием советских солдат: «За четыре испорченных куртки они уничтожат 4000 немцев, растоптавших Францию». Свой вердикт о немцах, с которыми ведь до этого дня существовал Договор о дружбе и границе, он подытожил 22 июня 1941 г. следующими словами: «Они разгромили свободолюбивую, веселую Францию, они поработили братские нам народы — высококультурных чехов, отважных югославов, талантливых поляков. Они угнетают норвежцев, датчан, бельгийцев».³⁷ «Немецкие войска шатаются, как пьяные, по всей Европе: от Булони до Одессы, от Польши до Бельгии, от Норвегии до Болгарии», — разжигал он страсти 2 мая 1942 г. И несколькими днями позже, 5 марта [мая?]: «Они вступили в Россию, пьяные от крови поляков, французов и сербов, от крови стариков, девушек и маленьких детей».³⁸

Эренбурга предназначили для того, чтобы тотчас перевести на язык пропаганды военную речь Сталина от 3 июля 1941 г. и провозгласить новую программу.³⁹ «У нас миллионы и миллионы верных союзников, — писал он 4 июля 1941 г. — С нами все те, что потеряли свободу и свою землю: чехи, норвежцы, французы, голландцы, поляки и сербы... Слова Сталина дойдут до города попорченной свободы, до растоптанного, но непримиримого Парижа. Они дойдут до крестьян Югославии, студентов Оксфорда, рыбаков Норвегии и рабочих Пльзена. Они вызовут новую надежду в сердцах народов, страдающих под фашистскими варварами. Речь Сталина услышат жители Лондона, пережившие сотни варварских воздушных налетов, шахтеры Уэльса и ткачи Манчестера... Наша Отечественная война станет войной за освобождение Европы от гитлеровского ига.»

Несколькими пропагандистскими фразами Советский Союз, который за нападение на Финляндию был исключен из Лиги наций и оказался близок к столкновению с западными державами, теперь поставил себя во главе охваченных войной стран и уполномочил себя выступать от их имени. «С нами все

демократические страны (к которым теперь причислял себя и Советский Союз), с нами все прогрессивное человечество», — говорилось в обращении «Всеславянского митинга» так называемых деятелей культуры, состоявшегося в Москве 10 и 11 августа 1941 г.⁴⁰ «Все человечество теперь ведет борьбу против Германии», — откликнулся Эренбург 24 августа 1941 г., даже не покосившись на союзников немцев в войне против Советского Союза, на Италию, Финляндию, Румынию, Венгрию, Словакию и Хорватию. «Мы хотим свободы для нас и для всех народов», — утверждал он 1 января 1945 г. И чтобы за многочисленными фразами не оказался забыт заказчик и патрон, он при случае добавлял и слова, наподобие таких: «Живи, Советский Союз, твои народы, твои сады, твои дети, твой Сталин!»

6 [7] ноября 1941 г., в многообещающую годовщину «победы Великой Октябрьской социалистической революции», Эренбург счел себя обязанным выставить союзникам оценки в стиле коммунистической партагитации и обязать их к совместной борьбе:⁴¹ «Защитники Москвы с волнением думают о стойкости Лондона... Слава Англии!.. Мы приветствуем тебя, пионер свободы, неукротимый народ Франции... Мы приветствуем чехов... Мы приветствуем народ воинов — сербов... Мы приветствуем храбрых греков... Мы приветствуем неустрашимых норвежцев... Мы приветствуем спокойных голландцев... Мы приветствуем народ труда — бельгийцев... Мы приветствуем нашу сестру Польшу... Мы приветствуем арсенал свободы — Америку». И чтобы не было сомнений в том, что эти народы и страны будут отныне в долгу перед Советами, он добавил: Москва «сражается... за вас, далекие братья, за человечество, за весь мир».

В 1930 г. не кто иной, как Уинстон Черчилль,⁴² писал о «чумной бацилле» Ленине, с которым «в отношении уничтожения жизней мужчин и женщин» не может потягаться «ни один азиатский завоеватель, никакой Гамерлан или Чингисхан». Для Черчилля с победой большевизма «границы Азии и условия самых мрачных эпох» придвинулись «с Урала к Припятским болотам» и Россия «застыла в бесконечной стуже антигуманных доктрин и нечеловеческого варварства». И этот, согласно Черчиллю, «низменно-позорный большевизм», как внушал народам мира Эренбург 29 января 1942 г., оказывается, нес свет:⁴³ «Мы пронесли свет... нашей культуры и той, которую мы справедливо называем всечеловеческой. Это свет древней Греции, свет Возрождения, свет просветителей восемнадцатого века — все, что человек противопоставил покорности, косности, атавизму. Дневное, ясное начало положено в нашу борьбу против Германии: разум, душевная чистота, свобода, достоинство». Подобную фразеологию нужно рассматривать на фоне того факта, что во главе Советского Союза стоял Сталин, «величайший преступник всех времен и народов», создавший с помощью насажденных им креатур — Ягоды, Ежова, Берии, Круглова, Абакумова, Кобулова, Серова, Деканозова, Меркулова, Цанавы и других — власть, которая в любой день могла «решить судьбу всех без исключения граждан страны согласно его кровавым прихотям».⁴⁴

В пропаганде Советский Союз, как минимум, с 3 июля 1941 г. представлял позицию, что он был неподготовлен в военном отношении и не знал о предстоящем немецком нападении, а посему ведет чисто оборонительную войну и не преследует целей экспансии. Доказано, что историческая легенда о «вероломном фашистском нападении на ни о чем не подозревавший, миролюбивый Советский Союз» является неправдой, и сегодня она больше не имеет опоры. Поэтому из большого набора пропагандистской лжи приведем в качестве примера лишь кое-что — так, Эренбург утверждал 23 ноября 1944 г.: «Нам не нужно “жизненного пространства”», или 30 ноября 1944 г.: «Мир смотрит на Красную Армию, как на Освободительницу... (Советский Союз) никому не навязывает своих идей», или 11 января 1945 г.: «Мы не хотим никому навязывать наших идей, наших обычаев», или 24 мая 1945 г., после достижения победы: «Мы выиграли войну потому, что мы ненавидели захватническую войну».⁴⁵

Однако по мере того, как война приближалась к своему концу и Красная Армия глубоко внедрялась в сердце Европы, к чисто оборонительным оправданиям все больше примешивались наступательные тона. Советы, сознавая свою огромную силу, начали заявлять политические требования, выдвинув и представив мировой общественности пропагандистскую формулу о великой «освободительной миссии» Красной Армии.⁴⁶ В октябре 1944 г., когда советские войска пересекли границу Рейха в Восточной Пруссии, у Эренбурга появились первые соответствующие пассажи — так, 12 октября 1944 г. он писал: «Мы спасли европейскую культуру... Наш народ позитивно заинтересован в судьбе европейской культуры. Советская страна не порождает изоляционистов». 12 апреля 1945 г. это звучало уже яснее: «Пора констатировать, что победы Красной Армии являются победами советской системы. Мы обращаем внимание на тот факт, что именно наш народ спас Европу и мир от фашизма». А 17 мая 1945 г. почти в форме китча:⁴⁷ «Мы спасли всечеловеческую культуру, древние камни Европы и ее колыбели, ее тружеников, ее музеи, ее книги. Если суждено Англии породить нового Шекспира, если будут во Франции новые энциклопедисты... если воплотятся в жизнь мечты о золотом веке, то это потому, что солдаты свободы прошли тысячи верст и над городом тьмы водрузили знамя вольности, братства, света... Вот почему имя Сталина не только у нас, во всем мире связано с концом ночи, с первым утром счастья». И под датой 12 июля 1945 г. мы читаем в том

же тоне: «Советский Союз спас народы Европы. Сталин пробудил совесть каждого... Мы любим Сталина».⁴⁸

Советский Союз, который, якобы, решил судьбу даже Праги, Парижа и Рима, отныне стал в сознании народов, согласно словам Эренбурга от 10 января 1946 г., «не только географическим, политическим, но и нравственным понятием»,⁴⁹ то есть, иными словами, в результате военных побед он стал примером для всех государств, из чего он сам затем сделал вывод, что вправе, со своей стороны, и вмешиваться в дела других стран. Сталин не думает «нападать на другие страны», он думает о том, чтобы «создать новый мир», писал Эренбург 8 февраля 1942 г.⁵⁰ Теперь, поскольку победа была завоевана, Сталин мог начать реализовать свои мечты о «новом мире», «новой Европе», Европе, в которой, как тотчас пояснил Эренбург, будут ликвидированы все «микробы фашизма». А кто были «микробы фашизма»? «Фашистами» отныне считались не только немцы, сторонники Гитлера, но и все те, кто по самым разным мотивам противостоял планам Советов относительно господства и большевизации, все те, кто воспринимал понятия о «правлении, реформе и прогрессе» иначе, чем коммунисты, прежде всего ненавистная буржуазия всех оттенков, сторонники правового государства на основе западной традиции, весь «духовный осадок порядочных с виду людей». Сталин указал политическую цель, Эренбург и ему подобные принялись пропагандировать ее в привычной манере.

Через несколько дней после безоговорочной капитуляции германского Вермахта, 17 мая 1945 г., Ермашев писал:⁵¹ «Крах гитлеровского Рейха не освобождает человечество автоматически от всех тех опасностей, которыми могут угрожать миру темные силы фашизма и реакции» — слова, указывающие путь в будущее и ни в коей мере не малозначительные. Ведь здесь оглашалось важное стремление советского руководства, а именно настоятельное желание увидеть «фашистских преступников», «военных преступников» наказанными строжайшим образом. Организацией международного показательного процесса по испытанным образцам, при ведущем участии Советского Союза должно было быть достигнуто устрашающее воздействие на все силы «реакции», провозглашенные «последователями Гитлера и Муссолини», то есть на потенциальных противников сталинистских претензий на господство.

Уже упомянутый историк профессор Тарле 8 февраля 1945 г. мотивировал претензии Сталина на право формировать «будущее миролюбивых и свободолюбивых народов» мнимым опытом прошлого и изложил их вызывающим языком в следующих словах:⁵² «Однако великая роль советского народа не исчерпывается тем, что он освобождает человечество от смертоносного немецкого кошмара. Пятая колонна, временно загнанная в подполье, еще живет на свете. Нацисты и полунацисты все еще существуют и готовятся вновь взяться за работу, которой они так долго и успешно занимались в Европе и за ее пределами. В грядущие годы европейские — и не только европейские — демократии окажутся перед необходимостью очень, очень экстренной борьбы, ведь у фашизма нет ни малейшего намерения уходить... Однако здесь он вновь натолкнется на то же непреодолимое препятствие — Советский Союз, советский народ. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне создает твердую основу для торжества мировой демократии. Бессмертная заслуга сталинской стратегии и бойцов Красной Армии состоит в том, что они спасли мировую цивилизацию. Те, кто понимают, что борьба за свободу и демократию должна быть продолжена и после поражения гитлеровской военной машины, вплоть до полного морального и политического разгрома фашизма, с глубоким доверием смотрят на СССР».

Едва ли экспансионистские планы Сталина нуждались в более ясном изложении. Здесь имелось в виду продолжение агрессий, которые начались пактом с Гитлером 23 августа 1939 г. и теперь в третий раз приобретали иную форму. «Как вытекает из многочисленных заявлений Сталина, — с однозначной ясностью пишет Стефэн Куртуа, издатель «Черной книги коммунизма»,⁵³ — его твердая воля и его идея состояли в том, чтобы продвинуться до Атлантического океана. Сталин уже в 1947 г. сказал Морису Торезу, тогдашнему генеральному секретарю ФКП, что он бы еще охотнее увидел Красную Армию в Париже, нежели в Берлине.» Тем самым находит блестящее подтверждение вывод, сделанный в 1985 г. профессором Эрнстом Топичем в его книге «Сталинская война» (Stalins Krieg).⁵⁴ Однако продвижение до Атлантики всегда означало и установление ленинско-сталинской системы власти. Ведь тот, «кто оккупирует территорию, тот навязывает ей свою собственную социальную систему, — открыл Сталин Джиласу, доверенному лицу Тито и партизанскому вождю, в 1945 г. — Каждый навязывает свою собственную систему настолько далеко, насколько может продвинуться его армия. По-другому и быть не может.» Вторжение англо-американских экспедиционных сил в 1944 г. поначалу пресекло амбиции Сталина. Однако лозунг борьбы против «фашизма», являющийся для активистов и духовных пособников «социализма» актуальным вплоть до наших дней, следует воспринимать так, как его понимали Советы: в смысле пропагандистской подготовки к расширению власти, от которого они никогда не отказывались. Итак, тот, кто противопоставляет агрессивным планам советского империализма, является, согласно этому определению, именно «фашистом» или «нацистом», для борьбы с которым годится любое средство.

Сталинское понятие фашизма пережило даже Советский Союз и находит, к примеру, сегодня в ФРГ всеобщее применение в роли клеветнического термина, направленного против политически инакомыслящих. И тому, кто, скажем, захотел бы здесь в стране использовать боевое большевистское слово «антифашизм» иначе, чем сталинисты, их апологеты и наследники, больше не следует удивляться соответствующим репрессиям.

Правда, в реальности влияние советской пропаганды стало выходить за пределы территорий, оккупированных Красной Армией, уже весной 1945 г. Едва ли кто-то понял это яснее, чем Уинстон Черчилль, который в своей знаменитой фултонской речи в марте 1946 г. предостерегающе указал на то, что «далеко от России действует пятая колонна коммунизма», представляющая «растущую угрозу» для мира и всей «христианской цивилизации».

Примечания

1. Hoffmann, Die Sowjetunion bis zum Vorabend des deutschen Angriffs, S. 76 ff.
2. Известия, 1.11.1939; История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 249.
3. Myllyniemi, Die baltische Krise, S. 153.
4. Правда, 30.11.1939; Suworow, Der Eisbrecher, S. 63 f.
5. Topitsch, Stalins Krieg, S. 92 ff.
6. Большая Советская Энциклопедия, т. 27, с. 180; Sterzel, Dichter sangen Stalin zum Siege.
7. Большая Советская Энциклопедия, т. 14, с. 229.
8. Там же, т. 29, с. 451.
9. Там же, т. 23, с. 400-401.
10. Там же, т. 25, с. 279.
11. Там же, т. 26, с. 50.
12. Там же, т. 30, с. 233.
13. Ehrenburg, Menschen, Jahre, Leben, S. 33. Киндлер — это совершивший политический поворот бывший главный редактор солдатского журнала «Эрика», который издавался отделом военной пропаганды ОКВ.
14. Walter, Slalom eines Lebens.
15. Nawratil, Mörderische Propaganda.
16. Ehrenburg, To the Jews, 24.8.1941, in: Russia at War, S. 209 f.
17. Данные о жизни Эренбурга в последующем будут критически очерчены с помощью его автобиографии «Люди, годы, жизнь», в 5 книгах, М., 1966-67.
18. Эренбург, Падение Парижа, М., 1941.
19. Листовка «Deutsche Soldaten!», Архив авт.
20. Ehrenburg, Menschen, Jahre, Leben, S. 25.
21. Поздняков, Андрей Андреевич Власов, с. 293.
22. Soviet War News, 21.9.1944.
23. Это и последующее — по «Люди, годы, жизнь», см. прим. 17.
24. Soviet War News, 1.2.1945, 26.10.1944, 23.11.1944.
25. Aleksandrov, Ehrenburg is Over-Simplifying. Soviet Public Opinion and the Situation in Germany, in: Soviet War News, 14.4.1945.
26. Kogelfranz, «So weit die Armeen kommen...».
27. Schlie, Diener vieler Herren.
28. Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher, Bd. I, S. 340, S. 343; Bd. V, S. 136; Bd. XVIII, S. 223.
29. Soviet Weekly, 13.12.1945.
30. BA-MA, RW 6/v. 98, Teil 1, 18.9.1939; BA-MA, RW 6/v. 98, Teil 2, 22.9., 23.9., 24.9., 25.9.1939.
31. Documents on Polish-Soviet Relations, Bd. 1, S. 573, S. 607 f.; Rhode, Polen, Bd. 7, S. 1028; Polen erinnern Moskau an Völkermord; Hoffmann, Die Sowjetunion bis zum Vorabend des deutschen Angriffs, S. 83 f. Даже если эти цифры не вполне подтверждаются новыми критическими исследованиями, они все еще остаются достаточно ужасающими.
32. Gafencu, Vorspiel zum Krieg im Osten, S. 257.
33. Russia at War, S. 252.
34. Ebenda, S. 185, S. 189.
35. Ebenda, S. 143 ff., S. 162 ff., S. 195 ff.
36. Ebenda, S. 176.
37. Ebenda, S. 202.
38. Ehrenburg, Hatred, ebenda, S. 131.
39. Ebenda, S. 204.
40. BA-MA, RH 24-3/134, 10./11.8.1941.
41. Russia at War, S. 184 ff.
42. Churchill, Nach dem Kriege, S. 70 ff., S. 99, S. 157, S. 261 f., S. 265.
43. Russia at War, S. 112.
44. Wolkogonow, Triumph und Tragödie, Bd. 2/2, S. 197.

45. Soviet War News, 23.11., 30.11.1944, 11.1., 24.5.1945.
46. Ebenda, 12.10.1944, 12.4.1945.
47. Ebenda, 17.5.1945.
48. Ebenda, 12.7.1945.
49. Ebenda, 10.1.1946.
50. Russia at War, S. 253 f.
51. Soviet War News, 17.5.1945.
52. Ebenda, 8.2.1945.
53. Courtois, Stalin wollte bis nach Paris marschieren; derselbe, «Menschenopfer ungeheuerlich...».
54. В основном по этому поводу см.: Raack, Stalin's Drive to the West; Topitsch, Stalins Krieg, 3. überarb. und erw. Aufl., S. 176, S. 291.

Глава 7.

Ответственность и ответственные. Зверства с обеих сторон

Весомый аргумент в советской военной пропаганде представляли собой зверства, действительно или только якобы совершенные с немецкой стороны. Выдвигался растущий поток обвинений, оправданных и неоправданных. Чтобы установить должный масштаб, их следует рассмотреть на фоне гигантских советских преступлений против человечества. Так, нужно отделить зерна от плевел, расследовать на выделяющихся примерах оправданность советских обвинений и изучить, какие политические намерения скрывались за пропагандистской кампанией. Ведь прежде чем немцы могли совершить в Советском Союзе или на аннексированных им территориях хотя бы одно злодеяние, большевики, со своей стороны, уже уничтожили миллионы и миллионы невинных людей. Террор, как постоянное учреждение советской системы власти, вступил в действие сразу же после Октябрьской революции и имел целью не только социальную, но во многих случаях и физическую ликвидацию целых классов, искоренение дворянства, духовенства, буржуазии, а также сторонников небольшевистских социалистических партий — меньшевиков и эсеров, не говоря уже о сторонниках таких буржуазных партий, как, например, презренные конституционные демократы («кадеты»). «Рабочие, — сказано в партийном органе «Правда» 31 августа 1918 г.,¹ — настал час уничтожения буржуазии.» Лозунг был претворен в жизнь, и нарком внутренних дел Петровский призвал в государственном органе «Известия» 4 сентября 1918 г.² «при малейшем сопротивлении... производить массовые казни... При введении массового террора не должны быть терпимы никакая слабость и никакое колебание». Лацис, шеф[?] ЧК, 1 ноября 1918 г.³ дал своему аппарату указание уничтожить «буржуазию как класс». Беспощадная классовая борьба против целых частей населения и профессиональных сословий, как подчеркивает и Николас Верт (Werth) в «Черной книге коммунизма»,⁴ приобрела черты геноцида. Ведь начавшееся в 1920 г. искоренение казачества (расказачивание), как и начатое позднее искоренение крестьянства (раскулачивание), по своей целевой направленности и осуществлению соответствовали определению геноцида.

Еще через годы после переворота, 19 марта 1922 г., Ленин в секретном письме, направленном Молотову и предназначенном только для членов Политбюро, заявлял: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». В своей вышедшей в 1930 г. книге «После войны» Уинстон Черчилль сослался на статистическое исследование профессора Заролеа (Sarolea), согласно которому большевистские «диктаторы» только до 1924 г. убили: «28 епископов, 1219 священников, 6000 профессоров и преподавателей, 9000 докторов, 12950 помещиков, 54000 офицеров, 70000 полицейских, 193290 рабочих, 260000 солдат, 355250 представителей интеллигенции и предпринимателей, 815000 крестьян». «Эти цифры, — пишет Черчилль, — подтверждены м-ром Герншоу (Hearnshaw) из Королевского колледжа в Лондоне в его блестящем введении к книге «Обзор социализма» (A Survey of Socialism). Они, разумеется, не учитывают огромных потерь русского населения в человеческих жизнях, которые погибли в результате голода.»⁵

Если такое могло происходить уже при Ленине, которого Черчилль окрестил «чумной бациллой», то что же должно было твориться при Сталине, по мнению его биографа, генерал-полковника профессора Волкогонова — «чудовище», подобного которому в мировой истории еще поискать. В этой связи следует напомнить только об основных фазах сталинского террора. Так, в период насильственной коллективизации сельского хозяйства с 1929 г. и в ходе тщательно запланированного и организованного в этой связи «голодного холокоста» 1932-33 гг., замалчиваемого геноцида против украинского народа, согласно схожим оценкам и демографическим исследованиям, было уничтожено 7-10 миллионов человек.⁶ Начатые уже в начале 30-х годов массовые расстрелы так называемых «врагов народа», увенчавшиеся лихорадочным

бредом «Большой чистки» 1937-39 гг., лишили жизни еще 5-7 миллионов человек.⁷ Они были расстреляны или погибли в системе ГУЛага. В сталинский период, по данным председателя российской комиссии по реабилитации жертв политических репрессий Яковлева, было «расстреляно или повешено, распято или заморожено» не менее 200000 священников и монахов различных конфессий.⁸ Около миллиона человек погибли вследствие аннексии Восточной Польши и прибалтийских республик в 1939-41 гг. Жертвами последовавших по приказу Сталина сразу же после начала войны в 1941 г. расстрелов всех лиц, подозреваемых в шпионаже, и предпринятой органами НКВД по его указанию резни политзаключенных перед отступлением стало бесчисленное количество людей — по данным следственной комиссии американского Конгресса во главе с членом Палаты представителей Чарльзом Керстеном (Kersten), 80000-100000 только на Украине.⁹ Останки убитых были обнаружены в нижеперечисленных украинских городах и в других местах по всей территории Украины, Белоруссии и республик Прибалтики.¹⁰ Аренами подобной бойни стали и такие центры, как Брест, Минск, Каунас, Вильно, Рига, если назвать в качестве примера лишь несколько мест. Однако массовые расстрелы имели место и в глубоком тылу — в Смоленске, Бердичеве, Умани, Сталино, Днепропетровске, Киеве, Харькове, Ростове, Одессе, Запорожье, Симферополе, Ялте, на Кавказе и в других местах.

Кроме того, не следует забывать о больших человеческих потерях в результате депортации немцев Поволжья и остального немецкого населения из Украины, Крыма и с Кавказа, которая была организована Политбюро ЦК ВКП(б) и Советом Народных Комиссаров в 1941 г., осуществлялась бесчеловечными методами и точно так же соответствовала международно признанному составу преступления геноцида, как предпринятая в 1943-44 гг. депортация калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, части кабардинского народа, а также крымских татар.¹¹ Выше уже указывалось на экзекуционный инструмент в лице пограничных войск и особых частей НКВД (сравнимый с немецкими оперативными группами охранной полиции и СД), которые следовали по пятам за регулярными частями Красной Армии и проводили «массовую чистку» среди населения на вновь занимаемых территориях.¹² Как сказано, органами НКВД в ходе начавшихся тогда мер возмездия и чистки были расстреляны сотни тысяч людей¹³ — в одном городе Харькове, ненадолго оказавшемся в советских руках, согласно тщательным немецким расследованиям, в марте 1943 г. расстреляно не менее 4000 человек, невзирая на возраст и пол.¹⁴

Социализм оставил свои убийственные следы на всей территории Советского Союза. «По Советскому Союзу рассеяно более 100000 неотмеченных массовых захоронений, — пишет украинский исследователь Царынный, — вся страна построена на костях», в каждом отдельном городе и в каждой отдельной местности имелись свои «массовые захоронения».¹⁵ На Украине только под Быковней, в Дарницком лесу и в Белгородке близ Киева были найдены останки 200000-300000 мужчин, женщин и детей, городские кладбища Киева были заполнены расстрелянными. Массовые захоронения были обнаружены под Днепропетровском, Харьковом (Пятихатка, плановый квадрат б, еврейское кладбище),¹⁶ Житомиром, Одессой, Полтавой, Винницей, Донецком, если назвать лишь некоторые заметные места. В Белоруссии в массовых захоронениях под Куропатами, неподалеку от Минска, погребены предположительно 102000 жертв, в целом в окрестностях Минска — 270000. По России назовем Смоленск и Катюнь (лес Козьи Горы), куда с 1935 г. конвейером транспортировались трупы 50000 расстрелянных,¹⁷ по Уралу — Свердловск и Горы. Согласно Нобелевскому лауреату Сахарову, на Урале нет ни одного райцентра без массовых захоронений — и так обстоит дело не только там. В заброшенных шахтах под Лысой Горой близ Челябинска в 30-х годах исчезли трупы 300000 расстрелянных мужчин, женщин и детей.¹⁸ Но большевистские палачи творили свое убийственное ремесло и в Средней Азии, на Алтае, на Дальнем Востоке вплоть до Сахалина.

В окрестностях существовавших в Советском Союзе 80 «концлагерных систем» с сотнями отдельных лагерей, которые находились в ведении ГУЛага, например, под Воркутой и Карагандой, земля была буквально удобрена останками убитых «врагов народа». Только в концлагерях Колымы из-за ужасных жизненных условий при температурах до -60° погибли не менее трех миллионов человек. И в России вновь и вновь находят новые места убийств — так, в 1997 г. под Сандормохом (Карелия) обнаружены массовые захоронения 9000 жертв, среди которых священники, общественные деятели, но также простые люди и выжившие рабочие-рабы Беломорканала, расстрелянные здесь в октябре-ноябре 1937 г.¹⁹

Почти неизвестно то отягчающее обстоятельство, что советские органы НКВД использовали для уничтожения людей и газы, причем еще за годы до органов рейхсфюрера СС. Техническая основа для производства и использования ядовитых газов в крупных масштабах — соответствующая химическая индустрия — действительно быстро возникла в СССР с 20-х годов.²⁰ В этой связи можно вспомнить и о производстве для создания ядовитых газов, сооруженном германско-российской компанией «Берсоль» в Троцке под Самарой в 20-х и начале 30-х годов, на стадии сотрудничества с Рейхсвером, и о тамошней

школе для обучения технике газовой войны под кодовым названием «Томка» (Торский). Считается, что в 1933–45 гг. Советский Союз произвел не менее 140000 тонн химических боевых веществ, а Германия за тот же период — 67000 тонн, включая 12000 тонн высокотоксичного газа табун и небольшое количество еще в 6 раз более действенного газа зарин.

Уже для подавления непокорных народов и мятежных крестьян, например, в тамбовских лесах, советская власть не раз применяла ядовитые газы. «Газовые камеры наподобие тех, что имелись в Аушвице, функционировали в Воркуте уже с 1938 г.» — писал британский историк граф Толстой в своей книге «Жертвы Ялты» (Victims of Yalta).²¹ То, что, следовательно, больше не являлось секретом само по себе, было еще раз подтверждено в 1997 г. бывшим офицером КГБ в рамках дискуссии во Франции по поводу «Черной книги коммунизма», изданной Стефэном Куртуа.²² К безграничному удивлению французской телевизионной публики, этот бывший офицер КГБ сообщил, «что в ГУЛаге использовались грузовики с газовыми камерами». «Газовые камеры в ГУЛаге», — гласили крупные заголовки бесчисленных французских газет. «Сообщения первых диссидентов в 30-х годах, очевидно, соответствовали действительности», — писала «Фигаро». А Юрг Альтвегг во «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» 20 декабря 1997 г. сделал вывод: существование газовых камер указывает на то, что и в Советском Союзе имелись лагеря смерти — в чем сведущие, правда, никогда не сомневались. Чтобы оценить значимость этой информации, писал Альтвегг, следует напомнить о том, «что газовые камеры [нацистов] позволили отодвинуть ГУЛаг на задний план».

В духовной ситуации 1997 года «Черная книга коммунизма» действительно имела неоценимое значение. Дело не в том, что она дает принципиально новую информацию или, к примеру, достигает прежних оценок по числу жертв. Ведь данные, приведенные издателем Стефэном Куртуа в его собственном введении и в комментариях, о «не менее 25 миллионов человек», ставших жертвами ленинизма-сталинизма, соответствуют лишь нижней границе прежних подсчетов.²³ Но «Черная книга коммунизма», сравнимая и в этом отношении с «Архипелагом ГУЛаг» Александра Солженицына и также получившая в короткое время прямо-таки небывалое распространение, представляет собой подлинную энциклопедию преступной деятельности коммунизма против человечества и тем самым бросает луч света в духовную путаницу завершающегося столетия.

Выводы Стефэна Куртуа, как ранее Александра Солженицына, созвучны и принципиальному направлению данной книги. Их можно коротко подытожить следующими положениями:

1. Существование советской власти обеспечивалось только массовыми преступлениями. В центр анализа советской системы должны быть поставлены преступления, методичные массовые преступления, преступления против человечества.²⁴

2. Ленин и Сталин осуществляли социальное и физическое уничтожение всех тех, кого они считали открытыми или тайными противниками своей власти.²⁵

3. Они ввели систему концентрационных лагерей.²⁶

4. И они повинны в смерти не менее 25 миллионов человек. Массовые убийства были основополагающим элементом осуществления большевистской власти.²⁷

5. Гитлер развязал мировую войну, но доказательства ответственности Сталина являются убийственными.²⁸

6. Сталин был в сравнении с Гитлером еще бóльшим преступником. Сталин являлся крупнейшим преступником столетия.²⁹

Тем самым «Черная книга коммунизма» поражает ленинцев-сталинцев в их сущностную сердцевину. Ведь физическое уничтожение в целом 100 миллионов человек, из них 25 миллионов одной социалистической советской властью, нельзя прикрыть утверждением, что в теории ведь речь шла об «освободительной идеологии». Уже один облик революционных персонажей, которые в октябре 1917 г. насильственным актом узурпировали в России абсолютную власть, чтобы затем низвести покоренные народы до состояния бесправных илотов, выдает во фразе «в начале коммунизма стояла любовь к людям», по-прежнему используемой «антифашистами», низость тех, кто ее произносит. Выводы «Черной книги коммунизма» столь весомы, поскольку авторы сами в какой-то форме были приверженцами коммунизма или, возможно, все еще являются ими и поскольку в особенности издатель Стефэн Куртуа является «видным экспертом коммунизма и основательным историком», которого нельзя опровергнуть обычным крючкотворством и фокуснической диалектикой, а можно лишь лично оклеветать.

И как это унижительно для идеологов и демагогов, так называемых антифашистов, берущих на себя смелость определять, что должен и чего не должен думать свободный гражданин, когда Куртуа, не обращая никакого внимания на их табу и извращенные представления, проводит теперь исторические параллели между коммунизмом и национал-социализмом, производит сопоставления и предпринимает сравнительные расчеты, то есть следует естественному долгу историка.³⁰ Как до него Александр Солженицын, как Эрнст

Нольте и Франсуа Фуре (Furet),³¹ так и Стефэн Куртуа больше не признает самовольного запрета на исторические сравнение, ведь сравнивать означает, в конечном итоге, мыслить. Сравнение для него не только законно, но и представляет собой элементарную предпосылку исторического понимания, ведь уже Альбер Камю в 1954 г. постулировал сравнимость коммунизма и национал-социализма. Возражения «антифашистских» противников приравнивания «расового геноцида» и «классового геноцида», которое с полным правом производит Куртуа, поистине жалки и по этой причине. Ведь и это последнее табу, этот последний отчаянный аргумент теряет силу при указании на то, что Ленин и Сталин творили не только гигантское классовое убийство, но и расовое убийство, геноцид по определению «Конвенции ООН о геноциде» 1948 года. Поэтому даже левоидеологический немецкий еженедельник «Цайт» не может не снабдить свою многостраничную статью о «Черной книге коммунизма» уничтожающим девизом «Красный холокост». Куртуа не использует понятия «единственный в своем роде», поскольку большевики, на его взгляд, совершали те же или совершенно аналогичные злодеяния,³² что и «фашисты», которых сегодня неправомерно ставят вне закона уже почти в одиночестве. Пусть методы действий и отличались в некоторых отношениях, специфичного геноцида, как подчеркивает Куртуа, не существует. Из «Черной книги коммунизма» недвусмысленно вытекает, что преступления Ленина и Сталина против человечества не только опередили на десятилетия аналогичные преступления Гитлера, но и намного превосходили последние по своим масштабам, а частично отличались и еще большей мерзостью в осуществлении. «Что касается ленинской и сталинской России, — пишет Куртуа, — то кровь стынет в жилах.»

Об общем количестве убитых при советской власти есть согласие в том отношении, что здесь имело место подлинно массовое убийство, хотя данные значительно отличаются друг от друга и реальное число, возможно, не удастся установить уже никогда. Русский историк еврейского происхождения Медведев, бывший диссидент, в 1992 г. вновь сблизившийся с коммунистами, в 1989 г. писал о 40 миллионах жертв репрессивных мер и, основываясь на собственных подсчетах, пришел как-никак к цифре 15 миллионов погибших. Американский историк Конквест после тщательного анализа оценил число погибших только от сталинского террора в 20 миллионов, но считал вероятной смерть еще 10 миллионов.³³ У Куртуа, как упоминалось, Ленин и Сталин предстают убийцами 25 миллионов человек. Напротив, историк профессор И.А. Курганов в № 7 московского журнала «Новый мир» за 1994 г. оценивает число жертв Ленина и Сталина за 1917-47 гг., включая, правда, «20 миллионов во Второй мировой войне», в 66 миллионов — научный результат, еще раз подтвержденный в № 63 петербургского журнала «Наше отечество» за 1996 г. и прокомментированный историком В.В. Исаевым. Нобелевский лауреат Александр Солженицын говорит о 40 миллионах жертв «постоянной внутренней войны Советского государства против собственного народа». Число 40 миллионов человек, лишенных жизни социализмом Советских Социалистических Республик, называется неоднократно³⁴ — например, согласно сообщению информационной службы «Welt-Nachrichten-Dienst» от 30 июня 1993 г., «жертвами диктатора И.В. Сталина по осторожным оценкам стали около 40 миллионов человек»,³⁵ но при этом, конечно, остается открытым, за сколько убийств несет ответственность Ленин.

Повторим, что еще небывалые массовые преступления таких масштабов были совершены в Советской республике задолго до того, как в 1941 г. на арене появились германский Вермахт и его союзные армии, сопровождаемые оперативными группами охранной полиции и СД, и когда последние, в свою очередь, оставили на Востоке кровавый след. О злодеяниях с немецкой стороны уже появилась столь обильная, хотя и неоднородная по качеству литература и они столь детально обсуждены во всех аспектах, что в этом месте должно быть достаточно, если кратко обратиться лишь к основным методам действий, использовавшимся аппаратом рейхсфюрера СС для устранения неугодных в расово-этническом или политическом отношении на восточных территориях, — смертоносным действиям оперативных групп охранной полиции и СД, оперировавших во фронтовом тылу, и акциям уничтожения или массовой смертности в концлагерях на бывшей территории Польского государства: Треблинка, Собибор, Бельжец, Майданек, Аушвиц [Освенцим]. Аушвиц в первую очередь глубоко врезался в общественное сознание как символ нацистских зверств, хотя долгое время после войны, а также на Нюрнбергском процессе Международного военного трибунала против (немецких) «главных военных преступников» еще ни в коей мере не носил сегодняшнего символического характера. «Аушвиц не был характерен для убийства евреев», — так Стефэн Куртуа еще в 1997 г. парировал один из коварных вопросов представителя еженедельника «Цайт». Но вне всякого сомнения с названием «лагеря смерти Аушвиц» в первую очередь связывается представление о существовании газовых камер для систематического массового уничтожения человеческих жизней, и этот «индустриальный метод убийства» готов считать его единственной особенностью и Куртуа. Поскольку «Аушвиц» стал играть важную роль в советской военной пропаганде в 1945 г., эта тема настоятельно требует краткого рассмотрения в контексте данной книги.

25 ноября 1942 г. «Нью-Йорк Геральд Трибюн» после состоявшихся пресс-конференций

опубликовала репортаж под заголовком: «Визе говорит, что Гитлер в 1942 г. приказал убить 4000000 евреев». Сколь бы сенсационным ни было это сообщение, пущенное в обращение президентом Американского еврейского конгресса д-ром Визе (Wise), Госдепартамент проявил к нему мало доверия, а американское правительство и сам президент Рузвельт не стали делать из него каких-либо выводов.³⁶ Но Советский Союз, целиком поглощенный кампанией ненависти против Германии, жадно воспринял эту информацию и попытался придать ей официальный оттенок, когда наркомат иностранных дел СССР 19 декабря 1942 г. выступил с заявлением о «реализации плана гитлеровских властей по уничтожению еврейского населения на оккупированных территориях Европы».³⁷ Некоторые американские газеты, якобы, уже в 1942 г. писали о «более чем двух миллионах евреев, уничтоженных газом», что, однако, не может быть подтверждено. Но, во всяком случае, в британской газете «The People» (воскресенье, 17 октября 1943 г.) со ссылкой на заявление Института еврейских проблем (Institute of Jewish Affairs) в США появилась невзрачная заметка, согласно которой Гитлер к этому моменту убил более 3 миллионов европейских евреев.³⁸

Об отравляющем газе здесь еще не было речи, только об уничтожении посредством «запланированного голода, погромов, принудительного труда и депортаций». Применение отравляющего газа в целях убийства было внедрено в Советском Союзе в сознание широкой публики в связи с показательным процессом, организованным в Харькове в декабре 1943 г., первым «процессом над военными преступниками» против немцев вообще,³⁹ когда прежние упоминания еще не возымели особого эффекта. На процессе перед военным трибуналом 4-го Украинского фронта, открытом в Харькове 15 декабря 1943 г. против немецких военнопленных — капитана Ланггельда, унтерштурмфюрера СС Ритца и унтер-офицера Рецлафа, было отмечено и тем самым окончательно введено в советскую военную пропаганду использование так называемых «душегубок немцами для уничтожения советских граждан».⁴⁰ К тому же присутствовавший на процессе в качестве корреспондента советский писатель и пропагандист Толстой, член «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков», в нескольких комментариях, предназначенных для пропаганды за рубежом, вводя в заблуждение, распространялся о том, что «душегубки» («машины смерти» — Mordwagen) внедрены по «приказу командования немецкой армии для массового уничтожения мирных жителей на оккупированной немцами территории». Предпринятая здесь попытка связать германский Вермахт с такими вещами была, конечно, абсурдна и никоим образом не соответствовала фактам. Однако «душегубки», упомянутые уже в сообщении «Чрезвычайной государственной комиссии» от 7 августа 1943 г. по Ставропольскому делу,⁴¹ все же стали теперь в пропаганде установившимся понятием. Для большего правдоподобия на этом процессе выступил в качестве свидетеля даже некий оберштурмбаннфюрер СС Хайниш, который, якобы, знал по слухам, что «смерть от газа безболезненна и гуманна».

Впредь в многочисленных сообщениях о расследованиях «Чрезвычайной государственной комиссии» существование так называемых «душегубок» считалось установленным фактом и упоминалось вновь и вновь — например, в сообщении от 23 марта 1944 г. под заголовком «Они убили 2000000 человек»,⁴² где (следуя, видимо, ключевому выводу, сделанному в США) сообщалось, что немцы на оккупированных территориях Советского Союза «замучили до смерти газом в “душегубках” или пытками» 2 миллиона человек, наряду с гражданскими лицами — прежде всего военнопленных. Дискуссия об этом получила новый импульс после того, как советские войска пересекли границы тогдашнего Польского генерал-губернаторства и в августе 1944 г. заняли концлагерь Майданек. Советский писатель и пропагандист Симонов, по официальному поручению посвятивший этому событию обстоятельную корреспонденцию, уже 17 августа 1944 г. утверждал в одной из своих статей, что в лагере смерти Люблин, помимо машин смерти обычного типа, с использованием «метода душегубок», названного так Эренбургом, в целях убийства были впервые использованы и стационарные газовые камеры, замаскированные под дезинфекционные.⁴³ Об уничтожении людей газом, якобы практиковавшемся в Майданеке, Симонов распространялся подробно, однако без веских доказательств 24 августа 1944 г. в статье под заголовком «Нацистские газовые камеры», и при этом он одновременно констатировал в органичительном смысле или, во всяком случае, не исключил следующее: «Между прочим, циклон (смертоносный газ) представляет собой в действительности дезинфицирующее средство».⁴⁴

Опубликованное 28 сентября 1944 г. сообщение «Чрезвычайной государственной комиссии» о концлагере Майданек «Ад Майданека»,⁴⁵ не считая пыток, поставило на первое место в качестве главного способа убийства массовые расстрелы, упомянув также, наряду с «душегубками», наличие «газовых камер», которые подверглись Советами и техническому исследованию на предмет их дееспособности. Подлинным источником информации явились, похоже, показания свидетелей НКВД, и на этой основе официальное советское сообщение пришло к очень противоречивым выводам. Ведь, с одной стороны, как видно из него, убийство людей отравляющим газом являлось скорее исключением и применялось прежде

всего в случае болезни и физического истощения и к тому же в относительно ограниченном объеме. Однако, с другой стороны, «Чрезвычайная государственная комиссия» предположила, что за почти трехлетний срок существования концлагеря Майданек были отравлены газом сотни тысяч человек. Это противоречие не находит объяснений, однако стоит вспомнить историка Гельмута Краусника (Krausnick), который уже в 1956 г. счел уместным упомянуть, что Майданек «не являлся лагерем для немедленного уничтожения». Вот и коммунистическая польская комиссия по расследованию военных преступлений оценила общее количество жертв Майданека в 200000.⁴⁶

Еще большее значение, чем концлагерю Майданек, придавалось в советской пропаганде, разумеется, концлагерю Аушвиц. Если теперь сравнить сообщение о концлагере Аушвиц с сообщением о концлагере Майданек, то выясняется также, что расстрелы и пытки как способы убийства до конца войны играли в советской пропаганде главную роль, а уничтожение газом — лишь подчиненную. Уже в рапорте, направленном секретарю ЦК Маленкову в Москве членом Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-лейтенантом (политработником) Крайнюковым 30 января 1945 г., через 3 дня после занятия лагеря, сказано, к примеру, только следующее: «В Аушвице, согласно предварительным показаниям узников, сотни тысяч людей были замучены до смерти, сожжены, расстреляны».⁴⁷ Об уничтожении газом, которое ведь явилось бы достаточно большой сенсацией, здесь нет речи. И даже текст заключительного сообщения «Чрезвычайной государственной комиссии» об Аушвице содержит в этом отношении показательное несоответствие.⁴⁸ Ведь в русской версии этого официального советского сообщения, опубликованной 7 мая в партийном органе «Правда», говорилось об убийствах путем «расстрела, голода, отравления и чудовищных истязаний», а в пропагандистском журнале «Soviet War News», изданном советским посольством в Лондоне 24 мая 1945 г., то есть в английской версии, — о «расстрелах и чудовищных пытках». Об «отравлении» здесь больше не говорится, хотя ведь Аушвицкое дело вдоволь использовалось советской пропагандой и концлагерь Аушвиц справедливо характеризовался как гораздо более страшный, чем Майданек. Правда, в сообщении «Чрезвычайной государственной комиссии» от 7 мая 1945 г. об Аушвице, по аналогии с сообщением о Майданеке, уже упоминалось наличие газовых камер в территориальной привязке к крематориям. Так, с лета 1943 г. в Аушвице имелось в целом 4 крематория, связанных с такими газовыми камерами. Однако, как ни удивительно, эти газовые камеры не находились в центре советского пропагандистского интереса. Их существование вообще предполагалось настолько мало известным, что немцы, чтобы вводить в заблуждение ни о чем не подозревавших жертв, даже могли еще выдавать их за «бани особого назначения».⁴⁹

Итак, в официальном советском сообщении об Аушвице в качестве методов убийства в первую очередь приводились «расстрелы и чудовищные пытки». Правда, уничтожение газом, как и в Майданеке, упоминалось, и было даже рассчитано, что в четырех (позднее — в пяти) крематориях за все время теоретически, якобы, могло быть сожжено 5121000 трупов. Тем временем в советской пропаганде отравления газом занимали место позади вивисекций, медицинских экспериментов на живых людях и тому подобных злодеяний. И они в конечном счете, как видно из недавно опубликованных протоколов допросов «аушвицких инженеров» Прюфера, Зандера и Шульце органами НКВД в 1946 г., очевидно, затронули все же только относительно небольшие группы лиц — в каждом случае порядка нескольких сот человек. Впрочем, в сообщении от 7 мая 1945 г. идет речь об уничтожении не евреев, а граждан Советского Союза и многих других европейских государств. Результаты расследований «Чрезвычайной государственной комиссии» о Майданеке и Аушвице были представлены Международному военному трибуналу в Нюрнберге в качестве обвинительных документов Советского Союза, согласно статье 21 Лондонского устава трибунала, безоговорочно приняты в качестве официального доказательного материала правительства Советского Союза, как и результаты расследований по Катыни, и изложены обвинителем, старшим советником юстиции Смирновым на заседании 19 февраля 1946 г.⁵⁰ Тем не менее, Международный военный трибунал в вопросе уничтожения газом проявил примечательную сдержанность и в обосновании приговора от 30 сентября 1946 г. лишь лаконично провозгласил: «Из них (а именно, из газовых камер с печами для сжигания трупов) некоторые действительно использовались для искоренения евреев в качестве составной части “окончательного решения” еврейской проблемы».⁵¹

Международный военный трибунал в Нюрнберге, сомнительная компетентность, состав и практика которого не являются предметом для обсуждения в данном месте, мог опереться при этом и на показания судьи СС, штурмбаннфюрера д-ра Моргена и заместителя начальника главного управления суда СС, главного судьи Верховного суда СС и полиции, оберфюрера д-ра Райнеке от 7 и 8 августа 1946 г., которые в целом считались заслуживающими доверия. Указанные судьи СС и другие в 1943-44 гг. по поручению Гимmlера производили длительные дознания в отношении комендантов и охранного персонала 7-10 концлагерей, но лишь по поводу возникшего там «беспорядка»,⁵² в ходе чего случайно попали на след систематических акций уничтожения. Морген в Люблине в 1943 г. узнал о наличии соответствующего

«специального секретного поручения фюрера высшей степени важности» и в связи с этим в 1944 г. в Аушвице — о существовании газовых камер (замаскированных под «крупные банные заведения»), связанных с крематориями для уничтожения людей, как он выразился, в «лагере смерти Моновиц». Впрочем, то обстоятельство, что согласно этому показанию, данному под присягой, об акциях уничтожения не знали, очевидно, даже руководящие круги СС, явился для органов обвинения одной из причин, чтобы отказаться от перекрестного допроса этого свидетеля защиты, ведь огульное обвинение против всех членов СС нужно было оставить в силе любой ценой.

Проблема Аушвица во всех ее аспектах стала в наши дни в стране и за рубежом предметом интенсивных публицистических дебатов, которые в целом ведутся со знанием дела и проницательностью, хотя некоторые круги ревностно преступают допустимые рамки в политических целях. Эта дискуссия ведется не столько в «официальной» литературе, сколько в более периферийных изданиях, и она немало страдает от официально предписанных запретов на идеи и формулировки, за соблюдением которых ревностно следят политические доносчики. Правда, связанное с этим препятствие для свободного обсуждения значимой проблемы новейшей истории, сколько бы досадным оно подчас ни являлось сегодня, не может сохраниться надолго. Ведь опыт свидетельствует, что уголовно-правовые меры могут воспрепятствовать свободному историческому исследованию лишь на время. Исторические истины имеют обыкновение продолжать оказывать воздействие скрытно и, наконец, все же прокладывая себе путь. Впрочем, в отношении проблемы Аушвица речь идет вовсе не об «очевидном» факте жестокого преследования и уничтожения представителей еврейского народа, который не требует никаких дальнейших дискуссий, а исключительно об использовавшихся механизмах умерщвления и о том, сколько людей стали жертвами преследований. И в этом отношении, во всяком случае, намечаются важные выводы, так что могут стать неизбежными некоторые коррективы ходячих представлений.

Если, например, даже сегодня общее количество в 6 миллионов погибших выдается за выражение неоспоримых исторических фактов, установленной аксиомы, то возникает вопрос: когда и где вообще появилась эта 6-миллионная цифра и на чем она основана. Суды в ФРГ, которые расценивают как состав преступления и преследуют вовсе не «отрицание» данной цифры (это выражение неверно), а просто невозможность в нее поверить, проявление сомнений в ее правомерности, не в состоянии дать на него ответа, когда от них требуют объяснений.⁵³ Это вызывает необходимость в некоторых рассуждениях.

Хотя части советской 60-й армии захватили территорию концлагеря Аушвиц 27 января 1945 г., лишь 1 марта 1945 г., если не считать некоторых неопределенных сообщений, последовало официальное советское заявление, в котором на основе сомнительных расследований утверждалось, что в этом концлагере «были уничтожены не менее 5 миллионов человек». Итак, цифра, доложенная 30 января 1945 г. генерал-лейтенантом Крайнюковым Маленкову, теперь претерпела огромное увеличение и стала настолько велика, что даже советская пропаганда сочла необходимостью ее опять несколько уменьшить. Так, в опубликованном 7 мая 1945 г. в партийном органе «Правда» сообщении «Чрезвычайной государственной комиссии» идет речь лишь о том, что в Аушвице лишились жизни «более 4 миллиона граждан». Эта 4-миллионная цифра оставалась в сфере советского господства (Советский Союз и Польская Народная Республика) неприкосновенной как установленная величина до 1990 г., хотя даже находившийся под нажимом советского «доказательного материала» (документ СССР-008) Международный военный трибунал в Нюрнберге в своем обосновании приговора в августе 1946 г. счел нужным признать лишь 3 миллиона жертв Аушвица.⁵⁴ «Конфуз при определении цифры убитых в Освенциме мог бы послужить достаточным предостережением, — писал профессор экономической и социальной истории и куратор по научным вопросам мемориала Аушвиц-Биркенау Вацлав Длугоборский 4 сентября 1998 г.⁵⁵ — Вскоре после окончания войны она без дальнейшего расследования была установлена советской следственной комиссией на уровне 4 миллионов. Хотя сомнения в правильности этой оценки имелись с самого начала, она стала догмой. До 1989 г. в Восточной Европе было запрещено выражать сомнения в цифре 4 миллиона убитых; в мемориале Освенцима служащим, усомнившимся в правильности этой оценки, угрожали дисциплинарными мерами.» Едва ли лучше была ситуация в ФРГ. Ведь и здесь советская пропагандистская цифра 4 миллиона считалась «очевидной» до 1990 г., хотя никто не знал, как она, собственно, была подсчитана. Сомневающиеся преследовались невежественной политической юстицией только за то, что не доверяли пропагандистским цифрам сталинизма и тем самым их «отрицали».

Тем временем, в апреле 1990 г. директор Государственного музея в Освенциме д-р Францишек Пипер, который вообще, похоже, знает больше, чем он иногда выдает, велел тайком убрать надписи на 19 памятных камнях и 19 языках, сделанные в память об убитых в Аушвице 4 миллионах евреев. Но и названная им тогда цифра в 1-1,2 миллионов просуществовала недолго и была вскоре сокращена до 800000.⁵⁶ Наличие 74000 погибших жертв, причем лишь из числа «трудоспособных депортированных», подтверждается списками из «книг записей о смерти», открытых в советских архивах. Правда, они

составляют лишь часть общего количества жертв, реальная величина которого, однако, остается покрытой мраком. Разница в 726000 погибших, согласно последним сообщениям, была получена путем использования «имеющихся технических данных», то есть, как и в советском сообщении от 7 мая 1945 г., добавлена к итогу, исходя из принятой пропускной способности крематориев в Аушвице. Потому и эти цифры, в конечном счете, не могли считаться доказанными. Сегодня Жан-Клод Прессак (Pressac) называет общей численностью погибших в Аушвице 631000-711000.

Правда, Международный военный трибунал в Нюрнберге, методично вводимый в заблуждение фальшивками советской «Чрезвычайной государственной комиссии», в отношении общего числа жертв еврейского народа сошелся во мнениях с советской военной пропагандой. Ведь, хотя даже главный британский обвинитель сэр Дэвид Максвелл-Файф (Maxwell-Fyfe) проявил сомнения в достоверности советских цифр, когда он 21 марта 1946 г. предположительно сказал о 3 миллионах погибших евреев,⁵⁷ и хотя незадолго до этого, 3 января 1946 г., бывший гауптштурмфюрер СС Вислицени из еврейского отдела Главного управления имперской безопасности показал в Нюрнберге, что оберштурмбаннфюрер СС Эйхман (начальник подотдела в IV управлении) говорил ему в феврале 1945 г. о 4-5 миллионах,⁵⁸ Международный военный трибунал в своем обосновании приговора определил число погибших евреев в 6 миллионов. Он основывался при этом на другом показании из Главного управления имперской безопасности, а именно на письменном показании под присягой (аффидевит) бывшего штурмбаннфюрера СС д-ра Хёттля (документ PS-2738 от 26 ноября 1945 г.),⁵⁹ которому референт по еврейским делам Эйхман, присутствуя на совещании в Будапеште в конце августа 1944 г., «после распития барака, венгерского спиртного напитка из абрикосов», якобы, рассказал, что в целом было убито 6 миллионов евреев. Хёттль, как он сообщает, «еще до краха Германии» (то есть весной 1945 г.) «передал более подробные данные об этом одной американской службе в нейтральном зарубежье (Алену Даллесу в Швейцарии)»,⁶⁰ так что объяснимо, по крайней мере, то, что эта цифра уже в сентябре 1945 г. могла курсировать в американском лагере Фрайзинг, хотя возмущенные заключенные в нее не поверили. Когда сидевший здесь Хёттль теперь еще раз повторил услышанное от Эйхмана в августе 1944 г., служба контрразведки США немедленно занесла его показание в протокол. Тем временем приведенные Эйхманом цифры, «согласно выводам исторической науки», «однозначно считаются завышенными», а сам д-р Хёттль тоже говорит сегодня о склонности Эйхмана, которого он знал с 1938 г., к преувеличениям.

Если исходить из того, что 6-миллионная цифра, которая, видимо, должна была приобрести неизгладимое историко-политическое символическое значение, дошла до сведения американцев лишь весной 1945 г., то это удивительно, во всяком случае, потому, что советская зарубежная пропаганда оперировала 6-миллионной цифрой уже за месяцы до этого. В еженедельнике «Soviet War News», издававшемся советским посольством в Лондоне, 22 декабря 1944 г., то есть ровно за пять недель до освобождения концлагеря Аушвиц, где, якобы, погибли 5 миллионов человек, в статье ведущего советского пропагандиста Ильи Эренбурга под заголовком «Помнить, помнить, помнить» (Remember, Remember, Remember) как нечто само собою разумеющееся распространяется следующее: «В захваченных ими странах и областях немцы убили всех евреев: стариков, грудных детей. Спросите пленного немца, во имя чего его соотечественники уничтожили шесть миллионов неповинных людей, он ответит: “Они евреи...”». Эта статья Эренбурга была перепечатана 4 января 1945 г., то есть за 23 дня до освобождения Аушвица, под названием «Еще раз — помнить!» (Once again — Remember!) в «Soviet War News Weekly» с дословно тем же пассажем: «Спросите пленного немца, во имя чего его соотечественники уничтожили шесть миллионов неповинных людей, он ответит: “Они евреи...”».⁶¹

Уже 5 октября 1944 г.⁶² Эренбург выдвинул свои тезисы в другой статье в «Soviet War News». «Они (немцы), — писал он, — и не пытались замаскировать свои деяния в Польше, где соорудили “лагеря смерти” в Майданеке, Сабибуре, Больжице и Трешлинке и убили миллионы — повторяю: миллионы — безоружных людей.» Используя соответствующее пропагандистское понятие, имеющее хождение и сегодня, он, что показательно, добавил: «Если немцы убили миллионы евреев, то тот факт, что те были евреями, важен только для “расистов”. Для человеческих существ важно, что эти жертвы были человеческими существами». Далее следовал клеветнический вывод: «Сотни тысяч (немцев) повинны в преступлениях и миллионы — в соучастии».

6-миллионная цифра, впервые точно названная Эренбургом 22 декабря 1944 г. в неприметном месте в «Soviet War News» и 4 января 1945 г. еще раз внушенная им в том же пропагандистском органе, была напечатана 15 марта 1945 г. в еще одной его статье в «Soviet War News Weekly» под заголовком «Были волками, ими и останутся» (Wolves they were — Wolves they remain) уже жирным шрифтом, как факт, который никто больше не может оспорить. Хотя общее число жертв, следуя сообщению советской печати от 1 марта 1945 г., должно было увеличиться еще на 5 миллионов, составив теперь в целом 11 миллионов, Эренбург писал 11 марта 1945 г., невзирая на это: «Мир теперь знает, что немцы убили шесть миллионов

евреев» — утверждение, о котором мир тогда вообще еще ничего не знал.

Стереотипное повторение общей численности в 6 миллионов убитых — цифры, о которой с полной однозначностью утверждалось уже 22 декабря 1944 г., причем в предназначенном для англоязычных читателей пропагандистском органе «Soviet War News», приводит к выводу, что 6-миллионная цифра, как и аушвицкая 4-миллионная цифра от 7 мая 1945 г., являлись цифрами советской пропаганды, предназначенными для того, чтобы повлиять на общественность и прежде всего на образ мыслей в англосаксонских странах и индоктринировать их. Содержащееся в «Soviet War News» за 22 декабря 1944 г., 4 января и 15 марта 1945 г. доказательство, что именно Эренбург ввел 6-миллионную цифру в советскую военную пропаганду, имеет свое значение для научного обсуждения этого заряженного эмоциями вопроса.

Сегодня мы знаем, что сообщения о зверствах нацистов хотя и нашли доступ в западный мир, но не вызвали там безоговорочного доверия. В Великобритании, как показывает Гилберт (Gilbert), до июня 1944 г. понятие «Аушвиц» было неизвестно. Когда в это время два спасшихся беглеца, Врба и Ветцлер, сообщили об умерщвлении газом,⁶³ им не поверили и союзники отвергли связанные с этим требования евреев. Они придерживались мнения, что еврейские организации «поддались на сознательный обманный маневр нацистов». И еще в ноябре 1945 г. президент Всемирного еврейского конгресса Хаим Вейцман обескураженно замечал в своих мемуарах: «Английское правительство не захотело воспринять мнение, что в Европе были убиты шесть миллионов евреев».⁶⁴

Для советской пропаганды, стремившейся отвлечь внимание от собственных злодеяний, возникло в этом отношении обильное поле деятельности. Эренбургу, как упоминалось, была давно доверена задача вызвать расположение общественности в США и Великобритании к советским наветываниям. Как видный советский еврей он выглядел также особенно подходящим, чтобы послужить связующим звеном между Советским Союзом и столь влиятельными евреями США, хотя сам он ранее однажды предстал скорее в качестве антисемита. Еще 12 октября 1941 г. он, например, пытался отрицать, что нацизм настроен принципиально против всех евреев.⁶⁵ Тогда он писал: «Они говорят: “Мы против евреев”. Ложь. У них есть свои евреи, которых они жалуют. У таких евреев в паспорте две буквы — “W.J.” — “ценный еврей” (имелся в виду, видимо, не “wertvoller Jude”, а “Geltungsjudе” — “значимый еврей”)». Но уже 24 августа 1941 г., в статье «К евреям», он апеллировал к евреям еще нейтральной Америки «как русский писатель и как еврей», связанный с ними очень многими узами: «Евреи, в вас прицелились звери... Мы не простим равнодушным. Мы проклянем тех, что умывают руки... На помощь Англии! На помощь Советской России!»⁶⁶ В своих воспоминаниях он сообщает, что летом 1943 г. получил поручение направить «американским евреям письмо о зверствах немецких фашистов», чтобы подчеркнуть «насушную необходимость» скорейшего разгрома Германии, то есть — об этом конкретно шла речь — скорейшего открытия Второго фронта.⁶⁷

В этих же мемуарах Эренбург попытался обосновать свои вакханалии ненависти против немцев следующим аргументом: «Мне попало в руки мыло, изготовленное из трупов расстрелянных евреев. На нем стоял штамп: “Чисто еврейское мыло”». ⁶⁸ И затем совсем мимоходом: «Но к чему напоминать об этом? Об этом написаны тысячи книг». Не тысячи книг написаны об этом, а советский обвинитель, старший советник юстиции Смирнов 19 февраля 1946 г. на основе обширных сфальсифицированных материалов (СССР-196, СССР-197, СССР-393) представил Международному военному трибуналу обвинение, что немцы фабричным способом производили мыло из трупов убитых евреев.⁶⁹ Однако это советское пропагандистское утверждение, которое распространяется и которому верят вплоть до наших дней, лишено всякого основания, и даже израильский центр документации «Яд Вашем» в Иерусалиме в 1990 г. счел нужным выступить с опровержением, заявив: «Не существует документа, доказывающего, что нацисты производили мыло из человеческого жира».⁷⁰ Этот случай доказывает лишь, какими живучими могут быть легенды и с какой осторожностью и критичностью следует воспринимать обвинения, имеющие своим источником мутные воды советской пропаганды, а тем более писанину Ильи Эренбурга.

При неизбежном в перспективе согласовании историко-политических сочинений с реально доказуемыми фактами (процесс, который, очевидно, только начинается), конечно, не должно скрываться, что в отношении еврейского населения были совершены чудовищные зверства, причем, во-первых, как было сказано, оперативными группами охранной полиции и СД на оккупированных советских территориях и, во-вторых, уполномоченными на это группами лагерного персонала СС в концлагерях тогдашнего генерал-губернаторства. Советский обвинитель в Нюрнберге, старший советник юстиции Смирнов, который вместе со своими коллегами стремился привнести в процесс перед Международным военным трибуналом утверждения советской военной пропаганды, 19 февраля 1946 г. позволил себе выдвинуть огульные обвинения против всего немецкого народа, сказав о «сотнях тысяч и миллионах преступников» среди немцев.⁷¹ В действительности же геноцид против евреев творился за завесой строгой секретности. Если само британское правительство не верило соответствующим сообщениям, к тому же поступившим

только в 1944 г., если военная пропаганда западных союзников, в остальном не особо разборчивая, не проронила об этом ни слова, и если даже руководящие круги СС не были посвящены в это и, например, следственные комиссии Главного управления суда СС лишь после длительных расследований скорее случайно попали на след систематического и массового уничтожения людей в Люблине и Аушвице, то следовало бы проявить некоторое доверие к часто упоминаемому неведению представителей других сфер разветвленного аппарата власти гитлеровской Германии. Ведь иначе, например, едва ли можно понять, как, скажем, пресловутый бригадефюрер СС Олендорф, который, будучи шефом оперативной группы D охранной полиции и СД на Украине, по собственному признанию, убил не менее 90000 евреев,⁷² в 1945 г. мог найти применение в качестве министра-альтернативного директора во временном правительстве Рейха во главе с гросс-адмиралом Дёницем, которое ведь заботилось о собственной репутации перед лицом держав-победителей.

Говорят, Гиммлер в апреле 1943 г. отметил, что круг непосредственно ответственных за «окончательное решение» ограничивается 200 фюрерами СС.⁷³ А д-р Хёттль сказал в своем affidavitе, будто Эйхман говорил ему, что вся акция является «Великой тайной Рейха». Американский специалист по международному праву профессор д-р д-р де Заяс, некоторые американские и британские авторы сегодня и не скрывают своего мнения, что «число лиц, знавших во время войны о холокосте, было чрезвычайно ограниченным».⁷⁴ Де Заяс пишет: «Все больше историков приходят к выводу, что познания о холокосте были во время войны намного ограниченной, чем считалось до сих пор». И в особенности это относилось к массе немецкого народа. А утаивание геноцида было настоятельно необходимо уже потому, что, как показал, например, министр-альтернативный директор д-р Фритцше, признанный в Нюрнберге невиновным по всем пунктам обвинения, немецкий народ отказался бы повиниться Гитлеру, узнав об убийстве евреев, или его доверие к Гитлеру было бы, по меньшей мере, подорвано глубочайшим образом.⁷⁵ В этом отношении показателен доверительный информационный циркуляр от 9 октября 1942 г., направленный партийной канцелярией гауляйтерам и крайсляйтерам и процитированный Международным военным трибуналом в обосновании своего приговора⁷⁶ «корпусу политических руководителей нацистской партии» в 1946 г. в Нюрнберге, из которого вытекает, что даже ведущие функционеры НСДАП были оставлены в неведении относительно подлинной участи евреев. Правда, перед лицом слухов, ходивших по Германии о «ситуации с евреями на Востоке», которую, как открыто признавалось, «возможно, не поняли бы некоторые немцы», партийный аппарат был теперь поставлен на ноги, «чтобы воспрепятствовать протестам немецкого общественного мнения против мер, предпринятых против евреев на Востоке». Тем временем, по мнению Международного военного трибунала, даже этот доверительный циркуляр, предназначенный для информирования гауляйтеров и крайсляйтеров, не содержал «определенного утверждения, что евреи были истреблены, но было дано понять, что они попали в трудовые лагеря...»

Впрочем, сам Гитлер высказался совершенно аналогично, когда он в связи с начатыми депортациями утверждал 12 мая 1942 г. в ставке фюрера,⁷⁷ что еврей — «самый стойкий к климатическим воздействиям человек на земле», чтобы затем увязать с этим следующее признание: «...об этом, конечно, не задумается ни один из тех, кто прольет свои крокодиловы слезы вслед отправленному на Восток еврею», «наша так называемая буржуазия сегодня причитала бы по поводу того самого еврея, который в 1917 г. нанес удар ножом по военным займам, если бы его отправили на Восток». Итак, и Гитлер среди своего ближайшего окружения говорил лишь об отправке евреев на Восток, а не о их уничтожении.

В соответствии с этим известная публицистка и издательница «Цайт», графиня д-р Дёнхоф, которую уж точно нельзя обвинить в «умалении», могла достоверно засвидетельствовать, что «впервые услышала название “Аушвиц” только после войны». «Мы знали, — говорила она своей портретистке Алисе Шварцер,⁷⁸ — что людей убирают на Восток. Но то, что это были не трудовые лагеря, а лагеря смерти, я узнала только после войны. Ни один человек не мог прийти к мысли, что их убивают...»

Из доверительного циркуляра партийной канцелярии от 9 октября 1942 г. видно не только то, что запланированное убийство евреев утаивалось или затушевывалось даже перед гауляйтерами и крайсляйтерами, которым было поручено воздействовать на общественное мнение, но и то, что немецкое население — по крайней мере, в достойных упоминания масштабах — не могло быть согласно даже с депортацией немецких евреев. Согласно Фритцше, рейхсминистр пропаганды, который всегда оценивал ситуацию трезво, «с чрезвычайным ожесточением» высказался о солидарности многих немцев с евреями — высказывание, которое подтверждают и дневниковые записи д-ра Геббельса по поводу депортации берлинских евреев. То, что немцы не могли быть согласны уже просто с преследованием евреев, вытекает и из процитированной американским обвинителем Доддом 13 декабря 1945 г. речи Гиммлера в Позене,⁷⁹ в которой тот на своем порочном лексиконе признал следующее: «И тогда они приходят все, честные 80 миллионов немцев, и у каждого есть свой порядочный еврей. Другие, ясное дело, свиньи, но этот один — отличный еврей».

Если немцы даже не знали об ужасных событиях за своими спинами, которые они бы никогда не одобрили, то они не могут быть признаны и ответственными за них. То, что в эти злодеяния были впутаны главным образом граждане Великогерманского рейха, в данном случае не является контраргументом, так как иначе по той же самой логике и русский народ должен был бы нести ответственность за массовые убийства советской властью миллионов и миллионов, или грузинский народ, поскольку, не считая грузина Джугашвили (Сталина), грузины Берия, Деканозов, Цанава, Гоглидзе, Рухадзе, Каранадзе и другие, будучи ведущими функционерами, наложили свой отпечаток на аппарат НКВД, или, если продолжить нить, даже еврейский народ, поскольку, как это подчеркивает в своей недавно вышедшей книге «Конец лжи» (*Das Ende der Lügen*) и еврейский автор Соня Марголина, происходящая из Советского Союза, в большевизме евреи впервые в истории выступили не только как жертвы, но и как виновники.⁸⁰ То, что Троцкий, Каменев, Зиновьев, Иоффе, Крестинский[?], Радек и бесчисленные другие ведущие большевистские функционеры были евреями, общеизвестно. Народная молва прямо называла в 1918 г. заседавший в Смольном ЦК «еврейским центром», и большевистская власть в 20-е годы, согласно Соне Марголиной, «действительно носила определенные еврейские черты». «Тот факт, что значительная часть известных большевистских партийных вождей принадлежала к евреям... — писал Николас Верт в «Черной книге коммунизма»,⁸¹ — оправдывал в глазах масс отождествление евреев и большевиков.» Славист и публицист Вольфганг Штраус указывает на приведенный в приложении к новому изданию известного труда Роберта Уилтона (*Wilton*) «Последние дни Романовых» (*The Last Days of the Romanovs*, New York 1920) этнический состав важнейших партийных лидеров в период 1918-19 гг., который демонстрирует даже такую картину: «17 русских, 2 украинца, 11 армян, 35 латышей и литовцев, 15 немцев, 1 венгр, 10 грузин, 3 поляка, 3 финна, 1 чех, 1 среднеазиат, 457 евреев».⁸²

Менее известно относительно большое участие евреев в развязывании и в органах большевистского террора (ЧК, ГПУ, НКВД). Уже 1(13) декабря 1917 г., как подчеркивает в «Черной книге коммунизма» Николас Верт,⁸³ Троцкий, нарком по военным делам [нарком иностранных дел], объявил перед делегатами ЦИК Советов: «Менее чем через месяц террор приобретет крайние насильственные формы, как это произошло и при Великой Французской революции». Николас Верт цитирует и Зиновьева, «одного из важнейших большевистских партийных вождей», который 19 сентября 1918 г. в газете «Северная Коммуна» провозгласил, что из 100 миллионов жителей России «нашим собственным социалистическим террором» «должны быть уничтожены» 10 миллионов.⁸⁴

Троцкий (Бронштейн) и Зиновьев (Гирш Апфельбаум), наряду с другими евреями, приняли руководящее участие уже в убийстве царской семьи и ее свиты.⁸⁵ Троцкий вместе с Лениным отдал об этом приказ, Зиновьев поддержал расстрел и передал Ленину телеграмму с ходатайством о его утверждении, Свердлов, председатель ЦИК в Екатеринбурге [ВЦИК], составил текст ленинского приказа об убийстве, а Белобородов, председатель «Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», подписал протокол об убийстве («расстреляны были...»). Начальником расстрельной команды был еврей Юровский, который, по его словам, собственноручно убил императора Николая II, императрицу Александру Федоровну и наследника престола Алексея 17 июля 1918 г. в Ипатьевском доме, что, однако, позднее взяли на себя два его сообщника. Согласно подписанному Юровским 18 июля 1918 г. в Екатеринбурге списку «команды особого назначения» «Чрезвычайной комиссии»,⁸⁶ по меньшей мере, еще два члена команды из 10 человек, а именно Изидор Эдельштейн и Виктор Гринфельд, также являлись евреями, остальные были русскими либо германско-австрийскими военнопленными: А. Фишер, Э. Фекети, Никулин, П. Медведев, С. Ваганов, В. Вергаеш, Л. Горват. Среди убийц, приведенных в этом списке, находится и венгр Имре Надь, будущий премьер-министр во время Венгерской революции 1956 г., который и в промежуточный период еще тесно сотрудничал с тайной полицией ГПУ/НКВД, пока, в конечном итоге, не получил по заслугам сам.⁸⁷

Хотя Сталин постепенно ограничил влияние евреев и многих из них подверг жестким преследованиям в качестве «троцкистов», а позднее «космополитов», во время Второй мировой войны их еще всюду можно было найти на руководящих постах. Например, важную пропагандистскую роль в отношении США сыграл «Еврейский антифашистский комитет», созданный специально для этой цели и ликвидированный Сталиным в 1948 г.⁸⁸ Одним из ближайших сотрудников Сталина до конца его дней был Лазарь Моисеевич Каганович, который, наряду с другими, нес основную ответственность за «беспримерный геноцид — тщательно спланированное убийство 7-9 миллионов украинских крестьян во время голода 1932-33 гг.»⁸⁹ Каганович был «ответственен за смерть целого поколения интеллигенции» и собственноручно подписал приказы о казни 36000 человек. Он был «причастен к убийству миллионов» и, по словам историка еврейского происхождения Медведева, имел на совести больше преступлений, «чем те, что были повешены в Нюрнберге в 1946 г.» Помимо Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна, Калинина, и Лазарь Каганович подписал постановление о расстреле 15000 польских офицеров — преступление,

которое само по себе, по нюрнбергским меркам, уже было бы достаточным для вынесения смертного приговора.

Генрих Григорьевич Ягода, согласно генерал-полковнику профессору Волкогонову — «изверг и низкий преступник», годами стоял во главе большевистского массового террора и в качестве шефа «Архипелага ГУЛаг» и наркома внутренних дел нес ответственность за смерть миллионов.

Начальник Главного политуправления, армейский комиссар 1-го ранга Лев Захарович Мехлис был организатором террора в Красной Армии.⁹⁰ Генерал-полковник Абакумов, окруживший себя целой группой сотрудников-евреев, близкое доверенное лицо Берии, в свою очередь охарактеризованный генералом НКВД Судоплатовым как «еврей по рождению»,⁹¹ был одним из главных ответственных за чудовищные преступления в ведомстве НКВД/МВД. Генерал НКВД Райхман, в 30-х годах — начальник Харьковского областного управления НКВД, восхвалявшегося Ежовым за его особую жестокость, в 1940 г. принял руководящее участие в расстреле военнопленных польских офицеров по «Катынскому» делу. Генерал армии Черняховский в качестве командующего 3-м Белорусским фронтом нес ответственность за зверства в отношении гражданского населения и военнопленных в Восточной Пруссии. Список можно продолжить и далее.

Если, как считает и Марголина, активное участие многих евреев в советских органах террора представляет собой прямо-таки особую главу, то, с другой стороны, отсюда никак нельзя сделать заключение об ответственности еврейского народа как такового за преступления, совершенные большевизмом. За совершённые зверства всегда несут ответственность не народы — немцы, русские, грузины, латыши или евреи и другие, а только отдельные лица. А что касается конкретно немецкого народа, то никто не может утверждать, что к его традициям принадлежало преследование и уничтожение мирного населения. Если вести здесь речь о традициях, то это традиции политической природы, заложенные в новое время якобинством Французской революции. Это традиции Конвента, который в своем ослеплении в 1793-94 гг. наметил и осуществил «тотальное уничтожение» Вандеи, истребление населения с помощью гильотины, «массовых потоплений», «вертикальных депортаций», «республиканских свадеб» и тому подобных свершений «славной революции». Не французы как таковые вырезали тогда 250000 человек, а «граждане республиканцы», не немцы, а нацисты, последователи Гитлера и Гиммлера, и точно так же не русские, грузины, латыши или евреи, а коммунисты, последователи Ленина и Сталина, зачинщики советского социализма совершили аналогичные злодеяния в наше время.

Кроме того, виновники с немецкой стороны (в отличие от таковых с советской стороны), насколько их удалось задержать, были привлечены к строгой ответственности. Ведь даже президент Горбачев позволил назвать по имени некоторые преступления, но никоим образом не преступников, не говоря уже о том, чтобы отдать под суд хотя бы одного из них. Збигнев Бжезинский, прежний советник президента США по национальной безопасности, как он писал еще недавно, с растущим раздражением наблюдал следующее: «За гитлеровские преступления все еще справедливо наказывают. Но в Советском Союзе имеются буквально тысячи бывших киллеров и бывших палачей, которые живут на официальные пенсии и, украшенные своими медалями, присутствуют на различных революционных торжествах».⁹² Мол, отчасти они еще и гордятся своими злодеяниями. Гестапо и СС были объявлены в Нюрнберге преступными организациями, подчеркнул Бжезинский, добавив, что пора также объявить преступными организациями НКВД/КГБ и, возможно, КПСС.

Примечания

1. Werth, Ein Staat gegen sein Volk, S. 88, цитата из газеты «Правда», 31.8.1918.
2. Ebenda, S. 88 f., цитата из газеты «Известия», 4.9.1918.
3. Ebenda, S. 20.
4. Ebenda, S. 21.
5. Churchill, Nach dem Kriege, S. 157, S. 261, S. 265.
6. Zlepko, Der ukrainische Hunger-Holocaust, S. 15 ff.
7. Agenturmeldung KNA, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 30.11.1995.
- 8.
9. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 347 f.
10. Hoffmann, Die Kriegführung aus der Sicht der Sowjetunion, S. 781.
11. Derselbe, Kaukasien 1942/43, S. 458 f.
12. Пограничные войска, с. 473, 490.
13. Tolstoy, Victims of Yalta, S. 400.
14. ВА, R 6/52, 31.3.1943.
15. Carynnik, The Killing Fields of Kiev.

16. Schaworonkow, Charkow ein zweites Katyn.
17. Schaworonkow, «Nach den Hinrichtungen gab es Alkohol».
18. «300000 Tote im Goldbergwerk».
19. Brüggmann, Massengräber von Stalin-Opfern entdeckt.
20. Posdnjakov, Die chemische Waffe, S. 408 ff.
21. Tolstoy, Victims of Yalta, S. 398.
22. Altwegg, Das Schwarzbuch des roten Führers.
23. Leuschner, Einhundert Millionen.
24. Courtois, Hundert Millionen Tote.
25. Altwegg, Das Rote und das Braune.
26. Der rote Holocaust.
27. Erste Bilanz der Massenverbrechen des Weltkommunismus.
28. Altwegg, Das Rote und das Braune.
29. Ebenda; Altwegg, Einhundert Millionen.
30. Schirrmacher, Ein Schwarzbuch. Например, редакция еженедельника «Цайт» предоставила некоему Рудольфу Вальтеру (Walther) возможность «поставить под сомнение» квалифицированное введение Стефэна Куртуа и тем самым одновременно всю «Черную книгу», которую не осмелились атаковать открыто, тем, что издателю в оскорбительной форме тотчас отказывается в квалификации, что не соответствует обычаям научной дискуссии. Однако Вальтер, чьи антифашистские взгляды вообще вне сомнения, сам исключает себя из дебатов утверждением, что «экономическая функция» ГУЛага «при модернизации страны», «судя по документальной базе, вероятно», хотя еще «неясна». Мол, если не считать «создание лагерной системы (Сталиным) просто проявлением атавизма или иррационализма одной личности», то это должно явиться предметом «будущих исследований». Даже если Вальтер и не имеет понятия о документальной базе, такое утверждение открывает ворота для признания аналогичной «экономической функции» концлагерей СС «при модернизации страны», хотя ведь в обосновании приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге от 30.9.-1.10.1946 г. говорится: «С 1942 г., когда концлагеря были подчинены надзору Главного экономического управления (ВФХА), они использовались в качестве источника рабского труда». Сегодня уже никто не может усомниться, что концлагеря ГУЛага точно так же, как концлагеря ВФХА СС, служили лишь одной цели — экономике войны и вооружения, причем за счет ужасной эксплуатации покоренных трудовых рабов. Изречение, использованное Вальтером для защиты ленинизма-сталинизма: «Если применять морально-юридические категории “преступления” и “вины” к историческим событиям, то они больше затемняют, чем высвечивают», является немаловажным с точки зрения путаницы в понятиях, царящей здесь в стране. А его высказанные в пользу коммунизма слова: «“Идеи” не действуют и не совершают преступлений» с тем же основанием применимы, конечно, и к поборникам другого направления. Если уж политические идеи не совершают «преступлений», то их, независимо от происхождения, может, следовательно, в соответствии с Основным законом, защищать равным образом любой, см.: Walther, Nolte läßt grüßen; Das Urteil von Nürnberg, S. 111.
31. См.: Altwegg, Teufliches Paar.
32. Auschwitz, der GULag und die Nachwelt. Точно в том же смысле высказался и Ален Безансон во вступительной лекции, которую он прочитал в декабре 1996 г. по случаю своего приема во Французскую академию, Besanzon, Forgotten Communism.
33. Conquest, The Great Terror, S. 525 ff.
34. Katell, Sowjet-Presse gibt zu: 40 Millionen Stalin-Opfer; Ströhm, Wie viele Millionen Opfer?; Fuhr, Waren die Bolschewisten Konterrevolutionäre?
35. Die Opfer des Stählernen: 40 Millionen in 30 Jahren.
36. Laqueur, Breitman, Der Mann, der das Schweigen brach, S. 131 ff.
37. Soviet War News, 10.5.1945.
38. Gilbert, Auschwitz and the Allies, факсимиле.
39. The Kharkov Trial, in: Soviet War News, 23.12., 30.12.1943.
40. Wilhelm, Die Einsatzgruppe A, S. 546 ff.
41. Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher, Bd. VII, S. 628 f. О так называемых «газовых фургонах смерти» (Murder Gas vans) речь шла уже на Краснодарском процессе 14.7.1943 г., см.: Soviet War News, 22.7.1943.
42. Soviet War News, 23.3.1944.
43. Ebenda, 17.8.1944.
44. Ebenda, 24.8.1944.
45. Ebenda, 28.9.1944.
46. Krausnick, Zur Zahl der jüdischen Opfer, S. 18.
47. Protokolle des Todes.
48. More terrible than Maidanek, in: Soviet War News, 1.3.1945; Oswiecim (Auschwitz). The Camp where the Nazis murdered over 4,000,000 People, ebenda, 24.5.1945.
49. См. прим. 47.
50. Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher, Bd. VII, S. 641.
51. Ebenda, Bd. XXII, S. 43.
52. Ebenda, Bd. XX, S. 524, S. 545 ff., S. 555 ff., S. 562 f.; см. также: Lippe, Nürnberger Tagebuchnotizen, S. 428 ff.

53. «Намерение либеральных депутатов Бундестага сделать наказуемым утверждение, что преступления, связанные с именем “Аушвиц”, вымышлены полностью или частично, настолько абсурдно, что сначала вообще опасаться пускаться в рассуждения об этом. Имеется ли в цивилизованном мире хотя бы один пример уголовного наказания за отрицание исторического факта? Как, собственно, понимает свои задачи государство, если в нем возможны рассуждения об угрозе наказания за глупую выходку, связанную со злостным дефицитом исторического образования?», Busche, *So treibt man Schindluder. Die beabsichtigte Strafnorm gegen das Leugnen von nationalsozialistischen Verbrechen*. Однако такая уголовная норма действительно стала реальностью в ФРГ, см.: *Neue Juristische Wochenschrift*. См. также Заключение, прим. 3.
54. *Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher*, Bd. XXII, S. 563.
55. Długoborski, *Da war noch mehr als die Toten*.
56. Maillo, *Neue Erkenntnisse über Auschwitz*.
57. *Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher*, Bd. IX, S. 675.
58. Lippe, *Nürnberger Tagebuchnotizen*, S. 84.
59. *Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher*, Bd. XXXI, S. 86.
60. Kaufmann, «Auschwitz-Lüge» — *Auschwitz-Wahrheit*, S. 16 ff.
61. Ehrenburg, *Remember, Remember, Remember*, in: *Soviet War News*, 22.12.1944; Ehrenburg, *Once Again — Remember!*, ebenda, 4.1.1945. — Господин профессор д-р Робер Фориссон (Виши), который хотел проверить найденную мною цитату из Эренбурга от 4.1.1945 г. в справочной библиотеке Имперского военного музея (Лондон), обнаружил, что указанная статья от 4.1.1945 г. является лишь перепечаткой статьи, опубликованной в «Soviet War News» под другим названием уже 22.12.1944 г. Я искренне благодарю господина профессора Фориссона за любезное указание и предоставление копии.
62. Ehrenburg, *They shall all be Tried. «We guarantee that»*, in: *Soviet War News*, 5.10.1944.
63. Gilbert, *Auschwitz and the Allies*, S. 272, S. 397, S. 399 f.
64. Weizmann, *Memoiren*, S. 642.
65. *Russia at War*, S. 220.
66. *Ebenda*, S. 209.
67. Эренбург, *Люди, годы, жизнь*, т. 5, с. 126.
68. Там же, с. 30.
69. *Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher*, Bd. VII, S. 656 ff. См. также: Zaslavskij, *The Human Soap Factory*, in: *Soviet Weekly*, 19.7.1945.
70. Deutsche Presse-Agentur, 24.4.1990, *Archiv des Verf.*
71. *Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher*, Bd. VII, S. 660.
72. *Ebenda*, Bd. XXXI, S. 40.
73. Lippe, *Nürnberger Tagebuchnotizen*, S. 217.
74. Zayas, *The Wehrmacht Bureau on War Crimes*, S. 397 ff.
75. *Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher*, Bd. XVII, S. 200 f.
76. *Das Urteil von Nürnberg*, S. 99.
77. Picker, *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier*, S. 310.
78. Schwarzer, *Marion Dönhoff*, S. 135; см. также: Hoffmann, *Auf keiner Funkwelle von den ermordeten Juden die Rede*.
79. *Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher*, Bd. III, S. 559.
80. Margolina, *Das Ende der Lügen*, S. 47, S. 143.
81. Werth, *Ein Staat gegen sein Volk*, S. 100.
82. Strauss, *Unternehmen Barbarossa und der russische Historikerstreit*, S. 85.
83. Werth, *Ein Staat gegen sein Volk*, S. 73, цитата из газеты «Дело народа», 3.12.1917.
84. Werth, *Ein Staat gegen sein Volk*, S. 89 f., цитата из газеты «Северная коммуна», 19.9.1918. Метцке: Maetzke, *Tausend Jahre Glückseligkeit*, счел эту цитату достаточно важной, чтобы привести ее во «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг».
85. Император Николай и его семья; Дитерихс, *Убийство царской семьи*; Radsinski, *Nikolaus II.*, S. 356, S. 373.
86. Чрезвычайная комиссия, *Архив авт.; Рабоче-крестьянское правительство*, там же.
87. См. также: Heresch, *Nikolaus II. Feigheit, Lüge und Verrat*.
88. Werth, *Ein Staat gegen sein Volk*, S. 268 ff. Соломон Михоэлс, председатель Еврейского антифашистского комитета, еще 20.4.1944 г. почти упрекающим тоном призвал «братьев в Америке, Канаде, Мексике и Британии» оказывать активную помощь «советской Родине, ленинско-сталинской правде и дружбе и советской свободе», *Soviet War News*, 20.4.1944. Он был убит МГБ в 1948 г. в Минске.
89. Carynnik, *The Killing Fields of Kiev*, S. 25.
90. Wolkogonow, *Triumph und Tragödie*, Bd. 1/2, S. 69, S. 253 f., S. 258, S. 278.
91. Sudoplatow, *Erinnerungen und Nachdenken*, *Archiv des Verf.*
92. Brzezinski, *Crime but no Punishment*.

Глава 8. «Гитлеровские негодяи». Советские злодеяния приписываются немцам

Если на этом общем фоне еще раз повторить вопрос о том, каким образом злодеяния с немецкой стороны использовались советской военной пропагандой в своих целях, то следует вспомнить, что все противники Советского Союза в принципе всегда обвинялись и в совершении зверств. Это имело место в неспровоцированной советской наступательной войне с Польшей, против «белополяков», в сентябре 1939 г. точно так же, как и в неспровоцированной советской наступательной войне с Финляндией, против «белофинских банд», «финских головорезов», «белофинских вырожденков», в ноябре 1939 г. Красноармейцам, как упоминалось, вдалбливали, что пребывание в плену у этих государств равносильно «ужасной смерти под пытками» озверелого противника. Пропаганда не проводила различий и между немцами и их союзниками в 1941 г. Официальный пропагандистский лозунг «Смерть немецким оккупантам!» нашел свое дополнение в пропагандистском лозунге «Смерть финским оккупантам!»¹ Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах по наказанию немецко-фашистских преступников»² включал, разумеется, итальянских, румынских, венгерских (конечно, и словацких) и финских «злостных фашистских преступников». Этот указ, подписанный Калининым и секретарем Президиума Горкиным, угрожал не только немецким, но и «итальянским, румынским, венгерским и финским фашистским извергам», а также «гитлеровским агентам», «шпионам и изменникам родины из числа советских граждан» и «их пособникам из местного населения» за их, якобы, «чудовищные акты насилия» смертной казнью путем публичного повешения «в присутствии народа» и предписывал: «Трупы повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как карается тот и какое возмездие ожидает того, кто совершает акты насилия и злодеяния против гражданского населения и кто предает свою родину».

Что побудило главу Советского государства угрожать репрессиями в столь отвратительной форме? В основе этого указа Калинина лежала двойная цель. Во-первых, нужно было отвлечь внимание от губительного публичного впечатления, которое произвели во всем мире обнаруженные в феврале 1943 г. под Катынью массовые захоронения тысяч польских офицеров, убитых большевиками. А во-вторых (и этот мотив был едва ли не более важен), необходимо было жестокими угрозами отпугнуть советских подданных на оккупированной немцами территории от присоединения к Русской освободительной армии генерала Власова, которая весной 1943 г. — прежде чем Гитлер вскоре наложил на нее путы — впервые дала мощно знать о себе и сильно встревожила советское руководство.³

Если вновь продолжить нить повествования, то было вполне логично, что сообщение «Чрезвычайной государственной комиссии» от 24 августа 1944 г. под названием «Финляндия разоблачена» обвинило «финско-фашистских захватчиков» в совершении тягчайших преступлений на «территории Карело-Финской ССР».⁴ Мол, «правительство и высшее военное командование Финляндии» отправило все «советское» население оккупированных советских территорий, «мужчин, женщин, стариков и детей», в концлагерь, где 40% заключенных (в одном Петрозаводске — 7000 человек) стали жертвами «чудовищных пыток со стороны финских палачей» и были зарыты в общих могилах. Десятки, как и на зимней войне, при ее продолжении «финские белобандиты» жестоко расправлялись с советскими военнопленными. Ведь политическая цель Финляндии состояла, якобы, в «преднамеренном уничтожении советского населения». К сообщению был приложен список с именами финских военных преступников, финских палачей, состоявший из военнослужащих финской армии всех званий, от генерала и ниже, и из многих финских гражданских лиц.

Обвинения, аналогичные выдвинутым против Финляндии, были брошены «Чрезвычайной государственной комиссией» 22 июня 1944 г. против Румынии, чье правительство, якобы, принялось уничтожать население на территории между Бугом и Днестром («Транснистрия») — русских, украинцев и молдаван — и разграблять эту землю.⁵ Мол, только 19 октября 1941 г. «румынскими палачами» были заживо сожжены на пороховых складах в Одессе 25000 гражданских лиц, а в целом в Одессе и концлагерях данного региона «расстреляно, замучено или сожжено» 200000 человек. Выразителем клеветы и на сей раз был Эренбург, который уже 7 сентября 1941 г. назвал королевскую румынскую армию бандой «вшивых солдат и сифилитичных офицеров», «преступным сбродом» и в отношении судьбы румынских евреев утверждал 11 октября 1945 г. в статье «Встреча с Румынией. Возрождение народа», что румынские «фашисты» убили 500000 из 800000 евреев Румынии.⁶ Разумеется, для Эренбурга и королевская итальянская армия в России являлась не чем иным, как «бандой грабителей и убийц». «Сто лет, — написал он 7 ноября 1941 г. в статье «Любовь и ненависть», — итальянцы не будут спокойно глядеть на восток.»⁷ И

даже нейтральной Швейцарии, по выражению Эренбурга — «крохотному ископаемому» в сердце Европы, пришлось после окончания войны выслушать нечто подобное. Официальное информационное агентство ТАСС сообщило 21 июня 1945 г., что 9000 интернированных в Швейцарии советских граждан (бежавших туда в поисках прибежища из Германии) были поставлены швейцарскими властями в «невыносимые условия» и с ними, применяя огнестрельное оружие вплоть до убийства, «обращались таким же жестоким образом, как при гитлеровцах».⁸

Начавшаяся в сентябре 1941 г. блокада города и крепости Ленинград представлялась в Советском Союзе как одно из «самых ужасных злодеяний немецко-фашистских захватчиков», как «методичное убийство мирных жителей города». Ленинград, «величественный Санкт-Петербург», «красивейший город мира», «в котором свят каждый камень», как писал Эренбург 8 октября 1941 г., был блокирован Берлином, городом «вульгарности, казарм и пивных», самым «ужасным» из всех.⁹ И насколько все же лицемерно выглядят все трогательные жалобы перед лицом того жесткого факта, что осада, обстрел и блокада укрепленного и защищаемого города и крепости всегда принадлежали к обычным и бесспорным методам ведения войны и вполне соответствовали действующему международному военному праву. И советские войска безо всяких колебаний использовали метод осады и пытались сокрушить окруженные ими города противника (как, например, Кёнигсберг [ныне Калининград, Россия], Бреслау [ныне Вроцлав, Польша] и Берлин в 1945 г.) всеми имевшимися в распоряжении огневыми средствами. А бывший защитник Ленинграда, маршал Советского Союза Жуков, в 1945 г. считал честью для себя, что с 21 апреля до 2 мая обстрелял обороняемый Берлин не менее чем 1800000 тяжелых артиллерийских снарядов. «Выкуривайте крыс из Кёнигсберга» — гласил официальный советский призыв 15 февраля 1945 г.¹⁰

Человеческие потери в блокированном Ленинграде были действительно чрезвычайно велики, и никто из тех, кто знает ужасные подробности, не может удержаться от сочувствия к жертвам этой блокады. Но шла война, блокада являлась военной мерой, допускаемой международным правом, и, как пишет в 1992 г. Юрий Иванов, писатель и председатель Калининградского отделения Российского фонда культуры и соиздатель «Кёнигсбергского курьера»: «Когда я голодал в Ленинграде и ел крысиное мясо, жирному функционеру Жданову день ото дня доставляли в город самолетом его шницели».¹¹ Заметное отличие наблюдается и в отношении к жертвам этих блокад. Ведь о жертвах Ленинграда написаны книги, на Ленинградском кладбище (Пискаревское мемориальное кладбище) торжественно возлагаются венки и проводятся памятные торжества, а жертвы Кёнигсберга, в большинстве своем старики, женщины и дети, зарыты и забыты. При этом, согласно тщательным исследованиям кёнигсбергских профессоров медицины Шуберта и Штарлингера, из 120000 гражданских лиц, попавших в руки Советов в апреле 1945 г., от голода или эпидемий умерли 90000¹² — не во время блокады, а после завершения боевых действий и вообще войны, под советским управлением, что не имеет никаких международно-правовых оснований какого-либо рода.

Впрочем, советская пропаганда, выдающая за преступное деяние уже блокаду и обстрел города Ленинграда, совершенно умалчивает, что Советский Союз и в других случаях никогда не обращал ни малейшего внимания на гражданское население, если только это служило его политическим или военным целям. Так, нападение на маленькую Финляндию в 1939 г. началось с того, что советские боевые части 30 ноября подвергли неожиданной бомбардировке жилые кварталы городов Хельсинки, Ханко, Котка, Лахти и Выборг, чтобы тотчас поразить неподготовленное гражданское население в его моральную сердцевину и сломить всякую волю к сопротивлению.¹³ «Лишь во вторую очередь», гласил финский доклад от 13 февраля 1940 г., целью советских самолетов стали «индустриальные центры (промышленность Кюми и Вуоксы) и транспортные узлы (Антреа, Коуволла)». Эренбург торжествовал 17 августа 1941 г., когда несколько советских бомбардировщиков появились над Берлином. Он назвал разрушение городов Любек и Росток британской авиацией 30 апреля 1942 г. «хорошим началом» и одновременно объявил: «Мы будем поражать изверга, где только сможем».¹⁴

Ответственность за «преступление» блокады и обстрела города Ленинграда вплоть до наших дней возлагается на одних немцев, хотя в советской военной пропаганде, не переводя дыхания, всегда назывались и финны, а согласно сообщениям Совинформбюро, финские офицеры даже являлись «главными зачинщиками этих артобстрелов». «Теперь Ленинград обстреливают финны», — писал, например, 27 января 1944 г. в одной из своих статей Тихонов, так и осыпавший финнов ругательствами: «вероломные убийцы», «гнусные пасынки природы», «помешанные», «сумасшедшие твари».¹⁵ Согласно Тихонову, финны ликовали перед лицом страданий Ленинграда во время голодной блокады, они хотели «стереть Ленинград с лица земли». Поскольку им это не удалось, они, мол, обратились к оккупированной ими части Карельского перешейка, где устроили такие бесчинства в отношении мирного русского населения, которые «по своей низости, своей жестокости и своему террору» затмили «даже самых жестоких гестаповцев».

Однако советская военная пропаганда, которая с самого начала войны обвиняла немцев и их союзников в совершении неслыханных зверств, на первых порах все же попадала в несколько затруднительное положение, когда нужно было приводить действительно убедительные примеры. Правда, о бесчинствах оперативных групп охранной полиции и СД против еврейского населения, похоже, стало известно, хотя скорее не о их системе, а в общих чертах. И сам Эренбург уже 18 декабря 1941 г. процитировал захваченный немецкий приказ по сухопутным войскам,¹⁶ показательный в том отношении, что солдатам в нем запрещается участвовать в мероприятиях оперативных групп, объявленных «необходимыми», даже в качестве свидетелей. И так, сам Эренбург был вынужден против своей воли и, возможно, ненамеренно признать, что скашивание пулеметами «тысяч горожан» исходило не от Вермахта, а от оперативных групп, которые и должны были нести ответственность за это. «Этот приказ — победа гестапо над немецкими генералами, — отметил он. — Гиммлер получает монополию на виселицы, гестаповцы добились привилегии жечь деревни, расстреливать из пулеметов женщин и уничтожать русских детей.» Однако в целом обвинения оставались шаткими, и даже Эренбург не мог указать в первые годы действительно весомых случаев. Что касается зверств, то Советский Союз в первой половине войны в пропагандистском отношении на деле оказался в положении защищающейся стороны. И уже Львовское дело проясняет, что было не так просто обвинять противника в совершении зверств, поскольку массовые убийства начал сам Советский Союз.

В осуществление приказа Сталина не допускать, чтобы политзаключенные попадали в руки немцев, в дни накануне 30 июня 1941 г. во Львовских тюрьмах (например, в тюрьмах Бригидки, Замарстынов и в тюрьме НКВД) органами НКВД были планомерно расстреляны, а отчасти зверски убиты около 4000 украинских и польских политзаключенных и прочих гражданских лиц всякого возраста и пола, а также ряд немецких военнопленных, частично после страшных пыток.¹⁷ Эти случаи были использованы оперативной группой С охранной полиции и СД в качестве повода, чтобы теперь со своей стороны, в виде так называемого «возмездия за нечеловеческие зверства», расстрелять до 17 июля во Львове и окрестностях 7000 непричастных к этим событиям жителей еврейского происхождения. Тем не менее, именно Советы оставили во Львове 4000 частично изувеченных трупов убитых гражданских лиц — обстоятельство, которое было тотчас подхвачено немецкой пропагандой.

Информация немецкой печати о советских зверствах во Львове нашла подтверждение в польских сообщениях, которые неофициальными путями попали в Великобританию и не были подвергнуты сомнению также в официальных кругах Лондона. Форин оффис, тотчас убежденный в советской вине, как и позднее в Катинском деле, направил в московский наркоминдел ноту с требованием объяснений, в ответ на что Молотов 12 июля 1941 г. спешно выступил с категорическим опровержением.¹⁸ Советская пропаганда была сразу же мобилизована, чтобы затушевать разоблачительный случай и возложить теперь ответственность за резню на немцев. Львов явился попросту прецедентом для советской пропагандистской тактики: умалчивать о собственных зверствах, принципиально приписывая их немецкой стороне.

Советские власти перешли к тому, чтобы подготавливать так называемых «свидетелей» — испытанный метод, ведь после опыта «Большой чистки» 30-х годов НКВД был в состоянии добиться от любого свидетеля любого показания о любом преступлении. На основе таких фальсификаций советское информационное агентство ТАСС 8 августа 1941 г.¹⁹ распространило сообщение, тотчас подхваченное американским агентством «Ассошиэйтэд Пресс», что немецкие «штурмовые группы» убили во Львове 40000 человек.²⁰ Такие свидетельства представлялись как «неопровержимые» и как доказательство того, что «фантастические измышления гитлеровской пропаганды о так называемых большевистских преступлениях во Львове являются лишь неуклюжей попыткой затушевать беспрецедентные зверства и жестокости, совершенные в отношении львовского населения самими немецкими бандитами». Когда советское руководство в 1943 г., после обнаружения массовых захоронений Катини, оказалось загнанным в угол, оно возвратилось к львовским обвинениям. 29 апреля 1943 г. партийный орган «Правда» в статье под абсурдным заголовком «Польские пособники Гитлера» утверждал, что «немецкие бандиты», «гитлеровские лжецы» «действуют сейчас точно таким же образом, как они пытались действовать во Львове в 1941 г. в отношении так называемых львовских жертв большевистского террора». Дескать, в Катини, как и во Львовском деле, они попытались «подбросить советским органам» свои злодеяния и оклеветать «советский народ». Попытки оправдания продолжились 4 января 1945 г. публикацией результатов расследования «Чрезвычайной государственной комиссии» («Львовское свидетельство»),²¹ которые затем были представлены в качестве государственного доказательного документа Советского Союза Международному военному трибуналу в Нюрнберге и на основании статьи 21 Лондонского устава получили принципиальное признание как правдивые и доказанные.²²

Итак, виновниками могли считаться только немцы, о советском массовом убийстве, имевшем место до этого, не было и речи. Во Львове жертвами акций оперативной группы С стали 7000 человек. Теперь эта

цифра была повышена до 700000, в 100 раз, и чтобы подчеркнуть ее достоверность, утверждалось следующее: «Гитлеровские убийцы применили во Львове, чтобы скрыть свои преступления, тот же метод, который они использовали, когда убили польских офицеров в Катинском лесу. Комиссия экспертов установила, что метод маскировки могил был совершенно идентичен методу, который использовался, чтобы замаскировать могилы польских офицеров, убитых немцами в Катыни». О том, чего стоит этот советский государственный документ, санкционированный Международным военным трибуналом в Нюрнберге, видно уже по утверждению, которое было представлено в Нюрнберге и в устной форме, что дети еврейских жителей Львова «обычно» выдавались отрядам Гитлерюгенда (как известно, существовавшим лишь на территории Рейха и к тому же не вооруженным) для использования в качестве живых мишеней,²³ или, например, по утверждению, что каждую неделю 1000 беглых французских военнопленных, отказывавшихся работать на немцев (что, согласно Женевской конвенции, они и должны были делать), доставляли в концлагерь под Львовом, где их совместно с советскими, британскими, американскими военнопленными и итальянскими интернированными военнослужащими мучили или расстреливали.

Во Львове Советы были впервые вынуждены спешно затушевывать собственные злодеяния. Затем Львов послужил им в качестве алиби, когда немцы в феврале 1943 г. обнаружили массовые захоронения польских офицеров в лесу Козьи Горы под Катыню, западнее Смоленска, где, по нынешним данным, помимо офицерских захоронений, погребены и останки еще 50000 жертв НКВД. И когда вскоре, в мае 1943 г., были обнаружены и массовые захоронения в Виннице, то пришлось вновь обратиться к Катыни, чтобы отрицать случившееся в Виннице. 5 марта 1940 г. нарком внутренних дел Берия в письме «товарищу Сталину» обратил внимание на то,²⁴ что в «лагерях НКВД СССР для военнопленных» (речь шла об офицерских лагерях в Старобельске и Козельске и о спецлагере в Осташкове) заключены 14736 «бывших» польских офицеров и гражданских лиц, а в тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии — еще 10685 поляков опасных категорий. Ввиду того обстоятельства, что все эти поляки, дескать, являлись «озлобленными и неисправимыми врагами советской власти», Берия ходатайствовал, чтобы тройки НКВД приговорили более 14700 «бывших» офицеров и гражданских лиц и свыше 11000 других лиц «к высшей мере наказания: смертной казни — расстрелу». Списки имен подлежащих расстрелу поляков должен был составить по поручению Берии его заместитель, начальник 1-го спецотдела НКВД Меркулов. Двумя другими членами тройки являлись Кобулов и Баштаков. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в тот же день Сталин, Молотов, Калинин, Ворошилов, Микоян, Каганович и другие ведущие советские функционеры поддержали ходатайство и подписали соответствующий протокол № 13.²⁵ Несколькими неделями позже 4404 польских офицера из Козельска были ликвидированы в Катыни, 3891 офицер из Старобельска — в Харькове, а 6287 арестованных за антигосударственные преступления из Осташкова — в Калинин (Тверь). Место расстрела остальных 10685 поляков неизвестно.

Когда после обнаружения массовых захоронений Катыни польское правительство в Лондоне подало ходатайство о расследовании дела Международным комитетом Красного Креста, советское правительство 29 апреля 1943 г. прервало дипломатические отношения с эмиграционным правительством под фантастическим предлогом его сотрудничества с Гитлером. Нарком иностранных дел Молотов обосновал этот шаг в ноте польскому послу тем обстоятельством, что оба — как польское, так и гитлеровское правительство — равным образом пригласили Международный Красный Крест участвовать в «измышленном Гитлером расследовательском фарсе» и антисоветская кампания стартовала «одновременно в немецкой и польской печати». Партийный орган «Правда» в тот же день заклеил оскорбительными словами польское правительство в сотрудничестве с «людоедом Гитлером» и «прямой открытой поддержке гитлеровских палачей польского народа» — версия, которая, впрочем, была тотчас воспринята и в левых кругах других стран, например, Вилли Брандтом, который еще в 1945 г. объяснял «Катынь» тем, «что фашистские элементы, очевидно, смогли натворить бед среди польских войск и групп за рубежом».²⁶

Ключевые слова, выдвинутые Молотовым в его ноте от 29 апреля 1943 г. и повторенные в тысячах вариаций советской пропагандой, что сами немецкие «фашисты» жестоко убили польских офицеров, сохранили силу в качестве официального объяснения Советского Союза и тогда, когда ход расстрела был давно расследован после войны комиссией Конгресса США и подробно описан во многих международных публикациях. Так, например, еще в 1977 г. «авторитетный советский правовед» профессор д-р Минасян распространялся в своей книге «Международные преступления третьего рейха» о «кровавой бане гитлеровских палачей над польскими офицерами в Катинском лесу», которую «народы мира никогда не забудут и не простят нацистским преступникам».²⁷ В 1969 г., в эпоху сталиниста Брежнева, в доселе неизвестной белорусской деревеньке Хатынь, 149 жителей которой, видимо, пали жертвами репрессий со стороны карательных подразделений пресловутого штандартенфюрера СС д-ра Дирлевангера в рамках партизанской войны, был даже сооружен бетонный мемориал с патетичными лозунгами советской

пропаганды.²⁸ В неуклюжей манере группам зарубежных посетителей, в большинстве своем совершенно несведущих, очевидно, хотели внушить, что историческая Катынь под Смоленском идентична деревеньке Хатынь, которую раньше «нельзя было найти даже на подробной карте».

Так продолжалось до 1990 г., когда советское руководство под тяжестью неоспоримых доказательств сочло, наконец, своевременным признать советскую вину за преступление. Однако признание опять же было увязано с ложью. Ведь хотя все прежние советские партийные и государственные вожди Советского Союза, включая тогдашнего руководителя Горбачева, знали «полную правду об этом преступлении»,²⁹ официальное советское информационное агентство ТАСС 13 апреля 1990 г. все же распространило заявление о том, что за организацию и осуществление «трагедии Катыни», «одного из тяжчайших преступлений сталинизма», нес ответственность, якобы, лишь «народный комиссариат внутренних дел» во главе с «Берией, Меркуловым и их пособниками»,³⁰ но ни в коем случае не советское руководство как таковое. Только при президенте Ельцине, 14 октября 1992 г., польскому правительству были переданы документы с именами подлинных виновников: наряду со Сталиным, это было все государственное и партийное руководство Советского Союза. Но даже всего лишь половинчатое признание Горбачева не было признано сталинистами, по-прежнему задававшими тон в Советском Союзе, и уже в 1990-91 гг. «Военно-исторический журнал»,³¹ официальный орган министерства обороны СССР, печально известный своими фальсификациями истории и в Советском Союзе, опубликовал серию статей, которая и теперь еще распространяла версию, что ответственность за это тяжкое преступление перед польским народом несли немцы.

Для введения мировой общественности в заблуждение уже в 1943 г. была вновь привлечена «Чрезвычайная государственная комиссия», которая после необычно долгого подготовительного периода 24 января 1944 г., когда снежный покров сделал невозможным любой осмотр места события, издала сообщение под многозначительным заголовком: «Правда о Катыни. Доклад специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела военнопленных польских офицеров немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу».³² Этот объемистый, лживый от первой до последней строки советский государственный документ утверждал, будто с «неопровержимой ясностью» пришел к выводу, что массовые расстрелы польских офицеров в лесу «Козьи Горы» под Катынью имели место осенью 1941 г., в период немецкой оккупации, были произведены немцами, использовавшими для этого «немецкую военную организацию, замаскированную под обычным названием “штаб-квартира 537-го инженерного батальона”». Сообщение было подписано академиком Бурденко, академиком и писателем Толстым, митрополитом Киевским и Галицким Николаем, председателем исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Колесниковым, а также известными советскими судебными медиками и другими лицами и должно было, как и все доклады о расследованиях «Чрезвычайной государственной комиссии», найти признание Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Путь к нему открыл профессор Трайнин, ведущий советский специалист по международному праву, взгляды которого лучше всего иллюстрируются тем фактом, что 24 мая 1945 г. он объявил допустимой и желательной депортацию в Советский Союз миллионов германских граждан в качестве рабочих-рабов.³³ Ведь к Трайнину, который 8 августа 1945 г. вместе с Никиченко подписал от имени Советского Союза Лондонское соглашение четырех держав о «преследовании и наказании главных военных преступников Европейской “оси”», восходит статья 21 Устава Международного военного трибунала, согласно которой все государственные документы, включая, следовательно, и такие фальшивки «Чрезвычайной государственной комиссии», как документ от 24 января 1944 г. под заголовком «Правда о Катыни», признавались официальным доказательным материалом безо всякой проверки. На этой основе советский обвинитель полковник Покровский утверждал в Нюрнберге 14 февраля 1946 г., «что одним из важнейших преступных деяний, за которые несут ответственность главные военные преступники, было массовое уничтожение польских офицеров, осуществленное в Катынских лесах под Смоленском немецко-фашистскими захватчиками».³⁴ Правда, попытка возложить на глазах мировой общественности ответственность за «Катынь» на немцев провалилась, однако следует отметить, что Советы в Нюрнберге умышленно опорочили честь невинного и непричастного лица, подполковника Аренса, командира 537-го полка связи группы армий, чтобы отвлечь внимание от этого кровавого деяния советского руководства.³⁵

В фальшивке советского руководства, которая как доказательный документ СССР-54 была предназначена для того, чтобы ввести в заблуждение несоветских судей Международного военного трибунала, особого внимания заслуживает один момент: утверждение, выдвинутое «судебно-медицинскими экспертами» комиссии «вне всякого сомнения», что «немецкие палачи использовали при расстреле польских военнопленных тот же метод выстрелов из пистолета в затылок, как и при массовых экзекуциях советских граждан в других городах». Если, иными словами, «Чрезвычайная государственная комиссия» установила тот же метод умерщвления, как в Катыни, и в других местах, а Катынь, как доказано,

представляла собой советское преступление, то напрашивается вывод, что и в других случаях должны были иметь место не немецкие, а тоже советские преступления. Из этого, в свою очередь, вытекает, что «Чрезвычайная государственная комиссия» вообще занималась вовсе не вскрытием немецких злодеяний, а в первую очередь тем, чтобы пропагандистскими методами подбросить противнику собственные советские злодеяния. «Винницкое», «Харьковское», «Киевское» и «Минское» дела и показали это с достаточной ясностью.

Через несколько недель после обнаружения массовых захоронений Катыни, в мае 1943 г., немцы наткнулись под Винницей на другие массовые захоронения, в которых были погребены около 10000 украинских жертв НКВД. Привлеченная немецкой стороной Международная комиссия судебных медиков из 11 европейских государств (Бельгия, Болгария, Венгрия, Италия, Нидерланды, Румыния, Словакия, Финляндия, Франция, Хорватия и Швеция) так же, как комиссия немецких экспертов по судебной медицине и криминалистике, созданная независимо от этого, после тщательного расследования пришла к единодушному выводу, что убийства были совершены между 1936 и 1938 гг. выстрелами в затылок, в типичной манере НКВД.³⁶ После войны это заключение подтвердила в полном объеме подкомиссия американского Конгресса под председательством члена Палаты представителей Чарльза Керстена, который представил свои результаты Конгрессу 31 декабря 1954 г. После того, как 9 августа 1943 г. немцы опубликовали протокол медицинского расследования, советское руководство, во всяком случае, начало проявлять активность. Был привлечен пропагандистский аппарат, чтобы любой ценой поколебать доверие к медицинским авторитетам из Германии и других стран. Так, их стали обзывать «бандой гестаповских агентов» и «подкупленных провокаторов». 19 августа 1943 г. Совинформбюро распространило под примечательным названием «Катынь № 2» заявление, согласно которому «немецкие палачи», «головорезы», «кровожадные изверги», «гитлеровские негодяи», «гитлеровские людоеды», «фашистские волки», «убийцы», «бандиты», «мошенники» и «мародеры», как и в Катынском деле, обвинялись в том, что сами совершили преступление в Виннице, а теперь пытаются приписать «советскому народу свои собственные немецкие преступления».³⁷

За словесными оскорблениями и всей пропагандистской шумихой слишком ясно просматривалась растерянность Советов, вновь разоблаченных в массовом убийстве перед мировой общественностью. Правда, Винница впредь обходилась по возможности молчанием, однако режим был встревожен и пытался теперь перехватить инициативу и опередить противника. 19 апреля 1943 г., через несколько дней после объявления немцами об обнаружении массовых захоронений Катыни, Президиум Верховного Совета СССР, как упоминалось, издал Указ «О мерах по наказанию немецко-фашистских преступников...» — поначалу скорее жест бессилия. Однако этот указ был теперь использован, чтобы инсценировать показательный процесс в Харькове, первый «процесс над военными преступниками» вообще. В Харькове НКВД совершил неслыханные зверства. Только в 1937-41 гг. здесь областным управлением НКВД во главе с Райхманом и Зеленым были ликвидированы и погребены, в частности, в лесу, в «плановом квадрате б» «тысячи и тысячи» людей, а весной 1940 г. — также 3891 польский офицер. А когда советские войска весной 1943 г. ненадолго захватили Харьков назад, то пограничные части НКВД, согласно тщательным немецким расследованиям, расстреляли здесь за несколько недель, как упоминалось, не менее 4000 человек, почти 4% оставшегося населения, «включая и девушек, вступивших в связь с немецкими солдатами», по обвинению в сотрудничестве с немецкими оккупационными властями. Но Харьков явился столь подходящим местом в качестве арены для организованного там с 15 по 18 декабря 1943 г. процесса над военными преступниками именно по той причине, что это был не только центр советских массовых расстрелов на Украине, но что зимой 1941/42 гг. здесь совершала массовые убийства тысяч еврейских жителей и немецкая оперативная группа С охранной полиции и СД, а именно оперативная команда 4а во главе со штандартенфюрером СС Блобелем.³⁸

Теперьшняя проблема — дискредитация немецкого противника по войне — являлась, конечно, лишь отчасти юридической, а в первую очередь пропагандистской задачей, которая была поручена испытанному специалисту, писателю Толстому, как члену «Чрезвычайной государственной комиссии». В нескольких статьях, распространявшихся прежде всего в западном зарубежье под заголовками «Мы требуем возмездия», «Почему мы называем их чудовищами», «Нацистские гангстеры перед советскими судьями», Толстой использовал осужденные в Харькове преступления оперативной группы С как повод, чтобы полными ненависти выражениями заклеймить не только германский Вермахт, но и весь немецкий народ.³⁹ Толстой, правда, не сумел привести доказательств ответственности германского Вермахта, но он счел себя вправе выступить с сентенциями следующего рода: «Немецкие армии вторглись в нашу страну подобно чудовищу с другой планеты. Мы вынуждены говорить об этих немецких людях как о чудовищах, даже если назовем только факты, расследованные Чрезвычайной государственной комиссией. В данном случае факты касаются города Харькова». Он добавил: «Нам пришлось убить миллионы немцев».

«Нацисты не обманывали Германию, — попытался он, наконец, обвинить весь немецкий народ. — Они говорили совершенно открыто: вырасти твоих сыновей бессовестными убийцами и ворами, а твоих дочерей беспощадными надсмотрщицами над теми, которые станут твоими рабами. Готовься завоевать мир! Германия согласилась на сделку.» И так, столь же лживое, сколь и бессмысленное утверждение, из которого у Толстого вытекал затем следующий вывод: «За совершенные ею преступления несет ответственность вся германская нация... Я обвиняю германскую нацию, германскую цивилизацию в беспрецедентных преступлениях, совершенных немцами хладнокровно, в состоянии полной вменяемости. Я требую возмездия!» Тем самым в грубой форме был предвосхищен пропагандистский тезис, далеко идущее воздействие которого досадным образом ощущается вплоть до наших дней.

Советская тактика повторилась затем в Киевском деле, она повторилась и в Минском деле. Ведь и здесь использовался метод перекрытия советских зверств немецкими зверствами. Вблизи Киева, в Дарницком лесу и под Быковней, в 30-х годах были погребены 200000-300000 человеческих тел,⁴⁰ лишь малая часть жертв советского режима на Украине, точное число которых, возможно, не удастся установить уже никогда. Ведь только на Западной Украине, то есть в Восточной Польше, согласно оценкам некоторых историков, в 1939-41 гг. был ликвидирован миллион человек — данные, которые в этом случае, возможно, все же завышены. Во всяком случае, жертвами голода, умышленно организованного в 30-х годах Сталиным и его пособниками, стали 7-8 миллионов сельских жителей Украины.

На этом фоне следует рассматривать тот факт, что Киев в то же время стал и символом злодеяний оперативных групп охранной полиции и СД с немецкой стороны. Ведь Красная Армия — подобно, например, немецким войскам в 1918 г., при отходе к «Линии Зигфрида», только в более жестокой форме и в большем масштабе — подготовила в Киеве взрывы и поджоги, которые после занятия города вызвали значительные потери, в т. ч. среди украинского населения, и сильные материальные разрушения. В качестве возмездия за эти тревожные события зондеркоманда 4а оперативной группы С расстреляла 29 и 30 сентября 1941 г. 33771 не причастного еврейского жителя.⁴¹ Необычно точная цифра 33771 расстрелянных гражданских лиц основана на данных оперативной группы С и, видимо, сообщалась ею наверх неоднократно, например, в донесении № 101 от 2 октября 1941 г., хотя и лаконично и, что бросается в глаза, «умалчивая о методе экзекуции и о месте резни киевских евреев».

В последующем число жертв оставалось спорным, и о нем действительно курсировали самые разные оценки. Уже в решении американского Верховного комиссара Джона Макклоя от 31 января 1951 г. относительно прощения о помиловании приговоренного к смерти в ходе процесса оперативных групп (дело 9) начальника зондеркоманды 4а оперативной группы С штандартенфюрера СС Блобеля было сочтено уместным отметить, «что по его (Блобеля) мнению число расстрелянных под Киевом людей составляло лишь половину названной цифры».⁴² И так, даже в этом американском документе, изданном «Управлением Верховного комиссара США по Германии», во всяком случае, допускается возможность гораздо меньшего числа жертв. «Цифровые данные о резне в Киеве содержат загадки», — считает и Фридрих (Friedrich) в своей вышедшей в 1993 г. книге «Закон войны» (Das Gesetz des Krieges). Польский ученый Вольский в исследовании, изданном «Обществом польской истории» в Стамфорде (штат Коннектикут) в 1991 г., наконец, сравнил различные цифры киевских жертв друг с другом и пришел при этом к примечательным результатам.⁴³ Ведь он установил колебания в оценках, составляющие от 3000 до 300000. Низшая цифра 3000 происходит из «Энциклопедии Украины» (Encyclopedia of Ukraine; Торонто, 1988), высшую цифру 300000 распространил 23 апреля 1990 г. также в Торонто Коротых, примечательным образом — служащий НКВД/КГБ и близкий сотрудник Горбачева. 10000 жертв указаны в «Большом энциклопедическом словаре Ларусс» (Grand Dictionnaire Encyclopédique Larousse; Париж, 1982), 50000-70000 — в «Большой советской энциклопедии» (Москва, 1970), 100000 — в «Еврейской энциклопедии» (Encyclopaedia Judaica; Иерусалим, 1971).

Однако различные данные имеются не только о числе жертв, но и об обстоятельствах расстрела евреев, еще остававшихся в Киеве в сентябре 1941 г. после эвакуации, о месте расстрела и погребения. Так, согласно Вольскому, еще тщетно искать столь символичное сегодня название Бабьего Яра, расположенного к северо-западу от Киева, в следующих крупных справочных изданиях:⁴⁴ «Большая советская энциклопедия» (Москва, 1950-1955), «Большая энциклопедия Ларусс» (Grand Larousse Encyclopédique; Париж, 1960), «Британская энциклопедия» (Encyclopaedia Britannica; Чикаго, 1972), «Европейская энциклопедия» (Enciclopedia Europea; Рим, 1977), Enciclopedia Universal Nauta (Мадрид, 1977), «Академическая американская энциклопедия» (Academic American Encyclopedia; Данбери, 1991). Ключевое слово «Бабий Яр» впервые встречается в «Большой советской энциклопедии» (Москва, 1970) и в «Еврейской энциклопедии» (Иерусалим, 1971), чьи намного завышенные данные в 100000, во всяком случае, были пущены в обращение НКВД и впервые названы 4 декабря 1943 г. в сообщении «Нью-Йорк Таймс» из Москвы, которое еще будет цитироваться ниже.

Ведь неизвестное доселе название Бабьего Яра ввел в советскую военную пропаганду в ноябре 1943 г. НКВД, в связи с развернутыми во всю мощь попытками сокрытия «Катынского дела». Вскоре после того, как Советы вновь овладели украинской столицей, они пригласили группу корреспондентов западной печати, чтобы осмотреть Бабий Яр, выдававшийся теперь за место бойни.⁴⁵ Однако вещественные доказательства, видимо, оказались скудными. А изучение результатов многочисленных аэрофотосъемок в наши дни привело, похоже, и к выводу, что, в отличие от ясно различимых обширных массовых захоронений НКВД в Быковне, Дарнице и Белгородке и в отличие от ясно различимых массовых захоронений Катыни (кстати говоря, согласно статье «Нью-Йорк Таймс» от 6 мая 1989 г., это — окончательное доказательство советской вины в совершении преступления), территория Бабьего Яра в 1939–44 гг., во время немецкой оккупации, осталась нетронутой. Для подкрепления утверждения, что немцы здесь, в Бабьем Яру, «расстреляли из пулеметов от 50000 до 80000 еврейских мужчин, женщин и детей», НКВД в 1943 г. подготовил и трех так называемых свидетелей, рассказы которых, однако, тем более вызвали скепсис корреспондентов, прежде всего опытного представителя «Нью-Йорк Таймс» Лоуренса. Поэтому опубликованная затем 29 ноября 1943 г. в «Нью-Йорк Таймс» статья «Сообщения об убийстве 50000 киевских евреев» (50 000 Kiev Jews Reported Killed), уже очищенная от самой грубой лжи относительно «советских партизан» и «машин-душегубок», имела примечательный подзаголовок «Оставшиеся доказательства скудны» (Remaining Evidence is Scanty),⁴⁶ что было равносильно явной неудаче усилий НКВД. Но демонстрация так называемых «свидетелей» в деле доселе неизвестного Бабьего Яра уже задумывалась, согласно Никифоруку, в качестве «пробы», своего рода «генеральной репетиции лживых свидетельских показаний о бойне в Катынском лесу, которые вымогал НКВД».⁴⁷ И поэтому НКВД спешил, подтянув резервы, восстановить свое подпорченное правдоподобие.

Уже 4 декабря 1943 г. «Нью-Йорк Таймс» сообщила в еще одной статье «Киев насчитывает больше жертв» (Kiev Lists More Victims), что, согласно первым полосам московских газет, 40000 жителей направили «премьер-министру Сталину письмо», в котором «повысили оценочную цифру убитых и сожженных в Бабьем Яру до более 100000».⁴⁸ Речь здесь шла, конечно, о крупной акции НКВД, так как только НКВД мог организовать отправку таких писем Сталину. Но с тех пор цифра 100000, пущенная в обращение НКВД, как и Бабий Яр в качестве места расстрела и погребения, стали неотъемлемыми реквизитами советской пропаганды. Мы вновь находим их уже весной 1944 г. в сообщении специальной комиссии под руководством Хрущева⁴⁹ (который в 30-х годах, как известно, сам совершал тяжкие преступления в отношении украинцев), где теперь тоже утверждалось, что в Бабьем Яру были убиты «более 100000 мужчин, женщин, детей и стариков», а еще 25000 — в немецком каторжном лагере Сырец под Киевом, где в действительности, по украинским оценкам, стали жертвами насилия, болезней и голода 1000 человек.

Сообщение комиссии Хрущева, к которой принадлежали ведущие партийные, государственные и хозяйственные деятели, заслуживает внимания потому, что в нем, помимо Бабьего Яра, Сырца и некоторых менее известных мест, называется и Дарница, где немцы, как утверждалось теперь, также убили «более 68000 советских военнопленных и гражданских жителей». Тем самым общее число жертв немецких оккупационных властей в Киеве, о котором утверждает специальная комиссия Хрущева — 195000, оказывается близким к общему числу жертв НКВД — 200000–300000, которые, как полагают, погребены в массовых захоронениях в Дарницком лесу, а также под Быковней и Белгородкой. Эта цифра стала затем и центральным пунктом сообщения «Чрезвычайной государственной комиссии» по Киеву от 9 марта 1944 г. И поскольку это сообщение, как и сообщение о расследовании Катынского дела, на основании статьи 21 Лондонского устава было признано Международным военным трибуналом в качестве советского доказательного материала (документ СССР-9), то советский обвинитель, старший советник юстиции Смирнов мог утверждать 14 февраля 1946 г. в Нюрнберге:⁵⁰ «Из доклада Чрезвычайной государственной комиссии по городу Киеву, который будет представлен трибуналу позже, видно, что в Бабьем Яру в ходе этой ужасной так называемой акции были расстреляны не 52000, а 100000 человек», а 18 февраля было сказано: «Более 195000 советских граждан были замучены, расстреляны и умерщвлены газом в “машинах-душегубках” в Киеве, в том числе 1) более 100000 мужчин, женщин, детей и стариков в Бабьем Яру...» Доказательства не были приведены, советский обвинитель, как и в Катынском деле, просто сослался на мнимые показания свидетелей, представленных НКВД.

Правда, Советам не удалось протащить в Нюрнберге свои обвинения по Катынскому делу, и не в последнюю очередь ассоциацией Катыни и Бабьего Яра объясняется то, что и это дело долгие годы пребывало в забвении. Например, Эренбург тщетно пытался вновь подогреть историю с Бабьим Яром в 1947 г. в своем романе «Буря». Лишь когда в 1968 г. НКВД/КГБ смог представить тщательно проинструментированного так называемого «свидетеля» на судебном процессе в Дармштадте — «Нью-Йорк Таймс» сообщила об этом 14 февраля 1968 г. в статье под заголовком «Только четыре очевидца в Бабьем

Яру» (At Babi Yar Only Four Spectators)⁵¹ — и только после того, как Евтушенко написал о Бабьем Яре «волнующий» стих, а Шостакович — сочинение для оркестра, символичная значимость этого понятия заметно повысилась, что было тотчас использовано советской пропагандой.

Советские власти использовали благоприятную конъюнктуру, чтобы в конечном итоге воздвигнуть на полигоне НКВД под Быковней (КОУ НКВД), где — как и под Дарницей и Белгородкой близ Киева — находились обширные массовые захоронения сталинского периода, монумент в память, якобы, погребенных здесь жертв «фашистских захватчиков 1941-1943 гг.», которые, как писала одна киевская газета еще в 1971 г., были «зверски замучены». Однако уже в марте 1989 г. вводящая в заблуждение надпись была вновь удалена под растущим нажимом общественности. Ведь к этому времени, 17 марта 1989 г., советское информационное агентство ТАСС сообщило, что, по данным «государственной комиссии» (уже четвертой в своем роде), в Быковне и Дарницком лесу обнаружены массовые захоронения с останками 200000-300000 так называемых «врагов народа» сталинского периода. Одновременно орган Союза советских писателей «Литературная газета» счел уместным отметить в апреле 1989 г., что не «немцы», а сталинисты, «наши собственные люди» совершили эти массовые убийства. Жуткие подробности о массовых убийствах НКВД, продолжавшихся с 1937 г. до самой оккупации города немецкими войсками в сентябре 1941 г., сообщил Царынный в статье «Киевские поля смерти» (The Killing Fields of Kiev), которая была опубликована в 1990 г. в октябрьском номере журнала «Комментарии» (Commentary), издаваемого Американским еврейским комитетом в Нью-Йорке.⁵²

Правда, в Германии такие констатации фактов принимаются к сведению неохотно или не принимаются вообще. Здесь советская формула о 100000 жертв в Бабьем Яру, не воспринятая даже в Нюрнберге, глубоко проникла в общественное сознание, как показывают соответствующие газетные статьи юбилейного 1991 года. 14 сентября 1991 г. некий Вольфрам Фогель в мемориальной статье региональной газеты «Зюдкурир» превзошел даже измышления сталинистской военной пропаганды, утверждая, что «массовому захоронению Бабий Яр на окраине Киева» «пришлось принять около 200000 человек, убитых во время немецкой оккупации».⁵³ А президент германского Бундестага Зюсмут использовала мемориальную речь в Бабьем Яру 5 октября 1991 г. в качестве повода для необоснованных выпадов против всего немецкого народа,⁵⁴ который не имел отношения к предпринятому без его сведения и без его одобрения расстрелу 33771 или — что уже достаточно скверно — хотя бы вдвое меньшего числа евреев зондеркомандой 4а охранной полиции и СД, а потому на него нельзя возлагать и ответственности за это. У населения Киева вызвало возмущение отсутствие в речи Зюсмут всякого упоминания о почти 300000 украинских жертв сталинского террора в близлежащих массовых захоронениях Быковни — для украинцев к тому моменту это уже было делом национальной чести («The mass graves have become a point of national honor for Ukrainians»)⁵⁵ В Советском Союзе приходилось использовать Бабий Яр, чтобы придать достоверность Катыни, а Катынь — чтобы придать достоверность Бабьему Яру. Поздний успех советской пропаганды в случае Бабьего Яра даже побудил сталинистов в 1990-91 гг. еще раз попытаться все же возложить вину за расстрел польских офицеров в Катыни (и других местах) на немцев, напечатав в «Военно-историческом журнале» уже упомянутую серию статей под примечательным названием «Бабий Яр под Катынью?»

Последним местом на территории Советского Союза, где массовые убийства НКВД пытались спрятать за таковыми оперативных групп, стал Минск. Ведь в столице Белорусской ССР, как и в Киеве, в 1937-41 гг. происходили убийства в чудовищных масштабах. Часть своих жертв Минское оперативное управление НКВД предпочитало погребать на территории возле близлежащего населенного пункта Куропаты, где в 1988 г. были обнаружены обширные могильные поля. Предполагается, что здесь, в массовых захоронениях Куропат, погребены около 102000 из оцениваемого в 270000 общего числа жертв НКВД в Минске и окрестностях.⁵⁶ Даже в парке Челюскинцев в центре города Минска находилось массовое захоронение с телами убитых, над которым в эпоху сталиниста Брежнева была сооружена танцплощадка. С другой стороны, Минск после оккупации немцами, с конца осени 1941 г., был также оперативным центром охранной полиции и СД, первейшей целью которого являлось прежде всего уничтожение еврейского населения. Так, в Малом Тростинце, селе под Минском, и, возможно, в некоторых других местах в течение года были расстреляны или частично отравлены четырьмя машинами-душегубками, которые, видимо, использовались здесь, тысячи евреев любого возраста и пола — местных или депортированных сюда с территории Рейха.⁵⁷

Как и в Киевском деле, советские власти в 1944 г., вновь заняв Минск, создали специальную комиссию, на сей раз во главе с председателем Совнаркома Белорусской ССР Пономаренко, который, возглавляя Центральный штаб партизанского движения, был одним из главных ответственных лиц за ведение противоречившей международному праву партизанской войны. Опубликованное 12 октября 1944 г. сообщение «Чрезвычайной государственной комиссии» «Минск обвиняет Гитлера»⁵⁸ утверждало, ссылаясь

на выводы комиссии Пономаренко, которые, правда, опять же базировались в основном на сомнительных показаниях свидетелей НКВД, что «гитлеровцы», «немецкие негодяи» истребили в Минске и его пригородах посредством голода, нечеловеческого труда, отравления газом и расстрелов около 300000 советских граждан. И в Минске массовые советские захоронения, как, например, таковое в «парке культуры и отдыха», были вновь приписаны немцам. Приведенное общее число 300000 вообще приближается скорее к 270000 — оценке числа жертв НКВД, чем к числу евреев, убитых охранной полицией и СД, которое в районе Минска, тем не менее, должно было быть высоким. Так, по неполным данным из случайно сохранившихся отчетов, только «группой Арльта» в течение лета 1942 г. под Минском было убито более 17000 евреев — местных или немецких, выходцев из Берлина и Вены.⁵⁹

Примечания

1. Winters, Schuld und Rache.
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР, Москва, Кремль, 19.4.1943 г. (М. Калинин, А. Горкин).
3. Hoffmann, Die Geschichte der Wlassow-Armee, S. 328 ff.
4. Soviet War News, 24.8.1944.
5. Ebenda, 22.6.1944, 11.11.1943.
6. Soviet Weekly, 11.10.1945.
7. Russia at War, S. 134, S. 186.
8. Soviet War News, 30.11.1944, Soviet Weekly, 21.6.1945.
9. Russia at War, S. 73, S. 85.
10. Soviet War News, 15.2.1945.
11. Rheinischer Merkur/Christ und Welt, 12.6.1992.
12. См.: Deichelmann, Ich sah Königsberg sterben, а также: Wieck, Zeugnis vom Untergang Königsbergs, S. 264 f.
13. ВА-МА, RH 19III/381, 13.2.1940.
14. Russia at War, S. 39, S. 275.
15. Soviet War News, 27.1.1944.
16. Russia at War, S. 93 f.
17. Raschhofer, Der Fall Oberländer, S. 40.
18. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 343 f.
19. См.: Soviet War News, 29.4.1943.
20. Nikiforuk, Babi Yar.
21. The Truth about Katyn, Archiv des Verf.
22. Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher, Bd. VII, S. 500, S. 540.
23. Ebenda, S. 493.
24. Werth, Ein Staat gegen sein Volk, S. 233 ff. (письмо наркома внутренних дел Л. Берия Сталину, 5 марта 1940 г., строго секретно); Paczkowski, Polen, der «Erbfeind», S. 402 ff. (Катынь, тюрьмы и депортации 1939-41 гг.).
25. Kilian, Die «Mühlberg-Akten», S. 1141 f.
26. Brandt, Der Zweite Weltkrieg, S. 42.
27. Минасян, Международные преступления, с. 16.
28. Хатынь.
29. Frankfurter Rundschau, 15.10.1992.
30. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 31.10.1992.
31. Прокопенко, Сухинин, Бабий Яр под Катынью?
32. The Truth about Katyn, Archiv des Verf.
33. Soviet War News, 24.5.1945.
34. Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher, Bd. VII, S. 469.
35. Ebenda, Bd. XVII, S. 301 ff.; см. также: Schaworonkow, «Nach den Hinrichtungen gab es Alkohol».
36. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 362 ff.
37. Soviet War News, 19.8.1943.
38. Krausnick, Die Einsatzgruppen, S. 193.
39. Soviet War News, 7.10., 18.11., 23.12.1943.
40. Krushelnysky, The largest massgraves of Bykovnia, near Kiev, 300.000 victims; Stalin-Opfer in Massengrab bei Kiev; «Wer zuckt, dem geben wir den Rest».
41. Krausnick, Die Einsatzgruppen, S. 190.
42. Landsberg, S. 19.
43. Wolski, Le Massacre de Baby Yar.
44. Friedrich, Das Gesetz des Krieges, S. 807 f., S. 810.
45. См. прим. 20.
46. The New York Times, 29.11.1943.
47. См.: Nikiforuk, прим. 20; Wolski, прим. 43.
48. The New York Times, 4.12.1943.

49. Soviet War News, 9.3.1944.
50. Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher, Bd. VII, S. 504, S. 612.
51. The New York Times, 14.2.1968.
52. Carynnik, The Killing Fields of Kiev.
53. Vogel, Wo der Genozid begann.
54. Gedenkworte der Präsidentin, 5.10.1991, Archiv des Verf.
55. Carynnik, The Killing Fields of Kiev, S. 25.
56. Die Welt, 6.2.1989; «300 000 Tote im Goldbergwerk».
57. Wilhelm, Die Einsatzgruppe A, S. 547, S. 556.
58. Soviet War News, 12.10.1944.
59. Unsere Ehre heißt Treue.

Глава 9.

Криминализование Вермахта.

Антинемецкая национальная и расовая травля

Германско-советская война с первого дня воспринималась как Гитлером, так и Сталиным не в качестве «нормальной европейской войны» между двумя армиями, ведущейся в традиционных формах, а как истребительная война двух тоталитарных государств, которая могла завершиться только гибелью одного из них. Правда, в выступлении Сталина по радио 3 июля 1941 г. еще говорилось о борьбе СССР в союзе с германским народом против «фашизма», но советская пропаганда незамедлительно перешла к тому, чтобы объявить своим новым смертельным врагом не только «фашизм», национал-социализм. Практически с первого дня войны преступным было объявлено точно так же германское государство как таковое, криминализировались германский Вермахт, все немецкие солдаты и, наконец, немецкий народ в целом. Эренбург прежде всех прочих должен был с помощью непрерывного разжигания антинемецкой национальной и расовой ненависти подстегивать солдат Красной Армии и тружеников советского тыла к яростной борьбе против всего немецкого.

Возникает вопрос, какой образ Германии и немцев рисовала советская военная пропаганда, формировавшаяся советскими писателями Эренбургом, Толстым, Симоновым, Заславским, если назвать лишь некоторых, такими историками и военными, как Тарле, [Бонч-]Бруевич, Величко, и бесчисленными другими лицами. Глашатаем был Эренбург, и он желал видеть в немцах испокон веков только «варваров в звериных шкурах, приносящих кровавые жертвы богу Вотану».¹ По нему, даже в блестящие времена раннего Средневековья, когда Рейхом правили императоры Оттонов и Штауферов, они бродили «по лесам, одетые в шкуры диких зверей». Если отвлечься от давно известного исторического факта, что Россия и Польша жили наследием мощной экспансии на Восток, то именно немецкую восточную колонизацию Средневековья, по выражению Эренбурга — «славные традиции немецких рыцарей», можно было, используя ложные аналогии, должным образом пропагандистски заклеить в ситуации нынешней войны. «Знаем мы эти традиции! — воскликнул Эренбург 20 февраля 1942 г. — Ворами были, ворами остались. Были бандиты с копьями и мечами, стали бандиты с автоматами.» Никакой разницы между различными немецкими племенами в прошлом и настоящем Эренбург не признавал, немцы всегда были для него «все едины». «Страшен облик немца», — писал он 14 января 1942 г. Мол, «тевтонские орды грабили Рим», а немецкие купцы «пытались обманывать русских» в старом ганзейском городе Новгороде. «Коварство и интриги — вот немецкий стиль», — так, по Эренбургу, якобы, гласит русская народная мудрость.

Объектом особой ненависти служило для него историческое развитие Бранденбурга-Пруссии, невзирая на существовавшие временами в прошлом тесные династические и политические связи Пруссии с Россией, на которые всегда столь охотно ссылалась советская пропаганда, если ее это в тот момент устраивало. В этом искаженном восприятии Бранденбург представляет собой «раковую опухоль», «разбойничий притон», откуда двигались банды, чтобы терроризировать «славянские и литовские племена в Померании и Пруссии», чьим покровителем теперь, в 1945 г., стал Советский Союз во главе со Сталиным, в действительности — крупнейшее рабовладельческое государство в мировой истории. По Эренбургу, единственное целевое назначение королевской резиденции, города Берлина состояло «в убийстве людей», и Берлин, эта «злокачественная опухоль», стал теперь «смертельной угрозой для всей Европы и всего цивилизованного человечества» (к которому, естественно, причислял себя Советский Союз). «Это счастье для мира, — добавил Эренбург, — что Сталин теперь выжигает эту опухоль огнем и мечом», «что он спасает мир, разрубая на куски колыбель, в которой 250 лет назад появился на свет ужасный прусский монстр». В качестве доказательства мнимой монструозности Пруссии приводятся «пиратские нападения» на Данию в 1864 г., то есть прусско-австрийское союзное вмешательство в шлезвиг-

гольштейнскую проблему, на Австрию в 1866 г., то есть прусско-австрийская война за господствующее положение в Германии, и на Францию в 1870-71 гг., хотя ведь Пруссия-Германия тогда пользовалась доброжелательным нейтралитетом России и даже Маркс и Энгельс говорили о справедливой национальной оборонительной войне Германии против империалистических амбиций наполеоновской Франции.

Разоблачительной является и статья, опубликованная 17 мая 1945 г. профессором Тарле под заголовком «Берлин был раковой опухолью Европы».² Более двух веков назад, писал этот видный советский историк, Пруссией был создан «мощный гангстерский лагерь в сердце Европы», а в Берлине разработан план захвата Европы, России, двух континентов, «всего мира». Разбой и грабеж — вот что было, дескать, «главной целью политического существования Германии». К ряду исторических личностей, вынашивавших «разбойничьи планы германского империализма», принадлежал, согласно ему, Фридрих Великий, который как-никак находился в союзе с императором Петром III и временами — с императрицей Екатериной II, принадлежали полководцы Освободительной войны, как, например, названный им Шарнхорст, которые ведь были союзниками русских царских генералов тех лет, столь высоко котиrowавшихся в Советском Союзе, принадлежали далее Бисмарк и Мольтке, всегда пользовавшиеся в России авторитетом, а также, наконец, сам генерал-полковник фон Сект, на бытность которого главой армейского руководства пришлось тесное и дружеское сотрудничество Рейхсвера с Красной Армией. «Германский генеральный штаб», который ведь существовал как таковой только с 1870-71 гг., якобы, во все времена незыблемо придерживался своих империалистических целей и ковал инструмент «для истребления миллионов человеческих жизней, для полного порабощения народов, для установления германского господства над миром». Насколько же эти высказывания противоречили мнению Ленина, который когда-то отозвался о предыстории Первой мировой войны следующим образом: «три больших разбойника», а именно Россия, Англия и Франция, десятилетиями готовились к тому, чтобы «напасть на Германию и разграбить ее»!

Исходя из такого искажения истории Бранденбурга-Пруссии этим известным советским историком, и в то же время целенаправленно, уже имея в виду запланированные аннексии, весной 1945 г. развернулась направляемая кампания ненависти против старинного прусского коронного, торгового и университетского города Кёнигсберга, который ведь, будучи всего лишь центром аграрной провинции, находился совершенно в стороне от центров принятия политических и военных решений. 8 февраля 1945 г. московское радио утверждало, что Восточная Пруссия, «логово реакционного пруссачества, форпост звериного германского шовинизма», столь же мало является немецкой землей, как «все так называемые немецкие земли к востоку от Эльбы».³ Красная Армия — так описывались захватнические планы — теперь находится на подходе, «чтобы исправить старую историческую несправедливость». То, что прусско-славянские племена в прусских провинциях вовсе не были «уничтожены», а в течении веков давно слились с немцами в единый национальный субъект и Советский Союз, кстати говоря, не имел ни малейших прав на территорию Восточной Пруссии, при этом не играло роли. «Выкуривайте крыс из Кёнигсберга», — гласил, как упоминалось, 15 февраля 1945 г. лозунг советской пропаганды, которая, с другой стороны, привычно брала столь же обвинительный, как и слезливый тон, если нужно было изобразить, как варварски блокировали и обстреливали обороняемый Ленинград немцы и финны.

Идеологическое обоснование обеспечил в советской печати уполномоченный функционер, гвардии подполковник Величко.⁴ «Кёнигсберг стал угрозой для всего мира, — слышалось от него 22 марта 1945 г. в статье «Горе тебе, Германия!» — Он является плацдармом германского варварства», «в течении 150 лет», «день за днем, декада за декадой там разрабатывались планы военных походов, агрессии, мести. Германский план порабощения мира возник в Кёнигсберге». «Тупоумные кёнигсбергцы жирели на своем пропитанном кровью богатстве», — говорится далее, а затем торжествующе: «Мы взяли Кёнигсберг за горло!», «Осада Кёнигсберга началась», «Немцы, как кроты, окопались в подвалах, катакомбах, под руинами и просто в трубах», «Кёнигсберг — как уголовник с гирей на шее», «Гиря его преступлений прижимает город к земле». «Кёнигсберг посмотрел Красной Армии в лицо, — говорится угрожающе, с намеком на нижеописанные советские зверства в предместье Метгетен, — и узнал, что написано на нем», «Теперь город скулит и шатается из стороны в сторону». Таким образом солдат Красной Армии готовили к предстоящему взятию города Кёнигсберга. И результаты последовали соответствующие. Убийство, насилие, грабеж, преследование и полное бесправие характеризовали разрушенный город после падения. Преднамеренно сжигались целые проспекты, подчас вместе с жителями.⁵ В последующие месяцы советские оккупационные власти, как отмечалось, попросту умурили голодом 90000 жителей из примерно 120000, еще оставшихся в живых.

Итак, с 1945 г. антинемецкая советская пропаганда ненависти одновременно была нацелена на пропагандирование и подготовку экспансионистской политики Советского Союза в Германии. Так, уже с февраля 1945 г. можно констатировать все более усиленные выступления против, якобы, уступчивых

тенденций англо-американской оккупационной политики и против «лицемерных защитников» «бедных немцев» в западных землях, которых тогда в действительности практически быть не могло. Что касается Эренбурга, то он испытывал особую неприязнь и к католической церкви, к Папе Римскому и папскому престолу, к тем, кого он называл «создателями инквизиции, покровителями иезуитов, прожженными душами, прошедшими длительный путь от Торквемады до Гиммлера и от Лойолы до дуче» — формулировка, более касающаяся его самого, чем исторических фактов. Во всяком случае, повторяющиеся массированные нападки позволяют увидеть советскую озабоченность по поводу возможной стабилизации обстановки на оккупированных несоветских территориях. Так, появились явные опасения, что эмигрировавший в США и очень авторитетный там в роли преподавателя высшей школы, прежний политик из партии Центра и рейхсканцлер д-р Брюнинг мог бы при поддержке определенных американских и британских кругов и с помощью католической церкви стремиться к тому, чтобы стать «наследником Гитлера» и в качестве такового форсировать «реабилитацию Германии» и спасти от гибели «германский империализм» — иными словами, Германию как индустриальное государство.

Советский Союз уже имел в это время совсем иные цели,⁶ как можно увидеть из краткого, но показательного объявления от 21 июня 1945 г. о назначении «Советской военной администрации в Германии».⁷ Ведь по приказу № 1 заместителем главноначальствующего Советской военной администрации (СВАГ) и главнокомандующего Группой советских войск в Германии, маршала Советского Союза Жукова был назначен генерал-полковник НКВД Серов, по оценке генерал-полковника профессора Волкогонова — «один из зловещей обоймы бериевского окружения». Серов, одновременно — уполномоченный НКВД СССР при Группе советских войск в Германии, с начала войны действовал в качестве основного орудия Сталина при техническом осуществлении массовых депортаций и других актов насилия, которые все подпадают под понятие геноцида и преступления против человечества. Именно он в 1939-40 гг. депортировал в необжитые районы Советского Союза с аннексированной территории Польского государства 1-2 миллиона поляков, украинцев, белорусов и евреев, а в 1940-41 гг. из аннексированных прибалтийских республик десятки тысяч эстонцев, латышей и литовцев, обычно с разрывом семейных уз и, как в Прибалтике, зачастую после ликвидации глав семей. Та же самая участь постигла десятки тысяч жителей аннексированных территорий Румынского государства — Буковины и Бессарабии. Далее Серов осуществил в нечеловеческих условиях предписанную Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. депортацию 1209400 российских немцев в Среднюю Азию и Сибирь.⁸ [По указу от 28.8.1941 г. были переселены в Сибирь и Казахстан только немцы Поволжья (более 440 тыс.). Депортация остальных российских немцев осуществлялась на основе других нормативных актов. 1209400 — это общее число российских немцев, депортированных советскими властями в 1941-45 гг., включая более 200 тыс. «репатриированных», принудительно возвращенных в СССР с территории Германии и из ранее оккупированных немцами районов Польши.] И в 1943-44 гг. опять же генерал-полковник НКВД Серов осуществил массовое преступление, постановленное и предписанное Сталиным, Политбюро ЦК и Государственным Комитетом Обороны, — депортацию и распыление таких народов, как калмыки, чеченцы, ингуши, кабардинцы [балкарцы], карачаевцы и, наконец, крымские татары.⁹ На основе приказа № 00315 наркома Берии от 18 апреля 1945 г. Серов, силами возглавлявшихся им оперативных групп НКВД/НКГБ, незамедлительно произвел массовые аресты среди гражданского населения также в оккупированных частях Германии.¹⁰ Арестованные, среди них женщины и молодежь, по новейшим российским данным — максимум 260000 человек, были в качестве так называемого «спецконтингента» переведены в 10 позаимствованных или тотчас сооруженных концлагерей (специальные лагеря НКВД СССР), где из-за нечеловеческих жизненных условий погибли десятки тысяч из них.¹¹ Во всяком случае, назначение Серова решающей политической фигурой советской оккупационной зоны и немедленное жестокое устранение всех, кто каким-либо образом считался оппозиционером, не оставили сомнений в том, какого рода политику намеревался впредь осуществлять в Германии Советский Союз.

Если германско-советский конфликт как столкновение двух противоположных социалистических систем мог завершиться лишь полным уничтожением одной из двух сторон, то и методы ведения войны в своей беспощадности вполне соответствовали тоталитарным притязаниям, которыми характеризовались обе идеологии. «Минувшая война была жестокой с обеих сторон, — писал Якушевский в 1993 г. в журнале «Новое время». — Методы ведения войны у двух тоталитарных систем были схожими.»¹² Исторические интерпретации, которые здесь в стране пытаются создать впечатление, будто конфликт на германско-советском фронте мог вестись в более гуманных формах, если бы Гитлер и командование Вермахта не аннулировали беззастенчивым образом традиционные правила и обычаи войны уже при разработке Плана Барбаросса, проходят мимо сути вопроса, поскольку избегают всякого учета ситуации на советской стороне. Сказанное, разумеется, не исключает возможности избежать ненужной жестокости на немецкой стороне. И, конечно, кардинальная ошибка Гитлера заключалась в том, что он недооценил патриотизм

русского человека и храбрость русского солдата, упустив единственную в своем роде возможность склонить на свою сторону русский народ, — заблуждение, сделавшее неудачу войны в России неизбежной.

А принцип, выдвинутый Гитлером в его речи перед военным командованием 30 марта 1941 г., изложенный начальником Генерального штаба сухопутных войск, генерал-полковником Гальдером и повторенный по смыслу начальником штаба Верховного главнокомандования Вермахта фельдмаршалом Кейтелем в его письме адмиралу Канарису от 15 сентября 1941 г.: «Мы должны отойти от позиции солдатского товарищества. Коммунист не является товарищем ни до, ни после. Речь идет об истребительной войне»,¹³ в точности соответствовал представлениям, с которыми с самого начала воспринимал эту войну и Сталин. Сталин, если еще раз процитировать его директивное выступление по радио 3 июля 1941 г., тоже сразу же недвусмысленно прояснил, что «войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной»: «Она является не только войной между двумя армиями». «Это не обычная война, — тотчас откликнулся назначенный им в истолкователи Эренбург. — И против нас воюют не обычная армия», что, конечно, в свою очередь, тем более относилось к Красной Армии.

То, в каких формах намеревались вести войну с советской стороны, показывают бесчисленные примеры тотчас после начала военных действий по всей линии фронта. Еще 9 марта 1943 г. британская газета «Ньюс Кроникл» процитировала в этой связи Эренбурга, который в одной из статей насмеялся над тем, что «в некоей стране» погибших немецких летчиков хоронят со всеми воинскими почестями. Он, конечно, не намерен вмешиваться в традиции и обычаи чужих стран, лицемерно рассуждал Эренбург, но хотел бы кое-что рассказать англичанам о русских формах обращения с немцами: «Мы не можем считать немцев честными бойцами. В наших глазах они — отталкивающие мародерствующие изверги. С такими извергами долго не говорят — их уничтожают!»¹⁴ В этом духе Эренбург писал 17 августа 1941 г. о погибшем под Москвой немецком летчике-ефрейторе: «Когда такой Куррле (который, по утверждению Эренбурга, естественно, убивал до этого в Сванси английских детей) летит вниз, чувствуешь не только радость — моральное удовлетворение». То, как немецким солдатам с первого до последнего дня войны отказывали в человеческом достоинстве, объявляя их уголовниками, пусть продемонстрирует краткая подборка цитат из этого ведущего пропагандиста Советского Союза. Химера о возможности гуманного, «рыцарского» ведения войны на Востоке рушится под тяжестью этих доказательств.

Как же изображаются немецкие солдаты? Уже в первый день войны, 22 июня 1941 г., солдаты страны, с которой ведь до этого существовал договор о дружбе, называются «разбойниками», разграбляющими страны, убивающими детей и уничтожающими «культуру, язык, традиции» других народов.¹⁵ Если об этом, стало быть, было известно еще до начала войны, то как же, спрашивается, можно поддерживать договор о дружбе со страной, которая рассылает подобных солдат? Они — «убийцы, особенно отличившиеся в пытках, которым они теперь подвергают наших раненых», — утверждал Эренбург 18 июля 1941 г., и чуть ниже: «Это не люди. Это страшные паразиты. Это вредные насекомые». А вот что гласят другие его сентенции первого военного лета 1941 года:¹⁶ германский Вермахт — это «гигантская шайка гангстеров», а «грабители и насильники никогда не бывают смелыми», немецкие солдаты «хуже диких зверей». «Нет, — говорит Эренбург, — они хуже хищных зверей. Хищные звери не мучают ради забавы» (5 сентября 1941 г.), «Стыдно за землю, по которой ходили эти люди. Как гнусно они жили! Как гнусно они умирали!», «В сравнении с ними кафры и зулусы еще культурные» (14 сентября 1941 г.). «Это развратники, мужеложцы, скотоложцы, — воскликнул Эренбург 12 октября 1941 г.¹⁷ — Они хватают русских девушек и тащат их в публичные дома... Они вешают священников. У них написано на бляхах “С нами бог”. Но этими бляхами они бьют по лицу агонизирующих пленных... Культура для них — это автоматические ручки и безопасные бритвы. Автоматическими ручками они записывают, сколько девушек они изнасиловали. Безопасными бритвами они бреются. А потом опасными бритвами отрезают носы, уши и груди у своих жертв.»

Когда наступила зима 1941/42 гг. с ее сильными морозами, ненависть Эренбурга нашла новое удовлетворение. К этому времени, 17 ноября 1941 г., как отмечалось, Сталин издал приказ полностью разрушать и сжигать все деревни и населенные пункты в немецком тылу, невзирая на русское население, тем самым также обрекаемое на гибель. Человеческие жизни, как пишет его биограф генерал-полковник Волкогон, «никогда не имели для него значения. Никогда! Сотни, тысячи, миллионы мертвых сограждан давно стали для него привычными».¹⁸ А Эренбург тотчас сделался громогласным защитником новых мер и вообще бесчеловечных приказов Сталина, которые ведь были направлены не только против немецких войск, но и точно так же против русского гражданского населения. «А разбойники, — пишет он 11 ноября 1941 г., — привыкли грабить с комфортом. Они требуют центральное отопление... Не отогреется зверье в наших домах... Посмотрим, что скажут дюссельдорфские коммивояжеры и гейдельбергские студентки, когда настанет настоящая русская зима... Их поход за квартирами мы превратим в поход за могилами!» «Бойцы, разведчики, партизаны! — гласил его призыв от 30 ноября 1941 г. — Если где-то есть дом, в

котором греются немцы, то выкурите его!»¹⁹

Таков был тон статей Эренбурга после того, как Сталин 3 июля 1941 г. призвал не оставлять противнику «ни килограмма хлеба, ни литра горючего» и превратить страну в пустыню. «Горят склады, горят поля, горят села», подожженные жителями, утверждал Эренбург 20 июля 1941 г., имея в виду советские «истребительные батальоны», «среди партизан есть и ребята». Школьники в первую очередь направлялись советским командованием через линию фронта в качестве шпионов, чтобы, по словам Эренбурга, разведывать «аэродромы и колонны» врага. Гитлер «заставил русских детей метать ручные гранаты», торжествовал Эренбург 18 ноября 1941 г., хорошо зная, что это могло означать для незаконно используемых детей, «немцы нашли у нас пустые амбары, взорванные верфи, сожженные корпуса заводов. Вместо домов они завоевали щебень и сугробы».²⁰

Уже во время франко-русской войны 1812 года в России было военным обычаем оставлять врагу при отходе по возможности разоренную землю. Так, русский губернатор Ростопчин при отступлении, к «большому ужасу» наполеоновской армии, сжег Москву с большинством ее зданий. «Вот таков способ, которым они ведут войну! — воскликнул барон Файн, кабинет-секретарь Наполеона. — Мы были обмануты петербургской цивилизацией, они всегда остаются только скифами.»²¹ Наполеон, правда, воспротивился любому возмездно частным лицам, поскольку те «и без того достаточно пострадали». Но при отходе 20 октября 1812 г. он приказал сжечь публичные здания и казармы в Москве и разрушить Кремль. И это произошло ночью 23 октября: «1,8 миллиона фунтов пороха подняли на воздух великолепнейшие башни Кремля». Орден Почетного легиона артиллерийскому офицеру, командовавшему этим, «один мог в то время вознаградить за такие действия». Во время германско-советской войны именно Сталин с самого начала приказал оставлять немцам только разоренную землю — и те при отходе, в свою очередь, также стремились уничтожить все важные для войны объекты на оставляемой земле, о чем Гитлер 19 марта 1945 г. издал соответствующий приказ даже по территории Рейха. Эренбург, который приветствовал разрушительную работу поджигательных команд Красной Армии как настоящий подвиг, что особенно проявилось в Киеве, комментировал аналогичные действия немецких войск выражениями, полными ненависти. «Поджигатели сами сгорят, — провозгласил он 20 января 1942 г. в отношении солдат, которые должны были выполнять разрушительные приказы.²² — На пепелище лежит полусгоревший труп немца. Огонь выел его лицо, а голая ступня, розовая на морозе, кажется живой... Лежит ком обугленного мяса: преступление и наказание.»

Ненависть этого назначенного Сталиным наставника Красной Армии была безудержной, лишенной всякого угрызения совести, «по-варварски дикой», являясь, в конечном счете, проявлением патологического, аномального состояния мозга. Сам Эренбург 16 марта 1944 г. вдруг выступил со следующим признанием: «Если бы во мне не было достаточно ненависти, я бы презирал себя. Но во мне ее хватит на их (немецких солдат) и мою жизнь». Такого сорта были чувства Эренбурга, который с первого до последнего дня войны покрывал солдат армии противника всеми мыслимыми ругательствами, ставил их на одну ступень с общественно опасными зверями и микробами, чтобы внушить таким образом необходимость их истребления. Поэтому все немецкие солдаты без исключения были для него «тварями, рожденными женщинами Германии», «грабителями большого масштаба», «не солдатами, а необузданными грабителями», «примитивными тварями с автоматами», «жестокими беспощадными тварями», «проклятыми палачами», «массовыми убийцами мирных граждан», «палачами, храбро убивающими безоружных», «детоубийцами», «убийцами русских детей», «женоубийцами». А вот как изображается воинская служба немецких солдат: «Они бесчестят женщин и вешают мужчин, они пьют на своих оргиях и спят после этого как свиньи», «Убийство для немцев банальность», «Они пытаются детей, вешают стариков и насилуют девушек», «Они пытаются детей и мучают раненых», «Если фашистский солдат не может найти в доме трофея, он убивает хозяйку», «Женоубийца знает, как надо убивать», «Он душит девушек. Он поджигает села. Он сооружает виселицы», «Немцы зарывали людей живьем», «Они зарывали детей живьем», «Они убили миллионы невинных людей», «Сотни тысяч детей были убиты немцами (и это только на Украине)», «Они убивали младенцев и клеймили пленных, они пытали и вешали».

«В крови руки каждого немца, — воззвал он к солдатам Красной Армии 9 декабря 1943 г. — Миллионы стали преступниками». «Их много, — говорится в другой раз. — Среди них имеются генералы и ефрейторы, пруссаки и баварцы, толстые и тощие, но я вижу одного: немца. У него рыбы глаза и длинные жадные руки». «Массовые убийцы мирных граждан с бесстыжими пустыми глазами», — гласит еще одна характеристика от 3 февраля 1942 г., и совершенно аналогично звучат другие ругательства. Спустя два года, 16 марта 1944 г., говорится:²³ «Этот негодяй, высокий или приземистый, пучеглазый, тупой и бездушный, прошагал тысячу верст, чтобы лишить жизни одного из наших детей». 16 марта 1944 г. продолжают разжигаться низменные инстинкты: «Немцы набивали наши рты мерзлой землей. Немцы убивали нас. Немцы, высокие или низкие, жестокие, с белесыми глазами, с пустыми сердцами».

«Гитлеровские солдаты убивали миллионы безвинных, — вновь читаем мы 23 марта 1944 г.²⁴ — Они пытаются наших детей», и далее: «Они вырезали миллионы хороших людей ни за что, ни про что, просто из алчности, тупости и врожденной дикости», «И так жалкий идиот, невежда, эксплуататор, “сверхчеловек” начал систематически вешать, душить, зарывать живьем и сжигать», «Среди миллионов немцев не найти и горстки совестливых людей, которые крикнут “Стоп!”», «Немцы убивают хладнокровно и обдуманно», «Они душат, вешают и травят, и делают это без стыда и угрызений совести». Военнослужащие дисциплинированного германского Вермахта вновь и вновь называются Эренбургом «дикими животными», «животными в очках», «учеными животными», «дикими зверями», «двуногими скотами», «арийскими скотами», «подсвинками», «свиньями из Швейнфурга и Свинемюнде», «несомненно похожими на диких животных», «хищными животными», «бешеными волками», «возбудителями венерических болезней», «умирающими скорпионами», «немецкими чудовищами», «изголодавшимися крысами, пожирающими друг друга», «ядовитыми змеями». «Это не люди, — убеждает Эренбург красноармейцев. — Это страшные паразиты. Что перед ними все вредители... Их надо уничтожить.» О немецких солдатах 6-й армии в Сталинграде он в 1943 г. распространялся так: «Сами скоты, они жили среди скотов», о защитниках Берлина в 1945 г.: «Чумные крысы», «Они всюду ведут себя как скоты», «Дикому зверю нельзя сочувствовать, его нужно уничтожать».

Кем же являются немецкие солдаты с позиции эренбургских штампов советской пропаганды? Германский Вермахт — это «гигантская гангстерская орда», «жуткие низменные твари», «миллионы убийц». Немецкие фельдмаршалы — «взбесившиеся волки», «чумные крысы», «страшные подлые гангстеры». Например, фельдмаршал фон Вицлебен, участник заговора против Гитлера 20 июля 1944 г., якобы, все свое внимание уделял тому, чтобы «расстреливать заложников, обезглавливать, пытать и вешать женщин». Немецкие генералы — это «людоеды», немецкий майор — «вонючий скот в майорской униформе», немецкие офицеры — «двуногие животные, пытающие арестованных людей», немецкие солдаты занимаются тем, что «выкапывают трупы и сдирают мясо с костей. Они демоны и вампиры, пожирающие трупы». Каждый отдельный солдат войск СС, разумеется, «имеет на своей совести кровь сотен поляков». Немецкие солдаты-санитары — это «убийцы, другого слова не подберешь».²⁵ Немецкий солдат Люфтваффе, внешне чистый и вежливый, символизирует всех, поскольку «расстрелял и сжег более 1200 советских людей». А что касается немецкой пехоты, то Эренбург 5 мая 1942 г. дает лозунг: «Мы считаем их не человеческими существами, а убийцами, палачами, моральными уродами и жестокими фанатиками, и поэтому мы их ненавидим». Обычного немецкого квартиранта, унтер-офицера, он 8 июля 1943 г. изображает так:²⁶ «Однажды вечером он пришел пьяный и схватил Нину (15 лет)... Потом он стал мучить Химу, младшего сына в семье... Он взял маленького мальчика в лес, отрезал его руки, выдавил его глаза и сломал ему ноги».

Армия, совершавшая такое, естественно, не знала храбрости. Экипажи подводных лодок для Эренбурга — только «пираты», «эксгибиционизм» немецких парашютистов «не имеет ничего общего с человеческой храбростью». Это — всего лишь «извращение». Ведущий пропагандист Советского Союза — государства, которое, если следовать теориям, распространяемым в ФРГ, «отчаянно» выступало за признание Гаагских конвенций о законах и обычаях войны и Женевской конвенции (и которые именно оно не признавало), которое, якобы, хотело обращения с военнопленными по международно-правовым стандартам, — по разным поводам, например, 9 декабря 1941 г. и 14 января 1942 г., высказывался о немецких военнопленных следующим образом: «Когда их берут в плен, они скулят и причитают... Они клянутся, что не виноваты... Убийцы выдают себя за ягнят», «Сидят и плачут — плачут не от чувств — какие могут быть чувства у этих зверей? Нет, плачут от мороза». «Побежденный немец дик и бечеловечен, — говорится 17 февраля 1942 г. — Летом он убивал женщин. Теперь он убивает детей.» «За день, иногда лишь за час перед тем, как сдать, — подстрекал Эренбург солдат Красной Армии 17 августа 1944 г., — они еще мучают до смерти безоружных людей», а 23 ноября 1944 г.: «Каждый военнопленный знает, что он преступник... Проиграв сражение, они вешают женщин или мучают детей».²⁷

Эренбург распространяет о немецких солдатах огульные оценки, используя такой метод: представлять единичные случаи (которые к тому же настолько нетипичны, что, должно быть, являются выдумкой) как показательные для миллионов военнослужащих германского Вермахта. Не считая «менее, чем горстки», как он утверждает, исключений не существует. В бесчисленных местах его провокационных сочинений, распространявшихся в 1941-45 гг., находит выражение то, чего он добивается: подстрекнуть солдат Красной Армии к беспощадной истребительной войне против немцев. «Наше дело — убивать немцев, неважно как», — пишет он 20 сентября 1941 г., и в этом кроется секрет всех его усилий. «Они родились в Магдебурге, в Свинемюнде, в Швейнфурте (эти два названия городов по нему должны стоять рядом), в Кайзерлаутерне, в Люденшейде, — говорится 20 февраля 1942 г. — Там их родина. Но умрут они в Киеве, в Харькове, в Минске, в Смоленске, в Новгороде. Здесь их могила.»²⁸ «Мы в нашей стране

найдем место для них для всех, — писал Эренбург 29 января 1942 г., — для солдат и гражданских... Земля Украины их примет. Они будут похоронены.»

«Стреляй, чтобы убить, товарищ!» — подбадривал он красноармейцев 31 июля 1941 г., а 20 февраля 1942 г.: «Тебе поручено их убить — отправь их под землю!», и точно так же 16 марта 1944 г.: «Убивай немцев!» «Крестьянка с хорошим русским лицом, — утверждал Эренбург 14 января 1942 г.,²⁹ — рассказала мне: “Боялись они идти на фронт. Один плакал. Говорит мне: “Матка, помолись за меня” и на икону показал. Я и вправду помолилась: “Чтоб тебя, окаянного, убили”.» «Старики, — писал Эренбург, — и те хотят одного: “Всех их перебить”.» 11 марта 1942 г. он похвалил молодого танкиста, который уже не мог сказать, сколько немцев он убил. «Его слова, — писал Эренбург, — сродни скромности и силе художника, только что завершившего большое полотно.» «Наш ответ — это кровь захватчиков, — повторил Эренбург 30 марта 1942 г. — Зимой она растопит вечные снега. Летом она напитает сухую землю.» Эренбург находит все новые формы для пропаганды своей страсти к убийству: «Немец должен быть убит. Его надо убить... Тебе тошно? Ты чувствуешь удушье в груди? Убей немца! Ты хочешь поскорее домой? Убей немца! Если ты справедливый и совестливый человек — убей немца!.. Убей!» Один полковник рассказал ему, что произошло с немцами, когда советские войска достигли укреплений Брестской крепости: «В этих укреплениях мы их били, кололи, резали!» Эренбург: «Змеиное гнездо надо растоптать! Мы хотим пройти по Германии с мечом. И если мне, как и вам, когда-нибудь бывает невыносимо тяжело на сердце, я вспоминаю прекрасное слово: Сталин!»

«Эту породу (немцев) мы уничтожаем», — писал Эренбург 25 октября 1942 г. «Немцы не люди, — говорится в это же время в его пресловутом обращении “Убей!”,³⁰ которое нашло среди советских войск широчайшее распространение и владблывалось красноармейцам вновь и вновь. — Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих близких и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затишье, если ты ждешь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! — это просит старуха мать. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!»

Ненависть Эренбурга преследовала немецких солдат и после их смерти, и вновь и вновь в его призывах заметны несомненные черты морального помешательства. Но следует знать, что слово Эренбурга было словом Советского Союза, что именно он внушал волю Сталина и советского руководства частям Красной Армии. «Луна бросает свой ядовитый зеленый свет на снег, — восхищался он в предисловии к вышедшему в 1943 г. британскому изданию своей военной книги «Russia at War»,³¹ которое восторженно прокомментировал писатель Д.Б. Пристли, — на немцев, тысячи и тысячи из них, некоторые из которых разорваны снарядами, некоторые раздавлены танками, другие напоминают восковые фигуры... Один полковник показывает свои старые, желтые крысиные клыки... Немцы растоптаны, разорваны, разрублены... Здесь лежат пивовары, убийщики свиней, химики, палачи, здесь лежат немцы... Куски мяса, похожие на разломанные части машин... Органы рта... Ключья человеческих тел... Руки без туловища... голые розовые подошвы, торчащие из снега как призрачные растения.» «Из тех немцев, которые 22 июня 1941-го перешли нашу границу, — торжествовал он, — немного осталось в живых... Где они? В земле.» «Кажется, будто реки выбрасывают их гниющие тела и земля выплевывает их останки.» Он не раз обращается против обычая захоронения погибших (кстати говоря, практиковавшегося советскими войсками в Восточной Германии в 1945 г. совершенно аналогичным образом), чтобы извлечь отсюда выводы в меру своей низости. «Их, — говорится 14 и 31 января 1942 г., — зарывали на площадях городов, в скверах, в деревнях возле школы или больницы. Немцы хотели, чтобы даже их мертвые тревожили сон наших детей.» «Они хотели еще унижить нас даже своими могилами... Они, вшивые фрицы, гангстеры и преступники, хотели покоиться рядом с Львом Толстым...» И он добавил: «Немецким могилам нет места на площадях русских городов». Отображение того, какой отклик вызывали в Красной Армии извращения Эренбурга и к каким деяниям они побуждали красноармейцев, — это центральная задача данного сочинения. Однако перед этим еще требуют более подробного освещения высказывания, которых Эренбург удостоил немцев, не принадлежавших к Вермахту, — немецких мужчин, женщин и детей.

Эренбург никогда не скрывал, что не признает разницы между немецкими военными служащими и гражданскими лицами. Германия для него — «огромная гангстерская организация», немецкий народ — «многомиллионная банда преступников», «орда кочующих пиратов».³² Поэтому он на деле допускает лишь разделение труда между солдатами и гражданскими лицами: «Мужчины отправляются искать добычу.

Женщины ждут, что они возвратятся с голландским сыром, парижскими чулками, украинским салом». «Проклятое племя», — воскликнул он 2 ноября 1944 г., а 12 апреля 1945 г. перечислил причины, по которым каждый советский человек должен быть исполнен «великой, справедливой, страстной ненависти», «не только ненависти, но точно так же глубокого презрения к немцам».³³ Однако, по его признанию, ненависть и презрение означали для него одно и то же. И выбор причин для этого, приведенных им в данном месте, уже сам по себе образует состав преступления — национальной и расовой ненависти, что тотчас бросится в глаза, если захотеть поставить на место «немецкого» этническое обозначение другого народа, например, того народа, выходцем из которого был сам Эренбург. «Мы презираем немцев, поскольку они морально и физически бесстыжие», — выставил он себя выразителем мнимых чувств советских людей, «Мы презираем немцев за их тупость», «Мы презираем немцев, поскольку они лишены элементарного человеческого достоинства», «Мы презираем немцев за их алчность», «Мы презираем немцев за... их кровожадность, граничащую с половым извращением», «Мы презираем немцев за их жестокость — жестокость хорька, который душит беззащитного», «Мы презираем немцев за их деяния, за их мысли и чувства, за их клятвы...», «Мы презираем их, поскольку мы люди, и к тому же советские люди». «Облик немецких мужчин и женщин, — добавил он для подкрепления, — выворачивает желудок.» Эренбург, со своей стороны, в 1945 г. сознательно отказался участвовать в каких-либо мерах «перевоспитания», в попытке «поднять немцев, этих человекоподобных существ, хотя бы до уровня отставших в развитии людей», «научить их быть людьми или, по крайней мере, походить на людей».³⁴

А какое описание немецких женщин получали красноармейцы? И о женщинах точно так же, как о солдатах, у Эренбурга имеется только огульное суждение: «Самка этого сорта ждет добычи в своем логове». По нему они все без исключения «кровожадные» и «абсолютно бесстыжие». «Что касается немок, — писал Эренбург 7 декабря 1944 г.,³⁵ — то они вызывают в нас одно чувство: брезгливость. Мы презираем немку за то, что они — матери, жены и сестры палачей. Мы презираем немку за то, что они писали своим сыновьям, мужьям и братьям: “Пришли твоей куколке хорошенькую шубку”. Мы презираем немку за то, что они воровки и хипесницы. Нам не нужны белокурые гиены. Мы идем в Германию за другим: за Германией. И этой белокурой ведьме несдобровать.»

Но в действительности женщины в Германии были исполнены не желанием каких-либо посылок, как столь злобно распространялся Эренбург, не говоря уже о том, что у населения, угнетенного, до предела эксплуатируемого и раздетого социализмом, больше не было ничего, что оно могло бы отдать и продать, и что отправка посылок с Восточного фронта была вообще запрещена и невозможна. Немецких женщин наполняла глубоко человеческая забота о жизни и здоровье мужчин, сражавшихся на советском театре военных действий. Эренбург очень хорошо это понимал, и он злоупотреблял этим моментом в столь же гнусной, как и характерной для него манере. «Сотни тысяч немецких мертвецов гниют в русской земле», — ликовал он 7 октября 1941 г. «Каждый вечер, — писал он 7 декабря 1941 г.,³⁶ — миллионы немок мечутся в тревоге... Каждое утро в Германии просыпаются несколько тысяч новых вдов. С востока как бы доходит запах человечины.» «Ваш Густав убит, — злорадно обратился он 26 ноября 1941 г. к госпоже Гертруд Гольман. — Он лежит у Волхова, погребенный в сугробе... Здесь нет ничего, кроме белого безжалостного снега, и Густав лежит в нем мертвый, лицом книзу... Они пролежат там до весны, как мясо в холодильнике.»

Страдания жен и матерей служат предметом его особой радости и его иронии. «Мы видим жадную слюнявую морду немецкой гиены, — писал Эренбург 25 декабря 1941 г., — мы коротко скажем: “Сударыня, вы дождались подарков, вы получили по заслугам...” Плачьте, немецкие женщины!.. А не хотите плакать — пляшите, шуты и шутихи... Весной тают снега, весной вы услышите запах мертвечины.» «Мы заставим этих самок проплакать свои глаза», — провозгласил он 7 ноября 1941 г. Вновь и вновь Эренбург наслаждался сердечной скорбью женщин, потерявших своих близких, — к примеру, в отталкивающей манере, 10 декабря 1941 г. Сын госпожи Фриды Бель, немецкий солдат, был застрелен — видимо, из засады. «Теперь она плачет, — писал Эренбург. — Вместе с ней плачут и другие немки. Плачьте, сударыни...» В Париже трех немецких офицеров застрелили из-за угла — якобы, в виде возмездия за Компьенское перемирие, которое ведь было заключено в 1940 г. по правилам и с соблюдением достойных форм. «Госпожа Мюллер, — иронизировал Эренбург, — ваш сын еще пьет шампанское в кабаках Парижа? Готовьте траур, сударыня...» В Норвегии четырех немецких солдат исподтишка истребили во мраке ночи «отважные рыбаки»: «Море выкинуло один труп. Фрау Шурке, ваш первенец еще пьет “аквавиту” в Осло? Запаситесь носовыми платочками и не мечтайте о могиле с цветами... люди ненавидят даже мертвых немцев». В Пирее партизаны взорвали военный склад. Было убито 18 немецких солдат: «Фрау Шуллер, ваш любимец пьет в Афинах мускат? Не сомневайтесь: немцы его похоронят с почестями. А гречанка... плюнет на могилу вашего сына». «Плачьте громче, немки! — восклицает Эренбург с радостным волнением. — Вам не увидеть ваших сыновей. Вам не найти дорогих вам могил.»

Пока немецкие войска находились на советской земле, Советы могли поднять руку только на военнопленных и на антисоветски настроенное население или на жителей вновь занятой территории, которые поддерживали, возможно, всего лишь терпимые отношения с немецкими оккупационными властями. Но впервые перешагнув границу Рейха в сентябре 1944 г., Красная Армия пришла в непосредственное соприкосновение и с немецким гражданским населением. Эренбург предпринял все усилия, чтобы еще раз донести до красноармейцев свои представления об обращении с немцами. 20 января 1942 г. он говорил о «горе-Германии».³⁷ «Горе тебе, Германия!», повторил он теперь, «Горе стране вероломных убийц!», «Горе стране негодяев!» В программной статье от 24 августа 1944 г. по случаю предстоящего пересечения границы он придал особое значение констатации, что с достижением границ Германии Красная Армия перестает быть армией освободителей.³⁸ «Теперь мы будем судьями, — провозгласил он, однако суд в его глазах был равнозначен отмщению. — У границ Германии повторим еще раз священную клятву: ничего не забыть... Нас привел к границам Германии Сталин, он знает, что значат материнские слезы. Сталин знает, что немцы заживо хоронили детей, и в самый темный час Сталин сказал, что победит негодяев. Мы говорим это со спокойствием долго вызревавшей и непреодолимой ненависти. Мы говорим это теперь у границ врага: “Горе тебе, Германия!”» «Мы схватили ведьму за печенку, и теперь она не уйдет, — говорится 25 января 1945 г., после начала зимнего советского наступления. — Мы в прусских и силезских городах.»

«Не будет ни пощады, ни снисхождения, — вдалбливал он красноармейцам 8 февраля 1945 г.³⁹ — Мы идем по Померании. Теперь настала расплата для немцев... Но немцы остаются немцами, где бы они ни были... 30 января... немцы и немки кричат, стонут, воют. Они мечутся, они кружатся среди снарядов и снежных хлопьев, ведьмы и упыри Германии. Они бегут, но... им некуда бежать... Кружитесь, горите, войте смертным воем!» В этом тоне Эренбург продолжает: «Не злорадство, а радость наполняет мое сердце, когда я вижу крупнейшую пиратскую провинцию Германии (имелась в виду мирная аграрная провинция Восточная Пруссия) в пламени и смятении...» «Почему же мне так радостно, когда я иду по улицам немецких городов?» — спрашивает он 1 марта 1945 г. в статье под названием «Крысы теряют тигровую шкуру».⁴⁰ Но 15 марта 1945 г. он заверяет: «Были волками, ими и остались».

И Эренбург, отражавший официальную линию советской пропаганды ненависти, не был одинок в своем мнении. «Они загнанные хищные звери, — писали о немцах Горбатов и Курганов 8 марта 1945 г. — Хищные клыки у них выломаны, но злоба осталась.»⁴¹ А Полевой 1 февраля 1945 г. спросил красноармейца: «Какой они породы, эти немцы?» — «Одни изверги!» — таков был, разумеется, ответ.⁴² «Оставим же их выть темными безлунными ночами перед концом, — писал Эренбург 22 марта 1945 г. о немецких женщинах. — Германия прольет столько слез, что гадкая Шпрее превратится в широкий поток... Мы пришли в Германию, чтобы покончить с ней.»⁴³ «Мы покончим с Германией», — говорил он уже 16 ноября 1944 г.,⁴⁴ и он возвращается к этой теме вновь и вновь. «Мало победить Германию. Она должна быть уничтожена», — гласит лозунг во все новых выражениях.

Эренбург, который хотел видеть убитыми миллионы немецких солдат, обосновывал свое желание тем, что они ведь совсем не люди, а низшие существа, паразиты и микробы. Поэтому вполне логично, что 16 декабря 1943 г. он провозгласил:⁴⁵ «Вероятно, микробы в своем кругу считают Пастера душегубом. Но мы знаем: тот, кто убивает носителей бешенства или чумы, — истинный гуманист». Когда в 1944 г. Красная Армия пересекла границу Рейха, он 30 ноября 1944 г. заверял, похоже, смело веря в забывчивость своих читателей, включая зарубежных: «Мы никогда не проповедовали расовой ненависти... Мы не собираемся физически уничтожить *всех* немцев...»⁴⁶ И аналогично писал Заславский, другой советский пропагандист, в тот же день: «Красная Армия никоим образом не преследует цели убить *всех* немцев, поскольку нам чужда расовая и национальная ненависть». Уничтожить всех немцев было, конечно, и невозможно уже по чисто техническим причинам. Поэтому оставалась только более скромная цель, которую Эренбург недвусмысленно высказал 8 марта 1945 г.: «Единственная историческая миссия, как я ее вижу, скромна и достойна, она состоит в том, чтобы уменьшить население Германии».⁴⁷

В осенние и зимние дни 1944-45 гг., когда британским оккупационным властям в западных районах Рейха уже приходилось прилагать усилия, чтобы предотвратить акты возмездия против немецкого населения со стороны части русских и поляков, угнанных на принудительные работы, и противодействовать возникающим разбойничьим бесчинствам, которые еще вынудят британского военного губернатора фельдмаршала Б. Монтгомери прибегнуть к драконовским мерам, Эренбург настойчиво и аргументированно выразил свое стремление. Оно видно из статьи от 19 октября 1944 г.⁴⁸ (возможно, опубликованной еще раньше), в канун того, как советские войска жестоко убили жителей Неммерсдорфа и окрестностей в округе Гумбиннен: «У них (иностраных рабочих) не болит голова о том, что должно происходить с немцами, следует ли прививать им остатки морали или кормить их овсяной кашей. Нет. Эта молодая Европа давно знает, что лучшие немцы — это мертвые немцы... Проблема, которую, видимо,

пытаются решить русские и поляки, это решение о том, что лучше — прибить немцев топорами или палками. Они не заинтересованы в переделке жителей... Они заинтересованы в том, чтобы уменьшить их число». И Эренбург, с которым бывший рейхсканцлер д-р Вирт вел после войны в Швейцарии дружеские беседы, который позже ходил, по крайней мере, в кандидатах на вручение Премии мира немецкой книготорговли, добавил: «И мое скромное мнение таково, что русские и поляки... правы».

Подстрекательские призывы Эренбурга распространялись в Советском Союзе миллионными тиражами, о них вновь и вновь напоминали красноармейцам в рамках политической учебы, игравшей центральную роль в боевой подготовке.⁴⁹ Но возбуждение чувств ненависти против немецкого народа и немецких солдат не ограничивалось Эренбургом и используемыми в пропаганде советскими писателями и журналистами. Целенаправленное участие в этом принимал также аппарат военного и политического командования Красной Армии, ведь антинемецкая национальная и расовая ненависть представляла собой существенный фактор в рамках советских военных усилий. Ниже будет показано, какие выводы извлекали из этих стараний военнотруженики Красной Армии.

Примечания

1. *Russia at War*, S. 189. В данной главе, для экономии места, больше не приводятся точные ссылки в каждом отдельном случае. В целом укажем на английское издание «*Russia at War*», а также на англоязычные журналы «*Soviet War News Weekly*» и «*Soviet Weekly*», содержащие все данные.
2. *Soviet War News*, 17.5.1945.
3. *Ebenda*, 8.2.1945.
4. *Ebenda*, 22.3.1945.
5. Устное сообщение также свидетеля, бывшего офицера-политработника («комиссара») Красной Армии д-ра Александра Некрича автору во Фрайбурге, январь 1991 г.
6. Raack, *Stalin Plans his Post-War Germany*.
7. *Soviet Weekly*, 21.6.1945.
8. Werth, *Ein Staat gegen sein Volk*, S. 240 ff.
9. Hoffmann, *Kaukasien 1942/43*, S. 458 f.
10. Kilian, *Die «Mühlberg-Akten»*, S. 1144 ff.
11. Neubert, *Politische Verbrechen in der DDR*, S. 863; Radtke, *In Güstrows sowjetischem Speziallager*; Range, *Das Konzentrationslager Fünfeichen*; Sothen, *Aufdecken und ausrotten*; Stadler, *Geschichte im Turm*; Wehner, *Von Stalin zum Faustpfand gemacht*; Wienkopp, *Mit fünfzehn Jahren in Buchenwald*.
12. Якушевский, *Расстрел в клеверном поле*.
13. Halder, *Kriegstagebuch*, Bd. II, S. 336; *Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher*, Bd. XXXVI, S. 317 ff.; Bd. VII, S. 461 f.; Bd. X, S. 624 f.
14. Zayas, *Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle*, S. 285 f.
15. *Russia at War*, S. 202.
16. *Ebenda*, S. 25, S. 49 ff.
17. *Ebenda*, S. 220 f.
18. Wolkogonow, *Triumph und Tragödie*, Bd. 2/1, S. 240 f., S. 260 f.
19. *Russia at War*, S. 75, S. 83.
20. *Ebenda*, S. 77 f., S. 207 f., S. 213.
21. Fain, *Manuscript*, Bd. 2, S. 71, S. 136, S. 168. *Manuscript vom Jahre Tausend Achthundert und Zwölf. Darstellung der Begebenheiten dieses Jahres, als Beitrag zur Geschichte des Kaisers Napoleon, von Baron Fain, damaligem Cabinets-Secretair und Archivar. Rechtmäßige deutsche Ausgabe von E. Klein und Belmont, Bd. 2, Leipzig 1827.*
22. *Russia at War*, S. 105.
23. *Soviet War News*, 16.3.1944.
24. *Ebenda*, 23.3.1944.
25. *Russia at War*, S. 12 ff., S. 53 ff., S. 61 f., S. 80.
26. *Soviet War News*, 8.7.1943.
27. *Ebenda*, 17.8.1944, 23.11.1944.
28. *Russia at War*, S. 113 f.
29. *Ebenda*, S. 241 f.
30. Илья Эренбург, *Убей!*, 1942, Архив авт.; см. также: Buchbender, *Das tönende Erz*, Dokument 8; Zayas, *Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle*, S. 434.
31. *Russia at War*, Preface, S. XI.
32. *Ebenda*, S. 108.

33. Soviet War News, 12.4.1945.
34. Russia at War, S. 56 ff., S. 107.
35. Soviet War News, 7.12.1944.
36. Russia at War, S. 81, S. 89, S. 97, S. 186 f.
37. Ebenda, S. 105.
38. Soviet War News, 24.8.1944.
39. Ebenda, 8.2.1945.
40. Ebenda, 1.3.1945.
41. Ebenda, 8.3.1945.
42. Ebenda, 1.2.1945.
43. Ebenda, 22.3.1945.
44. Ebenda, 16.11.1944.
45. Ebenda, 16.12.1943.
46. Ebenda, 30.11.1944.
47. Ebenda, 8.3.1945.
48. Ebenda, 19.10.1944.
49. Hoffmann, Die Kriegführung aus der Sicht der Sowjetunion (12. Methoden des Vernichtungskrieges), S. 783 f., S. 787 f.

Глава 10.

По всему фронту. Уже 22 июня 1941 года были убиты первые военнопленные

Криминализирование армии противника развернулось сразу же после начала войны и стало подлинным полем деятельности Главного управления политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА, вскоре — Главное политическое управление) и подчиненных ему инстанций. «Смерть фашистской нечисти» — таков был лейтмотив распоряжения № 20, направленного 14 июля 1941 г. начальником Главполитуправления армейским комиссаром 1-го ранга Мехлисом «начальникам отделов политической пропаганды при соединениях и армиях», и аналогично — директивы ГУППКА № 081, направленной Мехлисом «политрукам рот и батарей» «для безусловного исполнения» 15 июля 1941 г. В них немецкие солдаты были представлены красноармейцам как «гитлеровская фашистская рвань», как «фашистские варвары», «фашистские хищники», «фашистские гады». «Сотрите фашистскую нечисть с лица земли», гласил лозунг, «Размножьте змеиные гнезда врагов», «Сотрите в порошок вражеские орды», «Разбейте гитлеровские банды пульей, раздавите их сталью, уничтожьте их огнем», «Пусть фашистская нечисть издохнет от голода».

Такие и аналогичные призывы Главполитуправления тотчас подхватывались и передавались дальше, как показывает доклад в штабе стрелковой дивизии 14 октября 1941 г. уже упомянутого функционера Мушева из политотдела 22-й армии. Мушев низвел немецкую армию до развязной банды разбойников, воров и пьяниц, призванной «безнаказанно грабить, убивать безоружное население, насиловать женщин, разрушать и сжигать города и села». И что касалось унижения противника, то командные структуры Красной Армии ни в чем не уступали политорганам. Маршал Советского Союза Буденный, главнокомандующий войсками Юго-Западного направления, в своем приказе № 5 от 16 июля 1941 г.¹ назвал немецкие войска «бандами людоеда Гитлера», а солдат охарактеризовал как «фашистских извергов», «фашистскую падаль». Для маршала Советского Союза Ворошилова, главнокомандующего войсками Северо-Западного направления (член Военного совета Жданов), они, согласно приказу № 3 от 14 июля 1941 г.,² являлись не чем иным, как «фашистскими зверями», «фашистскими стервятниками», «фашистскими бандитами». А маршал Советского Союза Тимошенко, до сих пор — нарком обороны, главнокомандующий войсками Западного направления (член Военного совета Булганин), в обращении к жителям оккупированных территорий от 6 августа 1941 г.³ заклеил немецких солдат как «гитлеровские банды», «гитлеровские орды», «фашистских извергов», «немецких разбойников», для уничтожения которых годится любое средство. «Офицеры и солдаты в зеленых мундирах — не люди, а дикие звери, — говорится в листовке Политуправления Северо-Западного фронта от 25 марта 1942 г.,⁴ — уничтожайте немецких офицеров и солдат, как убивают бешеных собак.»

Огульная дьяволизация солдат армии противника, как она выразилась в этих и аналогичных заявлениях инстанций высшего военного и политического руководства, находила ясную цель, когда нужно было удержать красноармейцев от сдачи в плен противнику. Ведь в Красной Армии, как было показано, распространялся тезис, что в плену советских солдат ожидает верная смерть. Если, скажем, председатель Совета Народных Комиссаров Молотов еще после зимней войны, в своей речи перед Верховным Советом СССР 29 марта 1940 г. заклеил, якобы, «неслыханное варварство и зверство белофиннов в отношении раненых и попавших в плен красноармейцев», то такие обвинения, разумеется, тем более должны были выдвигаться против германского Вермахта. В этом духе и Мехлис 14 июля 1941 г. и точно так же день спустя провозгласил, что немцы «мучают, пытаются и зверски убивают» своих пленных. Главное политуправление теперь стремилось разжечь «непримиримую ненависть, ярость к врагу» и привить войскам «неутолимую жажду возмездия за зверства». Этой цели служило и выпущенное в Ленинграде в 1941 г. пропагандистское издание «Фашистские зверства над военнопленными», которое, в сочетании с соответствующей речью и нотой Молотова от 6 ноября 1941 г.⁵ о мнимых злодеяниях в отношении военнопленных, отныне до 1943 г. и далее⁶ до конца войны практически определяло существующую линию советской пропаганды в этом вопросе.

На этом общем фоне было и не удивительно, что уже на третий день войны, 24 июня 1941 г., военнопленный Починко показал, что от красноармейцев требовали «не щадить ни одного немецкого солдата, поскольку им тоже не оказывают снисхождения и истязают их», им, как было сказано, «отрезают пальцы, нос, уши, голову или разрезают спину и вынимают позвоночник, прежде чем их расстрелять». Высокопоставленным офицерам советских 6-й и 12-й армий, подвергнутым основательному опросу, эта ситуация была известна, и 16 августа они с готовностью признали, «что убийства немецких военнопленных на почве подстрекательской антинемецкой пропаганды могли иметь место». Да и чего иного, в конце

концов, было ожидать, если красноармейцам постоянно напоминали о зверствах, наподобии приведенных в листовке тех дней: «Каждый день там появлялись пьяные нацистские офицеры, которые надругались над арестованными, выкалывали им глаза, ломали или отбивали руки, терзали их и многих зарывали живьем»?⁷

Показательно, что убийства пленных немецких солдат и раненых начались молниеносно, еще до того, как могли возыметь действие призывы командных инстанций о ненависти к захватчикам, в первый же день войны, 22 июня 1941 г., причем по всей линии фронта. Так, лейтенант Хундризер, по гражданской профессии — лесовод-стажер, когда он утром 22 июня 1941 г. в нескольких километрах от германско-литовской границы следовал за волной наступающих, стал, как он занес в протокол при военно-судебном расследовании, свидетелем убийства 10 отставших раненых из 311-го пехотного полка.⁸ Доказано убийство оставленного раненого из 188-го пехотного полка также 22 июня 1941 г. под Яворовом⁹ и убийство с последующим ограблением некоторого числа раненых и военнопленных солдат из 192-го пехотного полка в тот же день под Ягодзином.¹⁰ Пленные экипажи самолетов уничтожались почти без исключения уже в первые дни войны. Еще на рассвете 22 июня 1941 г. спустившийся на парашюте под Кедайнём унтер-офицер 77-й бомбардировочной эскадры сразу же после своего приземления был убит подоспевшими советскими солдатами; из его челюсти была вытащена золотая коронка.¹¹ Польская домохозяйка Мария Мороч стала свидетельницей расстрела раненого летчика, которому она хотела оказать помощь, советскими солдатами под Сухо-Волей.¹² Нарушения международного права военнослужащими Красной Армии на деле приобрели уже в июньские дни 1941 г. такие масштабы, что здесь можно привести лишь немногие из случаев, подвергнутых военно-судебному расследованию и подкреплённых свидетельскими показаниями.

24 июня 1941 г. 12 отставших раненых из пехотного полка, наступавшего вместе с 23-м инженерным батальоном, были обнаружены под Суражем, западнее Белостока, в ужасно изувеченном состоянии. Одного из раненых солдат прибили гвоздями к дереву, ему выкололи глаза и вырезали язык.¹³ 25 июня 1941 г. были найдены военнослужащие силою до взвода из разведгруппы 36-го пехотного полка, которых согнали в деревню в Восточной Польше и «зверски убили».¹⁴ В крепости Скоморохи севернее Сокаля 1 июля 1941 г. были обнаружены изувеченные накануне трупы майора Зёнгена из 7-го пехотного полка, а также обер-лейтенанта, двух обер-фельдфебелей и других солдат. Медицинское расследование капитаном медицинской службы д-ром Штанкайтом и младшим военврачом Вендлером обнаружило, что здесь должно было иметь место использование грубого насилия с целью нанесения ровных порезов, особенно в области глаз.¹⁵ Обер-лейтенант Хуфнагель из 9-й танковой дивизии обнаружил у дороги Буск — Тарнополь после пересечения границы в конце июня 1941 г. около 80 изувеченных военнослужащих, включая трех офицеров, из неуказанного пехотного полка.¹⁶ Также в конце июня 1941 г. военнослужащие передового отряда (видимо, 9-го пехотного полка), отрезанного под Белостоком при переходе через речку, были убиты и изувечены.¹⁷ В конце июня 1941 г. штаб и тыловые части 161-й пехотной дивизии подверглись нападению советских войск под Поречьем, в результате чего попали в плен и ряд раненых офицеров и солдат. Евангелический священник Вермахта Клиндер и католический военный священник Зиндерсбергер 8 и 15 июля 1941 г., став свидетелями, дали следующие военно-судебные показания:¹⁸ лейтенант Зоммер и 6 солдат были сожжены заживо, лейтенант Вордель и другие солдаты расстреляны или прибиты и ограблены. Кроме того, был убит санитарный персонал, ясно различимый по нарукавным повязкам Красного Креста, включая обер-лейтенанта медицинской службы д-ра Адельгельма и лейтенанта медицинской службы д-ра Хоттенрота, которые лежали в одном ряду рядом с другими убитыми. 28 июня 1941 г. советские солдаты в районе Минска напали на ясно обозначенную в качестве таковой колонну 127-го взвода санитарных машин, перебив большинство раненых и сопровождающих солдат-санитаров.¹⁹ Согласно показаниям одного выжившего, «ужасные крики раненых» слышались долго. Вообще, наряду с ранеными, уже в первые дни войны во многих местах жертвой актов насилия, противоречащих международному праву, становился и санитарный персонал.

Правда, отмеченные с 22 июня 1941 г. «по всему фронту» «дикие» убийства военнослужащими Красной Армии немецких военнопленных, сколь бы «зверскими» они ни являлись в каждом отдельном случае, следует еще отличать от развернувшихся также с начала войны массовых убийств, организованных и осуществленных Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД). Как констатировала комиссия Конгресса США под председательством члена Палаты представителей Чарльза Керстена, подводя итоги в своем специальном докладе № 4 от 31 декабря 1954 г., НКВД и его подручные расстреляли «в каждом городе Западной Украины в первые дни войны всех политзаключенных за исключением немногих, спасенных чудом». Правда, это массовое убийство коснулось обитателей тюрем и концлагерей не только на Западной Украине, то есть в Восточной Польше, но и в прибалтийских странах, в Белоруссии и, в ходе дальнейшего продвижения немецких войск, также в глубоком советском тылу. Украинские, польские, литовские, еврейские, латышские, эстонские и всюду, конечно, русские гражданские лица любого возраста

и пола, а также фольксдойче и другие повсеместно становились жертвами этих умышленно спланированных и хладнокровно осуществленных систематических расстрелов. Из многих населенных пунктов, ставших ареной такого убийства заключенных, назовем в качестве примера по Восточной Польше (Западной Украине): Дубно, Луцк, Добромилль, Жолкев [ныне Нестеров], Брезно, Рудки, Комарно, Пасихна, Ивано-Франковск (Станислав), Чортков, Ровно, Сарны, Дрогобыч, Самбор, Тарнополь [ныне Тернополь], Сталино (Юзовка) и, конечно, Лемберг [Львов], по Литве: Правенишкис, Румшишкес (под Каунасом), Каунас (Ковно), Тельшяй, Глобоке (восточнее Вильнюса), по Латвии: Рига, Динабург (Даугавпилс), Розиттен [Резекне], по Эстонии: Дерпт [Тарту], Ревель [Таллин]. Поскольку ликвидации производились почти всюду, практически невозможно перечислить все места убийств; упомянем лишь, что во Львове было обнаружено свыше 4000 трупов, в Луцке — 1500,²⁰ в Дубно — 500.²¹

Однако в НКВД заключенных зачастую не только расстреливали, но во многих доказанных случаях, отчасти в пыточных камерах — неотъемлемой составной части тюрем НКВД, — также пытали и истязали до смерти, вырывая ногти на руках, ошпаривая кипятком и сдирая кожу и производя тому подобные мерзости,²² отвечавшие традициям ленинской ЧК. Судебный медик, капитан медицинской службы профессор д-р Бутц по поручению Санитарной инспекции сухопутных войск в «Предварительном докладе о результатах судебно-медицинского криминалистического расследования большевистских нарушений международного права в районе действий Группы армий “Север” (командование 16-й и 18-й армий)» от 4 декабря 1941 г. привел ряд подобных случаев.²³ Так, он расследовал случай убийства в первые дни войны в Ланкишкяе трех римско-католических священников, из которых одного распяли, а другому зашили рот, или случай убийства трех врачей и медицинской сестры в Паневежисе. Помимо заключенных-мужчин, в первые дни июня в тюрьмах и лагерях НКВД часто ликвидировали или истязали до смерти также женщин и детей. В докладе отделения тайной военной полиции при 48-м армейском корпусе от 1 июля 1941 г. о том, что 26 июня 1941 г. в тюрьме Дубно были обнаружены трупы убитых накануне 550 человек, включая 100 женщин, говорится:²⁴ «Картина при входе в тюрьму и камеры была жуткой, и ее не передать словами. В камерах лежали более 100 трупов мужчин, стариков, женщин и девушек около 16 лет, расстрелянных и изувеченных ударами штыков». Обер-ефрейтор Штайнакер из штаба начальника связи 61-й дивизии заявил на своем военно-судебном допросе:²⁵ «Все люди были полностью раздеты. В каждой камере висели головами книзу 3-4 женщины. Они были привязаны веревками к потолку. Насколько я помню, у всех женщин были вырезаны груди и языки. Дети лежали скорчившись на полу». Некоторых преступников удалось установить — например, комиссара НКВД Винкура и женщину-агента НКВД Эренштейн.

Жестокое убийство более 4000 украинских и польских заключенных в тюрьмах города Львова (тюрьма Бригидки, тюрьма Замарстынов и тюрьма НКВД) во всех его ужасных подробностях уже явилось предметом детальных военно-судебных и судебно-медицинских дознаний и международных расследований послевоенного периода²⁶ и не требует здесь дальнейшего описания. Судебный медик, капитан медицинской службы профессор д-р Шнайдер сообщал 21 июля 1941 г. в служебном письме генералу медицинской службы д-ру Циммеру:²⁷ «Я убедился, что зверства над украинцами, литовцами, латышами и, к сожалению, также над пленными военнослужащими Вермахта, предпринятые в России ГПУ незадолго до сдачи городов... по своей жестокости и мерзости оставили далеко позади все доселе известное... Мой ассистент, находившийся в Лемберге два дня, сообщил мне, что случившееся нельзя ни описать, ни хотя бы обозначить. Убитых перед их смертью, вне всякого сомнения, еще подвергали садистским пыткам, и при этом использовались специально сооруженные для этого пыточные камеры».

В данном контексте существенным является тот упомянутый здесь и подтвержденный обширным документальным материалом факт, что среди гражданских жертв террора НКВД во Львове находились и пленные военнослужащие Вермахта. Ведь на советской стороне действовала принципиальная норма: вопреки международному праву передавать немецких военнопленных из военного ведомства Наркомата обороны (НКО) в полицейское ведомство Наркомата внутренних дел (НКВД), в целях чего, согласно директиве начальника Главного управления внутренних войск НКВД генерал-майора Аполлонова от 4 августа 1941 г., они сразу же после допросов переходили в ведение конвойных войск НКВД. Что означало для военнопленных быть принятыми НКВД, пожалуй, лучше всего проясняет то обстоятельство, что позднее начальником Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) был назначен генерал-лейтенант НКВД Кривенко, который, будучи комбригом НКВД, в 1940 г. руководил расстрелом военнопленных польских офицеров в лагере Осташков.²⁸

Помимо солдат сухопутных войск, первыми в тюрьмы НКВД попали прежде всего пленные военнослужащие Люфтваффе, и там их с первых дней войны ожидала насильственная смерть. Уже среди гор трупов во Львовской тюрьме НКВД были обнаружены несколько солдат германских Люфтваффе, и еще 29 июня 1941 г., перед бегством, комиссары НКВД Логинов и Маслов расстреляли во Львовском военном

госпитале трех раненых немецких летчиков, включая двух офицеров. 25 июня 1941 г. несколько членов экипажа бомбардировщика Ю-88 из 51-й бомбардировочной эскадры, совершившего вынужденную посадку под Тарнополем, среди них обер-фельдфебель Харенбург, были доставлены в местную тюрьму НКВД и там, вместе с другими пленными летчиками, убиты невысказанно жестоким образом.²⁹ Член экипажа обер-фельдфебель Шойрих, укрытый украинским крестьянином Пицумом и несколькими женщинами, а также обер-лейтенант запаса, д-р юридических наук Кюстер, бургомистр, и ефрейтор Калюза, по гражданской специальности — доцент фотографии, оба из штаба командира артиллерии — 129, изложили свои впечатления на военно-судебном допросе под присягой.³⁰ Согласно им, трупы летчиков, убитых в Тарнопольской тюрьме, частично были связаны, у них были выбиты глаза, отрезаны языки, уши и носы, а отчасти также содрана кожа на руках и ногах.

Ужасная находка была сделана 27 июня 1941 г. в Луцком центре НКВД.³¹ Здесь, как показал под присягой военно-технический административный советник Брюгман из 14-й танковой дивизии, лежали изувеченные тела 4-х военнослужащих германских Люфтваффе, среди них — лейтенант Штурм и неизвестный обер-лейтенант, которым отрубили конечности и нанесли страшные ожоги найденным рядом паяльником. Два офицера санитарной службы Люфтваффе, майор медицинской службы д-р Голла и обер-лейтенант медицинской службы д-р Кнак, 9 октября 1941 г. произвели вскрытие тел 11 немецких летчиков (среди них обер-лейтенант) и двух солдат сухопутных войск, обнаруженных в тюрьме НКВД в Проскурове [ныне Хмельницкий].³² Как показал на своем военно-судебном допросе украинец Коломыец, надзиратель тюрьмы, они поступили 27-28 июня 1941 г. и были убиты в ночь на 4 июля 1941 г. в подвале выстрелами в затылок.³³ И в этом случае, как и во Львове, удалось установить имена хотя бы некоторых преступников: заместитель начальника НКВД в Проскурове, заместитель начальника тюрьмы НКВД и караульный комендант Казанший, а также чекисты Вассерман, Махневич и Любчак. 28 июня 1941 г. трупы убитых немецких летчиков были обнаружены и в тюрьме погранвойск НКВД в Слободке.

Хотя систематические акты убийства органами Наркомата внутренних дел (НКВД) следует отличать от необузданных убийств военнослужащими Красной Армии, под влиянием развернувшейся тогда, лишенной всякой меры пропаганды ненависти и зверств с июля 1941 г. наблюдался растущий поток нарушений международного права и со стороны регулярных частей Красной Армии. Представление об этом может дать ряд случайно выбранных примеров. Так, 1 июля 1941 г. западнее Броник, между Ровно и Луцком, были расстреляны или, как видно из следственных сообщений от 2 и 5 июля 1941 г., «зверски» заколоты и забиты 165 раненых и не раненых военнослужащих 2-го батальона 35-го моторизованного пехотного полка 25-й моторизованной пехотной дивизии.³⁴ Это было сделано, согласно показаниям немногих выживших, умышленно, после предварительного ограбления и частично раздевания солдат, после захвата «знаков различия», под подгоняющие крики и при личном участии группы советских офицеров.³⁵ 30 июня 1941 г. было убито некоторое число раненых и в районе действий 119-го моторизованного пехотного полка.

1 июля 1941 г. советские солдаты в районе Рокитно изувечили 20-30 раненых из 465-го пехотного полка, среди них лейтенанта фон Понигау, и некоторых из них сожгли заживо.³⁶ Убиты были также 80 раненых из 295-й пехотной дивизии, которых в начале июля 1941 г. пришлось оставить на поле боя под Дабровкой (южнее Равы-Русской).³⁷ Западнее Минска в начале июля 1941 г. жертвами советской резни стали 30 военнослужащих санитарной роты, частично носивших нарукавные повязки Красного Креста.³⁸ Согласно показаниям свидетелей, 8 июля 1941 г. под Белостоком были изувечены, большей частью «до неузнаваемости», 26 военнослужащих поисковой разведгруппы и в это же время под Супраслем — 20 попавших в засаду военнослужащих 23-го истребительно-противотанкового батальона.³⁹ Лейтенант медицинской службы д-р Берге показал, что под Романовкой, западнее Бердичева, 10 июля 1941 г. были «расстреляны, заколоты или убиты ударами прикладов» 48 военнослужащих 1-го батальона 111-го пехотного полка, «также раненые и пленные». ⁴⁰ В середине июля 1941 г. в перелеске под Раей, севернее Тарту, Советы уложили рядом 17 оставленных раненых из 272-го пехотного полка и после причинения ужасных увечий задушили или расстреляли их.⁴¹ Как показал под присягой в ходе военно-судебного расследования майор медицинской службы д-р Шмидт, в те же дни были убиты, частично при таких ужасных истязаниях, как вырывание глаз, отрезание языков, разможнение половых органов, 12-15 раненых, попавших в руки врага перед отправкой на полевым аэродроме в Бобруйске.⁴²

Случайно выжившему раненому ефрейтору из 1-го артиллерийского полка пришлось стать свидетелем, как под Аре в Эстонии 29 июля 1941 г. одетые в униформу и вооруженные советские женщины убили его раненых товарищей и одному из них, у которого были прострелены обе ноги, вспороли живот кривым ножом.⁴³ Младший врач д-р Шток сообщил под присягой о зверском убийстве батальонного врача из 171-го пехотного полка, обер-лейтенанта медицинской службы д-ра Рейхардта 6 августа 1941 г. под Человкой, неподалеку от Коростеня.⁴⁴ 16 августа 1941 г. 16-я танковая дивизия сообщила, что у вокзала в

Грейгово были обнаружены убитыми 40 военнослужащих 79-го пехотного полка и несколько венгерских солдат.⁴⁵ 48 военнослужащих 164-го пехотного полка, среди них ефрейтор граф фон Гранье, согласно сообщению командира 3-го батальона майора Ленца, были, очевидно, убиты после боя под Барышевкой 23 сентября 1941 г.⁴⁶ Ужасной была участь солдат артиллерийского дивизиона, которые в раненом состоянии попали в руки врага под Вязмой в начале октября 1941 г. Как показал под присягой младший врач д-р Зоннлейтнер из 2-й санитарной роты 23-й танковой дивизии, их, как и еще 60 раненых, сожгли заживо в близлежащем сарае.⁴⁷ На этом фоне простой расстрел 11 не раненых и 8 раненых солдат в Ржавой (Тульская область) по приказу неизвестного политрука осенью 1941 г., о чем показал русский Мазель, кажется уже почти милостивым.⁴⁸ Капитан медицинской службы профессор д-р Бутц в районе действий Группы армий «Север» с 28 августа по 11 ноября 1941 г. в целом произвел вскрытие или иное судебно-медицинское обследование 44 убитых немецких солдат, в том числе 9 летчиков, 11 пехотинцев, 14 истребителей танков и других солдат и военных санитаров. Из его уже упомянутого следственного доклада от 4 декабря 1941 г. видно, что смерть у большинства из них должна была быть вызвана не только расстрелом, но и ужасными истязаниями: ударами ножом, в одном случае со «зверским завязыванием рта», тупыми ударами, выкалыванием глаз, перерезанием горла, отрезанием или отрубанием конечностей, отрезанием или размождением гениталий, сожжением заживо.

Убийства немецких военнопленных и раненых советскими солдатами, начавшиеся в первый же день войны по всей линии фронта и вскоре скачкообразно возросшие, вызывают вопрос о том, как относились к этим явлениям командные структуры Красной Армии. Уже указывалось на то, что советское правительство, отвечая на инициативу Международного Красного Креста и учитывая позицию западных держав, пыталось создать видимость, будто и оно «при условии взаимности» признаёт общепринятые среди цивилизованных государств принципы обращения с военнопленными, соответствующие международному праву. Однако «постановление о военнопленных» Совнаркома от 1 июля 1941 г., циркулярное письмо главного интенданта Красной Армии о продовольственных нормах для военнопленных от 3 июля 1941 г. и предложение начальника Санитарного управления Красной Армии о должном госпитальном обслуживании военнопленных от 29 июля 1941 г., утвержденное начальником Главного управления НКВД по делам военнопленных и интернированных, не дошли до войск — и тому имеются ясные подтверждения — и, во всяком случае, как показывают все примеры, грубо игнорировались всюду. Эти постановления, очевидно, преследовали главной целью введение в заблуждение заграничные точно так же, как, например, превознесенная Сталинская Конституция 1936 года, провозгласившая и гарантировавшая в СССР все мыслимые права человека и гражданина, из которых практически ни одно не воплотилось в жизнь, но все циничным образом были обращены в свою противоположность. Иначе, например, нельзя было бы понять совершенно явного противодействия запрету, предписанному начальником Генерального штаба Красной Армии, маршалом Советского Союза Шапошниковым начальникам штабов фронтов и армий, отнимать у «военнопленных личные ценные вещи, деньги и бумаги».⁴⁹ Ведь командующий войсками Крыма вице-адмирал Левченко (член Военного совета корпусной комиссар Николаев, начальник штаба генерал-майор Иванов) приказом № 091 от ноября 1941 г. как нечто само собою разумеющееся объявил общенародной собственностью денежные суммы и ценные вещи, отнятые у военнопленных, и, в соответствии с директивой Совнаркома № 0146, предписал немедленно передать их органам советского Госбанка. На практике обращение с военнопленными направлялось не директивами и постановлениями центральных властей, казавшимися серьезными только с виду, а приказами командиров, комиссаров и политруков, которые черпали свое вдохновение в подстрекательских лозунгах советской военной пропаганды.

Во всяком случае, многие приказы, донесения и показания советских офицеров и солдат позволяют увидеть разнузданность, с которой военнопленных и раненых просто-напросто вырезали. Так, еще до 28 июня 1941 г. командир 36-го пулеметного батальона приказал расстрелять всех немецких военнопленных под Равой-Русской.⁵⁰ Командир 225-го горно-стрелкового полка майор Савелин 2/3 июля 1941 г. приказал расстрелять западнее Сторожица на Буковине 400 румынских военнопленных и несколько пленных немецких офицеров и унтер-офицеров просто ввиду трудностей их транспортировки. После того, как медсестра Елена Ивановна Живилова в начале июля 1941 г. под Бьелем, близ населенного пункта Сухари, стала протестовать против намеченного расстрела раненого немца на поле боя, от нее, в присутствии старшего лейтенанта Толкача, лейтенанта Халиулина и нескольких политруков, потребовал объяснений соответствующий батальонный комиссар, уже в конце июня застреливший немецкого военнопленного, пригрозив ей уголовным делом.⁵¹ Ей настрого приказали впредь расстреливать всех пленных офицеров, и, как она показала: «Даже мы, медсестры, должны были производить расстрелы нашими “наганями”».

«Пленные офицеры расстреливались все без исключения, — говорится и в записках одного красноармейца,⁵² который вернулся к своим родителям в Усовку. — Расстрелов пленных я видел много... Только в одном месте их было 30.» Под Хомутовкой этот красноармеец наблюдал, как политрук убил

раненого офицера и раненого солдата. Для образа мыслей на низовом уровне характерно подписанное младшим лейтенантом Ефремовым донесение о боевых действиях танка № 304, чей экипаж «был проникнут горячим желанием... уничтожить побольше фашистских гадов». В этом донесении от 31 августа 1941 г. написано:⁵³ «Уничтожена санитарная машина с 2 лошадьми и 10 ранеными фашистами». Командир 1-й роты капитан Гадиев сообщал 30 августа 1941 г.: «Расстреляно 15 человек раненых», а политрук роты, младший политрук Буланов 5 сентября 1941 г.: «Разгромлен 1 санитарный батальон».

Имеется много документов, из которых вытекает ответственность за убийства пленных и более высоких командных инстанций. Так, майор из штаба 21-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора Борисова сообщил, что 4 июля 1941 г. по приказу штаба корпуса были расстреляны два немецких офицера,⁵⁴ а водитель из штаба 154-й стрелковой дивизии показал, что в начале августа 22 немецких военнопленных после допроса командиром и комиссаром дивизии были убиты выстрелами в затылок, а перед этим их заставили вырыть себе могилу.⁵⁵ Начальник штаба 26-й танковой дивизии подполковник Кимбар и начальник оперативного отделения майор Храпко совершенно мимоходом отметили в оперативной сводке № 11 от 13 июля 1941 г. как нечто само собою разумеющееся: «Сдано в плен до 80 человек, которые были расстреляны».⁵⁶

То, что подобные злодеяния могли совершаться и на основе приказов по армиям, подтвердил полковник Гаевский из 29-й танковой дивизии в своем показании о расстреле младших немецких офицеров от 6 августа 1941 г.⁵⁷ И было вполне логично, что, как показал советский лейтенант фон Гранц, батальонный адъютант в 800-м стрелковом полку, уже перед наступлением на Прокоповку 9 сентября 1941 г. был дан приказ не брать пленных.⁵⁸ Расстрел раненых офицеров при этом оставил за собой лично комиссар этого полка. Как и другие военнопленные советские офицеры, плененный командир 141-й стрелковой дивизии генерал-майор Тонконогов также заверял на своем допросе в августе 1941 г., что о расстрелах немецких пленных ему ничего не известно и что убийство раненых могло объясняться только «недисциплинированностью на поле боя».⁵⁹ При этом впоследствии стало известно, что именно генерал-майор Тонконогов сам приказал⁶⁰ расстрелять немецкого офицера за отказ от дачи показаний. Другой советский генерал 19 сентября 1941 г. потребовал от раненого фельдфебеля Зейбота из 35-го моторизованного пехотного полка данных о населенном пункте, еще не занятом немцами, и, как показал под присягой опрошенный, заявил при этом, что «медленно замучает меня до смерти», если информация окажется неверной.⁶¹ Этот советский генерал позднее также был пленен немцами.

Допускаемый международным правом отказ от дачи показаний вообще вновь и вновь использовался в штабах как повод (возможно, даже взятый за правило), чтобы расстреливать военнопленных. Так, если привести некоторые из множества примеров,⁶² 14 октября 1941 г. в Ильинском командир немецкой саперной роты после 20 минут, отпущенных ему на обдумывание, и после того, как ему еще разрешили написать письмо своим близким, был расстрелян лично начальником штаба 53-й стрелковой дивизии, точно так же, как немецкий обер-ефрейтор — по распоряжению подполковника Чичерина,⁶³ начальника штаба неуказанной дивизии. Хотя соответствующие действия также со стороны армейских, корпусных и дивизионных штабов вновь и вновь подтверждаются доказательствами, «общего приказа» по расстрелу пленных на этой стадии, похоже, не существовало, так что большое число таких убийств, согласно показаниям советских офицеров, политработников, врачей и солдат, уже в июле 1941 г. объяснялось с немецкой стороны «отдельными или специальными приказами» различных командных инстанций. При этом военнопленные офицеры и комиссары обвиняли в издании таких приказов друг друга,⁶⁴ но, видимо, ответственность несли в первую очередь комиссары, у которых было и больше возможностей и склонности ликвидировать, помимо офицеров, также «капиталистов» или «фашистов». Поскольку «Советы», как констатировал 15 сентября 1941 г., подводя итоги, штаб оперативного руководства Вермахта,⁶⁵ «зверски убивали по всему фронту с первого дня Восточной кампании», отпадает и слышимый иногда аргумент, что речь шла именно о мерах возмездия за применение немецкой стороной пресловутых директив о комиссарах, которые к тому же вообще не были известны в Красной Армии в начальной стадии войны.

Тот факт, что советские командные структуры, как доказано, вновь и вновь отдавали приказы расстреливать военнопленных, отказывающихся дать показания, вовсе не противоречил одновременному стремлению воспрепятствовать самовольным расстрелам в частях, чтобы получить военнопленных, доставленных в целях допроса. Об этом имеется многообразный материал: так, командир 168-го кавалерийского полка 41-й Отдельной кавалерийской дивизии полковник Панкратов и комиссар полка старший политрук Кутузов в тяжелейший период зимы, 28 декабря 1941 г., выражали недовольство и тем самым признавали, что подчиненные командиры частей тотчас расстреливают «немецких пленных фашистов» вместо того, чтобы приводить их в штаб, что препятствует разведке положения врага.⁶⁶ Начальник штаба неуказанной (видимо, 65-й стрелковой) дивизии майор Котик и комиссар штаба,

батальонный комиссар Кица предостерегали от самосудов и от того, чтобы просто расстреливать плененных солдат и офицеров, как было до сих пор, «вообще их не выспросив».⁶⁷ Поскольку такие случаи особенно часто встречались в 38-м стрелковом полку, командиру и комиссару полка теперь пригрозили в случае повторения строгим наказанием. Полковник Кашанский, начальник штаба 30-й стрелковой дивизии, уже в начале июля 1941 г. указал в приказе на безусловную необходимость направлять военнопленных, даже «в тяжелораненом состоянии», в дивизионный штаб с целью допроса.⁶⁸ Начальник штаба 62-й армии генерал-майор Москвин, военный комиссар штаба, полковой комиссар Зайцев и начальник разведотдела полковник Герман запретили подчиненным соединениям (31-я, 87-я, 196-я, 131-я, 399-я, 112-я стрелковые дивизии, 33-я гвардейская стрелковая дивизия, 20-я мотострелковая бригада), пригрозив строгими наказаниями, «расстрел совершенно безразлично какого числа пленных на поле боя»,⁶⁹ но тем самым, похоже, оставили открытой возможность расстрела в дальнейшем. А начальник штаба армии (видимо, 14-й) на мурманском участке полковник Малицкий и комиссар штаба, батальонный комиссар Бурьлин 8 сентября 1941 г. выразили в приказе недовольство, что подчиненные соединения, например, 88-я стрелковая дивизия, перешли к тому, чтобы попросту ликвидировать по дороге транспорты с пленными, не доставляя их в штаб,⁷⁰ что, однако, критиковалось не как, скажем, нарушение принципов гуманизма и международного права, а просто как «недостаток в организации войсковой разведки».

О методах допросов в штабах один из тех, кто должен был об этом знать, пленный полковой комиссар, сообщил зимой 1941/42 гг., что уже в полковом штабе, наряду с простым, существовал и «тяжелый допрос», а в армейских штабах — своего рода «тяжелейший допрос», проводимый особым отделом НКВД.⁷¹ При «тяжелом допросе» в полковом штабе военнопленного, если он отказывался дать показания, в присутствии командира и комиссара полка «держали за голову и за ноги по одному из присутствовавших солдат, и он получал 5-10 ударов палкой по ягодицам и спине. Если пленный после этого еще не готов к показаниям, то удары продолжают еще примерно 5-10 минут в усиленной форме. Тем временем его спрашивают еще несколько раз. Побои прекращаются только тогда, когда пленный теряет сознание или умирает». О «тяжелейшем допросе» в армейском штабе майор Киянченко из штаба 19-й, а затем 33-й армии сообщил, «что НКВД избивает раздетых догола пленных резиновыми дубинками и что при этом отбиваются и уши, поскольку удары следуют также в лицо. Кроме того, им там вырывают ногти на руках. Еще один метод — отбивать кончики пальцев рук острыми ножами. Чтобы повысить действенность, кончик пальца отрубается не одним ударом, а постепенно, несколькими ударами». При соответствующих допросах в дивизионном штабе в отношении также раздеваемых здесь военнопленных использовались плетеные кожаные ремни. Если военнопленный после «тяжелого допроса» давал лишь малозначимое показание, то его «затем расстреливали по приказу командира полка».

Вообще после того, как допрос, наконец, проводился, командные структуры больше не участвовали в дальнейшей судьбе пленного, а передавали его в особый отдел НКВД, «о котором известно, что он расстреливает всех пленных». Так, например, интендант 57-й танковой дивизии Розенцвейг, согласно показанию начальника оперативного отделения в штабе 1-й Пролетарской моторизованной дивизии подполковника Ляпина, 16 сентября 1941 г. после допроса, не долго думая, лично застрелил двух немецких офицеров. Один советский полковник сообщил 21 февраля 1942 г. о расстреле немецкого офицера-летчика даже в присутствии командующего 3-й армией генерал-лейтенанта Кузнецова и других высоких офицеров армейского штаба.⁷²

Начальник штаба 47-й армии, воевавшей на Кавказе, полковник Васильев, военный комиссар штаба, старший батальонный комиссар Маков и начальник разведотдела подполковник Баранов, сославшись на обычные убийства военнопленных в частях в 1942 г., привели пример расстрела двух летчиков 83-й Отдельной морской стрелковой бригадой. Командирам и комиссарам всех войсковых частей запретили тогда не расстреливать пленных в принципе, а лишь «расстреливать военнопленных без разрешения Военного совета армии».⁷³ Впрочем, о том, как в этой армии поступали с экипажами немецких самолетов после допроса, сообщил офицер связи при оперативном штабе Туапсинского оборонительного района (ТОР) лейтенант Редко 26 ноября и 1 декабря 1942 г.:⁷⁴ «В штабе 47-й армии 3-х немецких летчиков допрашивали три дня, им не давали есть, затем им пришлось снять униформу, вырыть самим себе могилу, и они были расстреляны». Уже в директиве начальника политотдела 9-й кавалерийской дивизии комиссарам всех частей от декабря 1941 г. говорится: «Разъясните бойцам и командирам, что враг нигде не найдет пощады, в смысле — и в высших штабах тоже... Мы всегда придем вовремя, чтобы разобраться с ними. Ни один захватчик не покинет нашу землю живым».⁷⁵ «Служба Вермахта по расследованию нарушений международного права», изучив трофейные документы и сотни показаний пленных, выразила свое мнение в памятной записке от марта 1942 г.: причиной для запрета убийств пленных в частях «ни в малейшей мере не послужила, например, забота об обращении с военнопленными согласно международному праву, а исключительно заинтересованность в доставке военнопленных со стороны

русских штабов, заботящихся о своей разведке».⁷⁶

И, тем не менее, в некоторых документах, наряду с соображениями чисто военной пользы, проскальзывает нечто вроде политического мотива. Так, командующий 5-й армией генерал-майор Потапов (член Военного совета дивизионный комиссар Инкишев [Никишев?], начальник отдела политической пропаганды бригадный комиссар Кольченко) в своем приказе № 025 от 30 июня 1941 г. хотя и охарактеризовал расстрелы немецких офицеров и солдат как «вполне правомерные», но одновременно запретил на будущее «самостоятельные» расстрелы, причем не только для того, чтобы получить возможность сначала допросить немецких солдат, но и по скорее политическому соображению содействия разложению немецкой армии.⁷⁷ Начальник отдела политической пропаганды 31-го стрелкового корпуса бригадный комиссар Иванченко, похоже, все еще ошибочно исполненный классовых идей, в своем приказе № 020 политорганам 193-й стрелковой дивизии от 14 июля 1941 г.⁷⁸ сетовал не только на то, «что пленных душат и закалывают», но и на «позорные случаи... грабежа», то есть насильственного отнятия даже «часов, карманных ножей и бритв». Бригадный комиссар, очевидно, несколько оторванный от жизни, указывал на политическую вредность этого «недостойного Красной Армии обращения с пленными» и разъяснял подчиненным политическим органам, «что немецкий солдат — рабочий и крестьянин — воюет не по своей воле, что немецкий солдат, если он сдается в плен, перестает быть врагом», что, следовательно, нужно «принять все меры для пленения солдат и особенно офицеров». И, совершенно не понимая политической линии и реальной ситуации, он добавил: «Помните, что пленным разрешено сохранять все личные вещи, носить униформу и даже свои ордена».

Аналогично начальник штаба 21-й армии, репрессированный позднее генерал-майор Гордов и комиссар штаба, бригадный комиссар Погодин в приказе от 8 августа 1941 г., доведенном также до сведения военного прокурора и начальника особого отдела НКВД 21-й армии, еще раз настойчиво внушали частям о мнимом «запрете правительства» «грубо обращаться с пленными и отнимать у них личное имущество», идет ли речь о «золотых часах» или о «носовых платках»⁷⁹ — более чем наивное представление об обычной практике солдат Красной Армии. «Позорящие» Красную Армию мародерские бесчинства надлежало прекратить немедленно. Политический мотив звучал (возможно, уже менее отчетливо) и в других приказах — так, когда командир 6-го стрелкового корпуса генерал-майор Алексеев, военный комиссар, бригадный комиссар Шаликов и начальник штаба полковник Еремин 23 июля 1941 г. объявляли, что командные структуры не могут получить данных о положении врага, «поскольку многие части корпуса до сих пор расстреливали пленных».⁸⁰ Начальнику отдела политической пропаганды 159-й стрелковой дивизии батальонному комиссару Севастьянову и начальнику особого отдела Рахуву за «возмутительный случай» самовольного расстрела как-никак был объявлен выговор. Одновременно командирам дивизий и других частей корпуса пригрозили, что ответственные за нарушение международных норм будут впредь «строжайшим образом» привлекаться к ответственности. И еще 2 декабря 1941 г. начальник штаба Приморской армии в Севастополе приказом № 0086 обратился против распространенной практики «уничтожения» военнопленных без предварительного допроса. Он тоже усматривал в «многократно практикуемом методе расстрела пленных уже при задержании отпугивающее средство для врага, которое затем удерживает его от сдачи».⁸¹

Приказы такого рода восходили к той стадии войны, когда старый лозунг коммунистической классовой борьбы «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» еще продолжал для проформы сохраняться. Этот лозунг, как теперь говорилось, частично приводил к «неуверенности» и «дезориентации определенного слоя военнослужащих армии». Отныне, когда, как открыто признавалось, нужно было «уничтожать всех фашистских извергов», оказалось целесообразно заменить пролетарский лозунг другим программным лозунгом. 10 декабря 1941 г. начальник Главного политического управления Красной Армии армейский комиссар 1-го ранга Мехлис директивой № 278 распорядился устранить лозунг «Пролетарии всех стран...» и помещать отныне во главе всех изданий политорганов, от армейской газеты «Красная звезда» до последней листовки, ясно видимый лозунг «Смерть немецким оккупантам!»,⁸² который должен был теперь служить неизменным руководящим принципом для всей Красной Армии и восприниматься в этом смысле дословно.

Примечания

1. BA-MA, RH 24-3/134, 16.7.1941.
2. Befehl Nr. 3 des Oberbefehlshabers der Nord-West-Armee, Archiv des Verf.
3. BA-MA, RH 21-3/437, 6.8.1941.
4. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 285.
5. BA-MA, RW 4/v. 330, 18.1.1942.

6. BA-MA, RH 20-17/458, 17.2.1943; BA-MA, RH 20-17/330, o. D.
7. Erfolge der Freischärler, Archiv des Verf.
8. BA-MA, RW 2/v. 151, 6.11.1941.
9. Ebenda, 5.2.1942.
10. BA-MA, RW 2/v. 152, 23.11.1941.
11. BA-MA, RW 2/v. 151, 19.1.1942.
12. BA-MA, RW 2/v. 152, 31.10.1941.
13. BA-MA, RW 2/v. 151, 5.2.1942.
14. BA-MA, RW 2/v. 152, 26.11.1941.
15. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 103, S. 427 ff.
16. BA-MA, RW 2/v. 153, 17.6.1942.
17. BA-MA, RW 2/v. 151, 12.2.1942.
18. BA-MA, RW 2/v. 153, 8.7., 15.7.1941.
19. BA-MA, RW 2/v. 152, 5.2.1942.
20. BA-MA, RH 24-3/134, 29.6.1941.
21. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 328.
22. Wilhelm, Die Einsatzgruppe A, S. 300 ff.
23. BA-MA, H 20/290, 4.12.1941.
24. BA-MA, RH 24-48/198, 1.7.1941.
25. BA-MA, RW 2/v. 153, 19.6.1942.
26. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 333 ff.
27. BA-MA, H 20/290, 21.7.1941.
28. Kilian, Die «Mühlberg-Akten», S. 1142.
29. BA-MA, RW 2/v. 153, 14.1.1942.
30. BA-MA, RW 2/v. 151, 22.9.1941.
31. Ebenda, 1.10.1941.
32. Ebenda, 9.10.1941.
33. Ebenda, 28.11.1941.
34. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 273 ff.
35. BA-MA, RW 2/v. 151, 1.7.1941; BA-MA, RH 24-3/134, 2.7., 5.7.1941.
36. BA-MA, RW 2/v. 153, 18.6.1942.
37. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 273.
38. BA-MA, RW 2/v. 153, 8.4.1942.
39. BA-MA, RW 2/v. 151, 26.1.1942.
40. BA-MA, RH 24-48/200, 10.7.1941.
41. BA-MA, RW 2/v. 151, 23.1.1942.
42. BA-MA, RW 2/v. 153, 11.6.1942.
43. BA-MA, RW 2/v. 152, 30.10.1941.
44. Ebenda, 22.11.1941.
45. BA-MA, RW 24-48/200, 16.8.1941.
46. BA-MA, RW 2/v. 151, 29.9.1941.
47. BA-MA, RW 2/v. 152, 10.3.1942.
48. BA-MA, RW 2/v. 153, 6.7.1942.
49. BA-MA, RW 2/v. 158, o. D.
50. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 273, S. 282.
51. BA-MA, RW 2/v. 152, 13.10.1941.
52. BA-MA, RH 21-1/481, 13.1.1942.
53. BA-MA, RW 2/v. 153, 30.8.-2.9.1941.
54. BA-MA, RH 21-2/v. 647, 6./7.7.1941.
55. BA-MA, RW 2/v. 153, 20.3.1942.
56. BA-MA, RW 2/v. 152, 13.7.1941.
57. BA-MA, RW 2/v. 151, 6.8.1941.
58. BA-MA, RW 2/v. 153, 24.1.1942.
59. Vernehmung des General-Major Tonkonogow, o. D., Archiv des Verf.
60. BA-MA, RH 21-1/472, 16.8.1941.
61. BA-MA, RW 2/v. 153, 7.5.1942.
62. BA-MA, RW 2/v. 151, 17.10.1941; BA-MA, RW 2/v. 158, 19.1.1942.
63. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 282.
64. BA-MA, RW 2/v. 158, 25.7., 27.7.1941.
65. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 305.
66. BA-MA, RW 2/v. 158, 28.12.1941.
67. Ebenda, o. D.
68. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 288.

69. BA-MA, RW 2/v. 158, 9.9.1942.
70. BA-MA, RW 2/v. 151, 29.11.1941.
71. BA-MA, RW 2/v. 153, 16.4.1942.
72. BA-MA, RW 2/v. 158, 21.2.1942.
73. BA-MA, RH 20-17/368, 1942.
74. Hoffmann, Kaukasien 1942/43, S. 122.
75. BA-MA, RW 2/v. 151, o. D.
76. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 306.
77. BA-MA, RW 2/v. 158, 14.9.1941.
78. Ebenda, 14.7.1941.
79. Ebenda, 8.8.1941.
80. BA-MA, RH 24-3/134, o. D.; BA-MA, RW 2/v. 151, 29.11.1941.
81. BA-MA, RW 2/v. 158, 8.9.1942.
82. BA-MA, RH 20-17/330, 10.12.1941; BA-MA, RH 2/2411, 26.1.1942.

Глава 11. «Всех до единого». Убийствам военнопленных нет конца

Если отныне и в политической пропаганде «национальный» принцип уничтожения занял место интернационального классового принципа, еще — по крайней мере, формально — не забытого до сих пор, то это объяснялось тем, что Сталин в своем докладе по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции 6 ноября 1941 г. в Москве официально призвал к истребительной войне против немцев.¹ «Что ж, — воззвал он на торжественном заседании Московского Совета к представителям партийных и общественных организаций, — если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получают. (Бурные, продолжительные аплодисменты). Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов. (Бурные аплодисменты, возгласы: «Правильно!», крики «Ура!»). Никакой пощады немецким оккупантам! Смерть немецким оккупантам! (Бурные аплодисменты)... Но, чтобы осуществить эти цели, нужно... истребить всех немецких оккупантов до единого... (Бурные, продолжительные аплодисменты).»

Желание Сталина являлось, разумеется, приказом, и оно было буквально в этом смысле воспринято советской военной пропагандой и всюду распространено в Красной Армии по испытанным правилам политагитации. В какой форме теперь смог дать волю своему инстинкту ненависти особенно Эренбург, уже было изложено в другом месте. Он с готовностью воспринял призыв Сталина, во все новых вариациях взывая к убийству всех немецких солдат без исключения. «Мы зароем в нашу землю... пять миллионов (трупов)», — послышалось от него 2 декабря 1941 г. «Теперь мы решили перебить всех немцев, которые ворвались в нашу страну..., — воззвал он к солдатам Красной Армии 3 декабря 1941 г. — Мы попросту хотим их уничтожить. Это гуманная миссия, она выпала на долю нашего народа. Мы продолжаем дело Пастера, который открыл сыворотку против бешенства. Мы продолжаем дело всех ученых, нашедших способы уничтожения смертоносных микробов.» «Их нужно загнать в землю. Их нужно уничтожить. Одного за другим,» — писал он 22 декабря 1941 г. 20 февраля 1942 г. было сказано: «Тебе поручено убить их — отправь их под землю», и 13 марта 1942 г. вновь: «Вы должны истребить немцев с лица земли».²

Как видно из бумаг, найденных у одного убитого красноармейца, призывы Эренбурга в 1942 г. действительно давно уже стали в Красной Армии общим местом. Так, этот красноармеец имел при себе рукопись «Тема доклада для политруков», в основе которой лежали уже процитированные слова Эренбурга:³ «Если ты убил одного немца, убей другого, третьего... Убей немца! — это просит старуха мать. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля... Не пропусти. Убей...» «Уничтожим фашистских извергов до последнего, — совершенно в том же духе говорилось и в передовой статье ежедневной армейской газеты «Ленинский путь» от 30 ноября 1941 г.⁴ — Каждый из нас должен с честью выполнять приказ товарища Сталина и уничтожать всех немецких оккупантов до единого. Убить десять, двадцать, сто фашистских негодяев — это требуется сейчас от каждого бойца, офицера и политработника.» С декларациями Эренбурга и Главного политуправления во всех отношениях совпадали во мнении высокие командные структуры Красной Армии.

Приказ командующего Западным фронтом генерала армии Жукова, изданный совместно с членом Военного совета, заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР Булганиным 14 декабря 1941 г., содержит, например, такие формулировки: «Ни один гитлеровский бандит, вторгшийся в нашу страну, не должен уйти живым. Наш священный долг состоит в том, чтобы жестоко мстить... и уничтожить всех немецких оккупантов до единого».⁵ Военный совет Ленинградского фронта 1 января 1942 г. призвал население в немецком тылу не дать никуда уйти «кроме как в землю, в могилу» солдатам противника, которые названы «гитлеровскими собаками», «фашистскими людоедами».⁶ Мол, в этой «беспощадной истребительной войне» годится любое средство: «ружье, граната, топор, коса, лом». Генерал-майор Федюнинский, командующий 54-й армией, члены Военного совета бригадный комиссар Сычев и бригадный комиссар Бумагин, а также начальник штаба генерал-майор Сухомлин потребовали в «приказе частям 54-й армии» по случаю Нового 1942 года «уничтожить немецкое двуногое зверье на подступах к великому городу Ленинграду»,⁷ а в еще одном приказе, на сей раз совместно с членом Военного совета бригадным комиссаром Холостовым и начальником штаба генерал-майором Березинским, — «уничтожить всех фашистских бандитов до единого».⁸ Сталинский лозунг от 6 ноября 1941 г. был и девизом генерал-полковника Еременко, назначенного 30 декабря 1941 г. командующим 4-й ударной армией.⁹ «Призываю всех военнослужащих армии, — говорится в приказе частям 4-й ударной армии по случаю принятия командования, который Еременко издал совместно с членом Военного совета бригадным комиссаром

Рудаковым и начальником штаба генерал-майором Курасовым, — с честью выполнить приказы великого вождя и полководца товарища Сталина и уничтожить и истребить всех оккупантов до единого.»

Согласно выводам генерала для особых поручений при Главном командовании сухопутных войск, призыв Сталина был в Красной Армии повсеместно «понят и истолкован так... что следует убить каждого немецкого военнослужащего Вермахта — воюет ли он или ранен или пленен».¹⁰ Трофейные документы и показания пленных действительно не оставляют сомнения в приказном характере сталинского требования. Так, по показаниям одного пленного полкового комиссара, при обращении с немецкими военнопленными решающим был «приказ Сталина от ноября 1941 г.», согласно которому «всех военнопленных... нужно расстреливать», хотя этот комиссар в то же время оговорился, что перебежчиков отправляют в тыл в качестве пленных. Однако этому противоречило показание военнослужащего Кисилева из 406-го стрелкового полка. Его командир взвода, младший лейтенант Колесниченко перед наступлением на Лески 17 января 1942 г. объявил следующий приказ комиссара полка: «Пленных не брать, всех немцев убивать. В живых не должен остаться никто».¹¹ И среди бумаг одного погибшего советского офицера нашлось указание на соответствующее освещение вопроса на предстоящем партийном собрании 8-й батареи 28 декабря 1941 г. Согласно ему, устная пропаганда и агитация, стоящая в центре партийной работы, «распространялась в особенности на выполнение приказа товарища Сталина: всех немцев... уничтожать до единого».

Темой для политучебы 10 февраля 1942 г. в 5-й роте 2-го батальона 870-го стрелкового полка 287-й стрелковой дивизии, гласит запись в записной книжке политрука, также являлась «поставленная Сталиным задача уничтожения фашистов, вторгшихся на нашу территорию».¹² Согласно показанию лейтенанта Парамонова, на основе сталинского приказа уничтожались и раненые, «так как они все равно не могут работать и приносить пользу».¹³ Старший сержант Марущак из 28-го мотострелкового полка и другие военнопленные единодушно занесли в протокол, что приказ Сталина «больше нельзя брать немецких пленных, всех немецких пленных и попавших в плен немецких раненых нужно расстреливать немедленно» с 6 ноября 1941 г. каждый день зачитывался в частях политруками, а иногда и офицерами.¹⁴ Согласно красноармейцу Сейбелю из 337-й стрелковой дивизии, каждому солдату даже вручалась «копия приказа Сталина» об уничтожении всех немецких солдат.¹⁵ «Приказ Сталина, — сказал старший сержант Щербатюк, командир отдельного батальона связи 351-й стрелковой дивизии, — по которому всех немцев надо уничтожать, стал известен всем.»¹⁶ Сам Щербатюк, как он засвидетельствовал, «слышал о многих расстрелах и жестоких расправах».

Уже 15 ноября 1941 г. проведенное дивизионным врачом 20-й пехотной дивизии подполковником медицинской службы д-ром Маусом и батальонным врачом капитаном медицинской службы д-ром Бухардом обследование тел 70 солдат 90-го пехотного полка, попавших в руки противника под Боровиком, привело к выводу, что большая часть из них была убита в раненом состоянии.¹⁷ Как отметил в справке начальник разведотдела штаба 33-й армии капитан Потапов, по приказу комиссаров 1-й гвардейской мотострелковой дивизии с 1 по 6 декабря 1941 г. на ее участке под Наро-Фоминском было расстреляно 100, а другими частями, например, 222-й стрелковой дивизией, еще некоторое число [15] немецких военнопленных.¹⁸ В середине декабря под Будогощем, западнее Тихвина, были изувечены, убиты и ограблены 72 частично раненых военнослужащих 76-го пехотного полка (20-я моторизованная пехотная дивизия).¹⁹ Военнослужащий 250-й испанской пехотной дивизии Амадео Казанова сообщил на своем военно-судебном допросе под присягой об убийстве раненого испанского лейтенанта и четырех раненых испанских солдат 27 декабря 1941 г. севернее Новгорода.²⁰ Раненые солдаты «Голубой дивизии» были убиты и изувечены и в другом месте.

«Одной из худших жестокостей этой ужасной войны», писал сэръ Реджинальд Т. Паджет (Paget),²¹ британский адвокат обвиненного перед британским военным судом фельдмаршала фон Манштейна, явилось — по крайней мере, что касается мерзости убийства — систематическое убийство немецких военнопленных, особенно раненых, попавших в советские руки при десантной операции в Феодосии в последние дни декабря 1941 г. Только в госпиталях Феодосии советскими солдатами и частично краснофлотцами были расстреляны, выброшены из окна, забиты железными прутьями, обречены на смерть от обморожения в волнах морского прибоя или убиты иным жестоким способом около 160 оставленных тяжелораненых, среди которых оставшийся с ними, проявив «высочайший дух самопожертвования», лейтенант медицинской службы и 6 солдат-санитаров 715-й моторизованной санитарной роты сухопутных войск, а также несколько русских санитаров. Совпадающие показания русских и немецких свидетелей, среди которых капитан медицинской службы Буркгардт, воссоздают однозначную картину жуткого события и одновременно указывают на некоторых ответственных.²²

Так, русский санитар (видимо, татарин) Калафатов под присягой сообщил об убийстве раненых, находившихся в госпитале напротив виллы Стамболи, 6 января 1942 г.,²³ после того, как еще корректного

советского армейского офицера сменил исполненный ненависти старший лейтенант Черноморского флота по фамилии Айданов. В другом месте татарский санитар Бурсуд, который сам боялся расстрела, мог наблюдать из укрытия убийство немецких раненых рубящим и колющим оружием и слышать «ужасные крики немцев». Один тяжело раненый в бедро немецкий солдат, лежавший на улице с отмороженными тем временем конечностями, «который день и ночь жалобно стонал», как сообщила потрясенная русская супружеская пара, был убит выстрелами в лицо по распоряжению советской женщины в униформе («врача или комиссара») подозванными краснофлотцами.²⁴

Когда русский врач Дмитриев осторожно спросил комиссара 9-го стрелкового корпуса (имелась в виду, видимо, 9-я стрелковая дивизия) в присутствии других комиссаров, на каком основании расстреливают раненых, он получил ответ, что данное ими (комиссарами) указание о расстреле основано «на речи Сталина от 6 ноября 1941 г., в которой Сталин заявил, что все немцы... должны быть уничтожены».²⁵ Поэтому комиссар «считал вполне нормальным, что немецких раненых уничтожили». Советские солдаты «жестоко увечили» немецких раненых и при попытке десанта под Евпаторией 5 января 1942 г.²⁶

Очевидно, что все упомянутые здесь события представляют собой лишь небольшой фрагмент общей картины, и тому имеется немало доказательств. Так, техник-интендант 2-го ранга Малюк сообщил о предпринятом по приказу начальника особого отдела НКВД и комиссара 2-й ударной армии, бригадного комиссара Васильева расстреле 12 немецких военнопленных непосредственно у штаба 2-й ударной армии под Папоротно 13 января 1942 г.²⁷ Общий менталитет войск Красной Армии проявился и в распространенном Московским радио 24 января 1942 г. фронтовом очерке советского писателя Олега Эрберга о расстреле военнопленного немецкого офицера «героическим экипажем» советского танка. Так, командир танка заявил: «Я хочу застрелить эту собаку своим револьвером спереди, чтобы насладиться его страхом».²⁸ 4 февраля 1942 г. начальник штаба 636-го стрелкового полка майор Сушинский невозмутимо доложил начальнику штаба 160-й стрелковой дивизии вместе с младшим политруком Дучковым, что старший сержант Кабулов «заколол штыком» раненого немца под Беседино «ввиду его тяжелого ранения».²⁹ Под Шеллешаро 17 февраля 1942 г., как подтвердил под присягой на военно-судебном допросе обер-ефрейтор Эммерих, были обнаружены 30 оставленных накануне раненых в следующем состоянии: «Выколоты глаза, частично отрезаны уши, носы, языки и половые органы... Их всех замучили до смерти».³⁰

Старшему священнику Цикуру из штаба 62-й пехотной дивизии в его качестве офицера-могильщика 24 и 25 февраля [1942 г.] под Тройчатым (у дороги Харьков — Лозовая) пришлось идентифицировать тела 42-х жутко изувеченных солдат 179-го пехотного полка.³¹ «Первое впечатление было ужасным, — засвидетельствовал он, — у многих были отрезаны носы и выколоты глаза. У очень многих солдат были отрезаны пальцы с кольцом... у одного солдата были отрезаны все пальцы левой руки... у одного выломана из сустава и оторвана левая рука.» Русское население, сказал священник Цикур, «было испугано и возмущено этими увечьями».

Как обычно обращались с пленными партизаны, засвидетельствовали перед 570-й группой тайной военной полиции два арестованных преступника, партизаны Клешников и Кузьменков.³² Согласно их показаниям, в партизанском штабе в Гортопе под Ельней 27 февраля 1942 г., в ощутимо холодный день, по приказу комиссара Юденкова 6 немецких солдат после допроса и после того, как их еще заставили вырыть могилу в снегу, казнили следующим образом: «Их поставили в один ряд и потом выталкивали из него по одному. Потом их штыком кололи в бок. Потом многие набрасывались на заколотого и еще кололи его штыками. После каждого убийства трупы отбрасывали в сторону и принимались за следующего. Пленных гнали на место казни в одних рубахах и кальсонах и босыми. Я сам тоже колол не раз». Техник-интендант 2-го ранга Калепченко, начальник похоронной команды 1260-го стрелкового полка 380-й стрелковой дивизии, засвидетельствовал, что в Гриве в середине марта 1942 г. похоронил 40 немецких солдат, которые все имели признаки тяжелых увечий.³³ Все эти примеры, почерпнутые из множества подобных, могут дать, конечно, только общее представление. Да и сообщения об убийствах пленных зачастую доходили до немцев лишь случайно. Так, например, только позже стало известно, что зимой 1941/42 гг. «под Торопцом в руки русских попал немецкий транспорт с ранеными. Всех раненых зверски пристрелили или закололи».³⁴

Уже упоминалось, что надругательство над военнопленными, ответственность за которое несет сталинский режим, не всюду находило понимание и на советской стороне и подчас вызывало возражения, в т. ч. и политически мотивированные. Ефросиния Михайлова 1 марта 1942 г. в Успеновке стала свидетельницей, как советский майор, старший лейтенант и комиссар совещались в ее доме, что делать с 8 немецкими военнопленными.³⁵ Когда даже комиссар высказался за то, чтобы нести их с собой дальше, майор возразил ему: «Ты же знаешь приказ Сталина». После этого 8 немецких военнопленных отвели за избу и расстреляли. В ноябре 1941 г. под Комарами (Севастополь) советский командир взвода закричал на красноармейца Демченко, который хотел помочь раненому: «Оставь немецкого черта в покое, его

расстреляют». Демченко смог задержать расстрел лишь на время, выразив свое мнение, что «ведь бедный раненый тут ни при чем, и было бы человеческим долгом перевязать его».

Но не соображения гуманности, а заинтересованность командных структур в получении разведанных за счет допроса плененных, по-прежнему наличная и на этой стадии, а также сильнее проявлявшийся аргумент о разлагающем воздействии на немецкие войска, в конечном итоге, заставили по-новому истолковать сталинский приказ от 6 ноября 1941 г. Ведь было понятно, что сопротивление должно стать более упорным, если солдат знает, что в случае пленения непременно будет расстрелян или изувечен. Сталин 6 ноября 1941 г. — и так его слова и были истолкованы повсеместно в Красной Армии — не оставил сомнений в том, что нужно истребить всех немцев, вторгшихся на территорию Советского Союза, «до единого». Однако в приказе № 55 от 23 февраля 1942 г., который он издал к годовщине Красной Армии в своем качестве наркома обороны, его прежнему высказыванию был внезапно приписан совсем иной смысл.³⁶ А именно, Сталин заявил теперь, что предположение, будто Красная Армия уже «из-за ненависти ко всему немецкому... не берет в плен немецких солдат», является «глупой брехней и неумной клеветой» на Красную Армию, воспитанную в духе уважения к другим народам и расам, — бесстыдное утверждение перед лицом приведенной в движение им самим пропаганды ненависти с советской стороны. Однако сталинские слова из приказа № 55 сами по себе были недвусмысленными: «Красная Армия берет в плен немецких солдат и офицеров, если они сдаются в плен, и сохраняет им жизнь. Красная Армия уничтожает немецких солдат и офицеров, если они отказываются сложить оружие...»

Командующий Западным фронтом генерал армии Жуков, который 14 декабря 1941 г. совместно с членом своего Военного совета Булганиным призвал свои войска «жестоко мстить» и не дать уйти живым ни одному «гитлеровскому бандиту», теперь также был вынужден совершить поворот. В приказе, направленном «командирам и членам Военных советов», Жуков и член Военного совета Хохлов, основываясь на сталинском приказе № 55, запретили отныне «расстреливать плененных... кому бы то ни было».³⁷ «Разъясняю, — внезапно было сказано здесь, — что товарищ Сталин никогда не говорил о расстреле вражеских солдат, если они складывают свое оружие, сдаются в плен или добровольно переходят к нам.» Согласно приказу армейского комиссара 2-го ранга Кузнецова из Главного политуправления Красной Армии, немецкие войска теперь надлежало в усиленной мере подвергать пропагандистской обработке и убеждать в том, что Красная Армия, якобы, «не знает расовой ненависти к немецкому народу и не имеет идиотского намерения уничтожить немецкий народ и германское государство» и что поэтому она берет в плен сдающихся немецких солдат и офицеров и гарантирует им жизнь.³⁸

Уже тот факт, что антинемецкая пропаганда ненависти, как ее вели Эренбург и другие, неизменно продолжалась во всю мощь, уличает такие разглагольствования во лжи. Сам Сталин уже в своем приказе к 1 мая 1942 г. вновь использовал очень двусмысленные слова и говорил о задаче истребить «немецких» (а не, к примеру, «фашистских») оккупантов «до последнего человека, поскольку они не будут сдаваться в плен».³⁹ Распространенный в 1942 г. в частях Красной Армии приказ Сталина № 130 также призывал солдат к непримиримой ненависти.⁴⁰ Кроме того, на немецкую сторону просочились сведения насчет якобы изданных секретных приказов Сталина о том, чтобы из практических соображений брать в плен немецких солдат больше не поодиночке, а только лишь группами. Надлежало также расстреливать солдат, сопротивлявшихся до последнего, летчиков или так называемых «фашистов», и действительно, во многих сообщениях идет речь о расстреле офицеров, членов НСДАП или таких военнопленных, которые высказывали «фашистские» идеи,⁴¹ — явное подобие расстрелов комиссаров и политруков, частично практиковавшихся немецкой стороной до весны 1942 г.

Во всяком случае, «Служба Вермахта по расследованию нарушений международного права» Верховного главнокомандования Вермахта, изучившая соответствующий материал, расценила «смену курса» после 23 февраля 1942 г. как чисто пропагандистскую меру перед лицом заграницы и констатировала в сентябре 1942 г. «непрерывную, ни в малейшей степени не спадающую череду грубейшего насилия над международным правом. Методы и система действий русских остались неизменными с начала кампании против России вплоть до сентября 1942 г.»⁴² Действительно, надругательства над военнопленными продолжались, как будет показано на ряде выбранных примеров.

38 немецких солдат, тела которых были найдены под Променной после окончания морозов привязанными друг к другу и с «признаками ужаснейших надругательств»,⁴³ возможно, были убиты еще до 23 февраля 1942 г. Как сказано в докладе 6-й танковой дивизии командованию 9-й армии от 29 апреля 1942 г., у них, «например, были выколоты глаза, отрезаны кончики носа и вырваны языки. Другим раздробили челюсти и конечности (вероятно, ударами прикладов), и лишь затем их окончательно добились пистолетными выстрелами. Некоторые лежали совершенно голые, на других же были еще надеты только части одежды. Удалось однозначно установить и признаки удушения». После 23 февраля 1942 г. имел место и единственный известный случай, когда виновный, командир взвода лейтенант Кудрявцев из 1264-

го стрелкового полка 17-й гвардейской стрелковой дивизии, был отдан под военный трибунал за убийство 4-х немецких военнопленных, но тоже лишь потому, что он помешал получению разведанных о враге. В остальном сталинский приказ № 55 практически не имел последствий.

Старший лейтенант Шеванов, командир батальона в 1129-м стрелковом полку 337-й стрелковой дивизии, занес в протокол на военно-судебном допросе, что с 14 по 17 марта 1942 г. начальник штаба этого стрелкового полка майор Ашкенази велел расстрелять под Глазуновкой тяжелораненого унтер-офицера, а комиссар полка Кондратьев — двух раненых немцев.⁴⁴ От старшего лейтенанта Шофтияка, командира стрелкового взвода особого отдела НКВД дивизии, он узнал, что в принципе расстреливаются все офицеры и тяжелораненые немцы и финны. Старший лейтенант Нишельский, командир роты в 3-м батальоне 15-й стрелковой бригады, 8 июля 1942 г. засвидетельствовал, что командир 15-й стрелковой бригады Балабуха дал ему приказ, который сам он считал «позором и глупостью» и потому не передал дальше, а именно приказ «выкалывать немецким солдатам глаза».⁴⁵ А сержант Юрченко из 764-го стрелкового полка 393-й стрелковой дивизии сообщил на допросе 20 июля 1942 г., что его батальонный командир капитан Бурский в Черноглазовке под Харьковом собственноручно застрелил за госпиталем из пистолета 5 немецких раненых.⁴⁶ В июле 1942 г. в Беззаботовке были обнаружены два массовых захоронения немецких солдат 92-го пехотного полка, которые, как сообщил судебный медик, майор медицинской службы д-р Паннинг из Санитарной инспекции сухопутных войск, были убиты выстрелами в затылок или, как командир 1-го батальона майор Шёнберг, замучены до смерти. Согласно показаниям красноармейца С.Ф. от 26 сентября 1942 г., комиссар Андропов из 851-го стрелкового полка перед наступлением выставил в качестве блестящего примера другого комиссара, поскольку тот под Серафимовичем ликвидировал 150 итальянских военнопленных.⁴⁷ Старший лейтенант Сутягин в июле 1942 г. стал свидетелем, как под Алеевкой, между Лозовой и Харьковом, были расстреляны без допроса 46 немецких военнопленных, включая 4-х офицеров, которых предварительно заставили вырыть себе могилу самим.⁴⁸ Приказ о расстреле отдал командир 123-го стрелкового полка 22-й стрелковой дивизии майор Куликов и комиссар полка Отмихальский. Когда находившиеся поблизости советские офицеры выразили свое возмущение по этому поводу, комиссар полка Отмихальский назвал их предателями и пригрозил также расстрелять.

Однозначно были выяснены обстоятельства массовых убийств под Гришино, Постышево и Красноармейском [три поочередных названия одного и того же города на западе Сталинской (Донецкой) обл.], где в дни после Сталинграда, с 11 по 18 февраля 1943 г., были расстреляны или зверски уничтожены более 600 военнослужащих Вермахта и союзных ему армий, а также служащих сопровождающих подразделений, включая сестер Красного Креста и связисток вспомогательных служб.⁴⁹ По неполным данным, удалось индивидуально опознать: 406 немецких, 89 итальянских, 9 румынских, 4 венгерских, 8 украинских солдат, 58 служащих организации Тодта, 15 железнодорожников и 7 немецких гражданских рабочих. Расследование этого случая началось сразу же, когда 18 февраля 1943 г. эту территорию вновь заняла 7-я немецкая танковая дивизия. «Все трупы были голые..., — говорится в более позднем протоколе военно-судебного расследования, — почти все тела были изувечены... У многих трупов были отрезаны носы и уши. У других трупов отрезаны и засунуты им в рот половые органы.» Была предпринята также попытка отрезать груди сестрам Красного Креста «прямо-таки зверским образом». Ответственность за эту бойню, по словам командира зенитной батареи 14-й гвардейской танковой бригады лейтенанта Сорокина, нес, в частности, политотдел 14-й гвардейской танковой бригады (его начальник подполковник Шибанков, видимо, погиб ранее), которая подчинялась 4-му гвардейскому танковому корпусу во главе с генерал-майором Полубояровым.

Итак, совпадающие показания военнопленных, а также найденные трофейные документы и подслушанные радиотелефонные разговоры не оставляют сомнений, что убийства пленнх продолжались и в 1942-43 гг. При этом следует иметь в виду, что такие злодеяния, как в Феодосии, Гришино, Красноармейске и других местах, всегда можно было вскрыть и расследовать лишь в том случае, если немецким войскам (что в дальнейшем ходе войны случалось уже редко) случайным образом удавалось вновь занять арены такой резни. Пусть два сообщения еще раз прояснят, какую озверелость вызвала в Красной Армии советская военная пропаганда. Так, в 875-м стрелковом полку 158-й стрелковой дивизии убийства пленнх, в которых лично участвовали начальник штаба майор Борисов и другие офицеры, были обычным явлением. Принадлежавшая к полку санитарка Зина Красавина призналась, что в марте 1943 г. по распоряжению начальника особого отдела НКВД Самарина собственноручно пристрелила немецкого военнопленного и после этого была награждена орденом Красного Знамени. На участке другой дивизии, как сообщил свидетель,⁵⁰ в октябре 1943 г. еще способных ходить немецких раненых группами уводили в ущелье, «там выстраивали в ряд перед расстрелянными до этого и расстреливали пулеметами или автоматами. Я видел расстрел двух таких групп... В долине я увидел на месте казни ок. 200 тел расстрелянных уже до этого».

Как же реагировал германский Вермахт на непрерывную череду убийств своих солдат? Как упоминалось, Верховное главнокомандование Вермахта уже в июле 1941 г. запретило все меры возмездия, поскольку такие «меры возмездия ввиду русского менталитета не достигли бы результатов и способствовали ненужному ужесточению борьбы». Главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич также придерживался мнения, что меры возмездия в отношении Советского Союза, в отличие от западных держав, останутся безрезультатными и, кроме того, окажут негативное воздействие на сами по себе благоприятные перспективы собственной фронтовой пропаганды в Красной Армии.⁵¹ Невзирая на «грубые нарушения международного права со стороны русских», соответствующий приказ был направлен во все дивизии Восточного фронта. 1 июля 1941 г. было одновременно сообщено о решении «фюрера и Верховного главнокомандующего» обращаться с женами «офицеров и комиссаров» и вообще со всеми советскими женщинами, «носящими оружие по приказу, как с военнопленными, если их застают в униформе».⁵² Напротив, в случае ношения гражданской одежды они должны были лишаться международно-правовой защиты и считаться партизанами.

5 июля 1941 г. командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал фон Рейхенау велел расстрелять по приговору военно-полевого суда майора Турту из 781-го стрелкового полка 124-й стрелковой дивизии,⁵³ поскольку, как сказано в приказе о казни, эта дивизия «на глазах и при попустительстве» «офицеров, целиком и полностью ответственных за злодеяния своих подчиненных», с 22 июня 1941 г. «плановмерно истязала, мучила, увечила и убивала немыслимым до сих пор жестоким и зверским образом немецких солдат всех рангов, попадавших в ее руки ранеными или не ранеными». Хотя Рейхенау, собственно, признавал традиционные принципы обращения с военнопленными и в отношении Красной Армии, он все же считал себя обязанным перед «убитыми товарищами» «жестко и справедливо покарать» офицеров 124-й стрелковой дивизии. Во всяком случае, при этом к тому же речь шла об обоснованной единичной репрессии, которая, возможно, постигла даже ответственного.

Ведь в целом немецкие командные структуры, похоже, не отходили от заповедей международного права в отношении пленных и на Востоке. Например, 10 июля 1941 г. батальонный врач 2-го батальона 53-го моторизованного пехотного полка доложил дивизионному врачу 14-й моторизованной пехотной дивизии, что на плацдарме Дзисна 8 июля 1941 г. 1 офицер, 8 унтер-офицеров и 65 солдат его полка попали в руки врага, частично в раненом состоянии, и все они, как показало расследование, были «плановмерно, по отданному приказу» убиты выстрелами в затылок, ударами штыком и прикладом.⁵⁴ У ряда раненых были установлены «ужаснейшие увечья». Когда потрясенный этим обер-лейтенант медицинской службы попросил теперь указаний от своего профессионального руководителя, как ему впредь относиться к раненым русским, поскольку, как он писал, «мне после этого пережитого преступного отношения врага к нашим раненым трудно продолжать вести себя так, как я считал это своим долгом до сих пор», он получил характерный ответ. Начальник штаба 3-й танковой группы генерал-майор фон Хюнерсдорф 13 июля 1941 г. велел сообщить батальонному врачу, что «по принципиальным соображениям не следует отходить от сложившегося отношения немецких солдат к раненым врага».⁵⁵ Он потребовал только, чтобы при этом не страдало обеспечение собственных раненых.

Когда в августе 1941 г. после убийства и изувечения 19 немецких раненых и двух солдат-санитаров в машине Красного Креста командованию 17-й армии было предложено расстрелять за это в виде возмездия высокопоставленных офицеров советских 6-й и 12-й армий, командующий армией, генерал пехоты фон Штюльпнагель отклонил и это неприемлемое предложение с совершенно аналогичным обоснованием. И когда после резни в Гришино-Красноармейске немецкими солдатами овладело безмерное ожесточение, командир 40-го танкового корпуса генерал-лейтенант Генрики 3 марта 1943 г. издал специальный приказ, в котором он предостерегал свои части против актов возмездия за эти события. «Однако мы хотим придерживаться солдатского принципа, — говорится там, — что пленный противник в униформе, который больше не может вести борьбу и безоружен, должен находиться в лагере для пленных.»⁵⁶

Председатель Международного военного трибунала, судья лорд Лоуренс в Нюрнберге 22 марта 1946 г. не пожелал допустить в качестве доказательного документа заявленную адвокатом д-ром Штамером Белую книгу правительства германского Рейха «Большевистские преступления против военного права и человечества» (1-е издание, 1941 г.). Лоуренс прислушался к требованию советского главного обвинителя генерала Руденко, который позволил себе назвать собранные там документы судебных расследований «выдумками и фальшивками» «фашистской пропаганды»,⁵⁷ предназначенными исключительно для того, чтобы «скрыть преступления, совершенные фашистами». Поскольку жертвами расследованных и документально подтвержденных злодеяний являлись лишь немецкие и союзные им солдаты, Международный военный трибунал, в полном соответствии с Лондонским уставом, счел такое доказательное средство «несущественным». Именно это обстоятельство оправдывает приведение хотя бы

нескольких из бесчисленного множества подкрепленных документами дел об истязаниях немецких военнопленных, которые в публицистике о германско-советской войне в иных случаях обычно сознательно и методично предаются забвению.

Примечания

1. Stalin, Über den Großen Vaterländischen Krieg, S. 31, S. 37.
2. Russia at War, S. 86, S. 113, S. 229, S. 234, S. 267.
3. BA-MA, RH 21-3/v. 454, 14.10.1942.
4. BA-MA, RH 2/2411, 30.11.1941.
5. Москва — фронту, с. 91.
6. BA-MA, RH 22/271, 1.1.1942.
7. BA-MA, RW 4/v. 330, 1.1.1942.
8. BA-MA, RH 2/2425, 3.4.1942.
9. BA-MA, RH 21-3/v. 742, 26.2.1942.
10. BA-MA, RW 4/v. 330, 15.3.1942.
11. BA-MA, RW 2/v. 153, 22.1.1942.
12. BA-MA, RH 21-2/v. 706, 19.4.1942.
13. BA-MA, RW 2/v. 158, 22.12.1941.
14. Ebenda, 18.1.1942, 22.12.1941.
15. Ebenda, 25.1.1942.
16. BA-MA, RH 21-1/481, 18.2.1942.
17. BA-MA, RW 2/v. 152, 17.11.1941.
18. BA-MA, RW 2/v. 158, 8.12.1941.
19. BA-MA, RW 2/v. 153, 19.6.1942.
20. Ebenda, 19.3.1942.
21. Paget, Manstein, S. 41; Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 308, S. 315.
22. BA-MA, RW 2/v. 152, 31.1., 2.2.1942.
23. BA-MA, RW 2/v. 151, 14.2.1942.
24. BA-MA, RW 2/v. 152, 30.1.1942.
25. См. прим. 23.
26. BA-MA, RW 2/v. 152, 10.1.1942.
27. BA-MA, RW 2/v. 158, 9.6.1942.
28. BA-MA, RW 2/v. 151, 24.1.1942.
29. BA-MA, RW 2/v. 153, 4.2.1942.
30. Ebenda, 2.7.1942.
31. Ebenda, 9.3.1942.
32. Ebenda, 26.5.1942.
33. Ebenda, 6.7.1942.
34. BA-MA, RH 21-3/v. 472, 21.5.1943.
35. BA-MA, RW 2/v. 158, 7.3.1942.
36. Stalin, Über den Großen Vaterländischen Krieg, S. 50.
37. BA-MA, WO 1-6/578, о. D.
38. BA-MA, RW 4/v. 330, 2.6.1942.
39. BA-MA, RH 2/2411, 1.5.1942.
40. BA-MA, RH 21-3/v. 454, 14.10.1942.
41. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 283, S. 299, S. 301.
42. BA-MA, RW 2/v. 153, September 1942.
43. Ebenda, 29.4.1942.
44. Ebenda, 27.3.1942.
45. BA-MA, RW 2/v. 158, 8.7.1942.
46. BA-MA, RW 2/v. 153, 20.7.1942.
47. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 146 f., S. 294.
48. BA-MA, RH 21-3/v. 496, 5.10.1943.
49. Hoffmann, Deutsche und Kalmyken, S. 108; derselbe, Die Kriegführung aus der Sicht der Sowjetunion, S. 790.
50. BA-MA, RH 21-3/v. 496, 29.10.1943.
51. BA-MA, RH 24-3/134, 16.7.1941.
52. BA-MA, RH 20-4/672, 1.7.1941.
53. BA-MA, RH 20-6/489, 5.7.1941.
54. BA-MA, RH 21-3/437, 10.7.1941.
55. Ebenda, 13.7.1941.
56. BA-MA, 34561/2, 3.3.1943.

57. Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher, Bd. IX, S. 754 ff.

Глава 12.

«Ни пощады, ни снисхождения». Зверства Красной Армии при продвижении на немецкую землю

Советский Союз отказался признать Гаагские конвенции о законах и обычаях войны и Женевскую конвенцию. Пренебрежение международным военным правом — таков был и порочный дух, в котором в 1944-45 гг. производилась оккупация восточных провинций Германского рейха войсками Советского Союза. Вторжение Красной Армии в Восточную Пруссию, Западную Пруссию и Данциг, в Померанию, Бранденбург и Силезию всюду равным образом сопровождалось злодеяниями, подобных которым в новой военной истории еще поискать. Массовые убийства военнопленных и гражданских лиц любого возраста и пола, массовые изнасилования женщин, даже старух и детей, с отвратительными сопутствующими явлениями, многократно, подчас вплоть до смерти, умышленные поджоги домов, сел, городских кварталов и целых городов, систематическое разграбление, мародерство и уничтожение частной и общественной собственности и, наконец, массовая депортация мужчин, а также женщин и молодежи в трудовое рабство Советского Союза — обычно с отделением матерей от их детей и с разрывом семейных уз — таковы были выделяющиеся признаки¹ события, которое вопиюще противоречило принципам упорядоченного ведения войны.

Убийства как тягчайшее нарушение закона производились многообразным образом. Колонны беженцев давили танками или расстреливали, мужчин (а также многих женщин после изнасилования) расстреливали, забивали или закалывали подскочившие танкисты и пехотинцы.² Гражданских лиц убивали повсеместно в домах и на улицах, а в некоторых зданиях, лесных сторожках, амбарах и сараях подчас сжигали и живьем. Мужчин, которые пытались защитить от изнасилования своих жен и дочерей, как правило, убивали точно так же, как женщин, оказавших сопротивление акту насилия. Вновь и вновь сообщается о садистских убийствах на сексуальной почве, а иногда даже об осквернении уже убитых до этого.³ В ходе так называемой «денацификации» расстреливались члены НСДАП и ее подразделений или прочие «фашисты», например, местные крестьянские руководители — ортсбауэрнфюреры, во многих случаях также чиновники и служащие гражданской администрации и, естественно, служащие полиции, вообще носители униформы общественных служб — безразлично, были ли они железнодорожниками, почтовыми служащими, пожарниками, лесничими, далее члены Имперской службы труда или организации Тодта, кроме того, очень часто и так называемые «капиталисты» — крупные землевладельцы, крестьяне, лавочники, домовладельцы, далее все, кто, как мальчики из Гитлерюгенда, каким-либо образом считались потенциальными «партизанами», и очень часто жильцы домов, в которых находили немецких солдат или оружие. Формальным основанием служил изданный наркомом внутренних дел СССР Берией приказ НКВД № 0016 от 16 января 1945 г.⁴ Советы расстреливали или забивали во время депортации «мобилизованных немцев» всех тех, кто не мог поспеть из-за нехватки сил, а в пыточных подвалах НКВД многие из допрашиваемых умирали под нечеловеческими пытками. Подчас, как доказывают примеры Неммерсдорфа в 1944 г. и Метгетена в 1945 г., жители целых населенных пунктов, мужчины, женщины и дети, подвергались резне просто потому, что они были немцами.⁵ Разнузданные действия подстрекаемой советской солдатни не имели установленных правил.

Британский фельдмаршал Монтгомери, до которого позднее донеслось кое-что из советской оккупационной зоны, в своих мемуарах назвал «русских» (он имел в виду Советы) «действительно нецивилизованными азиатами» и добавил: «Их поведение, особенно в отношении женщин, вызывало у нас отвращение. В некоторых районах русской зоны практически вообще не осталось немцев. Они бежали под натиском варваров».⁶ По американскому генералу Китингу (Keating), знакомому только с ситуацией в Берлине, во многих случаях «их разнузданные действия были сродни действиям варварских орд Чингисхана».⁷ А Джордж Ф. Кеннан еще раз устно подтвердил американскому специалисту по международному праву Альфреду М. де Заясу то, о чем написал в своих мемуарах: что Советы «сметали местное население с лица земли таким образом, который не имеет аналогов со времен азиатских орд».⁸

Число военнопленных, убитых только в восточных провинциях Германии, не удастся установить уже никогда. Но о числе гражданских жертв дают хотя бы приблизительное представление исследования Федерального министерства по делам изгнанных и Федерального архива, основанные на статистике населения, хотя эти оценки располагаются у нижней границы и охватывают только жертв непосредственных преступлений. Согласно им, были убиты 120000 мужчин, женщин и детей, большей частью — советскими солдатами,⁹ и еще 100000-200000 погибли в тюрьмах и лагерях. Более 250000 человек умерли в ходе начавшихся с 3 февраля 1945 г. депортаций и в советском трудовом рабстве в качестве «репарационных депортированных»¹⁰ и бесконечно многие — в одном Кёнигсберге 90000 — от

нечеловеческих условий жизни при советской военной администрации и в последующий оккупационный период. Крайне высока была и доля тех, кто сам покончил со своей жизнью от отчаяния. При этом гигантские человеческие потери, имевшие место в результате непосредственного применения насилия или в тюрьмах, концлагерях и лагерях смерти в Польше, Югославии и Чехословакии, останутся в этом контексте вне внимания точно так же, как минимум 43000 гражданских лиц, погибших от голода и эпидемий в советских концлагерях (специальные лагеря, спецлагеря НКВД СССР) оккупационных войск.¹¹

Что касается, в частности, ситуации в Богемии и Моравии [Чехия], то процитируем в этом месте призыв, который распространил по британскому радио уже 3 ноября 1944 г. командующий чешскими вооруженными силами в эмиграции генерал Ингр: «Если настанет наш день, вся нация последует старому боевому кличу гусситов: бейте их, убивайте их, не оставляйте в живых никого! Каждый должен уже сейчас поискать себе лучшее возможное оружие, которое сильнее всего поразит немцев. Если под рукой нет огнестрельного оружия, нужно приготовить и спрятать какое-либо другое оружие — оружие, которое режет или колет или разит».¹² В духе этого и аналогичных призывов, если привести пример, генерал Клапалек, командир 3-й пехотной бригады 1-го Чехословацкого армейского корпуса в Советском Союзе, примкнувший к корпусу из Лондона, стал ведущим соучастником массового убийства 763 немецких гражданских лиц в Постельберге (Постолопрти) в июне 1945 г.¹³ Чешские военные участвовали и в резне в Ауссиге (Усти-над-Лабой) 31 июля 1945 г. По наущению правительства Бенеша здесь после провокационного взрыва были убиты до 2000 немецких гражданских лиц при обстоятельствах, выходящих за пределы нормального воображения.¹⁴ В целом с мая 1945 г. в ЧСР были убиты, отчасти зверски, 270000 безоружных немцев. По совокупной оценке, в так называемых «районах изгнания» имело место в общей сложности 2,2 миллиона «нераскрытых дел»,¹⁵ где при дальнейшем толковании этого понятия в большинстве своем должна идти речь о «жертвах преступления», то есть жертвах антинемецкого геноцида.

В данной работе освещается прежде всего сфера ответственности Красной Армии, которая, кстати, совершила тяжкие преступления против гражданского населения уже в Югославии в 1944 г. Дело за тем, чтобы доказать, что Сталин, Политбюро и члены Государственного Комитета Обороны, политическое и военное руководство Красной Армии, нижестоящие войсковые командиры и подчиненные им офицеры всех рангов несут непосредственную ответственность за все случившееся, поскольку они, в частности, командиры и прочие офицеры, не только не удерживали свои части от совершения преступлений против международного права, но еще и призывали их к этому, терпели, поддерживали такие акты насилия и в большом объеме сами в них участвовали. Особая ответственность лежит на командующих 3-м Белорусским фронтом генерале армии Черняховском и 1-м Белорусским фронтом маршале Советского Союза Жукове и их Военных советах, преступные приказы которых известны дословно или в извлечениях. Соответствующие приказы командующих 2-м Белорусским фронтом маршала Советского Союза Рокоссовского и 1-м Украинским фронтом маршала Советского Союза Конева, очевидно, не были захвачены, однако ситуация в сферах их ответственности складывалась не иначе.

Во всяком случае, они точно так же, как Черняховский и Жуков, а также как командующий 2-м Украинским фронтом маршал Советского Союза Малиновский, несли принципиальную ответственность за депортацию мирных жителей для рабского труда в Советский Союз — преступление против международного права, за аналог которого Альфред Розенберг и Фриц Заукель были приговорены Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смерти, а Альфред [Альберт] Шпеер — к 20 годам тюрьмы. Уже 16 декабря 1944 г. Распоряжением № 7161 Государственного Комитета Обороны (ГКО), подписанным Сталиным, было велено сослать всех трудоспособных фольксдойче (этнических немцев) из Югославии, Румынии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии для принудительного труда в Советский Союз. Согласно изданному на этой основе исполнительному приказу маршала Советского Союза Малиновского,¹⁶ с этой целью надлежало задержать всех трудоспособных мужчин-фольксдойче в возрасте 17-45 лет и всех трудоспособных женщин-фольксдойче в возрасте 18-30 лет на территории Венгрии и Румынии (Трансильвания). 3 февраля 1945 г. Государственный Комитет Обороны Распоряжением № 7467 предписал и массовую депортацию немецких мужчин и женщин с территории собственно Рейха. Всех трудоспособных германских немцев в возрасте 17-50 лет теперь также надлежало задержать, объединить в рабочие батальоны и депортировать для рабского труда в СССР. Командующему 1-м Белорусским фронтом маршалу Советского Союза Жукову и его Военному совету в подписанном Сталиным документе было приказано: во взаимодействии с генерал-полковником НКВД Серовым, заместителем наркома внутренних дел Берии, принять в этом отношении «последовательные меры». «Два с половиной месяца шли на восток эшелоны, нагруженные десятками тысяч немецких женщин и стариков (ведь вся молодежь была на фронте)», — писал профессор Семиряга, который 5 лет занимал ответственные посты в Советской военной администрации в Германии (СВАГ). Но в действительности в ужасных условиях вывозились и несовершеннолетние и даже дети в возрасте 12-13 лет, что повлекло за собой многочисленные смертельные

случаи уже в пути.¹⁷ Профессор Семиряга не скрывает своего мнения, что «во всех освобожденных Красной Армией странах советские военные органы» предприняли «незаконные депортации» мирных немецких гражданских лиц. Этим соучастием в «действительно преступном приказе Сталина» командование Красной Армии провинилось в военном преступлении и преступлении против человечества также и в трактовке Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Что касается военной дисциплины, то Красная Армия фактически уже в 1944 г. находилась в состоянии нарастающего одичания. При новом овладении прежними советскими территориями, например, Украиной, а также в Польше, в странах Прибалтики, в Венгрии, Болгарии, Румынии и Югославии злоупотребления и акты насилия против местного населения приобрели такие масштабы, что советские командные структуры были вынуждены принять энергичные меры.¹⁸ Так, командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии Петров в приказе № 074 от 8 июня 1944 г. заклеил «возмутительные выходки» военнослужащих своего фронта на советской территории Крыма, «доходящие даже до вооруженных ограблений и убийств местных жителей».¹⁹ Он назвал виновных солдат, как и их офицеров, «бандитами», «ворами» и «вооруженными преступниками», которые, пользуясь «беспомощностью гражданского населения», пятнают авторитет Красной Армии. Совершенно аналогично в распоряжении № 0017 начальника Политуправления 1-го Украинского фронта Шатилова от 6 апреля 1944 г. идет речь о «грабежах», «террористических посягательствах», «убийствах» со стороны «обнаглевших мародеров» и «преступников» из «многих частей и служб» против населения западных областей Украины, то есть Восточной Польши, во многих случаях при попустительстве политработников.²⁰ Насколько напряженной должна была быть обстановка в Польше, проясняет дневник погибшего офицера 2-го гвардейского артиллерийского дивизиона 5-го артиллерийского корпуса 1-го Прибалтийского фронта Юрия Успенского. «У нас очень враждебно говорят о поляках, — пишет этот очень вдумчивый офицер о ситуации в Вильнюсе, — говорят даже, что их всех надо повесить, и при этом еще произносят культурную фразу: “Польский народ исторически совсем нежизнеспособен”».²¹

Такой инцидент, как то «нарушение международного права», о котором доложил 1 ноября 1944 г. начальник штаба немецкой 16-й армии,²² конечно, не может быть обобщен на всю негерманскую территорию, но все же показывает, на какие злодеяния уже были способны к тому времени некоторые красноармейцы. Три латышских солдата немецкой армии 20 сентября 1944 г. услышали за советскими линиями, в хозяйском леске Арайи общины Грингоф близ Митау [Елгава] в 10 часов «нечеловеческие крики, стоны и хрипы» и из укрытия увидели следующее: «Крики исходили от женщины, с виду 20-30-летней, совершенно голой, которая была закреплена на деревянном ложе, очевидно, по образцу распятия, спиной кверху, лицом к ложу, прислоненному к дереву под углом 45°. Туловище женщины располагалось на этом ложе по диагонали, с наклоном вправо, руки были вытянуты в стороны и, видимо, закреплены, ладони обращены кверху, ноги сведены, доставая до земли. Я допускаю, что тело удерживалось на гвоздях, забитых в дощатое ложе, а может быть, и таковыми. Вокруг этого места время от времени проходили 2-4 красноармейца в униформе с неразборчивыми издали знаками различия, не останавливаясь, но явно наслаждаясь муками женщины, подлинную причину которых установить не удалось. Они передвигались большей частью по двое, на расстоянии 10 м от женщины, обходя ее, насколько я мог различить, но в остальном не совершая никаких телодвижений, исходя из чего, я решил, что пытки такого рода у них вовсе не являются необычными. Мы все трое слышали крики около двух часов. В основном они продолжались непрерывно и прекратились к концу этого периода, по всей видимости, из-за упадка сил женщины. Крики были настолько нечеловеческими, что один из нас, чьей семье не удалось бежать от Советов, на минуту потерял власть над своими нервами, хотя мы все трое — старослужащие солдаты бывшей латышской армии. Отсюда мы заключаем, что боли женщины должны были быть совершенно нечеловеческими». Оказание помощи было исключено.

В негерманских странах советские командные структуры при случае еще выступали против бесчинств и мародерства военнослужащих Красной Армии, хотя зачастую тщетно. На территории Германского рейха все сдерживающие факторы отпадали. Так, командир 43-го стрелкового корпуса генерал-майор Андреев в Польше в начале января 1945 г. еще угрожал своим солдатам военным трибуналом в случае злоупотреблений, но вместе с тем продолжил свое поучение так: «Как только мы окажемся в Германии, я не скажу о таких вещах ни слова».²³ Основная установка красноармейцев после пересечения границы Рейха была сформирована пропагандой ненависти И. Эренбурга, А.Н. Толстого, Е.В. Тарле, М.А. Шолохова, К.М. Симонова, А.А. Фадеева и многих других, о которых здесь следует напомнить еще раз. «У границ Германии, — писал Эренбург, глашатай подстрекателей, 24 августа 1944 г., — повторим еще раз священную клятву: ничего не забыть... Мы говорим это со спокойствием долго вызревавшей и непреодолимой ненависти, мы говорим это у границ врага: “Горе тебе, Германия!”»²⁴ «Мы будем убивать», — таков недвусмысленный призыв Эренбурга к красноармейцам во фронтовой газете

«Уничтожим врага» 17 сентября 1944 г.²⁵ «Мы покончим с Германией, — писал он 16 ноября 1944 г. — Мало победить Германию: она должна быть уничтожена.» «Не будет ни пощады, ни снисхождения», — повторял он 8 февраля 1945 г. «Единственная историческая миссия, как я ее вижу, — говорил Эренбург еще 3 марта 1945 г., — скромна и достойна, она состоит в том, чтобы уменьшить население Германии.»

Статьи и призывы Эренбурга и других подстрекателей, распространяемые «Правдой», «Известиями», «Красной звездой», «Красноармейской правдой» и фронтовыми газетами, вдалбливались войскам многочисленными кадрами политорганов — причем перед наступлениями еще более усиленно — и вновь и вновь доводились до сознания. В немецких городах появились вывески с надписью: «Красноармеец, ты теперь на немецкой земле — час возмездия пробил!»²⁶ «Дрожи, Германия!.. Дрожи, проклятая Германия! Мы пройдемся по тебе огнем и мечом и заколем в твоём сердце последнего немца, ступившего на русскую землю», — писала фронтовая газета «Боевая тревога» 20 октября 1944 г. Но дело обстояло вовсе не так (как распространяются еще и сегодня продолжатели советской пропаганды), что советские солдаты с самого начала были исполнены дьявольскими чувствами ненависти и мести: такие страстные желания еще только нужно было вызвать в них — систематически, с умыслом и холодным расчетом. Красноармейцев подстрекали с совершенно определенным намерением. Ведь Сталин, военное и политическое руководство Красной Армии очень хорошо сознавали наблюдавшийся зачастую недостаток «советского патриотизма» и растущую усталость советских солдат от войны, и поскольку нельзя было апеллировать к высоким человеческим чувствам, приходилось возбуждать низкие инстинкты, чтобы достичь максимальной меры боевых усилий. «История Великой Отечественной войны Советского Союза» не скрывает этого, и в ее повествовании говорится, «что нельзя победить никакого врага, если ты не ненавидишь его всем сердцем». Дескать, по этой причине одной из важнейших задач политической работы, командиров и политруков было воспитание в советских солдатах «пламенной ненависти к фашистским оккупантам».²⁷ И для этой цели были хороши даже самые порочные средства.

Известный германист и бывший офицер-политработник еврейского происхождения майор Копелев, свидетель многих злодеяний, приводит в военных воспоминаниях «Хранить вечно» слова своего командира, начальника 7-го отделения политотдела 50-й армии подполковника Забаштанского:²⁸ «Что делать, чтобы у солдата сохранилось желание воевать? Во-первых: он должен ненавидеть врага как чуму, должен хотеть уничтожить его окончательно. И чтобы он не утратил своей воли к борьбе, чтобы он знал, ради чего выскакивает из окопа, ползет навстречу огню по минным полям, он, во-вторых, должен знать: он придет в Германию, и все принадлежит ему — тряпки, бабы, всё! Делай что хочешь! Вдарь так, чтобы дрожали еще их внуки и правнуки!.. Далеко не каждый будет убивать детей... Но раз уж ты об этом начал: пусть те, что делают это в слепой страстной ярости, убивают и маленьких фрицев...» Это была установка не солдат, а грабителей и убийц. Тщетно пытался Копелев воззвать к совести своих товарищей: «...и все мы — генералы и офицеры — ведем себя по рецепту Эренбурга... А представь себе, что будет позже с нашими солдатами, которые десятками бросались на одну женщину? Насиловали школьниц, убивали старух?.. Это сотни тысяч преступников, будущих преступников, жестоких и дерзких, с претензиями героев». По доносу собственных товарищей Копелев был арестован и за оскорбление Красной Армии и защиту немцев на годы отправлен в концлагерь ГУЛага.

Вторжению войск Красной Армии в Германию предшествовало «систематическое пропагандистское подстрекательство», «при котором ненависть ко всему немецкому» надлежало разжечь «в невысказанной до сих пор форме», как констатировал начальник отдела иностранных армий Восточного штаба сухопутных войск генерал-майор Гелен после анализа трофейных советских документов 22 февраля и 23 марта 1945 г.²⁹ Но не только агитация политического аппарата призывала советских солдат жестоко отомстить немцам. Военно-командные структуры не уступали ему ни в чем. И из штабов фронтов и армий исходили приказы, содержание которых должно было истолковываться и восприниматься всеми, как подстрекательство к «убийству и грабежу». Во всяком случае, у рядового красноармейца не оставляли сомнений в том, что в Германии он будет иметь свободу рук и сможет обходиться с гражданским населением и его имуществом по своему усмотрению. Впервые данное в октябре 1944 г., согласно майору Кошалову из штаба 3-го Украинского фронта, возобновленное в январе 1945 г. и повторенное также в устной форме разрешение Сталина посылать на Советскую родину фронтовые посылки и трофейное имущество (генералы — 16 кг, офицеры — 10 кг, сержанты и рядовые — 5 кг)³⁰ должно было возбудить у неустойчивых элементов грабительские инстинкты и, как доказывают письма с фронта и показания военнопленных, действительно было воспринято так, что «мародерство недвусмысленно разрешено высшим руководством».

И высшее руководство, как будет проиллюстрировано в этом месте, само подавало дурной пример. Даже военный герой Советского Союза маршал Жуков, некогда начальник Генерального штаба Красной Армии, который как командующий 1-м Белорусским фронтом 8 мая 1945 г. в Берлине-Карлсхорсте принял

капитуляцию германского Вермахта, не явился при этом исключением. В конце августа 1946 г., когда Жуков давно сменил свой пост представителя Советского Союза в Контрольном совете по Германии и главнокомандующего Группой советских войск в Германии на должность командующего войсками Одесского военного округа, заместитель министра обороны Булганин в письме Сталину сообщил,³¹ что таможенные органы задержали 7 железнодорожных вагонов «в общей сложности с 85 ящиками мебели фирмы “Альбин Май” из Германии», которые подлежали транспортировке в Одессу для личных нужд Жукова. В еще одном донесении Сталину от января 1948 г. генерал-полковник госбезопасности Абакумов сообщил, что при «тайном обыске» на московской квартире Жукова и на его даче обнаружено большое количество награбленного имущества. Конкретно в числе прочего перечислялись: 24 золотых часов, 15 золотых ожерелий с подвесками, золотые кольца и другие украшения, 4000 м шерстяных и шелковых тканей, более 300 соболиных, лисьих и каракулевых шкурок, 44 ценных ковры и гобелена, частично из Потсдамского и других замков, 55 дорогостоящих картин, а также ящики с фарфоровой посудой, 2 ящика со столовым серебром и 20 охотничьих ружей. Жуков, который 12 января 1948 г. в письме члену Политбюро Жданову признал это мародерство и в конце дал «честное слово большевика», «что подобные глупости и ошибки не повторятся», едва избежал ареста.

При таком образе действий высшего начальника не удивительно, что и заместитель главноначальствующего Советской военной администрации в Германии, генерал-полковник НКВД Серов и другие высокие офицеры госбезопасности, как утверждает профессор Семиряга, осуществляли в Германии «грабительские и мародерские акции, т. е. совершали тягчайшие преступления».³² Так, Серов, организатор международных массовых преступлений, согласно показанию начальника оперативного сектора Берлина генерал-майора Сиднева, его «правой руки», гонял свой самолет между Берлином и Москвой, чтобы в обход пограничного контроля доставить в свою квартиру «большое количество шуб, ковров, картин и других ценных вещей». «Он отправлял, — как сказано, — и железнодорожные вагоны с аналогичным грузом и с автомашинами.» Когда органы Сиднева обнаружили в подвалах Рейхсбанка «примерно 100 мешков с 80 миллионами рейхсмарок», «Серов лично решил не сдавать их в советский Госбанк. Часть этой суммы он присвоил сам, другую использовал для подкупа нужных ему лиц». Сам генерал-майор Сиднев, генерал Бежанов, начальник оперативной группы в Тюрингии, которого Теодор Пливьер (Plievier) в томе «Берлин» своей трилогии не обошел молчанием точно так же, как и охарактеризованного им Серова,³³ а также генерал Клепов, начальник оперативной группы в Саксонии, тоже провинились в аналогичных преступлениях как грабители и мародеры.

К «низменным инстинктам широкой массы красноармейцев» апеллировал уже приказ войскам 3-го Белорусского фронта, изданный командующим, генералом армии Черняховским, членом Военного совета генерал-лейтенантом Хохловым и начальником Политуправления генерал-майором Разбийцевым перед вступлением на территорию Восточной Пруссии в октябре 1944 г.³⁴ Пересечение границы Рейха было тогда использовано как повод, чтобы взбудоражить советских солдат фактически неверным утверждением, будто немецкие солдаты «убивали русского ребенка, насиловали жену, невесту и сестру, расстреливали мать и отца». «Муки убитых, стоны погребенных заживо, неутолимые слезы матерей, — писал в своем приказе Военный совет 3-го Белорусского фронта, — вызывают вас к беспощадному возмездию... Пусть кровожадный ненавистный враг, причинивший нам так много страданий и мук, задрожит и захлебнется в потоках своей собственной черной крови.» Если, как становится ясно отсюда, уже руководящие командные структуры представляли теперь совершение актов возмездия как «священный долг», то не удивительно, что нижестоящие директивные органы тем более «не только терпели бессмысленные зверства и разрушения, но и еще призывали к этому подчиненные им войсковые части». Так, например, по поручению командира дивизии полковника Елисеева в 1-м батальоне 557-го стрелкового полка 153-й стрелковой дивизии в начале октября 1944 г. было объявлено следующее:³⁵ «Мы идем в Восточную Пруссию. Красноармейцам и офицерам предоставляются следующие права: 1) Уничтожать любого немца, 2) Изъятие имущества, 3) Насилование женщин, 4) Грабеж, 5) Солдаты РОА в плен не берутся. На них не стоит тратить ни одного патрона. Их забивают или растаптывают ногами». Командир 352-й стрелковой дивизии также объявил в речи красноармейцам, что у них теперь есть возможность «отомстить немцам».³⁶

Согласно немецким расследованиям, за мерзости, совершенные в Восточной Пруссии, в округе Голдап уже осенью 1944 г., как «подлинными идейными и фактическими главными виновниками... в полном объеме» несли ответственность:³⁷ командующий 31-й армией генерал-полковник Глаголев и члены его Военного совета — генерал-майор Карпенков, генерал-майор Лахтарин и генерал-майор Ряпасов, а также в особенности командир 88-й стрелковой дивизии полковник Ковтунов и некоторые другие поименно названные офицеры. Ответственными за расстрелы, изнасилования и бессмысленные разрушения в Мемельской области, например, в Хейдекруге [ныне Шилуте, Литва], названы: командир 87-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Тымчик и командир 2-го гвардейского артиллерийского дивизиона

полковник Кобцев, чьи части уже на советской территории отличились «своими бесчинствами и грабежами». Это, естественно, лишь некоторые случайно переданные имена из длинного ряда ответственных.

Те «злоупотребления и зверские преступления», которые разыгрались осенью 1944 г. в Восточной Пруссии, также не были единичными явлениями — эти события повторились в гигантских масштабах в восточных провинциях Германии после начала советского зимнего наступления 13 января 1945 г. Никто не может осудить войскового командира, если он на языке приказов, для этих целей всегда несколько напыщенном, призовет своих солдат перед решающими боями к храбрости и безусловной воли к победе. Но если, как это случилось, командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Советского Союза Жуков апеллировал к самым низменным чувствам ненависти и мести, если он почти неприкрыто и сознавая, как его слова истолковывались политорганами, призывал к совершению актов насилия над гражданским населением, тогда он не в последнюю очередь вступал в противоречие и с традициями русской армии. Именно такой образец русского солдатства, как царский русский фельдмаршал граф Суворов-Рымникский, с которым советский маршал Жуков порой велел неправомерно сравнивать себя, в отношении безоружных и побежденных, например, под Варшавой в 1794 г., всегда проявлял великодушие и пощаду и по любому поводу напоминал своим войскам о солдатских добродетелях.³⁸

А Жуков, который уже 14 декабря 1941 г. призывал к уничтожению всех без исключения немецких военнопленных, которых он оскорбительно называл «гитлеровскими бандитами», перед началом зимнего наступления в январе 1945 г. издал приказ, подписанный также членом Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом Телегиным, генерал-полковником артиллерии Казаковым, генерал-полковником авиации Руденко и начальником штаба фронта генерал-полковником Малининым.³⁹ В этом приказе «солдатам, сержантам, офицерам и генералам войск 1-го Белорусского фронта» со ссылкой на поставленную «нашим любимым Сталиным» «историческую задачу» — «покончить с фашистским зверем в его собственном логове», — в частности, говорится: «Настало время свести счеты с немецко-фашистскими мерзавцами. Велика и жгуча наша ненависть! Мы не забыли мук и страданий, причиненных гитлеровскими людоедами нашему народу. Мы не забыли наших сожженных городов и сел. Мы чтим память наших братьев и сестер, наших матерей и отцов, наших жен и детей, замученных немцами. Мы отомстим за сожженных в дьявольских печах, за задушенных в газовых камерах, за расстрелянных и замученных. Мы жестоко отомстим за всё. Мы идем в Германию, а за нами Сталинград, Украина и Белоруссия. Мы идем по пепелищам наших городов и сел, по кровавым следам наших советских людей, замученных и растерзанных фашистским зверьем. Горе стране убийц!.. Пусть фашистские разбойники ответят за смерть, за кровь нашего советского народа многократным количеством своей подлой черной крови!.. На этот раз мы окончательно разобьем немецкое отродье!»

Не иначе был выдержан призыв, с которым генерал армии Черняховский 12 января 1945 г. обратился к войскам 3-го Белорусского фронта:⁴⁰ «Пощады не будет никому, как и нам не было пощады... Бесплезно просить пощады у солдат Красной Армии. Они пылают ненавистью и жадой мести. Страна фашистов должна стать пустыней, как и наша страна, разоренная ими. Фашисты должны умереть, как умирали и наши солдаты». Под понятием «фашистов» всегда имелись в виду сами немцы в целом.

Непосредственным результатом этих призывов, распространенных и прокомментированных затем политаппаратом по всем правилам агитпропа, согласно утверждению Главного командования сухопутных войск, на участках различных советских армий стал приказ «расстреливать или убивать всех пленных немецких солдат (и раненых)». В нарушение международного права было приказано также «рассматривать военнослужащих фольксштурма (народное ополчение) не как войсковое подразделение, а как партизан и потому расстреливать». На различных участках фронта немецкой разведке вновь и вновь удавалось перехватывать радиogramмы,⁴¹ придающие бесспорность факту таких убийств пленных.

Так, 27 января 1945 г. был перехвачен следующий приказ неизвестному соединению: «Пленных не брать, это нетерпимо, каждого врага нужно убивать». 4 февраля 1945 г. из района Закопане (4-й Украинский фронт) доложили: «Взял 35 пленных, включая 2-х обер-лейтенантов, они были расстреляны». Одна часть 2-го Белорусского фронта 20 января 1945 г. отправила такую радиogramму: «Я знаю только, что было взято 15 пленных. Но не прибыл ни один, все они были расстреляны по пути». А одна часть 70-й армии того же фронта доложила 9 февраля 1945 г.: «Сегодня мы взяли в плен только 30 человек... Мы их всех перебили, как сделали и с остальными». На участке 39-й армии 3-го Белорусского фронта 13 февраля 1945 г. из Мандельна под Кёнигсбергом был отдан следующий приказ: если немцы «пойдут массами, то пленных не брать». Также на участке этого фронта 331-я стрелковая дивизия доложила штабу своего корпуса из района Гейльсберг — Ландсберг [ныне соответственно Лидзбарк-Варминьски и Гурово-Илавецке, Польша] 30 января 1945 г.: «Взял 22 пленных, в том числе командира части. Остальных я уложил...» А 2 февраля 1945 г. говорилось: «Взял пленных, 14 человек. Одного отправил к вам, 13

расстрелял». 129-я (или 269-я) стрелковая дивизия 3-й армии также доложила вышестоящему штабу на участке 3-го Белорусского фронта из района Мельзака [ныне Лехово, Польша] 19 февраля 1945 г. об убийстве некоторого числа пленных. Эта дивизия получила приказ расстреливать всех военнопленных: «Ведро» — «Узору»: «Уничтожьте их, даже если вы получите их живьем».⁴²

Проясним на следующем отдельном примере, как призывы командных структур воплощались в жизнь. Так, командир 72-й стрелковой дивизии генерал-майор Ястребов перед вступлением на территорию Рейха гарантировал каждому красноармейцу полную свободу действий и одновременно приказал расстреливать всех пленных.⁴³ Это было еще раз недвусмысленно подтверждено командиром 14-го стрелкового полка этой дивизии подполковником Королевым. Командир 3-го батальона старший лейтенант Васильев, в тот же день известивший об этом своих подчиненных, 29 января 1945 г. в Штёблау под Краппитцем изнасиловал молодую девушку, угрожая оружием отчаявшейся матери, а затем велел расстрелять 6-7 военнопленных солдат.⁴⁴ Части 72-й стрелковой дивизии в этот же день убили только в Бургвассере под Краппитцем 18 жителей, включая младенца, а в Краппитце выстрелами в затылок — 12 помощников Люфтваффе с их фельдфебелем. Вновь овладев этой территорией, немецкие войска обнаружили «многочисленных убитых немецких солдат и гражданских лиц».

То, что творила пропаганда ненависти среди красноармейцев, нашло правдивое отражение в захваченных фронтовых письмах,⁴⁵ некоторые из которых приведем здесь. Они написаны военнослужащими моторизованных частей (номер полевой почты 20739) в период января-февраля 1945 г. в Восточной Пруссии. «Мы каждый день продвигаемся дальше по Восточной Пруссии, — писал, например, Смолкин своим родителям в Смоленск, — и мы мстим немцам за все их подлости, которые они нам причинили... Нам теперь разрешено делать с немецкими негодьями все.» Неизвестный красноармеец писал 29 января 1945 г. своей подруге под Калинин: «А как радуется сердце, когда едешь по горящему немецкому городу. Наконец-то мы бьем немцев в их собственной стране, в их проклятом логове. Мы мстим за все, и наша месть справедлива. Огонь за огонь, кровь за кровь, смерть за смерть!» «Немцы все удирают, боятся нашей мести, — говорится в письме, которое Лаптев написал 30 января 1945 г. в район Тирасполя, — но не каждому удастся ускользнуть. Пусть немецкая мать проклянет тот день, когда она родила сына. Пусть немецкие женщины ощутят теперь ужасы войны. Пусть они сейчас сами переживут то, что предназначили другим народам.» Такие фразы были почти дословно почерпнуты из подстрекательских статей Эренбурга.

«Гражданское население теперь больше не бежит, — писал Климов 30 января 1945 г. во Владимирскую область. — То, что тут вообще творится, просто жутко.» А Иванищев 31 января 1945 г. сообщил своей жене под Тамбов: «Мы заняли почти всю Восточную Пруссию. Ночуем в их домах и выгоняем немцев на холод... Берем всякие трофеи, всё красивые вещи...» «Теперь мы ведем войну в самом прямом смысле слова, — писал Полетаев 1 февраля 1945 г. своим родителям в Алма-Ату, — громим гадов в их логове в Восточной Пруссии... Теперь и наши солдаты могут видеть, как горят их убежища, как скитаются их семьи и таскают с собой свое змеиное отродье... Они, наверно, надеются остаться в живых, но им нет пощады.» Красноармейка Нина 1 февраля 1945 г. писала своей матери Демидовой под Кострому: «Из немцев тут только старики и дети, молодых женщин очень мало, но и их убивают. Вообще то, что здесь творится, нельзя ни сказать, ни описать... Вчера я зашла на вокзал. Тут я не смогла выдержать, просто убежала. Дети буквально бросились на меня». «Немецких женщин хватает, — писал Ефименко 3 февраля 1945 г., — их не нужно уговаривать, просто приставляешь наган и командуешь “Ложись!”, делаешь дело и идешь дальше.» В письме капитану Ключину от того же дня написано: «Мы тут выкуриваем пруссаков так, что перья летят. Наши парни уже “распробовали” всех немецких женщин. Вообще трофеев много». В письме неизвестного красноармейца растленный дух пропаганды ненависти сведен к одной формуле: «Немецких женщин и детей, попадающих в наши руки, мы убиваем выстрелом в голову. Это наша месть за все, что они уничтожили у нас за два года».⁴⁶

Излишне пытаться дополнять неопровержимый доказательный материал почти необозримой массой схожих показаний военнопленных и перебежчиков, обогащающих и разнообразящих происходившее изображением все новых ужасных подробностей. Пусть в качестве иллюстрации послужат лишь немногие показания. Так, старший сержант Разыграев из 358-й стрелковой дивизии как свидетель занес в протокол следующее:⁴⁷ «Адъютант 2-го дивизиона 919-го артиллерийского полка старший лейтенант Пугачев взял себе трех девушек примерно 18 лет (из них одна полька), затащил их в свою комнату и изнасиловал по очереди. Потом он передал девушек красноармейцам, которые, со своей стороны, после жестоких надругательств... неоднократно изнасиловали девушек. После этого одна из девушек была расстреляна. Гражданское население считается охотничьей дичью, каждый может делать с ним, что захочет. Имеется и право на свободный грабеж. Советский еврейский пропагандист Илья Эренбург — главный поборник этого метода обращения с немецким населением». Военнопленный красноармеец из 343-й стрелковой дивизии «увидел первых убитых в Зенсбурге [ныне Мронгово, Польша]. Это были две пожилые женщины.

Следующих убитых он увидел в нескольких километрах восточнее Зенсбурга... По пути оттуда на восток он вновь и вновь видел на дороге убитых, среди них, не доходя около 5 км до Иоганнисбурга [ныне Пиш, Польша], изнасилованную женщину. Она лежала с поднятыми юбками и всунутым кнутовищем... Хотя пленный говорит, что видел очень много убитых, цифру он привести не может, такую цифру трудно оценить. На дороге между Зенсбургом и Иоганнисбургом убитых можно было увидеть на каждом километре. Очень многие красноармейцы говорили открыто, сколько гражданских лиц они убили и сколько женщин сначала изнасиловали при этом. Многие рассказывали, что войдя в немецкий дом, они сразу же бросали в кровать первую попавшуюся женщину и насиловали ее в присутствии остальной семьи... Последний после этого расстреливал данную женщину». Другой военнослужащий 343-й стрелковой дивизии, не названный поименно, объяснял такие злодеяния приказом Сталина, который, как сообщили ему товарищи в сожженной ими дотла деревне под Иоганнисбургом 31 января 1945 г., «будто бы приказал, что красноармейцы могут бесчинствовать в Восточной Пруссии как хотят. Командование говорило, что они могут разрушать города и села и насиловать женщин. Если немецкая девушка окажет сопротивление, они могут ее изнасиловать, угрожая пистолетом, также спокойно 5-6 человек друг за другом, а потом убить ее выстрелом из пистолета в голову».

Даже Юрий Успенский, уже упомянутый офицер 2-го гвардейского артиллерийского дивизиона, сам по себе мечтательный, почти философски настроенный, исполненный «гуманистичных» идеалов человек, давно уставший от войны и сетовавший на жертвы и разрушения, все же не остался незатронутым пропагандой ненависти. Он удовлетворенно доверил своему дневнику в горящем Инстербурге [ныне Черняховск, Россия] 24 января 1945 г.: «Это возмездие за все, что немцы натворили у нас. Сейчас разрушаются их города, и их население узнаёт теперь, что это значит: война!» «Мы очень ненавидим Германию и немцев, — признал он 27 января 1945 г. в Штаркенберге, — в одном доме, например, наши парни видели убитую женщину с 2 детьми. И на улице часто видишь убитых гражданских людей... Конечно, это невероятно жестоко — убивать детей... Но немцы заслужили эти зверства.» Однако Успенский, погибший в феврале в Замланде [территория к северу от Кёнигсберга], все же вновь и вновь вырывается из дьявольского круга советской пропаганды ненависти на почву человечности, хотя и деформированной социализмом, например, когда он в Фуксберге под Кёнигсбергом узнал в подробностях о многократном изнасиловании женщин и даже 13-15-летних детей (частично в доме советского дивизионного штаба), об убийствах и жестокостях «в отношении мирного населения», о поджогах и всех многочисленных актах вандализма. «Страшные зверства творятся на земле, — пишет он 7 февраля 1945 г. в Краусене под Кёнигсбергом, — это ужасно.» «Мирное население выглядит жалко, — отметил он 13 февраля. — Оно бродит вокруг изнуренное, испуганное и изголодавшееся. Старики и старухи совершенно беспомощны... Что касается солдат, то у них нет ни капли сострадания. Предстают ужасные картины. Боже, что только творится на свете!»

Подстрекаемые советской военной пропагандой и командными структурами Красной Армии, солдаты 16-й гвардейской стрелковой дивизии 2-го гвардейского танкового корпуса 11-й гвардейской армии в последней декаде октября 1944 г. принялись вырезать крестьянское население в выступе южнее Гумбиннена.⁴⁸ В этом месте немцы, вновь захватив его, смогли в виде исключения провести более детальные расследования. В одном Неммерсдорфе были убиты не менее 72 мужчин, женщин и детей, женщин и даже девочек перед этим изнасиловали, нескольких женщин прибили гвоздями к воротам амбара. Неподалеку оттуда от рук советских убийц пало большое число немцев и французских военнопленных, до сих пор находившихся в немецком плену. Всюду в окрестных населенных пунктах находили тела зверски убитых жителей — так, в Банфельде, имени Тейхгоф, Альт Вустервитце (там в хлеву найдены также останки нескольких сожженных заживо) и в других местах.⁴⁹ «У дороги и во дворах домов массами лежали трупы гражданских лиц...», — сообщил обер-лейтенант д-р Амбергер, — в частности, я видел многих женщин, которых... изнасиловали и затем убили выстрелами в затылок, частично рядом лежали и также убитые дети.»⁵⁰ О своих наблюдениях в Шилльмейшене под Хейдекругом в Мемельской области, куда 26 октября 1944 г. вторглись части 93-го стрелкового корпуса 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта, канонир Эрих Черкус из 121-го артиллерийского полка сообщил на своем военно-судебном допросе следующее:⁵¹ «У сарая я нашел своего отца, лежавшего лицом к земле с пулевым отверстием в затылке... В одной комнате лежали мужчина и женщина, руки связаны за спинами и оба привязаны друг к другу одним шнуром... Еще в одной усадьбе мы увидели 5 детей с языками, прибитыми гвоздями к большому столу. Несмотря на напряженные поиски, я не нашел и следа своей матери... По дороге мы увидели 5 девушек, связанных одним шнуром, одежда почти полностью снята, спины сильно распороты. Было похоже, будто девушек довольно далеко тащили по земле. Кроме того, мы видели у дороги несколько совершенно раздавленных обозов».

Невозможно стремиться отобразить все ужасные подробности или, тем более, представить полную

картину случившегося. Так пусть ряд выбранных примеров даст представление о действиях Красной Армии в восточных провинциях и после возобновления наступления в январе 1945 г. Федеральный архив в своем докладе об «изгнании и преступлениях при изгнании» от 28 мая 1974 г. опубликовал точные данные из так называемых итоговых листов о зверствах в двух избранных округах, а именно в восточно-прусском пограничном округе Иоганнисбург и в силезском пограничном округе Оппельн [ныне Ополе, Польша]. Согласно этим официальным расследованиям, в округе Иоганнисбург,⁵² на участке 50-й армии 2-го Белорусского фронта, наряду с другими бесчисленными убийствами, выделялось убийство 24 января 1945 г. 120 (по другим данным — 97) гражданских лиц, а также нескольких немецких солдат и французских военнопленных из колонны беженцев у дороги Никельсберг — Герцогдорф южнее Арыса [ныне Ожиш, Польша]. У дороги Штоллендорф — Арыс было расстреляно 32 беженца, а у дороги Арыс — Дригельсдорф под Шлагакругом 1 февраля по приказу советского офицера — около 50 человек, большей частью детей и молодежи, вырванных у их родителей и близких в повозках беженцев. Под Гросс Розеном (Гросс Розенко) Советы в конце января 1945 г. сожгли заживо около 30 людей в полевом сарае. Один свидетель видел, как у дороги на Арыс «лежали один труп за другим». В самом Арысе было произведено «большое число расстрелов», видимо, на сборном пункте, а в пыточном подвале НКВД — «истязания жесточайшего рода» вплоть до смерти.

В силезском округе Оппельн военнослужащие 32-го и 34-го гвардейских стрелковых корпусов 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта до конца января 1945 г. убили не менее 1264 немецких гражданских лиц. Частично не ушли от своей судьбы также русские остарбайтеры, в большинстве своем насильно депортированные на работу в Германию, и советские военнопленные в немецком плену. В Оппельне их согнали в публичном месте и после краткой пропагандистской речи перебили. Аналогичное засвидетельствовано о лагере остарбайтеров Круппамюле у реки Малапане [Мала-Панев] в Верхней Силезии.⁵³ 20 января 1945 г., после того, как лагерь достигли советские танки, здесь создали несколько сот русских мужчин, женщин и детей и, как «предателей» и «пособников фашистов», перестреляли из пулеметов или перемололи гусеницами танков. В Готтесдорфе советские солдаты 23 января расстреляли около 270 жителей, включая маленьких детей и 20-40 членов Марианского братства. В Карлсруэ [ныне Покуй, Польша] были расстреляны 110 жителей, включая обитателей Аннинского приюта, в Куппе — 60-70 жителей, среди них также обитатели дома престарелых и священник, который хотел защитить от изнасилования женщин, и т. д. в других местах. Но Иоганнисбург и Оппельн были лишь двумя из множества округов в восточных провинциях Германского рейха, оккупированных частями Красной Армии в 1945 г.

На основе донесений служб полевого командования отдел «иностранных армий Востока» Генерального штаба сухопутных войск составил несколько списков «о нарушениях международного права и зверствах, совершенных Красной Армией на оккупированных германских территориях», которые хотя также не дают общей картины, но по свежим следам событий документируют многие советские злодеяния с определенной степенью надежности. Так, Группа армий «А» донесла 20 января 1945 г., что все жители вновь занятых ночью населенных пунктов Рейхталь [Рыхталь] и Глауше под Намслау [ныне Намыслув, Польша] были расстреляны советскими солдатами 9-го механизированного корпуса 3-й гвардейской танковой армии.⁵⁴ 22 января 1945 г., согласно донесению Группы армий «Центр», под Грюнхайном в округе Велау [ныне Знаменск, Россия] танки 2-го гвардейского танкового корпуса «настигли, обстреляли танковыми снарядами и пулеметными очередями» колонну беженцев 4 километра длиной, «большой частью женщин и детей», а «оставшихся уложили автоматчики».⁵⁵ Аналогичное произошло в тот же день неподалеку оттуда, под Гертлаукемом, где были убиты советскими солдатами, частично выстрелами в затылок, 50 человек из колонны беженцев. В Западной Пруссии, в неуказанном населенном пункте, в конце января длинный обоз беженцев тоже был настигнут передовыми советскими танковыми отрядами. Как сообщили несколько выживших женщин, танкисты (5-й гвардейской танковой армии) облили лошадей и повозки бензином и подожгли их: «Часть гражданских лиц, состоявших в большинстве из женщин и детей, спрыгнули с повозок и попытались спастись, причем некоторые уже походили на живые факелы. После этого большевики открыли огонь. Лишь немногим удалось спастись».⁵⁶ Точно так же в Плонене в конце января 1945 г. танки 5-й гвардейской танковой армии напали на колонну беженцев и перестреляли ее.⁵⁷ Всех женщин от 13 до 60 лет из этого населенного пункта, расположенного под Эльбингом [ныне Эльблонг, Польша], красноармейцы непрерывно насиловали «самым жестоким образом». Немецкие солдаты из танковой разведроты нашли одну женщину с распоротой штыком нижней частью живота, а другую молодую женщину — на деревянных нарах с разможенным лицом. Уничтоженные и разграбленные обозы беженцев по обе стороны дороги, трупы пассажиров, лежащие рядом в придорожном рву, были обнаружены также в Майслатайне под Эльбингом.⁵⁸

Об умышленном уничтожении гусеницами или обстреле обозов беженцев, всюду тянувшихся по

дорогам и хорошо распознаваемых в качестве таковых, сообщалось из восточных провинций повсеместно, например, из района действий советской 2-й гвардейской танковой армии. В округе Вальдродде 18 и 19 января 1945 г. в нескольких местах подобные колонны останавливали, атаковывали и частично уничтожали, «падавших женщин и детей расстреливали или давили» или, как говорится в другом сообщении, «большинство женщин и детей убивали». ⁵⁹ Советские танки обстреляли под Вальдродде из орудий и пулеметов немецкий госпитальный транспорт, в результате чего «из 1000 раненых удалось спасти лишь 80». Кроме того, сообщения о нападениях советских танков на колонны беженцев имеются из Шауэркирха, Гомбина, где были «убиты ок. 800 женщин и детей», из Дитфурта-Филене и других населенных пунктов. Несколько таких обозов были достигнуты 19 января 1945 г. и под Брестом, южнее Торна [ныне соответственно Бжесць-Куявски и Торунь, Польша], в тогдашнем Вартегау, пассажиров, в основном женщин и детей, пристрелили. Согласно донесению от 1 февраля 1945 г., в этом районе в течение трех дней «из около 8000 лиц убито примерно 4500 женщин и детей, остальные полностью рассеяны, можно предположить, что большинство из них уничтожено аналогичным образом». Правда, за приведенные цифры нельзя поручиться, и они в этом случае представляются завышенными, но все же позволяют увидеть, что гражданское население здесь понесло, видимо, особенно высокие потери.

Из множества сообщенных нарушений международного права всегда, конечно, можно привести лишь некоторые характерные случаи. Например, у советских солдат вошло в твердое правило уничтожать немецких военнопленных, не долго думая. Так, военнослужащие советской 38-й армии в Макове, у южной границы тогдашнего генерал-губернаторства [Польши], в конце января 1945 г. убили 30 немецких солдат, выколов им глаза, отрубив руки и проломив черепа. Советские солдаты (видимо, 8-й гвардейской армии) убили под Мезеритцем [ныне Мендзыжеч, Польша] весь находившийся там фольксштурм из Фюрстенвальде, кроме двух человек, которым, подвергшись надругательствам, удалось уйти. В нескольких километрах от Вартбрюккена красноармейцы из 8-го механизированного гвардейского корпуса 1-й гвардейской танковой армии 19 января 1945 г. расстреляли 15 военнопленных, ⁶⁰ в Хоэнкирхе, округ Бризен, военнослужащие 162-й (или 186-й) стрелковой дивизии 65-й армии 22 января — 10 солдат и 9 гражданских лиц, включая одну женщину, выстрелами в затылок. ⁶¹

Под Кротошином в тот же день 15 членов фольксштурма были убиты военнослужащими 3-й гвардейской армии, под Петрикау [Петроков], южнее Лодзи, 9 немецких солдат — военнослужащими 9-го гвардейского танкового корпуса, на перекрестке дороги Пальциг — Никкерн 20 солдат, включая оберлейтенанта медицинской службы, видимо, санитарный персонал, и двое женщин — военнослужащими 33-й армии, под Зефельдом близ Реппена [ныне Жепин, Польша] 5 молодых курсантов унтер-офицерской школы — военнослужащими предположительно 69-й армии и т. д. в бесчисленных населенных пунктах. ⁶² В лесной сторожке под Зольдином советскими солдатами 2-й гвардейской танковой армии были убиты семья лесника и все находившиеся там беженцы, неподалеку отсюда заживо сожжены немецкие солдаты, которые укрылись в сарае. ⁶³ Еще в 1995 г. под Зольдином (Мыслибуж) было обнаружено массовое захоронение с останками 120 гражданских лиц.

Из зверств, продолжавших регистрироваться в Восточной Пруссии, также можно привести лишь немногие. Так, красноармейцами 3-го гвардейского кавалерийского корпуса близ небольшого населенного пункта Толльниккен были расстреляны: семья из 7 человек, включая маленьких детей, поскольку родители воспротивились изнасилованию двух своих дочерей, а также молодой человек, крестьянин и трое немецких солдат. ⁶⁴ Более детальные расследования, как под Гумбинненом, Голдапом, Эльбингом и в некоторых других местах, всегда удавалось провести лишь в случае нового занятия потерянной территории немецкими войсками, что случалось достаточно редко — так, в захваченных 28-30 января 1945 г. частями 10-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии населенных пунктах вокруг Прейсиш-Голланд [ныне Пасленк, Польша]. В донесении Группы армий «Север» от 2 февраля 1945 г. сказано, например, что в Гёттхендорфе, Дёберне, Борденене жителей перебили или расстреляли. «В Гёттхендорфе под Прейсиш-Голландом, — говорится в донесении, — только в одной комнате лежат 7 убитых гражданских лиц, среди них 2 пожилые женщины, 2 мужчин, мальчик около 14 лет. В углу скорчившись — 9-летний мальчик с совершенно разбитым черепом, и над ним 15-летняя девочка с исколотыми руками и расцарапанным лицом, штыком изрезаны грудь и живот, нижняя часть тела совершенно голая. 80-летний дедушка лежал застреленный перед дверью.» ⁶⁵ И здесь опять же красноармейцами были «расстреляны на дороге военнопленные немецкие солдаты, а также несколько отпускиников из Вермахта».

Когда немецким войскам в конце января удалось освободить «от советских извергов» (175-й стрелковой дивизии во главе с полковником Дроздовым, принадлежавшей к 47-й армии под командованием генерал-полковника Гусева) померанский городок Прейсиш-Фридланд [ныне Дебно, Польша] и окружающие населенные пункты, судебные и санитарные офицеры немецкой 32-й пехотной дивизии провели допросы среди выживших. В докладе командования 2-й армии от 14 февраля 1945 г.

констатируется: «В Прейсиш-Фридланде и в деревне Цискау 29 и 30 января были расстреляны после мучительнейших пыток большинство находившихся там мужчин. Дома и квартиры были разграблены, разрушены и подожжены. По женщинам и детям, которые хотели спастись бегством, большевистские убийцы стреляли из винтовок и пулеметов».⁶⁶ В Прейсиш-Фридланде и соседних населенных пунктах расследования «выявили и другие зверства». Так, вблизи имения Танненгоф после освобождения были найдены 15 немецких солдат, убитых выстрелами в голову. В Линде 29 января 1945 г. были «убиты 16 жителей, изнасилованы не менее 50 женщин, минимум 4 женщины убиты после изнасилования». Изнасилована была, в частности, и 18-летняя девушка, лежавшая подстреленной в своей крови. В Цискау тоже были расстреляны «после мучительнейших пыток» гражданские лица, а также укрывавшиеся солдаты, включая военнослужащего ВМФ, и изнасилованы женщины, отчасти многократно, среди них «86-летняя старуха и 18-летняя девушка из Бромберга [ныне Быдгощ, Польша], скончавшаяся в страшных муках». «В Цискау, — сказано в заключении доклада командования 2-й армии, — жену офицера прибили гвоздями к полу. После этого большевики оскверняли ее до смерти.»

Примечания

1. Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung, S. 60 E ff., S. 79 E ff.
2. Vertreibung und Vertreibungsverbrechen, S. 28 ff.
3. Murawski, Die Eroberung Pommerns, S. 18.
4. Kilian, Die «Mühlberg-Akten», S. 1144.
5. Якушевский, Расстрел в клеверном поле.
6. Montgomery, Memoiren, S. 399 ff.
7. Keating, Das Verhalten der Roten Armee, S. 201.
8. Zayas, Die Anglo-Amerikaner und die Vertreibung, S. 86.
9. Vertreibung und Vertreibungsverbrechen, S. 11, S. 22, S. 40.
10. Ebenda, S. 34, S. 48; Fischer, Kleiner Kriegsverbrecher.
11. Winters, Sowjetunion; Gillessen, Gut ausgerüstet und stets in hoher Kampfbereitschaft.
12. Birke, «Schlagt sie, tötet sie!».
13. Filip, Untaten an Deutschen.
14. Kohler, Als in Aussig die Jagd auf die Deutschen begann.
15. Vertreibung und Vertreibungsverbrechen, S. 54.
16. Semiryaga, Wie Berijas Leute in Ostdeutschland die «Demokratie» einrichteten, S. 742. См. также в последующем.
17. Holm, Gutsbesitzertöchter und Hitlerjungen als Zwangsarbeiter; Pfeiffer, Mit 15 in die Hölle; Klier, Verschleppt ans Ende der Welt.
18. BA-MA, RH 2/2686, 21.12.1944.
19. BA-MA, RH 2/2687, 11.1.1945.
20. BA-MA, RH 2/2687, 6.4.1944.
21. BA-MA, RH 2/2688, o. D.
22. BA-MA, RH 2/2686, 1.11.1944.
23. BA-MA, RH 2/2685, 11.3.1945.
24. Soviet War News, 24.8.1944.
25. Zayas, Die Anglo-Amerikaner und die Vertreibung, S. 85.
26. Murawski, Die Eroberung Pommerns, S. 19.
27. Vertreibung und Vertreibungsverbrechen, S. 24 f.
28. Kopelew, Aufbewahren für alle Zeit!, S. 55, S. 118, S. 129.
29. BA-MA, RH 19 XV/6, 23.3.1945.
30. BA-MA, RH 2/2688, 12.3.1945.
31. Bacía, Marschall Stalins und Held der Sowjetunion.
32. Semiryaga, Wie Berijas Leute in Ostdeutschland die «Demokratie» einrichteten, S. 751.
33. Plevier, Berlin, S. 296 ff., S. 428.
34. BA-MA, RH 2/2685, 26.3.1945.
35. BA-MA, RH 2/2684, 18.11.1944.
36. BA-MA, RH 2/2686, 26.9.1944.
37. См. прим. 19.
38. Anthing, Versuch einer Kriegs-Geschichte, S. 106, S. 110 f., S. 113, S. 115, S. 120, S. 134 f., S. 143.
39. BA-MA, RH 19 XV/6, Januar 1945.
40. См. прим. 34; см. также: Lasch, So fiel Königsberg, S. 138.
41. BA-MA, RH 2/2684, 20.2.1945.
42. BA-MA, RH 2/2687, 23.2.1945.
43. BA-MA, RH 2/2684, 15.2.1945.
44. Ebenda, 30.1.1945.

45. BA-MA, RH 2/2688, März 1945; ebenda, RH 19 XV/6, 22.2.1945.
46. BA-MA, RH 2/2685, 31.3.1945.
47. BA-MA, RH 2/2687, 7.3.1945.
48. Zayas, Die Anglo-Amerikaner und die Vertreibung, S. 81 ff.
49. BA-MA, RH 2/2685, fol. 168, 22./23.10.1944.
50. Zayas, Anmerkungen zur Vertreibung, S. 62 ff.
51. BA-MA, RH 2/2687, 10.1.1945.
52. Vertreibung und Vertreibungsverbrechen, S. 60 ff., S. 90 f.
53. Hoffmann, Die Geschichte der Wlassow-Armee, S. 405.
54. BA-MA, RH 2/2684, 30.1.1945.
55. Ebenda, 22.1.1945.
56. BA-MA, RH 2/2685, fol. 186, 25.2.1945.
57. Ebenda, 26.2.1945.
58. Ebenda, Liste 2, fol. 174, Januar 1945; ebenda, fol. 187, o. D.
59. Ebenda, Liste 1, fol. 168, 18./19.1.1945.
60. Ebenda, Liste 2, fol. 175, 19.1.1945.
61. Ebenda, Liste 1, fol. 168, 22.1.1945.
62. Ebenda, fol. 171.
63. Ebenda, fol. 185.
64. BA-MA, RH 2/2687, 73 c 1, o. D.
65. Ebenda, 3.2.1945.
66. BA-MA, RH 2/2684, 14.2.1945; BA-MA, RH 2/2685, Liste 2, fol. 177, 31.1.1945.

Глава 13.

«Горе тебе, Германия!»

Злодеяния находят свое продолжение

Политорганы и командные структуры Красной Армии взывали к чувствам ненависти и мести советских солдат, чтобы добиться от них высшей меры боеготовности и боевых результатов. Методы, применявшиеся ими для фабрикации героизма, были столь же недостойными, как и рискованными, и неизбежные последствия разжигания низменных инстинктов не заставили себя долго ждать. «Необузданное, недостойное человека поведение» овладело красноармейцами и в мгновение ока вызвало распущенность и одичание таких масштабов, что «в ряде частей и соединений оказалось потеряно управление войсками».¹ Как утверждалось в приказе № 006 Военного совета 2-го Белорусского фронта от 22 января 1945 г., о котором еще будет идти речь, нахождение крупных запасов спиртного совратило солдат к «чрезмерному потреблению алкоголя», и, наряду с «ограблениями, мародерством, поджогами», — об убийствах умалчивалось — теперь всюду наблюдалось и «массовое пьянство», в котором, к досаде высоких командных структур, участвовали «даже офицеры». Приводится пример находившейся на передовой 290-й стрелковой дивизии, где солдаты и офицерский состав напились до такой степени, «что утратили облик бойца Красной Армии». На танках 5-й танковой армии, как сказано, стояли винные бочки. Машины для боеприпасов были настолько загружены «всевозможными предметами домашнего обихода, захваченным продовольствием, гражданской одеждой и т. д.», что стали «для войск обузой», «ограничивали свободу их передвижения» и уменьшали «ударную силу танковых соединений».

Отдельные примеры из советских приказов здесь, как и всюду, следует тотчас обобщить. Так, советские солдаты перешли к тому, чтобы «вместо предписанного головного убора надевать гражданские шапки» или, как отметил в своем дневнике Юрий Успенский, носить «наполеоновские шляпы, трости, зонтики, резиновые плащи», тем самым и внешне все больше приобретая облик грабителей и мародеров. Одновременно стало правилом неисполнение приказов. И, как констатировал Военный совет 2-го Белорусского фронта, «эти глупости не прекращаются в тыловых частях, а, напротив, приобретают еще большие масштабы». Крайне вредным являлся обычай, практикуемый рядовыми и офицерами: бессмысленно уничтожать «жилплощадь, необходимую для размещения войск, штабов, военной техники и т. д.», то есть найденные в Германии здания — «позорные явления», против которых войсковые командиры не только не выступали, но и еще поощряли их своим бездействием. Правда, в этой связи упоминались лишь прегрешения, наносившие ущерб боевой силе частей Красной Армии, но не бесчинства и преступления в отношении немецкого населения, которые, в сравнении с этим, носили ведь куда более тяжкий характер. Но все же необходимость восстановления своего рода военной дисциплины и, не в последнюю очередь, также озабоченность тем, что поведение быстро продвигавшихся в Центральную Европу советских войск, которое основательно использовали немцы, может в пропагандистском плане оказать негативное обратное воздействие на западных союзников, побудило командование Красной Армии к энергичным мерам уже через 10 дней.

Первым выступил командующий 2-м Белорусским фронтом маршал Советского Союза Рокоссовский. Еще 22 января 1945 г. появился подписанный им самим, а также членом Военного совета генералом Субботиным и начальником штаба генералом Богомоловым упомянутый выше приказ № 006, который многозначительным образом подлежал ознакомлению вплоть до командиров взводов.² Маршал Рокоссовский строгим тоном приказал командующим армий, командирам корпусов и дивизий, командирам отдельных войсковых частей своего фронта «выжечь каленым железом» во всех их соединениях, частях и подразделениях «эти позорные для Красной Армии явления», привлечь к ответственности виновных в грабежах и пьянстве и покарать их преступления «высшими мерами наказания вплоть до расстрела». Политуправлению фронта, военной прокуратуре, военному трибуналу и органу НКВД СМЕРШ было поручено принять все необходимые меры для исполнения этого приказа.

Маршал Рокоссовский потребовал теперь от всего офицерского состава установить «в кратчайший срок образцовый порядок и железную дисциплину» во всех войсковых частях. В этой связи нашло подтверждение, хотя лишь походя, распространенное явление убийства военнопленных, поскольку Рокоссовский счел уместным поучать офицеров и солдат о том, «что врага нужно уничтожать в бою, сдающихся брать в плен». Особая забота уделялась обстановке в тылу. И начальник политотдела фронтового тыла призывался незамедлительно навести должный порядок и в войсковых частях своего ведомства. Правда, в центре интереса находилось лишь сохранение материальных ценностей. Начальник тыла и интендант фронта получили специальный приказ: «принять все меры к выявлению и сохранению трофейного имущества», пресечь его «расхищение и сбыт на сторону». Командующий 1-м Белорусским

фронтом маршал Советского Союза Жуков, который только 12 января 1945 г. недвусмысленными словами призвал свои войска к совершению актов возмездия и «бесчеловечных насильственных действий», теперь, как уже было однажды зимой 1941/42 гг., также совершил крутой поворот, внезапно пожелав возложить на своих подчиненных приказом от 29 января 1945 г. персональную ответственность за все «действия, противоречащие международному праву».³

Если даже маршал Рокоссовский, по имеющимся сведениям — еще наиболее умеренный из четырех командующих фронтами, официально не проронил ни слова о хорошо известных ему нарушениях международного права в отношении немецкого населения своими войсками, вопреки некоторым утверждениям в литературе, то этот вопрос все же прозвучал открыто, по крайней мере, в нескольких исполнительных приказах. Например, сославшись на требования Военных советов фронта и 48-й армии, военный прокурор этой армии, подполковник юстиции Маляров 23 января 1945 г. издал предписание военным прокурорам подчиненных соединений, в данном случае — 194-й стрелковой дивизии (0134, 0135, 0137), в котором, правда, сохранение материальных ценностей пока еще также занимало ведущее место.⁴ Ведь здесь был неприкрыто провозглашен противоречивший международному праву принцип, «что все имущество, находящееся на территории Восточной Пруссии, с момента захвата его частями Красной Армии, является собственностью Советского государства, подлежат охране и отправке в СССР». Различия между частной и общественной собственностью или собственностью Рейха не проводилось. Если, следовательно, военные власти сетовали теперь на «колоссальный материальный ущерб», нанесенный «из озорства и хулиганства» в городах и селах, то это проистекало только и исключительно из озабоченности тем, что захваченные у немцев трофеи могут уменьшиться.

Однако в то же время в предписании военного прокурора 48-й армии впервые ясно осуждались злодеяния в отношении гражданского населения и военнопленных. Так, Маляров обратил внимание на то, что были отмечены «факты» применения военными вооружения «к немецкому населению, в частности, к женщинам и старикам» и далее «многочисленные факты расстрела военнопленных» при неоправданных обстоятельствах, только из «озорства». Подполковник Маляров поручил военным прокурорам совместно с политаппаратом разъяснить военным вооружениям армии, что уничтожение захваченного имущества, «поджоги населенных пунктов» представляют собой антигосударственное дело, что далее «Красной Армии не свойственны методы расправы с гражданским населением и что применять оружие по отношению к женщинам и старикам преступно, и за такие действия виновные будут строго наказываться» и что, кроме того, в военных интересах следует брать немецких солдат в плен. Военным прокурорам было поручено немедленно организовать несколько «показательных процессов» над «злостными поджигателями» и прочими хулиганами, ознакомить войска с вынесенными приговорами и в остальном осуществлять строгий контроль, в необходимых случаях немедленно арестовывая виновных.

Недвусмысленно признанный в предписании военного прокурора 48-й армии, как и в приказе командующего 2-м Белорусским фронтом, факт нарастающей деморализации и одичания в рядах Красной Армии тотчас был вновь затушеван нижестоящим командованием и политаппаратом. Это проявилось, например, в том, как объяснялись подчиненным столь тревожные явления вандализма и алкоголизма. Так, в изданном 25 января 1945 г. приказе № 026 начальника штаба 174-й стрелковой дивизии полковника Романенко командирам частей (в данном случае — 508-го стрелкового полка) в качестве поджигателей фигурируют уже не мародерствующие военнослужащие Красной Армии, а агенты и провокаторы противника, «одетые в униформу Красной Армии», то есть немцы, пытающиеся задержать продвижение советских войск «поджогами населенных пунктов и отдельных зданий».⁵

А как звучало объяснение распространенного среди красноармейцев алкоголизма, названного Рокоссовским «массовым пьянством», при участии офицеров, со всеми его разрушительными последствиями? Политуправление, которое ведь было очень хорошо знакомо с позицией Военного совета 3-го [2-го?] Белорусского фронта, в памятке «товарищам бойцам, сержантам и офицерам» принялось возлагать и ответственность за безудержное пьянство на немцев, «гносного, коварного врага», умышленно отравляющего запасы спиртного и продовольствия, «чтобы выводить из строя наших солдат и офицеров и наносить ущерб Красной Армии».⁶ И так, если, к примеру, красноармейцы из части старшего лейтенанта Климца или другие красноармейцы в больших количествах поглощали метиловый спирт или если большая группа красноармейцев офицера Никифорова выпила «бочку с жидкостью, которая по запаху могла быть спиртом», умерев от этого в мучениях, то они являлись жертвами «подлого врага», не брезгующего «самыми подлыми, низменными и мерзкими средствами борьбы», чтобы навредить Советской армии. Напрашивается вопрос: как можно было предотвратить преступления против населения и военнопленных, если инстинктивная разнузданность красноармейцев лживо выдавалась за результат немецкого коварства и встречалась призывом отомстить «фашистским зверям», «немецким извергам» и за эти «коварные методы» «новыми сокрушительными ударами»?

Итак, идущие сверху приказы советских командных структур были далеко не однородны. Правда, многие военнопленные подтверждали немцам, что в феврале 1945 г. получили информацию о новых правилах поведения. Так, например, гвардии майор интендантской службы Костиков из 277-го гвардейского стрелкового полка 91-й гвардейской стрелковой дивизии (39-я армия, 3-й Белорусский фронт) 17 февраля 1945 г. сообщил, что «были изданы строгие приказы не трогать немецкое гражданское население, ничего не грабить и не вступать в связь с немецкими женщинами».⁷ Обычные до сих пор «расстрелы гражданских лиц и немецких военнопленных», согласно показанию красноармейца Шевчука, были с 6/7 февраля 1945 г. «настрога запрещены» и в 44-й мотострелковой бригаде,⁸ и аналогичные запреты можно выявить и в других частях.⁹ После того, как советские солдаты умышленно подожгли город Глейвиц [ныне Гливице, Польша], поджоги населенных пунктов были «строго запрещены» и на этом участке фронта.¹⁰ А командир 1042-го стрелкового полка 295-й стрелковой дивизии подполковник Чайко велел объявить в своих частях, что действия вопреки существующему запрету на мародерство будут «строго наказываться».¹¹ В целом советские директивные органы не скупались на угрозы наказаний, а военные трибуналы, похоже, принимали от случая к случаю и меры. Однако это были исключения. Поскольку, по единодушным показаниям красноармейцев, решительные действия следовали лишь в редких случаях, на практике все оставалось по-старому.

Немецких гражданских лиц и военнопленных по-прежнему убивали, зачастую по распоряжению начальства, в основном «командиров соответствующих батальонов и полков», даже если, согласно показаниям некоторых военнопленных, имелись войсковые части, «где подобные нарушения не терпелись». Точно так же, вопреки существующим запретам, «офицеры и молодые красноармейцы» по-прежнему насиловали немецких женщин и девушек, а затем нередко убивали. Продолжались также поджоги и грабежи с участием офицеров. Все приказы, гласившие иное, должны были, в конечном счете, оставаться безрезультатными перед лицом того факта, что антинемецкая пропаганда ненависти не претерпела изменений. Один военнопленный младший лейтенант из 266-го гвардейского стрелкового полка 88-й гвардейской стрелковой дивизии показал, что и в феврале 1945 г. видел всюду у дорог плакаты с подстрекательскими фразами типа: «Убивайте фашистских извергов! Мстите фашистам! Помните об убитых фашистами женщинах и детях и отомстите за них!»¹² А вот что гласил агитационный лозунг к 27-й годовщине Красной Армии 23 февраля 1945 г.: «Отплатим немецко-фашистским нелюдям за разграбление и разрушение наших городов и сел, за насилие над нашими женами и детьми, за убийство и насильственную отправку советских людей в немецкое рабство! Месть и смерть фашистским извергам!» Поскольку могущественный политаппарат говорил совсем иным языком, чем командные структуры Красной Армии, действовавшие к тому же без особого рвения, то не удивительно, что нарушения международного права в отношении немецких гражданских лиц и военнопленных нарастали в феврале и марте 1945 г. в ужасающей мере.

Как исполнялись на практике приказы советского командования, показывает масса накопленных немецкой стороной сообщений о зверствах красноармейцев в отношении военнопленных и гражданского населения уже в феврале 1945 г. Имеющийся официальный материал, разумеется, неполон и, кроме того, может быть приведен в данном контексте лишь в широкой подборке, кратко и фрагментарно. Но поскольку соответствующие сообщения имеются со всей частично оккупированной врагом территории провинций Силезия, Бранденбург, Померания и Восточная Пруссия и всюду имеют своим содержанием один и тот же состав преступления — убийства, изнасилования, грабежи, мародерство и поджоги, то в целом они все же создают правдивую картину страшных событий. Итак, выбранные случаи показательны для бесчисленных подобных зверств, всюду совершавшихся в четырех восточных провинциях и в феврале 1945 г.

Силезия

Вблизи границы Рейха, западнее Велюни, советские солдаты 1-го Украинского фронта облили бензином повозки обоза беженцев и сожгли их вместе с пассажирами. На дорогах лежали бесчисленные тела немецких мужчин, женщин и детей, частично в изувеченном состоянии — с перерезанным горлом, отрезанным языком, вспоротым животом. Также к западу от Велюни 25 служащих (фронтовых рабочих) организации Годта были расстреляны танковыми экипажами 3-й гвардейской танковой армии.¹³ Все мужчины были расстреляны и в Хайнерсдорфе, женщины изнасилованы советскими солдатами, а под Кунцендорфом 25-30 мужчин из фольксштурма получили пули в затылок. Таким же образом в Глауше под Намслау погибли от рук убийц, военнослужащих 59-й армии, 18 человек, «включая мужчин из фольксштурма и медсестер». В Беатенгофе под Олау [ныне Олава, Польша] после повторного его занятия все мужчины были найдены убитыми выстрелами в затылок.¹⁴ Преступниками явились военнослужащие 5-й гвардейской армии. В Грюнберге [ныне Зелёна-Гура, Польша] 8 семей были убиты военнослужащими 9-

го гвардейского танкового корпуса. Ареной ужасных преступлений стало имение Танненфельд под Гротткау [ныне Гродкув, Польша]. Там красноармейцы из 229-й стрелковой дивизии изнасиловали двух девушек, а затем убили их, надругавшись над ними. Одному мужчине выкололи глаза, ему отрезали язык. То же самое произошло с 43-летней полькой, которую затем замучили до смерти.

В Альт-Гротткау военнослужащие той же дивизии убили 14 военнопленных, отсекали им головы, выкололи глаза и раздавили танками. Красноармейцы этой же стрелковой дивизии несли ответственность и за злодеяния в Шварценгрунде под Гротткау. Они насиловали женщин, включая монастырских сестер, застрелили крестьянина Калерта, вспороли живот его жене, отрубили ей руки, застрелили крестьянина Христофа и его сына, а также молодую девушку.¹⁵ В имении Айсдорф под Мерцдорфом советские солдаты из 5-й гвардейской армии выкололи глаза пожилому мужчине и пожилой женщине, по-видимому — супружеской паре, и отрезали им носы и пальцы. Вблизи были найдены зверски убитыми 11 раненых солдат Люфтваффе. Точно так же в Гютерштадте под Глогау [ныне Глогув, Польша] были обнаружены 21 немецкий военнопленный, убитые красноармейцами из 4-й танковой армии. В деревне Хеслихт под Штригау [ныне Стшегом, Польша] все женщины были «одна за другой изнасилованы» красноармейцами из 9-го механизированного корпуса.¹⁶ Мария Хайнке нашла своего мужа, еще подававшего слабые признаки жизни, умирающим в советском караульном помещении. Медицинское обследование выявило, что у него были выколоты глаза, отрезан язык, несколько раз переломана рука и размозжена черепная крышка.

Военнослужащие 7-го гвардейского танкового корпуса в Оссиге под Штригау насиловали женщин, убили 6-7 девушек, застрелили 12 крестьян и совершили аналогичные тяжкие преступления в Хертвиссвальдау под Яуэром [ныне Явор, Польша]. В Лигнице [ныне Легница, Польша] были обнаружены трупы многочисленных гражданских лиц, расстрелянных советскими солдатами из 6-й армии. В городке Костенблот под Неймарктом [ныне Сьрода-Слёнска, Польша], захваченном частями 7-го гвардейского танкового корпуса, насиловали женщин и девушек, включая и находившуюся на сносях мать 8 детей. Брат, попытавшийся заступиться за нее, был застрелен. Расстреляны были все военнопленные иностранцы, а также 6 мужчин и 3 женщины. Массового изнасилования не избежали и сестры из католической больницы. Пильграмсдорф под Гольдбергом [ныне Злоторыя, Польша] явился ареной многочисленных убийств, изнасилований и поджогов со стороны военнослужащих 23-й гвардейской мотострелковой бригады. В Беральсдорфе, предместье Лаубана [ныне Любань, Польша], 39 еще оставшихся женщин были обесчещены «самым низким образом» советскими солдатами из 7-го гвардейского танкового корпуса, одной женщине выстрелили при этом в нижнюю челюсть, ее заперли в погреб и через несколько дней, когда она была тяжело больна лихорадкой, три красноармейца друг за другом «изнасиловали ее, угрожая пистолетом, самым жестоким способом».

Бранденбург (преимущественно Неймарк и Штернбергер Ланд)

Общее представление об обращении с населением в восточных частях провинции Бранденбург дает донесение русских агентов Данилова и Чиршина, засланных 103-м отделением фронтовой разведки с 24 февраля до 1 марта 1945 г.¹⁷ Согласно ему, всех немцев в возрасте от 12 лет и старше беспощадно использовали на строительстве укреплений, не использованную часть населения отправили на восток, а стариков обрекли на голодную смерть. В Зорау [ныне Жары, Польша] Данилов и Чиршин видели «массу тел женщин и мужчин... убитых (зарезанных) и застреленных (выстрелы в затылок и в сердце), лежащих на улицах, во дворах и в домах». По сообщению одного советского офицера, который сам был возмущен масштабами террора, «всех женщин и девушек, независимо от возраста, беспощадно насиловали». И в Скампе под Цюллихау [ныне соответственно Скомпе и Сулехув, Польша] советские солдаты из 33-й армии развернули «жуткий кровавый террор».¹⁸ Почти во всех домах лежали «задушенные тела женщин, детей и стариков». Неподалеку за Скампе, у дороги на Ренчен [Бенчен, ныне Збоншинь, Польша], были найдены трупы мужчины и женщины. У женщины был распорот живот, вырван зародыш, а отверстие в животе заполнено нечистотами и соломой. Вблизи находились трупы трех повешенных мужчин из фольксштурма.

В Кае под Цюллихау военнослужащие той же армии убили выстрелами в затылок раненых, а также женщин и детей с одного обоза. Город Ной-Бенчен [ныне Збоншичек, Польша] красноармейцы разграбили и затем умышленно подожгли. У дороги Швибус [ныне Свободзин, Польша] — Франкфурт красноармейцы из 69-й армии перестреляли гражданских лиц, включая женщин и детей, так что трупы лежали «друг на друге». У Альт-Древитца под Каленцигом военнослужащие 1-й гвардейской танковой армии расстреляли майора медицинской службы, майора и солдат-санитаров и одновременно открыли огонь по американским военнопленным, которых возвращали из базового лагеря Альт-Древитц, ранив 20-30 из них и убив неизвестное число.¹⁹ У дороги перед Гросс-Блумбергом (на Одере) группами по 5-10 лежали тела около 40 немецких солдат, убитых выстрелами в голову или в затылок и затем ограбленных. В Реппене все мужчины

с проходящего обоза беженцев были расстреляны советскими солдатами из 19-й армии, а женщины изнасилованы. В Гассене под Зоммерфельдом [ныне соответственно Ясень и Любско, Польша] танки 6-го гвардейского механизированного корпуса открыли беспорядочный огонь по гражданским лицам. В Массине под Ландсбергом [ныне Гожув-Велькопольски, Польша] военнослужащие 5-й ударной армии расстреляли неизвестное число жителей, насиловали женщин и малолетних и вывозили награбленное имущество. В неизвестном населенном пункте под Ландсбергом военнослужащие 331-й стрелковой дивизии расстреляли 8 гражданских лиц мужского пола, предварительно ограбив их.

Когда части советского 11-го танкового корпуса и 4-го гвардейского стрелкового корпуса в начале февраля внезапно ворвались в город Лебус, расположенный к западу от Одера, тотчас началось ограбление жителей, по случаю чего было застрелено определенное число гражданских лиц. Красноармейцы насиловали женщин и девушек, двух из которых прибили прикладами. Неожиданный прорыв советских войск к Одере и местами за Одер стал кошмаром для бесчисленных жителей и немецких солдат. В Гросс-Нойендорфе (на Одере) 10 немецких военнопленных были заперты в сарай и убиты из автоматов советскими солдатами (видимо, 1-й гвардейской танковой армии). В Рейтвейне и Треттине военнослужащие (видимо, 8-й гвардейской армии) расстреляли всех немецких солдат, служащих полиции и прочих «фашистов», а также целые семьи, в домах которых, возможно, находили убежище военнослужащие Вермахта. В Визенау под Франкфуртом были найдены умирающими после многочасового изнасилования две женщины в возрасте 65 и 55 лет. В Цедене [ныне Цедыня, Польша] советская женщина в офицерской униформе из 5-го гвардейского танкового корпуса застрелила купеческую чету. А в Геншмаре советские солдаты убили землевладельца, управляющего имением и трех рабочих.

Ударная группа Власовской армии во главе с полковником РОА Сахаровым 9 февраля 1945 г. при поддержке немцев вновь заняла расположенные в излучине Одера населенные пункты Нойлевин и Керстенбрух. Согласно немецкому докладу от 15 марта 1945 г., население обоих пунктов «подвергалось самым жутким надругательствам» и находилось после этого «под ужасным впечатлением кровавого советского террора». В Нойлевине были найдены застреленными бургомистр, а также находившийся в отпуске военнослужащий Вермахта. В одном сарае лежали трупы трех оскверненных и убитых женщин, у двух из которых были связаны ноги. Одна немецкая женщина лежала застреленной у дверей своего дома. Пожилая супружеская пара была задушена. В качестве преступников, как и в близлежащей деревне Нойбарним, были установлены военнослужащие 9-го гвардейского танкового корпуса. В Нойбарниме были найдены мертвыми 19 жителей. Тело хозяйки гостиницы было изувечено, ноги связаны проволокой. Здесь, как и в других населенных пунктах, осквернялись женщины и девушки, а в Керстенбрухе — даже 71-летняя старуха с ампутированными ногами. Картину насильственных преступлений советских войск в этих селах излучины Одера, как и всюду на германских восточных территориях, дополняют грабежи и умышленные разрушения.

Померания

Из Померании за февраль 1945 г. поступило лишь относительно немного сообщений, так как бои на прорыв здесь по-настоящему начались только в конце месяца. Но донесение грузинского лейтенанта Беракашвили, который, будучи командирован грузинским штабом связи в юнкерскую школу в Позене [ныне Познань, Польша], там вместе с другими офицерами добровольческих частей участвовал в обороне крепости и пробился в направлении Штеттина [ныне Щецин, Польша], все же передает некоторые впечатления о территории к юго-востоку от Штеттина.²⁰ Так, всюду были расстреляны не только члены НСДАП и Гитлерюгенда, но и вообще гражданские носители униформы — железнодорожники и т. д. Дороги часто окаймляли убитые выстрелом в затылок солдаты и гражданские лица, «всегда полураздетые и, во всяком случае, без сапог». Лейтенант Беракашвили стал свидетелем жестокого изнасилования жены крестьянина в присутствии кричащих детей под Шварценбергом и всюду находил следы грабежей и разрушений. «Жутко разрушен» был город Бан [ныне Бане, Польша], на его улицах лежало «много трупов гражданских лиц», которые, как пояснили красноармейцы, были убиты ими «в виде возмездия».

Обстановка в населенных пунктах вокруг Пиритца [ныне Пыжице, Польша] полностью подтвердила эти наблюдения. В Биллербекке расстреляли владельца имения, а также старых и больных людей, насиловали женщин и девочек с 10-летнего возраста, грабили квартиры, угнали оставшихся жителей. В имении Бредерлов красноармейцы оскверняли женщин и девушек, одна из которых была затем расстреляна, как и жена бежавшего отпускника Вермахта. В Кёзелитце были убиты окружной начальник, крестьянин, находящийся в отпуске лейтенант, в Эйхельсхагене — руководитель низового звена НСДАП и крестьянская семья из 6 человек. Преступниками во всех случаях были военнослужащие 61-й армии. Аналогичное происходило в деревнях вокруг Грейфенхагена [ныне Грыфино, Польша], к югу от Штеттина.

Так, в Едерсдорфе военнотружашие 2-й гвардейской танковой армии пристрелили 10 эвакуированных женщин и 15-летнего юношу, добились еще жившие жертвы штыками и пушлетными выстрелами, а также «вырезали» целые семьи с маленькими детьми. В Рорсдорфе советские солдаты расстреляли многих жителей, включая раненого военного-отпускника. Женщин и девушек осквернили и затем частично также убили. В Гросс-Зильбере под Каллисом красноармейцы из 7-го гвардейского кавалерийского корпуса изнасиловали молодую женщину палкой от метлы, отрезали ей левую грудь и размозжили череп. В Прейсиш-Фридланде советские солдаты из 52-й гвардейской стрелковой дивизии расстреляли 8 мужчин и 2-х женщин, изнасиловали 34 женщины и девушки. О жутком событии сообщил командир немецкого инженерно-танкового батальона 7-й танковой дивизии.²¹ В конце февраля 1945 г. советские офицеры из 1-й (или 160-й) стрелковой дивизии севернее Конитца загнали для разведки на минное поле нескольких детей в возрасте 10-12 лет. Немецкие солдаты слышали «жалобные крики» детей, тяжело раненых взорвавшимися минами, «бессильно истекавших кровью из разорванных тел».

Восточная Пруссия

И в Восточной Пруссии, за которую велись тяжелые бои, в феврале 1945 г. зверства продолжались с неослабевающей силой, невзирая, скажем, на приказы противоположного характера. Так, у дороги под Ландсбергом военнотружашие 1-й гвардейской танковой армии убивали немецких солдат и гражданских лиц ударами штыков, прикладов и пушлетами в упор и частично вырезали. В Ландсберге советские солдаты из 331-й стрелковой дивизии согнали ошеломленное население, включая женщин и детей, в подвалы, подожгли дома и стали стрелять по бегущим в панике людям.²² Многие сгорели заживо. В деревне у дороги Ландсберг — Гейльсберг военнотружашие той же стрелковой дивизии 6 дней и ночей держали взаперти в подвале 37 женщин и девушек, там частично приковали их цепями и при участии офицеров каждодневно насиловали много раз. Из-за отчаянных криков двое из этих советских офицеров на глазах у всех вырезали двум женщинам языки «полукруглым ножом». У двух других женщин прибили штыком к полу сложенные друг на друга руки. Немецким солдатам-танкистам в конечном счете удалось освободить лишь немногих из несчастных, 20 женщин умерли от надругательств. В Хансхагене под Прейсиш-Эйлау [ныне Багратионовск, Россия] красноармейцы из 331-й стрелковой дивизии расстреляли двух матерей, воспротивившихся изнасилованию своих дочерей, и отца, дочь которого в это же время была вытащена из кухни и изнасилована советским офицером. Далее, были убиты: супружеская чета учителей с 3 детьми, неизвестная девушка-беженка, трактирщик и фермер, 21-летнюю дочь которого изнасиловали. В Петерсхагене под Прейсиш-Эйлау военнотружашие этой дивизии убили двух мужчин и юношу 16 лет по имени Рихард фон Гофман, подвергнув жестокому насилию женщин и девушек.

В начале февраля 1945 г. советские войска неожиданно ворвались в западную часть Замланда, овладев большим числом населенных пунктов. Через несколько дней немцам удалось разбить и частично отбросить передовые силы и в ходе смелой наступательной операции крупного масштаба 19 и 20 февраля 1945 г. восстановить прерванную наземную и морскую связь с Кёнигсбергом. Командование армейской группы Замланд и Группы армий «Север» с помощью полиции провело расследования о судьбе населения на вновь освобожденной территории, результаты которых имеются, правда, лишь по нескольким населенным пунктам. Так, военнотружашие 271-го Особого моторизованного батальона (стрелки-мотоциклисты) 39-й армии убили в Георгенвальде 4-х гражданских лиц и бросили трупы в пламя подожженного имения. Офицеры и их красноармейцы жестоко оскверняли женщины и девочек. В Крагау военнотружашие 91-й гвардейской стрелковой дивизии изнасиловали и задушили двух молодых женщин, в Меденау военнотружашие 358-й стрелковой дивизии убили по меньшей мере 11 гражданских лиц. Здесь перед одним домом лежали трупы двух убитых женщин, маленького ребенка и грудного младенца. Двух пожилых мужчин и 14-летнего юношу забили, точно так же — двух женщин и двух девочек после изнасилования. Совершенно раздетое тело примерно 30-летней женщины имело колотые раны на груди, у нее был рассечен череп, она была изрешечена пушлетами. В Гросс-Ладткайме военнотружашие 91-й гвардейской стрелковой дивизии расстреляли 2-х немецких военнопленных и 4-х гражданских лиц, включая бургомистра и его жену. От их 18-летней дочери не осталось никаких следов. Однако был найден труп молодой девушки, которой после изнасилования отрезали груди и выкололи глаза.

Советская 91-я гвардейская стрелковая дивизия, прорвавшаяся через Тиренберг в район Краттлау — Гермау, 7 февраля 1945 г. была окружена и частично разбита в тяжелых боях. В захваченных ею населенных пунктах были установлены грубые нарушения международного права.²³ В Тиренберге был убит 21 немецкий солдат, согнанные туда из приюта для военных инвалидов под Зоргенау. Элизабет Хомфельд была изнасилована и вместе со своим зятем убита пушлетами в голову — так же, как Минна Коттке, пытавшаяся воспротивиться изнасилованию, и сын арендатора имения священника Эрнст Трунц.

Брошенной в сарай гранатой были убиты трое запертых там женщин и мужчина, а несколько человек тяжело ранены. В то же время советские офицеры и солдаты позднее признали в плену, что беспрерывно и «зверски» насиловали женщин и даже малолетних девочек. В Краттлау военнослужащие 275-го гвардейского стрелкового полка 91-й гвардейской стрелковой дивизии убили 6 мужчин и двух немецких солдат ударами штыка или выстрелами в голову. Всех женщин и девушек, включая 13-летних, беспрерывно насиловали, некоторых женщин «подвергали половому насилию по 6-8 солдат 5-8 раз в день». 3-4 самые молодые женщины были оставлены офицерам, которые после завершения преступного насилия передали их своим подчиненным. В Аннентале немецкие освободители нашли трупы двух женщин, которых осквернили (одну — на навозной куче) и затем задушили.

Детальные расследования удалось провести в Гермау, где как-никак располагались штаб 91-й гвардейской стрелковой дивизии и штаб с частями 275-го гвардейского стрелкового полка. В Гермау были обнаружены трупы 21 убитого — мужчин, женщин и детей. 11 человек не вынесли чудовищных пыток и сами покончили с собой. 15 немецких раненых убили, разбив им головы, а одному из них насильно затолкали в рот губную гармошку. Согласно заключению капитана медицинской службы д-ра Тольциена, одно женское тело имело следующие ранения: сквозной выстрел в голову, размозжение левой голени, широкая открытая резаная рана на внутренней стороне левой голени, большая открытая рана на внешней стороне левого бедра, нанесенные ножом. У другой женщины, как и у раздетой молодой девушки, был размозжен затылок. Убитыми были найдены супружеская пара Ретковских, супружеская чета Шпренгелей с 3 детьми, молодая женщина с 2 детьми и неизвестный поляк. В общей могиле лежали тела неизвестной беженки, Розы Тиль, урожденной Витте, и 21-летней польской девушки — все трое были жестоко убиты после изнасилования, далее тела двух местных кустарей, один из которых, мельник Магун, был застрелен, поскольку он пытался защитить от изнасилования свою малолетнюю дочь. У дороги Гермау — Пальмниккен [ныне Янтарный, Россия], возле 5-километрового указателя, были найдены две девочки. Общим с близкого расстояния выстрелили в голову, у одной были выколоты глаза. Женское население Гермау, около 400 женщин и девушек, по приказу командира 91-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Кошанова было заперто в церкви, якобы (так, во всяком случае, утверждал военнопленный майор Костиков), чтобы уберечь их от бесчинств. Тем не менее, советские офицеры и солдаты ворвались в церковь и на хорах вели «массовые изнасилования». И в окружающих домах в последующие дни женщин беспрерывно насиловали, в основном офицеры, молодых девушек — до 22-х раз за ночь; офицер и несколько красноармейцев 8 раз изнасиловали в церковной колокольне 13-летнюю Еву Линк на глазах отчаявшейся матери, которую затем постигла та же участь.

События в расположенном западнее Кёнигсберга курортном пригороде Меттетен, который в ночь с 30 на 31 января 1945 г. был захвачен частями советской 39-й армии (192-й, 292-й, 338-й стрелковые полки), а 19 февраля после кровопролитных боев вновь освобожден частями немецкой 1-й пехотной дивизии, 561-й дивизии народных гренадеров и 5-й танковой дивизии, уже не раз описывались в литературе, недавно — и в публикации русского журнала «Новое время» под заголовком «Преступления красноармейцев».²⁴ В этой связи следует упомянуть и американского специалиста по международному праву Альфреда М. де Заяса, который в своих исследованиях уделяет событиям в Меттетене особое внимание.²⁵ Немецкие солдаты совершили в Меттетене и ближней окрестности ужасающие открытия. Выжившие (например, бывший 3-й штабной офицер [1с — офицер разведки и контрразведки] в штабе коменданта крепости Кёнигсберг, майор запаса профессор д-р Г. Ипсен) находились «в состоянии, граничившим с безумием».

Уже на подходах были найдены трупы нескольких сот немецких солдат, отчасти изувеченных до неузнаваемости, почти во всех домах и садах лежали убитые мужчины, женщины и дети, у женщин наблюдались явные следы изнасилования, зачастую были отрезаны груди. В одном месте, как сообщил бывший офицер для поручений при штабе 561-й дивизии народных гренадеров К.А. Кнорр, две примерно 20-летние девушки были разорваны автомашинами. На вокзале стоял, по меньшей мере, один поезд с беженцами из Кёнигсберга. В каждом вагоне лежали тела «зверски убитых беженцев любого возраста и пола». Теннисную площадку в Меттетене битком набили немецкими военнопленными и гражданскими лицами, а затем был приведен в действие разрывной заряд. Части человеческих тел находили уже в 200 м от гигантской взрывной воронки. Еще 27 февраля 1945 г. капитан из штаба коменданта крепости Зоммер случайно обнаружил за одним домом в гравийном карьере у уличного и дорожного перекрестка перед Меттетеном трупы 12 совершенно раздетых женщин и детей, лежавших вместе «беспорядочной кучей»; они были растерзаны ударами штыков и ножей.

Помимо отдельных трупов, рассеянных по всему курортному поселку, которых насчитывались сотни, было обнаружено несколько больших земляных холмов, под которыми, как оказалось, были погребены сотни (согласно капитану Зоммеру и профессору д-ру Ипсену — 3000) убитых.²⁶ Дознание следственной комиссии, назначенной комендантом крепости, генералом пехоты Лашем, складывалось

сложно, поскольку Советы облили кучи трупов бензином и попытались их сжечь. Тем не менее, удалось установить, что большинство жертв было не расстреляно, а зачастую жестоко убито рубящим и колющим оружием. К тому же значительная часть этих убитых являлась не немцами, а украинскими беженцами, которых насчитывалось под Метгетеном порядка 25000, а также членами так называемой украинской «трудовой службы», которые были мобилизованы принудительно (и с которыми немцы плохо обращались) и теперь, как многие из их соплеменников в других местах, пали жертвами советских актов возмездия.

Западнее Метгетена, как сообщил капитан Зоммер, у дороги вплоть до Повайена всюду лежали трупы гражданских лиц, либо убитых выстрелами в затылок, либо «совершенно раздетых, изнасилованных и затем зверски убитых ударами штыков или прикладов». У дорожного перекрестка перед Повайеном четыре раздетые женщины были насмерть раздавлены советским танком. Капитаном Зоммером, а также майором профессором д-ром Ипсеном засвидетельствована прямо-таки символичная гнусность советских солдат в церкви Гросс-Хейдекруга. Там была распята молодая девушка, а справа и слева от нее повешено по немецкому солдату. Все это происходило у ворот провинциального центра Кёнигсберга. Невыразимые зверства и преступления, совершенные подстрекаемыми²⁷ советскими солдатами позднее, после захвата города 7-9 апреля 1945 г., не поддаются никакому описанию и могли найти лишь схематичное отражение также в дневниках врачей Дейхельмана и графа фон Лендорфа.²⁸

Нарушениями международного права, совершенными на немецкой земле, значительная часть Красной Армии поставила себя за рамки исконных солдатских традиций. Как массовое явление преступления против безоружных наподобие тех, что представлены выше лишь в качестве примера, совершенные по наущению и при участии военного командования, были неизвестны в армиях других европейских государств даже во время Второй мировой войны, да и никогда бы не могли быть терпимы командными структурами. И германский Вермахт не составлял при этом исключения. Грабеж и мародерство, не говоря уже об убийстве и изнасиловании, согласно императивным предписаниям военно-уголовного кодекса, угрожали серьезными наказаниями. Для сохранения воинской дисциплины военные суды и на советской территории, как правило, карали правонарушения и преступления военнослужащих Вермахта в отношении гражданского населения строгими карами и зачастую решались выносить даже смертные приговоры.²⁹ Поэтому, если поставить вопрос об ответственных за военные преступления, совершенных в восточных провинциях Германии, то — следуя старому воинскому принципу, что командиры в любом случае несут ответственность за действия своих подчиненных, — большинство действовавших там командующих и войсковых командиров и многие военнослужащие среднего и низшего командного состава должны считаться «военными преступниками» также и в трактовке Нюрнбергского устава. Отдел иностранных армий Востока Генерального штаба сухопутных войск, который в силу своей компетенции принимал решающее участие в «поименном установлении вражеских военных преступников», при составлении им «списков военных преступников»,³⁰ видимо — как и, к примеру, командование Группы армий «Центр» — склонялся к тому, чтобы заведомо связать соответствующих советских командиров с преступлениями их подчиненных. Однако в данном месте это понятие будет трактоваться более узко. И если в дальнейшем, исходя из документов, и без того сохранившихся лишь по чистой случайности, поименно называется ряд советских офицеров, то это делается только в том случае, если весомое участие или соучастие в нарушениях международного права является документально доказанным либо если для подозрения в этом имеется достаточно оснований.

В качестве ответственных за нарушения международного права в восточных провинциях Германии уже были названы: командующий 1-м Белорусским фронтом, маршал Советского Союза Жуков и ведущие офицеры его фронтового штаба — так, член Военного совета генерал-лейтенант Телегин, далее генерал-полковник артиллерии Казаков, генерал-полковник авиации Руденко и начальник штаба фронта генерал-полковник Калинин, а также — еще более однозначно — командующий 3-м Белорусским фронтом, генерал армии Черняховский, член Военного совета генерал-лейтенант Хохлов, начальник Политуправления фронтового штаба генерал-майор Разбийцев. Из группы ответственных далее были выделены следующие офицеры: командующий 31-й армией генерал-полковник Глаголев, члены Военного совета 31-й армии генерал-майор Карпенков, генерал-майор Лахтарин, а также начальник политотдела армии генерал-майор Рясасов, кроме того — командир 43-го стрелкового корпуса генерал-майор Андреев, командир 72-й стрелковой дивизии генерал-майор Ястребов, командир 87-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Тымчик, командир 88-й стрелковой дивизии полковник Ковтунов, командир 153-й стрелковой дивизии полковник Елисеев, командир 2-го гвардейского артиллерийского дивизиона полковник Кобцев, начальник 7-го отделения политотдела 50-й армии подполковник Забаштанский,³¹ к сотрудникам которого в качестве так называемых «фронтовых уполномоченных» Национального комитета «Свободная Германия» принадлежали и два немецких коллаборациониста — майор Бехлер и лейтенант граф фон Айнзидель,

командир 611-го стрелкового полка 88-й стрелковой дивизии подполковник Сотковский, командир 14-го стрелкового полка 72-й стрелковой дивизии подполковник Королев, командир 3-го батальона 14-го стрелкового полка 72-й стрелковой дивизии старший лейтенант Васильев, адъютант 2-го батальона 919-го артиллерийского полка старший лейтенант Пугачев.

А вот случайно сохранившиеся имена других советских офицеров, совершавших военные преступления на немецкой земле, призывавших к ним или сознательно их терпевших. Генерал-лейтенант О कोरोков, начальник Политуправления 2-го Белорусского фронта, лично совершал «крупномасштабное мародерство» и несет ответственность за другие тяжкие правонарушения в сфере своих служебных полномочий.³² Генерал-майор Берестов, командир 331-й стрелковой дивизии, 2 февраля 1945 г. в Петерсхагене под Прейсиш-Эйлау с одним из сопровождающих его офицеров изнасиловал дочь крестьянки, которую он заставил себе прислуживать, а также польскую девушку и, кроме того, несет полную ответственность за многочисленные военные преступления, совершенные его дивизией под Прейсиш-Эйлау и Ландсбергом, «из которых стала известна лишь исчезающе малая часть». За преступления, совершенные с 15 по 21 февраля 1945 г. в Меденау, генерал-майор Папченко, командир 124-й стрелковой дивизии, и генерал-майор Зарецкий, командир 358-й стрелковой дивизии, несут ответственность точно так же, как несет ее за преступления, совершенные 4 февраля 1945 г. в Крагау и Гросс-Ладткайме, командир 91-й гвардейской стрелковой дивизии, гвардии полковник Кошанов, который ответственен также «за совершенные его солдатами убийства и изнасилования в Тиренберге». Подполковник Муратов, командир 1324-го стрелкового полка 413-й стрелковой дивизии, в январе 1945 г. велел через своего замполита призвать красноармейцев к актам возмездия в отношении немцев: «Теперь вы можете мстить. Воюющая армия может делать с немецкими пленными, что захочет...»³³ Подполковник Бондарец, замполит 510-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии 2-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта, объявил красноармейцам в Восточной Пруссии, «что они могут насиловать немецких женщин», хотя не должны их расстреливать. Подполковник Толстухин, командир 85-го гвардейского стрелкового полка 32-й гвардейской стрелковой дивизии, особый «немцененавистник», в Восточной Пруссии велел «расстреливать большинство немецких пленных».³⁴ Подполковник Розенцвейг, замполит 72-го гвардейского стрелкового полка, через командиров частей велел сообщить красноармейцам, что они имеют «полное право грабить».³⁵ Подполковник Сашенко, командир 275-го стрелкового полка 91-й гвардейской стрелковой дивизии, несет полную ответственность за «военные преступления, совершенные его солдатами в период 2-8.2.45 г. в Гермау и Краттлау». Майор Беляев, начальник «антифашистской школы» на 2-м Белорусском фронте, застрелил в Найденбурге [ныне Нидзица, Польша] беспомощную старую женщину, в другом месте троих раненых и совершил иные преступления.³⁶ Майор Садыков, командир 870-го стрелкового полка, в Верхней Силезии лично совершал изнасилования и, исходя из своей исполненной ненависти установки, велел «расстрелять уже многих военнопленных».³⁷ Майор Кобулянский, командир 271-го Особого моторизованного батальона 39-й армии, и несколько его офицеров, среди которых командир роты Альт-Метведен и командир взвода Зиновьев, на прибалтийском курорте Георгенвальде с 3 по 5 февраля 1945 г. лично участвовали в тяжких преступлениях — изнасилованиях, а также несут ответственность за ряд убийств в их ближайшем окружении. В качестве примера из необозримого числа советских офицеров, совершавших убийства или половые преступления всюду в восточных провинциях Германии, назовем в этом месте следующих: капитан Соболев,³⁸ адъютант 2-го батальона 691-го стрелкового полка 383-й стрелковой дивизии, старший лейтенант Жеребцов,³⁹ начальник штаба батальона 788-го артиллерийского полка 262-й стрелковой дивизии, старший лейтенант Слюсарев,⁴⁰ начальник штаба 1-го батальона 72-го гвардейского стрелкового полка 24-й гвардейской стрелковой дивизии, лейтенант Шилков из того же батальона, а также лейтенант Калинин, замполит 2-го батальона, который прямо подстрекал красноармейцев к совершению гнусных поступков, объясняя им, что «не надо щадить никого и ничего». В этом месте можно привести лишь немногие имена. Но они позволяют увидеть одно: что офицеры всех рангов от маршала Советского Союза до лейтенанта, генералы, высшие и низшие офицеры Красной Армии равным образом провинились в совершении военных преступлений против гражданского населения и безоружных пленных.

Так была ли Красная Армия в целом причастна к нарушениям международного права? Длительная пропаганда ненависти со стороны Главного политуправления и подчиненных ему политорганов, а также то обстоятельство, что внезапные контрприказы командования полностью противоречили первоначальным призывам, что они к тому же были лишены энергии и решительно исполнялись лишь в исключительных случаях, оставляли в реальности мало места для гуманных устремлений. Правда, немалое число советских офицеров и солдат было недовольно чудовищными преступлениями и бесчинствами своих собственных товарищей, и действовавшие на немецкой стороне русские агенты Данилов и Чиршин сообщили по своей инициативе, в частности, о неизвестном офицере, который проявил свое возмущение масштабами

террора.⁴¹ Однако, ввиду царившей в Красной Армии атмосферы подстрекательства и ненависти, выражать критику по поводу варварского, «противоречившего всякой человеческой культуре обращения» с населением и военнопленными было не просто и связано с явным риском, поскольку угрожало немедленное вмешательство органов политического контроля. Советские военнопленные «единогласно» подтверждали, что было «настроено запрещено выражать свое нравственное возмущение командованию, поскольку тем самым ты подвергаешься угрозе, что тебя охарактеризуют как сторонника Гитлера и будут обращаться с тобой как с таковым».⁴² Когда, например, нижеупомянутый капитан Беляков сообщил своему командиру о жестоком изнасиловании восемью красноармейцами 17-летней девушки в присутствии матери, замполит подполковник Бондарец выговорил ему, не пытаясь ли он «корчить из себя защитника этих гражданских лиц». Мол, проваливай в свой батальон. С другими критиками поступали более сурово. Так, капитан Ефремов, командир батальона в полку 4-го гвардейского танкового корпуса, который в Линденхагене под Козелом 2 февраля 1945 г. изнасиловал женщину, не долго думая, застрелил красноармейца, осудившего этот поступок. В другом месте, как показал военнопленный младший лейтенант из 287-й стрелковой дивизии, несколько офицеров были застрелены растравленными красноармейцами, так как «заступились за мирное население и хотели воспрепятствовать бесчинствам».⁴³

Сообщается о танковых экипажах, предупреждавших жителей по поводу жестокости следовавших за ними частей,⁴⁴ и вновь и вновь находились советские офицеры и солдаты, помогавшие женщинам и детям или раздававшие им хлеб. Яркие образцы человечности оставили капитан Александр Солженицын и майор Лев Копелев, которым пришлось заплатить за свою защиту поруганного гражданского населения в Восточной Пруссии многолетней депортацией в концлагеря ГУЛага. «Буржуазно-гуманистическая пропаганда, сочувствие к вражескому населению и клевета на советское военное командование», — гласили обвинения, выдвинутые против них.⁴⁵ Ужасные события донесены до потомков будущим Нобелевским лауреатом Александром Солженицыным в стихотворной форме в его публикации «Восточно-Прусские ночи».⁴⁶

Подчас советским офицерам удавалось успешно противостоять преступникам в униформе — возможно, потому, что у них были аналогично мыслявшие начальники, ведь вообще от «мнения соответствующего командира» всегда зависело многое. Так, даже в 91-й Духовщинской гвардейской стрелковой дивизии поведение не было единым. В то время, как дивизионный штаб и 275-й гвардейский стрелковый полк совершали в Гермау и окрестностях ужасные зверства,⁴⁷ из таких населенных пунктов, как Вилькау, которые были захвачены другими частями дивизии, не сообщалось об убийствах и изнасилованиях. Когда вновь назначенному в Гермау коменданту доложили о многочисленных злодеяниях, тот даже приказал расставленным вокруг церкви постами больше не допускать вытаскивания оттуда женщин, «в противном случае они должны были стрелять по собственным солдатам». Различными были условия и в 72-й стрелковой дивизии военного преступника генерал-майора Ястребова. В то время, как, например, 3-й батальон 14-го стрелкового полка совершал тяжкие преступления, красноармейцев 3-го батальона 187-го стрелкового полка предостерегли против вольностей в отношении населения.⁴⁸

Но в конечном счете все это, похоже, были исключения. Правда, начальник отдела иностранных армий Востока Генерального штаба сухопутных войск генерал-майор Гелен, в ведомство которого стекались все соответствующие сообщения, в отдельных случаях также регистрировал «корректное поведение» советских офицеров и солдат, но одновременно считал себя вынужденным указать на то, «что значительная часть офицеров молчаливо терпит бесчинства и во многих случаях даже сама их осуществляет».⁴⁹ Так, уже упомянутый капитан Беляков, командир 1-го батальона 510-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии 2-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта, 10 февраля 1945 г. в Дульцене под Прейсиш-Эйлау перешел к немецким войскам, поскольку, как он заявил, «я не мог больше смотреть, как красноармейцы обращались с немецким гражданским населением на завоеванных нами территориях».⁵⁰ Капитан Беляков, который перед этим застрелил застигнутого на месте преступления сержанта своего батальона и другого красноармейца, так как они в отдаленном сарае зверски изнасиловали малолетнюю совершенно растерянную девочку, считал, что может избежать предстоящего ареста органом НКВД СМЕРШ лишь путем своего бегства к немцам.

Примечания

1. ВА-МА, RH 19 XV/6, 22.2.1945; ВА-МА RH 2/2685, 26.3.1945.
2. Приказ Командующего 3-го Белорусского Фронта, 22.1.1945, ВА-МА RH 2/2687.
3. ВА-МА RH 2/2685, 26.3.1945.
4. Всем Военным Прокурорам, 23.1.1945, ВА-МА RH 2/2687.
5. Там же, 25.1.1945.

6. Товарищи бойцы, сержанты и офицеры!, там же.
7. Там же, 17.2.1945.
8. ВА-МА RH 2/2685, 5.3.1945.
9. ВА-МА RH 2/2684, 2.2.1944; ВА-МА RH 2/2688, fol. 74, 25.2., fol. 75, 1.3.1945.
10. ВА-МА RH 2/2687, 24.2.1945.
11. ВА-МА RH 2/2688, fol. 75, 6.3.1945.
12. Ebenda, 27.2.1945.
13. ВА-МА RH 2/2685, Liste 2, fol. 174 ff., см. также в последующем.
14. ВА-МА RH 2/2687, 7.3.1945.
15. ВА-МА RH 2/2687, 26.2.1945.
16. Ebenda, 15.3.1945.
17. Ebenda, 3.3.1945.
18. ВА-МА RH 2/2685, Liste 2, fol. 168 ff., см. также в последующем.
19. Ebenda, fol. 67, 7.2.1945.
20. ВА-МА RH 2/2688, 12.3.1945.
21. Ebenda, 5.3.1945.
22. Namentliche Erfassung sowjetischer Kriegsverbrecher, 17.3.1945, ВА-МА RH 2/2685, см. также в последующем.
23. ВА-МА RH 2/2684, 13./16.2.1945.
24. Млечин, Преступления красноармейцев.
25. Anmerkungen zur Vertreibung, S. 67 ff.
26. Vertreibung und Vertreibungsverbrechen, Dokument 4, S. 146 ff.
27. См. также: Штурм Кенигсберга.
28. Deichelmann, Ich sah Königsberg sterben; Lehndorff, Ostpreußisches Tagebuch; Wieck, Zeugnis vom Untergang Königsbergs.
29. Zayas, Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle, S. 72 ff.
30. См. прим. 22; см. также: ВА-МА RH 2/2684, 21.2.1945.
31. Копелев, Aufbewahren für alle Zeit!, S. 94.
32. Ebenda, S. 69, S. 130.
33. ВА-МА RH 2/2687, 12.2.1945.
34. ВА-МА RH 2/2685, 21.3.1945.
35. ВА-МА RH 2/2687, 17.2.1945.
36. Копелев, Aufbewahren für alle Zeit!, S. 87, S. 94.
37. ВА-МА RH 2/2687, 12.3.1945.
38. ВА-МА RH 2/2688, fol. 74, 3.3.1945.
39. ВА-МА RH 2/2687, fol. 72, o. D.
40. ВА-МА RH 2/2684, 11.2.1945.
41. См. прим. 17.
42. ВА-МА RH 2/2685, 22.2.1945.
43. Ebenda, 23.3.1945.
44. ВА-МА RH 2/2687, 11.3.1945; Vertreibung und Vertreibungsverbrechen, S. 25, S. 27.
45. Zayas, Die Anglo-Amerikaner und die Vertreibung, S. 88 f.
46. Solschenizyn, Ostpreußische Nächte.
47. ВА-МА RH 2/2687, 15.2.1945.
48. ВА-МА RH 2/2684, 15.2.1945.
49. См. прим. 1.
50. ВА-МА RH 2/2685, 3.3.1945.

Заключение

Германско-советская война была неизбежной. Оставался открытым лишь вопрос о том, которая из двух держав сможет опередить противника. Уже в силу огромного и все быстрее нараставшего превосходства Советского Союза в вооружении, особенно в танках, самолетах и артиллерии, над войсками Вермахта, рассеянными теперь по всей Европе, июнь 1941 года представлялся последним возможным сроком, когда вообще еще можно было вести превентивную войну. Всякое дальнейшее выжидание должно было свести на нет и единственное преимущество немцев — их лучший уровень профессиональной подготовки. Из последних находок советских документов мы сегодня знаем, насколько далеко уже преуспели в действительности развертывание Красной Армии и ее подготовка к войне. По всей видимости, Сталин перенес срок нападения с 1942 г. на июль-сентябрь 1941 г. И это объяснило бы также, почему он, не опасаясь, в конечном счете, немецкого нападения, с целью завершения собственной подготовки хотел еще немного оттянуть начало войны, пусть на «несколько недель», «хотя бы только... на месяц, неделю или несколько дней». Российские исследования сегодня тоже приходят к выводу, что «военные действия против Германии могли начаться в июле 1941 г.»¹

Что касается немцев, то от них остались скрыты подлинные масштабы силы Советской армии, хотя они, конечно, регистрировали явную подготовку к нападению на своей восточной границе. Однако после 22 июня 1941 г. немецкие командные структуры были поражены потенциалом противника, на который они натолкнулись к востоку от границы. Известны высказывания Гитлера, которые подтвердил в своих дневниках и рейхсминистр пропаганды д-р Геббельс, что решение о нападении далось бы ему еще гораздо трудней, если бы он заранее знал полные масштабы силы Красной Армии. Впрочем, оставим фантазии представить себе, что произошло бы с Германией и другими европейскими странами, если бы Гитлер 22 июня 1941 г. не дал сигнала к нападению и вместо этого, напротив, Сталин смог повести запланированную им истребительную войну. Разумеется, в этом не содержится оправдания столь пагубных в политическом и моральном отношении методов, которые Гитлер теперь, со своей стороны, использовал в России (и в Польше). Гитлер тоже планировал захватническую войну. И он вел войну против Советского Союза в духе высказывания Бенджамина Дизраэли, графа Биконсфилда: «Расовый вопрос есть ключ к мировой истории». Следует уяснить себе и то, что столкновение национал-социалистического Германского рейха с Союзом Советских Социалистических Республик заведомо не могло носить «нормального» характера, но должно было протекать в чрезвычайных формах. Кроме того, с военной точки зрения крупные первоначальные успехи войск Вермахта и их быстрое продвижение по советской территории позволяют распознать недооценку сопротивляемости и силы Советской власти, которая, в конечном счете, оказалась роковой.

Сталин, планировавший уничтожить сконцентрированные на его западной границе силы Вермахта несколькими мощными ударами в ходе гигантской наступательной операции, поначалу не был приведен в замешательство и превентивным нападением Гитлера. Вполне ощущая огромное превосходство Советского Союза и будучи хорошо информированы о многообразных слабостях германского Вермахта, оказавшегося теперь в состоянии войны на два фронта, Сталин и командование Красной Армии были еще исполнены абсолютной уверенности в победе и после 22 июня 1941 г. Лишь когда немецкое наступление, вопреки ожиданиям, стало успешно развиваться, разом рассеялись все иллюзии. Тем временем после краткой фазы летаргии большевистский режим (Сталин, Политбюро и вновь созданный Государственный Комитет Обороны) принялся провозглашать «отечественную» войну, которая по своей радикальности превращает всего лишь в пустую фразу так называемую «тотальную» войну, провозглашенную германской стороной только после «Сталинграда».

Для Сталина и Ставки было в первую очередь очень важно вновь стабилизировать пошатнувшиеся фронты. Это было сделано путем беспощадного применения испытанных сталинских методов — во-первых, разнузданной пропаганды и, во-вторых, жесточайшего террора. Система была столь же простой, как и надежной: кто не верил пропаганде, тому приходилось ощущать террор. Конечно, было ясно, что недостаточно пытаться исполнить и вдохновить красноармейцев «горячим и животворным советским патриотизмом», «беспредельной преданностью делу Коммунистической партии», «безграничной любовью к партии и правительству, к товарищу Сталину» и тому подобными лозунгами. Еще важнее была апелляция к низменным инстинктам. Нужно было пробудить чувства ненависти и мести к чужеземным захватчикам, к «фашистам», к немецким оккупантам и их союзникам. И в этом отношении советской пропаганде при решающем участии Ильи Эренбурга суждено было затем достичь и низшей точки, едва ли имеющей прецеденты по своей примитивности и низости.

Но в самую первую очередь нужно было породить в Красной Армии и Военно-Морском Флоте атмосферу страха и террора и создать условия, не оставляющие советским солдатам никакого иного

выхода, кроме как сражаться за «Советскую родину» (что бы это ни означало), «за партию и правительство», «за любимого Сталина» до «последнего патрона», до «последней капли крови» и затем умереть. Вопреки утверждениям немецких интерпретаторов истории,² возможность искать спасения в плену немецких или союзных им войск не существовала для военнослужащих Красной Армии ни единого мгновения. Сталин, Молотов и другие руководящие советские функционеры, среди которых и посол Коллонтай, по различным поводам не оставили в этом ни малейшего сомнения. Советский Союз был единственным государством, которое по этим мотивам расторгло Гаагскую конвенцию о законах и обычаях войны 1907 года, а также отказалось ратифицировать Женевскую конвенцию о военнопленных 1929 года. Понятия военнопленных в СССР не знали. Здесь, в соответствии с военными законами и Уголовным кодексом, были известны лишь понятия предателей и дезертиров, бегства на территорию классового врага и антисоветского сотрудничества с ним. Поэтому советская авиация, как доказано, и перешла к тому, чтобы совершать целенаправленные бомбовые налеты на колонны советских военнопленных. Против членов семей военнопленных, согласно господствовавшему в Советском Союзе принципу коллективной ответственности близких, применялись жестокие репрессии вплоть до расстрела.

Мерам по предотвращению бегства вперед соответствовали меры по предотвращению бегства назад. Немыслимая в армиях других государств система слежки и контроля со стороны политического аппарата посредством скрытно функционировавшей организации особых отделов НКВД и их агентов, при помощи террористической деятельности заградительных отрядов, военных трибуналов, а также посредством мер, объявленных в сталинских приказах № 270 и 227, не должна была больше оставить красноармейцам никакого выхода. Это, как и массовые расстрелы солдат, членов командного состава, включая многих генералов вплоть до командующего фронтом, обеспечило то, что вплоть до наших дней превозносится в истории «Великой Отечественной войны» как «массовый героизм» и «советский патриотизм». Русские солдаты вообще отличаются храбростью, презрением к смерти. Однако подлинный героизм нельзя вызвать террором. И человеческие потери красноармейцев, которых обычно гнали под вражеский огонь как скот, были громадны и уже в советско-финской зимней войне 1939-40 гг., как минимум, впятеро превысили финские потери. «Нельзя жалеть человеческих жизней» — таков был сталинский девиз, на котором зиждилось советское ведение войны и в отношении собственных солдат и гражданских лиц.

При исследовании Сталинской истребительной войны оказалось необходимым — сколь бы щекотливой ни была вся эта тематика — кратко сравнить массовые убийства, совершавшиеся сталинским режимом, упрощенно говоря, по мотивам классовой борьбы и гитлеровским режимом — по мотивам расовой борьбы. Ведь эти политически и идеологически обусловленные злодеяния, подобных которым нет в мировой истории, были и частью пропагандистской войны, которая, наряду с войной оружием, велась между Советским Союзом и Германией. Правда, чтобы установить адекватный масштаб, следует напомнить о том, что прежде чем команды убийц рейхсфюрера СС вообще смогли вступить в дело, советской властью, по согласующимся оценкам, уже были лишены своей жизни не менее 40 миллионов человек. Ведь Колыма с тремя миллионами погибших, лишь один из центров системы ГУЛага, опережала во времени Аушвиц. Уже непосредственно после начала германско-советской войны по приказу Сталина развернулись расстрелы подлинных или предполагаемых политических противников во всех частях страны — в Восточной Польше, прибалтийских странах, Белоруссии, на Украине, а также собственно в России и, наконец, на Кавказе. Но за НКВД следовали по пятам оперативные группы охранной полиции и СД, которые — во Львове еще в качестве так называемого возмездия за совершённую перед этим советскую резню — принялись расстреливать абсолютно неповинное в этом еврейское население и проложили кровавый след через всю страну. Еще в Первую мировую войну австрийцы и немцы, оккупационные силы Главнокомандующего на Востоке, как подчеркивает и Хуго фон Гофмансталь, соблюдали справедливость в отношении всех, включая еврейское население, вполне дружелюбно относившееся к немцам. А то, что происходило на оккупированных восточных территориях теперь, просто невысказанное при старом режиме, было уже проявлением новой варварской эпохи. Во всяком случае, к немецким традициям такие действия уже не имели отношения. Они и осуществлялись без ведома, а тем более согласия немцев.

Ряд мест убийства приобрели в германско-советской пропагандистской войне особое значение. Львов, Киев, Харьков символизируют, хотя и в различной пропорции, злодеяния обеих воюющих сторон. Катынь и Винница принадлежат к сфере ответственности Берии, Майданек и Аушвиц — Гимmlера. Их заказчиками были соответственно Сталин и Гитлер. Концлагеря системы ГУЛага, во всяком случае, находились за пределами восточного военного театра, а потому остаются вне рассмотрения в данном контексте. Советский Союз, поначалу загнанный в оборону в военном и политическом отношении, смог добиться нарастающего преимущества в сфере пропаганды после того, как в ходе попятного движения немцев вскрылись антиеврейские эксцессы оперативных групп. Была создана «Чрезвычайная

государственная комиссия» как подходящий инструмент для затушевывания большевистских и пропаганды фашистских злодеяний. Катынь и Винницу вопреки правде представили союзным правительствам, которые сами по себе были хорошо информированы, как преступления «фашистов». Бесконечные массовые захоронения Быковни, Дарницы и Белгородки в окрестностях Киева с сотнями тысяч жертв исчезли за понятием Бабьего Яра, который, правда, еще задает большие загадки. А бойни НКВД и его чекистских предтеч в Харькове, Минске и Львове заглушила советская пропагандистская шумиха по поводу «фашистских» злодеяний, также совершенных там.

И после того, как в ходе дальнейшего продвижения частей Красной Армии в конце 1944 — начале 1945 гг. были заняты концлагеря Польского генерал-губернаторства, прежде всего Майданек и Аушвиц, советская пропаганда возобладала. Злодеяния в лагерях смерти в Польше, которыми тотчас с удовлетворением занялась «Чрезвычайная государственная комиссия», казалось, подтвердили все прежние утверждения и произвели уничтожающее впечатление, особенно в союзных странах. То, что цифры жертв в этой связи претерпели завышение, не приобрело значения в полемике, причем и поныне. Сегодня даже считается уже почти наказуемым, если «потери среди евреев характеризуются как чудовищно завышенные».³ Правда, историк ставится тем самым в довольно неловкое положение, поскольку, с одной стороны, он оказывается мишенью политической юстиции и соответствующего провокаторства и доносительства, а с другой стороны, на нем лежит обязанность профессиональной правдивости, а именно обязанность максимально возможной точности в цифрах, ведь уже Ханс Дельбрюк [немецкий военный историк] с полным основанием выдвинул требование строгой критики цифр и сам Фридрих Энгельс когда-то охарактеризовал государственного деятеля и историографа Адольфа Тьера как величайшего «мошенника», поскольку ни одни из его цифровых данных, якобы, не соответствовали действительности.

Так, если привести поучительный пример, в отношении человеческих потерь от англо-американских воздушных налетов на открытый город Дрезден в феврале 1945 г. до сих пор всегда называется минимальная цифра в 35000 погибших, декретированная советскими оккупационными властями по политическим мотивам весной 1945 г., хотя даже городская администрация земельного центра Дрездена в письме от 31 июля 1992 г. на основе «надежных данных» назвала «реалистичной» цифру в 250000-300000 погибших, преимущественно женщин и детей.⁴ А в отношении человеческих потерь в лагере смерти Аушвиц, напротив, всегда фигурирует максимальная цифра в 4 миллиона погибших, хотя ведь доказано, что эта цифра пущена в обращение советским НКВД. Правда, в 1990 г. это число жертв претерпело сильное уменьшение, по последним сообщениям оно составляет сегодня — что не менее ужасно — от 631000 до 711000 и, тем самым, похоже, приближается к реальному порядку величин.⁵ Впрочем, то, что документально подтвержденная цифра 74000 может охватывать лишь часть реальных потерь, не может подвергаться сомнению. Но в целом приходится задуматься, если доказано, что не кто иной, как повинный в преступлениях против человечества Илья Эренбург, уже 22 декабря 1944 г. говорил о 6 миллионах еврейских жертв национал-социализма и ввел этот порядок величин в советскую зарубежную пропаганду. Как, позволительно спросить, он пришел к этому? Ведь концлагерь Аушвиц с 4-5 миллионами погибших (так сообщалось) вообще был занят советскими войсками только 27 января 1945 г.! Это еще требует ответа.

С другой стороны, истребительная война Сталина началась с массового убийства во Львове в июне 1941 г., хотя он сам впервые официально употребил этот термин в 24-ю годовщину «Великой Октябрьской Социалистической революции», 6 ноября 1941 г. Убийства немецких военнопленных начались уже 22 июня 1941 г. — спонтанно и по всей линии фронта, а не, к примеру, как утверждает, в качестве мнимой реакции на директивы о комиссарах, поначалу вообще неизвестные советской стороне и к тому же вновь отмененные в мае 1942 г. под нажимом германской армии. Советские офицеры, зачастую высоких рангов, нередко отдавали приказы об убийстве безоружных немецких и союзных им солдат или, по крайней мере, терпимо относились к этому, хотя некоторые командные структуры уже по соображениям получения разведанных о враге вновь и вновь, то есть тщетно, пытались запретить самовольные расстрелы. Да и чего иного было ожидать от массы красноармейцев, если фронтовая пропаганда под предводительством того же Эренбурга с интервалами в несколько дней призывала их «перебить всех немцев, которые ворвались в нашу страну», «попросту их уничтожить», «исполнить эту гуманную миссию», чтобы, продолжая «дело Пастера», «дело всех ученых», «нашедших способы уничтожения смертоносных микробов», отправить немцев «под землю», просто «истребить их с лица земли»? Перед лицом созданных в Красной Армии погромных настроений, направленных не против, к примеру, «фашистов», а принципиально против всех немцев, умеренной части советского командного состава было сложно (а подчас и небезопасно) пытаться пресекать разнузданные действия.

После вторжения советских войск на территорию Германского рейха в октябре 1944 г. жертвами подстреканной солдатни, зачастую по наущению или при участии офицеров, становились уже не одни

лишь безоружные военнопленные, но и немецкие гражданские лица, мужчины, женщины и дети. Как минимум 120000 из них были убиты, еще 100000-200000 погибли в тюрьмах и лагерях. Более 250000 гражданских лиц умерли, будучи рабочими-рабами, во время или после депортации в Союз Советских Социалистических Республик, и бесчисленные другие — в одном Кёнигсберге 90000 — погибли от голода. В целом в будущих «районах изгнания» имели место, как оценивается, 2,2 миллиона «нераскрытых дел», где при дальнейшем истолковании этого понятия в большинстве своем должна идти речь о «жертвах преступления», то есть жертвах антинемецкого геноцида. Впрочем, столь видный эксперт, как американский специалист по международному праву профессор д-р д-р Заяс,⁶ считает нужным отметить, что подлинное число жертв могло быть меньше, «но и больше», чем «сумма 2379004 “засвидетельствованных погибших” плюс нераскрытые дела». Советские командующие фронтами, которые поначалу сами призывали к актам возмездия, вскоре были вынуждены выступить против одичания, даже озверения значительной части своих войск. Однако все подобные усилия должны были остаться безрезультатными перед лицом антинемецкой пропаганды ненависти, которая продолжалась под эгидой Эренбурга почти до конца войны и увенчалась требованием «покончить с Германией», той задачей, которую Эренбург назвал «скромной и достойной», а именно «уменьшить население Германии», и при этом оставалось только решить, что лучше — «убивать немцев топорами или палками».

Сталин лично знал обо всех этих чудовищных мерах и событиях, он лично поручил их осуществить, и он нес за них непосредственную ответственность. Это вытекает и из приказа Ставки Верховного главнокомандования войскам Красной Армии, который он и начальник Генерального штаба, генерал армии Антонов издали 20 апреля 1945 г. не, скажем, по международно-правовым или гуманным, а исключительно по политическим и тактическим соображениям и где откровенно идет речь о «жестоких мерах» советских военных властей. Как проясняет профессор Семиряга,⁷ этот подписанный Сталиным приказ Ставки является признанием того, что лично Сталин, следуя его собственным словам, расценил отношение Красной Армии «как к военнопленным, так и к гражданскому населению» как жестокое.

Германско-советский конфликт, которому каждая из двух держав по-своему придала форму истребительной войны, представлял бы собой абсолютную точку падения в многовековых германско-русских отношениях, если бы все-таки не существовало обнадеживающего аспекта. Если обратить взгляд назад, к началу войны, то уже бросается в глаза, с каким дружелюбием значительная часть населения встретила немецкие войска — если и не в крупных промышленных центрах, то все же в целом на остальной территории страны, в городах и селах. Это относится к странам Прибалтики и к Восточной Польше точно так же, как к Белоруссии и Украине, а также к собственно России далеко за Смоленском, к Крыму, а в 1942 г. и к Кавказу. «Чем дальше заходишь на восток, — отмечало Главное командование сухопутных войск 12 июля 1941 г., — тем дружелюбней, похоже, становится настроение населения в отношении германского Вермахта, прежде всего на селе.»⁸ В немалом количестве мест немцев приветствовали прямо-таки как освободителей. Но даже там, где это непосредственно не имело места, где население встречало их лишь со сдержанным дружелюбием или с выжидающим любопытством, это не меньше противоречило советской доктрине. Конечно, неправомерные реквизиции, а частично и грабежи и прочие злоупотребления немецких солдат, против которых, правда, выступали в целом командные структуры,⁹ местами вызвали отрезвление, но этим взаимные отношения еще не были серьезно омрачены. Лишь в ходе дальнейшего развития событий произошел перелом в позиции населения. Он был вызван отсутствием конструктивной оккупационной программы и некоторыми мерами подавления точно так же, как яростными попытками, навлекшими беду и на непричастных, подавить противоречившую международному праву партизанскую войну, которая была начата с холодным расчетом. Преследования евреев также произвели, возможно, более глубокое впечатление на некоторые круги русского населения, чем немцы, видимо, полагали. Следует, однако, добавить, что остававшиеся под военным управлением зоны сухопутных войск и армий, несмотря на многие несправедливости, зачастую отличались в позитивном смысле от территорий, находившихся под гражданским управлением. Стационарированная на Кавказе Группа армий «А» получила и политические полномочия, так что отношения с живущими там национальными меньшинствами, с казаками, а также с русским населением складывались вполне позитивно. На Кавказе с немецкой помощью даже начали создаваться зачаточные формы независимых государств этих народов, включая казачье государство.

Если, кроме того, представить себе, что, вопреки всем мерам террора и всей пропаганде ужасов, уже в 1941 г. сдались в немецкий плен не менее 3,8 миллионов, а в целом за период войны 5,3 миллиона советских солдат — от генерала до простого красноармейца, то становится ясно, насколько благоприятны были сами по себе и перспективы военно-политического альянса «русских» с «немцами». Однако обязательной предпосылкой для этого должно было явиться признание России как союзного государства. С начала войны, но и в последующие годы советские офицеры всех рангов, находившиеся в немецком плену,

среди них — целый ряд командующих армиями, командиров корпусов и дивизий, вновь и вновь называли основное условие для союза с Германией против сталинского режима: формирование «русского национального правительства и русской освободительной армии с полностью русским командованием», «реальное признание русского национального правительства» и «собственной национальной армии». К тем, кто этого требовал, принадлежали командующие 22-й (20-й) армией генерал-лейтенант Ершаков, 5-й армией генерал-майор Потапов, 12-й армией генерал-майор Понеделин, 19-й армией генерал-лейтенант Лукин, 3-й гвардейской армией генерал-майор Крупенников и другие военачальники, из которых назовем генералов Абранидзе, Алавердова, Бессонова, Егорова, Зыбина, Кириллова, Кирпичникова, Куликова, Огурцова, Снегова, Ткаченко.

Именно Гитлер перечеркнул представившиеся возможности германско-русского альянса и подменил реалистичные действия «расово-идеологическими» принципами. Этим была обречена на неудачу его политика захвата, подавления и угнетения. И все же, хотя не последовало ни малейших уступок, наряду с сотнями тысяч советских солдат, сержантов и офицеров, решилась начать борьбу на стороне Германии, веря в неизбежное, в конечном счете, изменение ситуации, и небольшая группа советских генералов: заместитель командующего Волховским фронтом генерал-лейтенант Власов, комиссар и временный командующий 32-й армией Жиленков и генерал-майоры Арцезо (Азберг), Благовещенский, Богданов, Закутный, Малышкин, Севастьянов, Трухин, Шаповалов.

Военное сотрудничество, развивавшееся вопреки первоначальной воле Гитлера из самых скромных истоков с 1941 г., было и в политическом отношении, возможно, самым позитивным явлением германско-советской войны. Пусть с немецкой стороны поначалу решающими были не столько политические, сколько военно-практические соображения, формирование добровольческих частей из военнослужащих народов Советского Союза явилось все же единственным полем деятельности, на котором можно было успешно противодействовать роковым планам Гитлера на Востоке. Гитлер еще 8 июня 1943 г. заявил, что никогда не пожелает формирования русской армии, поскольку тем самым он «заведомо выпустил бы полностью из рук цели войны». Тем временем формирование добровольческих частей, осуществлявшееся при поддержке практически всех командующих и военачальников Восточной армии и центральных ведомств сухопутных войск, при активном содействии компетентного в этом отношении руководителя группы П в организационном отделе Генерального штаба сухопутных войск, майора Генерального штаба графа фон Штауффенберга, стало необратимым и приобрело новый размах. Из восточных легионов нерусских национальных меньшинств — туркестанцев, северо-кавказцев, азербайджанцев, грузин, армян и волжских татар развивались национально-освободительные армии народов Туркестана и Кавказа. Возникли соединения крымских татар, Калмыцкий кавалерийский корпус, Казачий кавалерийский корпус — освободительное войско донских, кубанских, терских и сибирских казаков, а также (силою до дивизии) Украинское освободительное войско.

А с 1943 г. все солдаты русской национальности в структуре немецкой армии могли считать себя военнослужащими Русской освободительной армии, которая, правда, существовала тогда только по названию. Однако после состоявшегося в Праге 14 ноября 1944 г. учреждения Комитета освобождения народов России (КОНР) действительно вступила в жизнь под названием Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР) Русская освободительная армия (РОА), которая обладала собственным командованием и всеми родами войск, включая небольшие военно-воздушные силы. Генерал Власов как председатель Комитета, равнозначного правительству в эмиграции, стал одновременно и главнокомандующим Вооруженными силами, которые де-факто и де-юре представляли собой полностью независимую русскую национальную армию, еще связанную с Германским рейхом только союзными отношениями. Тем самым слова Гитлера были обращены в свою противоположность. И если, как писал уже Александр Солженицын, сотни тысяч (а в действительности, как мы знаем, миллион) советских солдат всех рангов в ходе войны, торжественно провозглашенной великой и отечественной, начали борьбу против собственного режима в лагере врага, то в действительности уже не могло быть речи об измене какого-либо рода и мы имеем дело с важнейшим политическим явлением, которого в таких масштабах, пожалуй, никогда еще не было в истории. Этот уникальный исторический феномен уже сам по себе мог бы послужить прямым опровержением бездумного лозунга о неограниченном характере так называемого «советского патриотизма» и «массового героизма».

Война Германского рейха и Союза Советских Социалистических Республик с обеих сторон велась методами, соответствовавшими каждой из представленных идеологий. Сам Сталин после битвы под Киевом в 1941 г. потребовал в Кремле от Берии не упускать никакого средства для разжигания «ненависти, ненависти и еще раз ненависти» против всего немецкого. А 6 ноября 1941 г. он недвусмысленно провозгласил ведение истребительной войны против немцев. Однако, в конечном итоге, именно солдаты обеих сторон первыми перебросили мост через эту пропасть ненависти. «В годы совместной борьбы, —

воззвал генерал Власов к своим войскам 10 февраля 1945 г. в учебном военном лагере Мюнзинген по случаю принятия поста главнокомандующего,¹⁰ — возникла дружба русского и немецкого народа. Ошибки, допущенные с обеих сторон, и их исправление доказывают общность интересов. Главное — это доверие, взаимное доверие в работе на обеих сторонах. Я благодарю немецких и русских офицеров, участвовавших в формировании этого соединения.» Такие выражения едва ли можно было услышать до сих пор в этой истребительной войне. Власов завершил свою речь, встреченную радостным одобрением, призывом: «Да здравствует дружба немецкого и русского народа! Да здравствуют солдаты и офицеры русской армии!» О Гитлере и о Сталине теперь уже не было упомянуто ни словом. Правда, Русское освободительное движение, преследовавшее целью и договоренность с обновленной Германией, потерпело неудачу из-за неблагоприятных условий 1945 года, но оно не было напрасным, ведь именно неудавшиеся попытки освобождения могут приобрести в истории народов особую силу воздействия.

Примечания

1. Мельтюхов, Споры вокруг 1941 года, с. 104 и след.
2. Еще в 1991 г. в статье руководящего старшего прокурора Штрейма вопрос был поставлен прямо-таки на голову, см.: Streim, Das Völkerrecht und die sowjetischen Kriegsgefangenen.
3. Усилия политических партий по сужению гарантированной Основным законом свободы науки постепенно приобретают почти гротескный характер. Их, как верно замечает и Экгард Фур, можно свести к тому, чтобы профессиональные споры по новейшей истории впредь выносились на суд и решались там (деятели юстиции с помощью уголовно-правовых методов), см.: Fuhr, Die Lüge verbieten? См. также: глава 7, прим. 53. Согласно Фридриху Карлу Фромме, законодатель, правда, «сделал оговорку относительно научного исследования. Тем самым была предпринята попытка отреагировать на возражение, что впредь историческому исследованию придется продвигаться между предупредительными лампами угроз наказания». Тем не менее, по его мнению, «уголовное право вступило в конфликт со свободой выражать и ошибочные мнения», см.: Fromme, Strafrecht gegen Unverstand. «Закон против лжи об Аушвице, — считает профессор д-р Эрнст Нольте, — при соответствующей интерпретации, находящейся в руках судов, будет означать угрозу для духовной свободы в Германии», см.: Nolte, Ein Gesetz für das Außergesetzliche.
4. Landeshauptstadt Dresden, Stadtverwaltung, 31.7.1992.
5. Читательское письмо Тило Бодде во «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» от 1.9.1994 г. ссылается на д-ра Францишека Пипера, который в своей появившейся в 1993 г. книге «Число жертв Аушвица — на основе источников и результатов исследований 1945-90 гг.» (Die Zahl der Opfer von Auschwitz — aufgrund der Quellen und der Erträge der Forschung 1945-1990) прояснил, что «большинство научных публикаций» об Аушвице некритично распространяет (введенную в оборот НКВД) цифру 4 миллиона. И даже сегодня, дескать, еще не сказано последнего слова о числе жертв, которое уже не раз подвергалось резкому сокращению, см.: Bode, Nochmals: Die Zahl der Opfer von Auschwitz.
6. Zayas, Die deutschen Vertreibungsoffer schwer zu zählen.
7. Semiryaga, Wie Berijas Leute in Ostdeutschland die «Demokratie» errichteten, S. 744.
8. ВА-МА, RH 24-3/134, 12.7.1941.
9. Так, например, командир 3-го моторизованного армейского корпуса, генерал кавалерии фон Макензен пригрозил своим частям 27.7.1941 г., что будет карать злоупотребления против населения «строжайшими наказаниями, при необходимости через военный суд», см.: там же, 27.7.1941.
10. ВА-МА, RH 2/v. 921, 10.2.1945.

Приложения

Сокращения

ВКП(б) (VKP [b])	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВС КОНР (VS KONR)	Вооруженные силы КОНР
Генштаб (Genštab)	Генеральный штаб
ГКО (GKO)	Государственный Комитет Оборона
ГПУ (GPU)	Государственное политическое управление
ГУЛаг (GULag)	Главное управление исправительно-трудовых лагерей
ГУППКА (GUPPKA)	Главное управление политической пропаганды Красной Армии
Замполит (Zampolit)	Заместитель командира по политической части
КГБ (KGB)	Комитет государственной безопасности
Комсомол (Komsomol)	Коммунистический союз молодежи
КОНР (KONR)	Комитет освобождения народов России
КП(б) (KP [b])	Коммунистическая партия (большевиков)
МВД (MVD)	Министерство внутренних дел
МГБ (MGB)	Министерство государственной безопасности
МСБ (MSB)	Медико-санитарный батальон
Наркоминдел (Narkomindel)	Народный комиссариат иностранных дел
НКВД (NKVD)	Народный комиссариат внутренних дел
НКО (NKO)	Народный комиссариат обороны
Политрук (Politruk)	Политический руководитель
ППМ (PPM)	Пункт первой медицинской помощи
РККА (RKKA)	Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РОА (ROA)	Русская освободительная армия
РСФСР (RSFSR)	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СМЕРШ (SMERŠ)	«Смерть шпионам!», военная контрразведка
СНК (SNK)	Совет народных комиссаров
ССР (SSR)	Советская Социалистическая Республика
СССР (SSSR)	Союз Советских Социалистических Республик
Ставка (Stavka)	Ставка Верховного главнокомандования
ТАСС (TASS)	Телеграфное агентство Советского Союза
ТОР (TOR)	Туапсинский оборонительный район
ЧК (Tscheka)	Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ЧСР	Чехословацкая Республика
(ČSR)	(Československá Republika)
ВА	Bundesarchiv (Федеральный архив)
ВА-МА	Bundesarchiv-Militärarchiv (Федеральный архив — Военный архив)
СIC	Counter-Intelligence Corps (служба контрразведки США)
d. R.	der Reserve (запаса)
Gestapo	Geheime Staatspolizei
(гестапо)	(государственная тайная полиция)
i. G.	im Generalstab (Генерального штаба, штаба)
IRK	Internationales Rotes Kreuz (Международный Красный Крест)
MG	Maschinengewehr (пулемет)

mot.	motorisiert (моторизованный)
NKFD	Nationalkomitee Freies Deutschland (Национальный комитет «Свободная Германия»)
NSDAP (НСДАП)	Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (Национал-социалистическая рабочая партия Германии)
OKH (OKX)	Oberkommando des Heeres (Главное командование сухопутных войск)
OKW (OKB)	Oberkommando der Wehrmacht (Верховное главнокомандование вооруженных сил)
RAAA	Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (политический архив министерства иностранных дел Германии)
SD (СД)	Sicherheitsdienst (служба безопасности)
SMA (СВАГ)	Sowjetische Militäradministration (Советская военная администрация в Германии)
SS (СС)	Schutzstaffeln (охранные отряды)
V-Mann	Vertrauensmann (агент, доверенное лицо)
Ia	1. Generalstabsoffizier (Führungsabteilung) (1-й офицер генерального штаба [оперативный отдел])
Ic	3. Generalstabsoffizier (Abteilung f. Feindnachrichten u. Abwehr) (3-й офицер генерального штаба [отдел разведывательных данных и контрразведки])
Ic/AO	3. Generalstabsoffizier/Abwehroffizier (3-й офицер генерального штаба / офицер контрразведки)
Pa	Adjutant (Offizierpersonalien) (адыютант [офицерские кадры])

Источники и литература

I. Архивные документы

1. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA)

Oberkommando der Wehrmacht/Wehrmachtführungsstab

RW 4/v. 889 Die Politik der Sowjetunion seit 1939. Auszug der Vernehmungprotokolle des russischen Überläufers Shigunow, 1941

Oberkommando der Wehrmacht/Wehrmachtführungsstab, Abteilung Wehrmacht-Propaganda

RW 4/v. 329 Sowjetrußland (Sammlung von Unterlagen), Juli — Dezember 1941

RW 4/v. 330 Fremde Staaten, Rußland, Anlagen, Januar — Juli 1942

WO 1-6/578 Fremde Staaten, Rußland

Oberkommando der Wehrmacht/Allgemeines Wehrmachtamt

RW6/v. 98, Teil 1 Polen, September 1939 — Mai 1940

RW6/v. 98, Teil 2 diversa, August 1939 — April 1940

Oberkommando der Wehrmacht/Wehrmachtuntersuchungsstelle für Verletzungen des Völkerrechts

RW 2/v. 151

RW 2/v. 152

RW 2/v. 153

RW 2/v. 158

Reichsminister der Luftfahrt und Oberbefehlshaber der Luftwaffe

RLD 13/119 Fliegertruppe UdSSR, 1.2.1941
 RLD 13/127 Fliegertruppe UdSSR, 1.2.1942
 Kart 160 K-4 Sowjetische Fliegerbodenorganisation (Nordteil), 1.4.1941
 Kart 160 K-5 Sowjetische Fliegerbodenorganisation (Südteil), 1.4.1941
Oberkommando des Heeres/Generalstab des Heeres, Organisationsabteilung II
 RH 2/v. 921 Kriegstagebuch mit Anlagen, 1.2.-29.4.1945
Oberkommando des Heeres/Generalstab des Heeres, Abteilung «Fremde Heere Ost»
 RH 2/1983 Gliederung, Stärke und Verteilung der Roten Armee
 RH 2/2092 Kriegsbereitschaft und Aufmarsch der Sowjetunion
 RH 2/2411 Sammlung von Stalin-Befehlen und anderen besonderen Befehlen, 1941-1942
 RH 2/2425 Rangliste der Oberkommandos der Roten Armee und Flotte; Liste der bis
 Oktober 1941 gefallenen und gefangenen Sowjetgenerale, 1940-1941
 RH 2/2684 Völkerrechtsverletzungen, 24.10.1944-12.2.1945
 RH 2/2685 Völkerrechtsverletzungen, 1.3.-14.4.1945
 RH 2/2686 Völkerrechtsverletzungen, 28.5.-30.12.1944
 RH 2/2687 Völkerrechtsverletzungen, 27.12.1944-17.2.1945
 RH 2/2688 Völkerrechtsverletzungen, 1.3.-22.4.1945
Oberkommando des Heeres, Heeressanitätsinspekteur, Gerichtliche Medizin
 H 20/290
Oberkommando der Heeresgruppe Nord
 RH 19 III/380 Ic, Lage Sowjetunion sowie Finnland, Oktober-Dezember 1939
 RH 19 III/381 Ic, Lage Sowjetunion sowie Finnland, Januar-Mai 1940
Oberkommando der Heeresgruppe Mitte
 RH 19 II/123 Anlagen zum Kriegstagebuch, 30.9.-3.11.1941
Oberkommando der Heeresgruppe Süd
 RH 19 I/127 Ic, Feindlagemeldungen, 22.4.-20.6.1941
 RH 19 I/128 Ic, Feindlagemeldungen, 18.3.-17.6.1941
Oberkommando der Heeresgruppe Weichsel
 RH 19 XV/6 Ic, Anlagen zum Kriegstagebuch, 15.2.-28.2.1945
Oberkommando der 2. Armee
 RH 20-2/1121 Ic/AO, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 6.11.-11.11.1941
Oberkommando der 4. Armee
 RH 20-4/671 Ic, Tätigkeitsbericht, 25.5.-28.11.1941
 RH 20-4/672 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 22.6.-1.10.1941
Oberkommando der 6. Armee
 RH 20-6/487 Ic/AO, Tätigkeitsbericht mit Anlagen, 16.6.-20.6.1941
 RH 20-6/489 Ic/AO, Tätigkeitsbericht mit Anlagen, 21.6.-15.7.1941
 RH 20-6/491 Ic/AO, Tätigkeitsbericht mit Anlagen, 6.8.-31.8.1941
Oberkommando der 9. Armee
 RH 20-9/247a Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 1940-20.6.1941
 RH 20-9/248 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 6.7.-7.9.1941
 RH 20-9/251 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 21.6.-31.7.1941
Oberkommando der 17. Armee
 RH 20-17/282 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 30.4.-31.8.1941
 RH 20-17/283 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 1.9.-12.12.1941
 RH 20-17/330 Ia/Ic, Anlagen zum Kriegstagebuch, 13.12.1941-10.3.1942
 RH 20-17/332 Ia/Ic, Anlagen zum Kriegstagebuch, 13.12.1941-10.3.1942
 RH 20-17/368 Ia/Ic, Anlagen zum Kriegstagebuch, 14.8.-15.12.1942
 RH 20-17/457 Ia/Ic, Anlagen zum Kriegstagebuch, 1.2.-30.6.1943
 RH 20-17/458 Ia/Ic, Anlagen zum Kriegstagebuch, 1.2.-30.6.1943
 RH 20-17/487 Ia/Ic, Anlagen zum Kriegstagebuch, 1.7.-9.10.1943
Oberkommando der 18. Armee
 RH 20-18/71 Ia, KTB 3b, Besprechungen März-Juni 1941
 RH 20-18/950 Ic, Tätigkeitsbericht, 1.1.-21.6.1941
 RH 20-18/951 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 1.1.-21.6.1941
 RH 20-18/996 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 22.6.-27.7.1941
Oberkommando der 1. Panzerarmee

RH 21-1/471 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 22.6.-31.10.1941
 RH 21-1/472 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 22.6.-31.10.1941
 RH 21-1/473 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 22.6.-31.10.1941
 RH 21-1/481 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 1.11.1941-31.3.1942
Oberkommando der 2. Panzerarmee
 RH 21-2/v. 646 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 22.6.-30.6.1941
 RH 21-2/v. 647 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 1.7.-9.7.1941
 RH 21-2/v. 648 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 10.7.-18.7.1941
 RH 21-2/v. 649 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 19.7.-23.7.1941
 RH 21-2/v. 650 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 26.7.-2.8.1941
 RH 21-2/v. 658 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 22.9.-28.9.1941
 RH 21-2/v. 706 Ic/AO, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 1.3.-15.6.1942
 RH 21-2/v. 708 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 1942
Oberkommando der 3. Panzerarmee
 RH 21-3/v. 423 Ic, Tätigkeitsbericht, 1.1.-11.8.1941
 RH 21-3/v. 435 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 28.4.-14.7.1941
 RH 21-3/v. 437 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 1.4.-16.8.1941
 RH 21-3/v. 454 Ic/AO, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 1.10.1942-18.3.1943
 RH 21-3/v. 472 Ic/AO, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 22.1.-30.6.1943
 RH 21-3/v. 496 Ic/AO, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 1.10.-31.12.1943
 RH 21-3/v. 742 Ic/AO, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 30.1.-25.4.1942
 RH 21-3/v. 782 Ic/AO, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 26.4.-30.9.1942
Oberkommando der 4. Panzerarmee
 RH 21-4/265 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, Februar-Juni 1941
 RH 21-4/266 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 6.5.-21.8.1941
Generalkommando des IV. Armeekorps
 RH 24-4/91 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 22.6.-12.12.1941
Generalkommando des V. Armeekorps
 RH 24-5/104 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 25.5.-4.8.1941
 RH 24-5/110 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 5.8.-1.10.1941
Generalkommando des VIII. Armeekorps
 RH 24-8/127 Ic, Gefangenenernehmungen, 23.6.-17.10.1941
Generalkommando des XVII. Armeekorps
 RH 24-17/152 Ic, Tätigkeitsbericht mit Anlagen, 15.5.-31.12.1941
 RH 24-17/158 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 6.5.-26.9.1941
 RH 24-17/171 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 10.7.-16.8.1941
 RH 24-17/172 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 17.8.-28.9.1941
Generalkommando des XXIII. Armeekorps
 RH 24-23/239 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, Juli-Oktober 1941
Generalkommando des XXVIII. Armeekorps
 RH 24-28/10 Ic, Tätigkeitsbericht, 22.6.-31.7.1941
 RH 24-28/11 Ic, Tätigkeitsbericht mit Anlagen, 6.5.-31.7.1941
Generalkommando des XLVIII. Armeekorps
 RH 24-48/198 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 1.7.-16.7.1941
 RH 24-48/200 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 1.8.-26.8.1941
Generalkommando des LIV. Armeekorps
 RH 24-54/177 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 22.6.-31.8.1941
Generalkommando des III. Panzerkorps
 RH 24-3/134 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 11.6.-10.9.1941
 RH 24-3/135 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 8.8.-24.9.1941
 RH 24-3/136 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 23.9.-11.12.1941
 RH 24-3/146 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 3.1.-7.3.1943
 RH 24-3/147 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 4.3.-22.7.1943
Generalkommando des XXIV. Panzerkorps
 RH 24-24/333 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 22.6.-31.12.1941
 RH 24-24/335 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 22.6.-31.10.1941
 RH 24-24/336 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 1.11.1941-19.4.1942

Generalkommando des XXXX. Panzerkorps

- 27759/14 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 19.6.-31.10.1942
27759/15 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 4.11.1942-28.1.1943
34561/2 Ia, Kriegstagebuch, 1.3.-31.3.1942
Generalkommando des XXXXIX. Gebirgsarmekorps
34691/2 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 18.12.1942-4.4.1943
Befehlshaber des Rückwärtigen Heeresgebietes Nord
RH 22/271 Ic, Anlagen zum Kriegstagebuch, 21.3.-19.10.1941
Kommando der 3. Panzerdivision
RH 27-3/188 Ic, Anlagen zum Tätigkeitsbericht, 9.2.-17.10.1942
Sammlung Vladimir Pozdnjakov
MSg 149/14 Zwangsreпатриierung
MSg 149/46 Выписки из дневника генерал-майора Бородина С.К.

2. Bundesarchiv Koblenz (BA)

- Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete
R 6/52 Handakte Major Müller, Bd. 2
R 6/77

3. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Bonn (PAAA)

- Handakten Etzdorf betr. Rußland von 1940 bis 1944, Bd. 24
Handakten Ritter betr. Rußland von 1941 bis 1944, Bd. 29
Politische Abteilung betr. G.P.U.-Funktionär Shigunow, 1941 bis 1942, Pol. XIII, Bd. 8
Politische Abteilung betr. Allgemeine Akten 1941, Pol. XIII, Bd. 12, Teil II
Politische Abteilung betr. Allgemeine Akten 1941, Pol. XIII, Bd. 13

4. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Москва

Краткая запись выступления тов. Сталина на выпуске слушателей академий Красной Армии в Кремле 5 мая 1941 г. (Семенов К.), ф. 588, оп. 1

5. National Archives Washington

Reports from OKW to Reich Government on planned Soviet march against Germany. 13 January 1941 — 20 June 1941, German Foreign Ministry, Data on documents transmitted: Serial No. 1337, Negative Frame Numbers: 352982-353012 (Distribution of this sheet: Off. Pol. Aff. OMGUS; CC British; State Department (2); British Foreign Office). Здесь выражается сердечная благодарность автору книги «Stalin's Drive to the West, 1938-1945», господину профессору д-ру Ричарду К. Рааку, университет штата Калифорния, Хейуард, любезно предоставившему в мое распоряжение это собрание документов.

II. Отдельные акты и рукописи из архива автора

Волкогонов Дмитрий А., Верховный Главнокомандующий.

Генерал Петров, Мемуары.

Рабоче-Крестьянское Правительство ... Уральский областной Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, гор. Екатеринбург, 19 июля 1918 г. (Белобородов, Мебиус, Голошкеин).

Хорьков Анатолий Г., Начальный период Великой Отечественной войны.

Чрезвычайная Комиссия, Список, гор. Екатеринбург, 18 июля 1918 г., Начальник Чрезвычайн. Ком. (Юровский).

Эренбург Илья, Убей!, 1942.

Befehl Nr. 3 des Oberbefehlshabers der Nord-West-Armee, Leningrad, 14.7.1941

Deutsche Presse-Agentur, Mitteilung vom 24. April 1990
Erfolge der Freischärler
Flugblatt «Deutsche Soldaten!»
Gedenkworte der Präsidentin des Deutschen Bundestages, Prof. Dr. Rita Süßmuth, zum 50. Jahrestag des Beginns der Massenhinrichtungen in Babij Jar, Samstag, 5. Oktober 1991, Babij Jar/Kiew
Rhode, Gotthold, Aufzeichnungen zur Frage einer sowjetischen Vorbereitung auf einen Angriffskrieg im Jahre 1941 oder 1942
Soldatenzeitung, 8. Juli 1941
Sudoplatow, Pawel A., Erinnerungen und Nachdenken des Chefs des russischen Aufklärungsdienstes
The Truth about Katyn. Report of Special Commission for Ascertaining and Investigating the Circumstances of the Shooting of Polish Officer Prisoners by the German-Fascist Invaders in the Katyn Forest, Smolensk, 21.1.1944
Vernehmung des General-Major Tonkonogow

III. Опубликованные источники и литература

- Безыменский Лев, Что же сказал Сталин 5 мая 1941 года?: Новое время, 1991, № 19, с. 36-40.
Биленко С.В., Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне, М., 1969.
Большая Советская Энциклопедия, т. 14, М., 1973, т. 23, М., 1976, т. 25, М., 1976, т. 26, М., 1977, т. 27, М., 1977, т. 29, М., 1978, т. 30, М., 1978.
Бушуева Т.С., «Проклинаю — попробуйте понять...»: Новый мир, 1994, № 12, с. 230-237.
Военные приготовления СССР в 1920-40 годах. Новые архивные документы, в кн.: 1939-1945. 1 сентября — 9 мая. Пятидесятилетие разгрома фашистской Германии в контексте начала Второй мировой войны. Материалы научного семинара (Новосибирск, 16 апреля 1995 года), Новосибирск, 1995, с. 47-57.
Бычков Л.Н., Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 (краткий очерк), М., 1965.
Василевский А.М., «Накануне войны»: Новая и новейшая история, 1992, № 6, с. 4 и след.
Волкогинов Дмитрий, Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина, в 2-х книгах, М., 1989.
Волкогинов Дмитрий, Эту версию уже опровергла история: Известия, 16.1.1993.
Восемнадцатая в сражениях за Родину. Боевой путь 18-й армии, М., 1982.
Гапич Н., Некоторые мысли по вопросам управления и связи: Военно-исторический журнал, 1965, № 7, с. 47-55.
Гареев М.А., О мифах старых и новых: Военно-исторический журнал, 1991, № 4, с. 42-52.
Генерал Хольмстон-Смысловский, Избранные статьи и речи, Буэнос-Айрес, 1953.
Горьков Ю.А., Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.: Новая и новейшая история, 1993, № 3, с. 29-45.
Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. Под редакцией Г.А. Бордюгова. Составитель В.А. Невежин, М., 1995 (Ассоциация исследователей российского общества XX века).
Гречко А., 25 лет тому назад (К годовщине нападения фашистской Германии на Советский Союз): Военно-исторический журнал, 1966, № 6, с. 3-15.
Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. Под общей редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, М., 1993.
Данилов Валерий Д(митриевич), Готовил ли Генеральный штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии?, в кн.: Готовил ли Сталин наступательную войну, с. 82-91.
Попытка возрождения глобальной лжи. Советский Генштаб все же готовил упреждающий удар против вермахта: Независимое военное обозрение, 1998, № 2, с. 6.
Дитерихс Михаил Константинович, Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. В 2-х тт., М., 1991.
Дорошенко В.Л., Сталинская провокация Второй мировой войны, в кн.: 1939-1945. 1 сентября — 9 мая. Пятидесятилетие разгрома фашистской Германии в контексте начала Второй мировой войны. Материалы научного семинара (Новосибирск, 16 апреля 1995 года), Новосибирск, 1995, с. 6-20.
Жуков Георгий Константинович, Воспоминания и размышления, М., 1969.
Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 — ноябрь

1942), Минск, 1967.

Император Николай и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918 г.). По личным воспоминаниям П. Жильяра, Вена, 1921.

Интервью тов. И.В. Сталина: Правда, 14.3.1946.

Иссерсон Георгий, Развитие теории советского оперативного искусства в 30-е годы: Военно-исторический журнал, 1965, № 1, с. 36-46, № 3, с. 48-61.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945, в шести томах, т. 1: Подготовка и развязывание войны империалистическими державами, М., 1960.

Кирсанов Н., Рецензия: Военно-исторический журнал, 1970, № 12, с. 94-95.

Киселев В(ладимир) Н(иколаевич), Упрямые факты начала войны, в кн.: Готовил ли Сталин наступательную войну, с. 77-81.

Красовский О., 22 июня 1941 года..., в кн.: Вече. Независимый русский альманах, т. 42, 1991, с. 5-23.

Кузнецов И.И., Генералы 1940 года: Военно-исторический журнал, 1988, № 10, с. 29-37.

Ленин Владимир Ильич, Полное собрание сочинений, т. 23: март-сентябрь 1913 г., М., 1961.

Мельтюхов М(ихаил) И(ванович), Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии, в кн.: Готовил ли Сталин наступательную войну, с. 92-109.

Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А., Между двумя крайностями, или Кто соорудил «Ледокол»? : Военно-исторический журнал, 1994, № 5, с. 80-85.

Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А., Между двумя крайностями, в кн.: Готовил ли Сталин наступательную войну, с. 36-45.

Млечин Леонид, Власов и власовцы: Новое время, 1990, № 43, с. 34-40.

Млечин Леонид, Преступления красноармейцев (Вправе ли Гитлер считать себя учеником Сталина): Новое время, 1993, № 8, с. 42 и след.

Москва — фронту 1941-1945. Сборник документов и материалов, М., 1966.

Невежин В(ладимир) А(лександрович), Выступление Сталина 5 мая 1941 г. и поворот в пропаганде. Анализ директивных материалов, в кн.: Готовил ли Сталин наступательную войну, с. 147-167.

Никитин М., Оценка советским руководством событий второй мировой войны (По идеологическим документам мая-июня 1941 г.), в кн.: Готовил ли Сталин наступательную войну, с. 122-146.

О лживом сообщении агентства Гавас: Правда, 30.11.1939.

Павлова И.В., Поиски выхода из лабиринта лжи, в кн.: 1939-1945. 1 сентября — 9 мая. Пятидесятилетие разгрома фашистской Германии в контексте начала Второй мировой войны. Материалы научного семинара (Новосибирск, 16 апреля 1995 года), Новосибирск, 1995, с. 21-46.

Пастуховский Г.П., Развертывание оперативного тыла в начальный период войны: Военно-исторический журнал, 1988, № 6, с. 18-27.

Переписка В.М. Молотова с И.В. Сталиным. Ноябрь 1940 года: Военно-исторический журнал, 1992, № 9, с. 18-23.

Петров Б(орис) Н(иколаевич), О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны, в кн.: Готовил ли Сталин наступательную войну, с. 66-76.

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Сборник документов, М., 1968.

Поздняков Владимир, Советская агентура в лагерях военнопленных в Германии (1941-1945 гг.): Новый журнал, № 101, декабрь 1970, с. 156-171.

Поздняков Владимир, Андрей Андреевич Власов, Буэнос-Айрес, Сиракьюс (США), 1973.

Полубояров П.П., Крепче брони, в кн.: На Северо-Западном фронте 1941-1943, М., 1969, с. 111-132.

Прокопенко А.С., Сухинин А.С., Бабий Яр под Катынь?: Военно-исторический журнал, 1990, № 11, с. 27-34, 1991, № 4, с. 79-87.

Соколов Борис, Похвальное слово Виктору Суворову и эпитафия катынским полякам: Независимая газета, 5.4.1994.

Старинов И., Это было тайной: Военно-исторический журнал, 1964, № 4, с. 76-91.

Суворов Виктор, Вторую мировую войну начал Сталин: Известия, 16.1.1993.

Тепляков Юрий, Трагедия плена не кончается и сегодня: USSR Today. Soviet Media News und Features Digest, Compiled by Radio Liberty Monitoring, 18.5.1990

Филиппов Алексей, О готовности Красной Армии к войне в июне 1941 г.: Военный вестник, 1992, № 9, с. 5 и след.

Хатынь. Катын, Хатын, Ятин. Издание 3-е, Минск, 1989.

Хоффман И., История Власовской Армии. Перевод с немецкого Е. Гессен, Париж, 1990

(Исследования новейшей русской истории. Под общей редакцией А.И. Солженицына, т. 8).

Хоффман И., Господину генерал-лейтенанту юстиции А.Ф. Катусеву, господину капитану 1 ранга В.Г. Оппокову. Открытое письмо д-ра И. Хоффмана в редакцию «Военно-исторического журнала», в кн.: Вече. Независимый русский альманах, т. 39, 1990, с. 279-284.

Хоффман И., Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год: Отечественная история, 1993, № 4, с. 19-31.

Шлыков Виталий, И танки наши быстры: Международная жизнь, 1988, № 9, с. 117-129.

Штурм Кенигсберга, Калининград, 1966.

Эренбург Илья, Падение Парижа, М., 1941.

Эренбург Илья, Люди, Годы, Жизнь. В 5 книгах, М., 1966-67.

Якушевский Анатолий, Расстрел в клеверном поле: Новое время, 1993, № 25, с. 40-42.

Altwegg, Jürg, Teufliches Paar. Kommunismus und Faschismus: François Furet vergleicht, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 25.1.1995

Altwegg, Jürg, Das Rote und das Braune. Frankreich und die Ideologien seiner Vergangenheit, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 2.3.1996

Altwegg, Jürg, Einhundert Millionen. Von Rußland bis Nordkorea: Ein französisches «Schwarzbuch» bilanziert die Toten des Kommunismus, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 13.11.1997

Altwegg, Jürg, Das Schwarzbuch des roten Führers. Blick in französische Zeitschriften: Gab es Gaskammern auch in sowjetischen Lagern?, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20.12.1997

Anthing, Friedrich, Versuch einer Kriegs-Geschichte des Grafen Alexander Suworow Rymnikski, Rußl. Kayserl. General Feld Marschall, III. Theil, Gotha 1799

Auch die Nichtverurteilten sollen bald rehabilitiert werden. Kriegsgefangene und Internierte in Deutschland und der Sowjetunion. Kooperation mit russischen Behörden, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 7.7.1997

Auschwitz, der Gulag und die Nachwelt, in: Neue Zürcher Zeitung, Nr. 248, 25./26.10.1997

Bacia, Horst, Marschall Stalins und Held der Sowjetunion. Schukow — von den Wogen der russischen Geschichte getragen, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 9.5.1995

Besançon, Alain, Forgotten Communism, in: Commentary, hrsg. vom American Jewish Committee, New York, Vol. 105, Januar 1998, No. 1, S. 24-27

Birke, Ernst, «Schlägt sie, tötet sie!», Leserzuschrift in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 29.5.1991

Bode, Thilo, Nochmals: Die Zahl der Opfer von Auschwitz, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1.9.1994

Bonwetsch, Bernd, Die Repression des Militärs und die Einsatzfähigkeit der Roten Armee im «Großen Vaterländischen Krieg», in: Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa», im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes hrsg. von Bernd Wegner, München, Zürich 1991, S. 404-424

Brandt, Willy, Der Zweite Weltkrieg. Ein kurzer Überblick, hrsg. vom Komitee für Demokratischen Wiederaufbau (SDU) Stockholm, Stockholm 1945

Brüggmann, Mathias, Massengräber von Stalin-Opfern entdeckt. Mindestens 9000 Ermordete in den Wäldern von Karelien verscharrt. Viele Prominente und Geistliche unter den Hingerichteten, in: Die Welt, 13.7.1997

Brzezinski, Zbigniew, Crime but no Punishment, in: Commentary, hrsg. vom American Jewish Committee, New York, Oktober 1990, Letters from Readers

Buchbender, Ortwin, Das tönende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im Zweiten Weltkrieg, Stuttgart 1978

Busche, Jürgen, So treibt man Schindluder. Die beabsichtigte Strafnorm gegen das Leugnen von nationalsozialistischen Verbrechen, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 28.3.1984

Carynyk, Marco, The Killing Fields of Kiev, in: Commentary, hrsg. vom American Jewish Committee, New York, Oktober 1990, S. 19-25

Chor'kov, Anatolij G., Die Rote Armee in der Anfangsphase des Großen Vaterländischen Krieges, in: Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa», im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes hrsg. von Bernd Wegner, München, Zürich 1991, S. 425-442

Churchill, Winston S., Nach dem Kriege, Zürich, Leipzig, Wien 1930

Conquest, Robert, The Great Terror. Stalin's Purge in the Thirties, London 1969

Courtois, Stéphane, Hundert Millionen Tote. Vom «Klassen-Genozid» Stalins bis zum Terror Pol Pots. Im Kommunismus wurde der Massenmord zur Regierungsform, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 26.11.1997

Courtois, Stéphane, Stalin wollte bis nach Paris marschieren. Die Kommunistische Partei Frankreichs zwischen Vichy und Paris. Ein Gespräch mit Stéphane Courtois, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 5.12.1996

Courtois, Stéphane, «Menschenopfer ungeheuerlich ...». Stéphane Courtois über sein «Schwarzbuch», in: Das Ostpreußenblatt, 24.1.1998

Danilov, Valerij D(mitrievič), Hat der Generalstab der Roten Armee einen Präventivschlag gegen

- Deutschland vorbereitet?, in: Österreichische Militärische Zeitschrift, XXXI. Jg., H. 1, 1993, S. 41-51
- Daschtschew, Wjatscheslaw, Der Pakt der beiden Banditen. Stalin hat den Krieg gewollt, in: Rheinischer Merkur/Christ und Welt, 21.4., 28.4.1989
- Deichmann, Hans, Ich sah Königsberg sterben. Aus dem Tagebuch eines Arztes, Aachen (1949)
- Długoborski, Waclaw, Da war noch mehr als die Toten. Auch die Lebenden wollen sich wiederfinden: Das «Schwarzbuch des Kommunismus» weist aus osteuropäischer Sicht Lücken auf, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 4.9.1998
- Documents on Polish-Soviet Relations 1939-1945. Hrsg. vom General Sikorski Historical Institute, London, Bd. 1: 1939-1943, London, Melbourne, Toronto 1961
- «300 000 Tote im Goldbergwerk». Die Opfer Stalins liegen noch in Rußlands Erde, in: Der Spiegel, Nr. 40, 1989, S. 200 f.
- Ehrenburg, Ilya, Russia at War. With an Introduction by J. B. Priestley, London (1943)
- Ehrenburg, Ilya, Menschen, Jahre, Leben. Autobiographie, München 1962
- Eiselt, Gerhard, Die historisch-politische Auseinandersetzung um den Sinn der Abwehrkämpfe an der Ostfront 1945, in: Criticon 152, Oktober/November/Dezember 1996, S. 188-190
- Eisenhower, Dwight D., Crusade in Europe, Garden City 1948
- Erste Bilanz der Massenverbrechen des Weltkommunismus. Vergleiche mit dem Nationalsozialismus im französischen «Schwarzbuch», in: Neue Zürcher Zeitung, Nr. 278, 29./30.11.1997
- Fabry, Philipp, Der Hitler-Stalin-Pakt 1939-1941, Darmstadt 1962
- Filip, Ota, Untaten an Deutschen aus dem Jahr 1945 nicht mehr verschweigen. Ein Gespräch mit dem Historiker Jiří Šitler in Prag, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 24.9.1997
- Fischer, Alexander, Kleiner Kriegsverbrecher. Ein Erfahrungsbericht: Als Kind in die Sowjetunion verschleppt, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 16.2.1995
- Friedrich, Jörg, Das Gesetz des Krieges. Das deutsche Heer in Rußland 1941 bis 1945. Der Prozeß gegen das Oberkommando der Wehrmacht, München, Zürich 1993
- Fromme, Friedrich Karl, Strafrecht gegen Unverstand. Das Bestreiten der Massenmorde an Juden soll ausdrücklich strafbar werden, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 7.7.1994
- Fuhr, Eckhard, Waren die Bolschewisten Konterrevolutionäre?, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 22.4.1991
- Fuhr, Eckhard, Die Lüge verbieten?, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 7.4.1994
- Gafencu, Grigore, Vorspiel zum Krieg im Osten. Vom Moskauer Abkommen (21.8.1939) bis zum Ausbruch der Feindseligkeiten in Rußland (22.6.1941), Zürich 1944
- Generalfeldmarschall Wilhelm Ritter von Leeb. Tagebuchaufzeichnungen und Lagebeurteilungen aus zwei Weltkriegen. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einem Lebensabriß versehen von Georg Meyer, Stuttgart 1976 (= Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte, Bd. 16)
- Gilbert, Martin, Auschwitz and the Allies, London 1981
- Gillessen, Günther, Der Krieg der Diktatoren. Wollte Stalin im Sommer 1941 das Deutsche Reich angreifen?, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20.8.1986
- Gillessen, Günther, Der Krieg der Diktatoren. Ein erstes Resümee der Debatte über Hitlers Angriff im Osten, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 25.2.1987
- Gillessen, Günther, Krieg zwischen zwei Angreifern. Ein zentrales sowjetisches Dokument über Stalins Planung im Frühjahr 1941, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 4.3.1993
- Gillessen, Günther, Gut ausgerüstet und stets in hoher Kampfbereitschaft. Die sowjetischen Streitkräfte in der DDR. Drei politische Aufgaben, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 31.8.1994
- Goebbels, Joseph, Tagebücher 1924-1945, hrsg. von Ralf Georg Reuth, Bd. 4: 1940-1942, München, Zürich 1992
- Gorodetsky, Gabriel, Stalins Geheimrede stammt aus Paris. Französischer Geheimdienst fälschte Ansprache, um Eingreifen gegen die Sowjetunion zu bewirken, in: Die Welt, 31.8.1996
- Halder, Franz, Generaloberst Halder, Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939-1942, hrsg. vom Arbeitskreis für Wehrforschung Stuttgart, bearb. von Hans-Adolf Jacobsen in Verbindung mit Alfred Philippi, Bd. II: Von der geplanten Landung in England bis zum Beginn des Ostfeldzuges (1.7.1940 — 21.6.1941), Stuttgart 1963
- Helmdach, Erich, Überfall?, Neckargemünd 1975
- Heresch, Elisabeth, Nikolaus II. Feigheit, Lüge und Verrat. Leben und Ende des letzten russischen Zaren, München 1992
- Heydorn, Volker Detlef, Der Sowjetische Aufmarsch im Białystoker Balkon bis zum 22. Juni 1941 und der Kessel von Wolkowysk, München (1989)

- Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942-1945, hrsg. von Helmut Heiber, Stuttgart 1962 (= Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Bd. 10)
- Hoffmann, Joachim, Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945, Freiburg ¹1974, ⁴1986 (= Einzelschriften zur militärischen Geschichte des Zweiten Weltkrieges, hrsg. vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt, Bd. 14)
- Hoffmann, Joachim, Die Ostlegionen 1941-1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer, Freiburg ¹1976, ³1986 (= Einzelschriften zur militärischen Geschichte des Zweiten Weltkrieges, hrsg. vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt, Bd. 19)
- Hoffmann, Joachim, Die Sowjetunion bis zum Vorabend des deutschen Angriffs, Die Kriegführung aus der Sicht der Sowjetunion, in: Der Angriff auf die Sowjetunion, Stuttgart ¹1983, ²1987, S. 38-97, S. 713-809 (= Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, hrsg. vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt, Bd. 4)
- Hoffmann, Joachim, Die Geschichte der Wlassow-Armee, Freiburg ¹1984, ²1986 (= Einzelschriften zur militärischen Geschichte des Zweiten Weltkrieges, hrsg. vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt, Bd. 27)
- Hoffmann, Joachim, Stalin wollte den Krieg, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 16.10.1986
- Hoffmann, Joachim, Die Angriffsvorbereitungen der Sowjetunion 1941, in: Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa», im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes hrsg. von Bernd Wegner, München, Zürich 1991, S. 367-388. На английском языке: Hoffmann, Joachim, The Soviet Union's Offensive Preparations in 1941, in: From Peace to War. Germany, Soviet Russia and the World, 1939-1941. Published in Association with the Militärgeschichtliches Forschungsamt, Potsdam, Providence, USA, Oxford, UK, 1997, S. 361-380; также в кн.: Reinhard Uhle-Wettler (Hrsg.), Wagnis Wahrheit. Historiker in Handschellen? Festschrift für David Irving, Kiel 1998, S. 145-165
- Hoffmann, Joachim, Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion, Freiburg 1991 (= Einzelschriften zur Militärgeschichte, hrsg. vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt, Bd. 35)
- Hoffmann, Joachim, Auf keiner Funkwelle von den ermordeten Juden die Rede, Leserzuschrift in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 9.10.1996
- Holm, Kerstin, Gutsbesitzertöchter und Hitlerjungen als Zwangsarbeiter. Ein Gedenkfriedhof für zivile deutsche Gefangene in Karelien, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 14.7.1995
- Hosoya, Chihiro, The Japanese-Soviet Neutrality Pact, in: J. W. Morley (Hrsg.), The Fateful Choice. Japan's Advance into Southeast Asia, 1939-1941, New York 1980 (= Japan's Road to the Pacific War), S. 13-114, S. 310-313
- Irving, David John Cawdell, The Destruction of Dresden, London 1963
- Katell, Andrew, Sowjet-Pressen gibt zu: 40 Millionen Stalin-Opfer, in: Die Welt, 6.2.1989
- Kaufmann, Günter, «Auschwitz-Lüge» — Auschwitz-Wahrheit. Bevölkerungsstatistiken bringen Licht in das wirkliche Ausmaß eines Verbrechens, in: Askania — Studiensammlung, Juli 1992, S. 16-23
- Keating, Frank A., Das Verhalten der Roten Armee im Sieg und während der Besatzungszeit, in: Die Rote Armee. Zusammengestellt und bearbeitet von Captain B. H. Liddell Hart, Bonn o. D., S. 197-208
- Khrushchev's Secret Tapes, in: Time, 1.10.1990, S. 46-53
- Kilian, Achim, Die «Mühlberg-Akten» im Zusammenhang mit dem System der Speziallager des NKWD der UdSSR, in: Deutschland-Archiv. Zeitschrift für das vereinigte Deutschland, H. 10, 1993, S. 1138-1158
- Kiršin, Jurij K., Die sowjetischen Streitkräfte am Vorabend des Großen Vaterländischen Krieges, in: Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa», im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes hrsg. von Bernd Wegner, München, Zürich 1991, S. 389-403
- Klier, Freya, Verschleppt ans Ende der Welt. Schicksale deutscher Frauen in sowjetischen Arbeitslagern, Berlin, Frankfurt am Main 1996
- Klüver, Max, Präventivschlag 1941, Leoni ²1987
- Kogelfranz, Siegfried, «So weit die Armeen kommen ...» Wie Osteuropa nach Jalta kommunistisch wurde, in: Der Spiegel, Nr. 35, 1984, S. 104-114
- Kohler, Berthold, Als in Aussig die Jagd auf die Deutschen begann. Das tschechische Massaker vom 31. Juli 1945. Welche Rolle spielte die Beneš-Führung?, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 29.7.1995
- Kopelew, Lew, Freie Dichter und Denker. Geographisch und geistesgeschichtlich gehört Rußland zu Europa, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 24.12.1974
- Kopelew, Lew, Aufbewahren für alle Zeit (chranit' večno), Hamburg 1976
- Kozlov, V. J., nach: Junge Welt, 21.6.1991
- Krausnick, Helmut, Zur Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus, Bonn 1956 (= Dokumentation zur Massen-Vergasung, hrsg. von der Bundeszentrale für Heimatdienst)
- Kopelew, Lew, Die Einsatzgruppen vom Anschluß Österreichs bis zum Feldzug gegen die Sowjetunion. Entwicklung und Verhältnis zur Wehrmacht, in: Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938-1942, Teil I, Stuttgart 1981, S. 13-278

- Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab), 1940-1945. Geführt von Helmut Greiner und Percy Ernst Schramm, Bd. II: 1. Januar 1942 — 31. Dezember 1942. Zusammengestellt und erläutert von Andreas Hillgruber, Zweiter Halbband, Frankfurt a. M. 1963
- Krushelnycky, Askold, The archaeologist of terror, in: The European, 16./18.11.1990
- Kusnezowa, Olga und Selesnjow, Konstantin, Der politisch-moralische Zustand der faschistischen deutschen Truppen an der sowjetisch-deutschen Front in den Jahren 1941-1945. Überblick über sowjetische Quellen und Literatur, in: Zeitschrift für Militärgeschichte, H. 9, 1970, S. 598-608
- Landeshauptstadt Dresden, Stadtverwaltung, Amt für Protokoll und Auslandsbeziehungen, 0016/mi, Karin Mitzscherlich, Sachgebietsleiterin, 31.7.1992, Faksimile in: Das Ostpreußenblatt, 2.4.1994
- Landsberg. Ein dokumentarischer Bericht, hrsg. von Information Services Division Office of the U.S. High Commissioner for Germany, München (1951)
- Laqueur, Walter und Breitman, Richard, Der Mann, der das Schweigen brach. Wie die Welt vom Holocaust erfuhr, Frankfurt a. M., Berlin 1986
- Lasch, Otto, So fiel Königsberg, München 1958
- Lehndorff, Hans Graf von, Ostpreußisches Tagebuch, München 1967
- Le livre noir du communisme. Crimes, terreur, répression. Hrsg. von Stéphane Courtois, Paris 1997
- Leuschner, Markus, Einhundert Millionen. Die Schreckensbilanz einer «humanen Idee», in: Deutscher Ostdienst. Informationsdienst des Bundes der Vertriebenen, 40. Jg., Nr. 3, 16.1.1998
- Lippe, Viktor Freiherr von, Nürnberger Tagebuchnotizen. November 1945 bis Oktober 1946, Frankfurt a. M. (1951)
- Maetzke, Heinrich, Tausend Jahre Glückseligkeit. Oder: Was bedeutet schon eine Generation? Das Schwarzbuch zu den Jahrhundertverbrechen der Kommunisten, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 2.6.1998
- Magenheimer, Heinz, Neue Erkenntnisse zum «Unternehmen Barbarossa», in: Österreichische Militärische Zeitschrift, H. 5, 1991, S. 441-445
- Magenheimer, Heinz, Massenrepressalien, Bevölkerungsverluste und Deportationen seit 1917/18, in: Österreichische Militärische Zeitschrift, H. 6, 1991, S. 539-542
- Magenheimer, Heinz, Zum deutsch-sowjetischen Krieg 1941. Neue Quellen und Erkenntnisse, in: Österreichische Militärische Zeitschrift, H. 1, 1994, S. 51-60
- Magenheimer, Heinz, Kriegswunden in Europa 1939-1945. Führungsentschlüsse, Hintergründe, Alternativen, München 1995
- Maiello, Greta, Neue Erkenntnisse über Auschwitz. Der Franzose Jean-Claude Pressac wertete Moskauer Archive aus, in: Die Welt, 27.9.1993
- Margolina, Sonja, Das Ende der Lügen. Rußland und die Juden im 20. Jahrhundert, Berlin 1992
- Maser, Werner, Nach dem Pakt der Diktatoren: Wollte Stalin Hitler angreifen?, in: Die Welt, 1.9., 2.9., 3.9.1993
- Maser, Werner, Der Wortbruch. Hitler, Stalin und der Zweite Weltkrieg, München 1994
- Montgomery, Bernard Law, Memoiren, München (1958)
- Murawski, Erich, Die Eroberung Pommerns durch die Rote Armee, Boppard 1969
- Myllyniemi, Seppo, Die baltische Krise 1938-1941, Stuttgart 1979 (= Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, Bd. 38)
- Nawratil, Heinz, Vertreibungsverbrechen an Deutschen. Tatbestand, Motive, Bewältigung, Frankfurt, Berlin 1987
- Nawratil, Heinz, Mörderische Propaganda, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 12.2.1991
- Nekrich, Aleksandr M., Past Tense, in: The New Republic, April 29, 1991, S. 14 ff.
- Nekrich, Aleksandr M., A Wise Design, in: Perspective, Boston, Vol. I, Nr. 3, Februar 1991, S. 2-7
- Nekrich, Aleksandr M., Pariahs, Partners, Predators: German-Soviet Relations, 1922-1941. Edited and translated by Gregory L. Freeze. With a foreword by Adam B. Ulam, New York 1997
- Nekritsch, Alexander und Grigorenko, Pjotr, Genickschuß. Die Rote Armee am 22. Juni 1941, hrsg. und eingel. von Georges Haupt, Wien, Frankfurt 1969
- Neubert, Ehrhart, Politische Verbrechen in der DDR, in: Das Schwarzbuch des Kommunismus. Hrsg. von Stéphane Courtois u. a., München, Zürich, 2. Aufl. 1998, S. 829-884
- Neue Juristische Wochenschrift, H. 45, 1988, S. 2911-2919
- Nikiforuk, Michael, Das vierte Denkmal von Babi Yar ist wieder am falschen Platz erstellt, Ukrainian Friends of Fairfield Association, Stamford Ct., Pressemitteilung, 22.10.1991
- Nolte, Ernst, Der europäische Bürgerkrieg 1917-1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus, Frankfurt a. M., Berlin 1987
- Nolte, Ernst, Streitpunkte. Heutige und künftige Kontroversen um den Nationalsozialismus, Frankfurt a. M.

1993

Nolte, Ernst, Ein Gesetz für das Außergesetzliche. Die Strafbarkeit der «Auschwitzlüge», in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 23.8.1994

Die Opfer des Stählernen: 40 Millionen in 30 Jahren, in: Die Welt, 30.6.1993

Paczkowski, Andrzej, Polen, der «Erbfeind», in: Das Schwarzbuch des Kommunismus. Hrsg. von Stéphane Courtois u. a., München, Zürich, 2. Aufl. 1998, S. 397-429

Paget, Reginald T., Manstein. His Campaigns and his Trial. With a Foreword by Lord Hankey, London

1951

Pfeiffer, Werner, Mit 15 in die Hölle, Bonn 1994

Picker, Henry, Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941-1942. Im Auftrage des Deutschen Instituts für Geschichte der nationalsozialistischen Zeit geordnet, eingeleitet und veröffentlicht von Gerhard Ritter, Professor der Geschichte an der Universität Freiburg, Bonn 1951

Plievier, Theodor, Berlin, Wien/München/Basel 1954

Polen erinnern Moskau an Völkermord, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 19.9.1979

Posdnjakow, W., Die chemische Waffe, in: Die Rote Armee. Zusammengestellt und bearbeitet von Captain B. H. Liddell Hart, Bonn o. D., S. 408-417

Post, Walter, Unternehmen «Barbarossa». Deutsche und sowjetische Angriffspläne 1940/41, Herford, Bonn

1995

Pressac, J.-C., Les crématoires d'Auschwitz — La machinerie du meurtre de masse, Paris 1993

Proske, Rüdiger, Wider den Mißbrauch der Geschichte deutscher Soldaten zu politischen Zwecken. Eine Streitschrift, Mainz 1996

Protokolle des Todes. Wie war der Massenmord an den Juden und den anderen NS-Opfern technisch möglich? Neue Dokumente aus Moskau ..., in: Der Spiegel, H. 40, 1993, S. 151-162

Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof, Nürnberg 14. November 1945 — 1. Oktober 1946,

Bd. I: Einführungsband, Nürnberg 1947;

Bd. III: Verhandlungsniederschriften, 1. Dezember 1945 — 14. Dezember 1945, Nürnberg 1947;

Bd. V: Verhandlungsniederschriften, 9. Januar 1946 — 21. Januar 1946, Nürnberg 1947;

Bd. VII: Verhandlungsniederschriften, 5. Februar 1946 — 19. Februar 1946, Nürnberg 1947;

Bd. IX: Verhandlungsniederschriften, 8. März 1946 — 23. März 1946, Nürnberg 1947;

Bd. X: Verhandlungsniederschriften, 25. März 1946 — 6. April 1946, Nürnberg 1947;

Bd. XVII: Verhandlungsniederschriften, 25. Juni 1946 — 8. Juli 1946, Nürnberg 1948;

Bd. XVIII: Verhandlungsniederschriften, 9. Juli 1946 — 18. Juli 1946, Nürnberg 1948;

Bd. XX: Verhandlungsniederschriften, 30. Juli 1946 — 10. August 1946, Nürnberg 1948;

Bd. XXII: Verhandlungsniederschriften, 27. August 1946 — 1. Oktober 1946, Nürnberg 1947;

Bd. XXXI: Urkunden und anderes Beweismaterial, Nürnberg 1948;

Bd. XXXVI: Urkunden und anderes Beweismaterial, Nürnberg 1949

Raack, R(ichard) C., Stalin's Role in the Coming of World War II. Opening the closed door on a key chapter of recent history, in: World Affairs. A quarterly Review of International Problems, Vol. 158, No. 4, Spring 1996, S. 198-211, Stalin's Role in the Coming of World War II. The international debate goes on, Vol. 159, No. 2, Fall 1996, S. 47-53

Raack, R(ichard) C., Stalin Plans his Post-War Germany, in: Journal of Contemporary History, Vol. 28, 1993, S. 53-73

Raack, R(ichard) C., Stalin's Drive to the West 1938-1945. The Origins of the Cold War, Stanford, California, 1995

Radsinski, Edward, Nikolaus II. Der letzte Zar und seine Zeit, München 1992

Radtke, Rudolf, In Güstrows sowjetischem Speziallager, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 4.6.1997

Range, Hans-Peter, Ausbruch der Besatzung von Thorn. Dokumentation eines Kriegsdramas, Sonderdruck des Heeresamtes der Bundeswehr, Bonn 1990

Range, Hans-Peter, Das Konzentrationslager Fünfeichen 1945-1948. Ein Mecklenburger Geschichtsbild, Britzingen, 2. Aufl. 1991

Rapport du Comité international de la Croix-Rouge sur son activité pendant la seconde guerre mondiale (1^{er} septembre 1939 — 30 juin 1947), Vol. 1: Activités de caractère général, Genève 1948 (= XVII^e Conférence

Internationale de la Croix-Rouge Stockholm, août 1948)

Raschhofer, Hermann, Der Fall Oberländer. Eine vergleichende Rechtsanalyse der Verfahren in Pankow und Bonn, Tübingen 1962

Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques (The International Law Review). Fondée et publiée par le Dr. Juris Antoine Sottile, vol. 17, 1939

Rhode, Gotthold, Polen von der Wiederherstellung der Unabhängigkeit bis zur Ära der Volksrepublik, in: Handbuch der europäischen Geschichte, Bd. 7, S. 1134-1182

Der rote Holocaust. Interview mit dem französischen Historiker Stéphane Courtois, dem Herausgeber des «Schwarzbuches», in: Die Zeit, Nr. 48, 21.11.1997

Schaworonkow, Gennadi, Charkow ein zweites Katyn. Der «Schwarze Weg» führte polnische Offiziere 1940 in den Tod, in: Moskau News, Nr. 7, 1990, S. 11

Schaworonkow, Gennadi, «Nach den Hinrichtungen gab es Alkohol». Die Ermordung der Polen in Katyn: Ein Russe, der dabei war, berichtet, in: Moskau News, Nr. 11, 1990, S. 9

Schirrmacher, Frank, Ein Schwarzbuch, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 29.11.1997

Schlafende Aggressoren. Enthüllung in Moskau: Stalins Militärs wollten 1941 dem Angriff Hitlers zuvorkommen. Doch der Diktator mochte nicht hören, in: Der Spiegel, H. 22, 1990, S. 170-172

Schlie, Ulrich, Diener vieler Herren. Die verschlungenen Pfade des Reichskanzlers Joseph Wirth im Exil, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 8.2.1997

Schukows Angriffsplan. Wie der Generalstabschef der UdSSR im Mai 1941 Hitler zuvorkommen wollte, in: Der Spiegel, H. 24, 1991, S. 140

Schustereit, Hartmut, Vabanque. Hitlers Angriff auf die Sowjetunion 1941 als Versuch, durch den Sieg im Osten den Westen zu bezwingen, Herford, Bonn 1988

Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror. Hrsg. von Stéphane Courtois, unter Mitarbeit von Nicolas Werth, Jean-Louis Panné, Andrzej Paczkowski, Karel Bartosek, Jean-Louis Margolin u. a. Aus dem Französischen, München, Zürich, 2. Aufl. 1998

Schwarzer, Alice, Marion Dönhoff. Ein widerständiges Leben, Köln 1996

Seidler, Franz W. (Hrsg.), Verbrechen an der Wehrmacht. Kriegsgreuel der Roten Armee 1941/42, Selent, 1. Aufl. 1997, 2. Aufl. 1998

Semiryaga, Michail, Wie Berijas Leute in Ostdeutschland die «Demokratie» errichteten, in: Deutschland-Archiv, H. 5, September/Oktober 1996, S. 741-751

Solschenizyn, Alexander, Der Archipel GULag 1918-1956. Versuch einer künstlerischen Bewältigung, 2 Bde, Bern 1974-1976

Solschenizyn, Alexander, Ostpreußische Nächte, Darmstadt 1976

Sothen, Hans B. von, Aufdecken und ausrotten. Die sowjetische Staatssicherheit übernimmt die Macht, in: Junge Freiheit. Wochenzeitung für Politik und Kultur, 3.7.1998

Stadler, Siegfried, Geschichte im Turm. «Spuren des Unrechts» in Torgau, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 21.1.1997

Stalin, J., Über den Großen Vaterländischen Krieg der Sowjetunion, Moskau ³1946

Stalin-Opfer in Massengrab bei Kiew, in: Badische Zeitung, 25.3.1989

Stegemann, Bernd, Geschichte und Politik. Zur Diskussion über den deutschen Angriff auf die Sowjetunion 1941, in: Beiträge zur Konfliktforschung, 17. Jg., H. 1, S. 73-97

Sterzel, Anton, Dichter sangen Stalin zum Sieg, in: Die Welt, 22.6.1941

Strauss, Wolfgang, Unternehmen Barbarossa und der russische Historikerstreit. Mit Dokumenten, Karten und Abbildungen, München 1998

Strauss, Wolfgang, Stalins Vernichtungskrieg gegen das eigene Volk. Neue Erkenntnisse russischer Historiker, in: Uhle-Wettler, Reinhard (Hrsg.), Wagnis Wahrheit. Historiker in Handschellen? Festschrift für David Irving, Kiel 1998, S. 197-200

Streim, Alfred, Das Völkerrecht und die sowjetischen Kriegsgefangenen, in: Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa», im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes hrsg. von Bernd Wegner, München, Zürich 1991, S. 291-308

Ströhm, Carl Gustav, Wie viele Millionen Opfer?, in: Die Welt, 6.2.1989

Ströhm, Carl Gustav, Stalins Strategie für Krieg und Frieden. Geheime Dokumente beweisen: Sowjetischer Diktator hat Hitlers Angriff auf Polen einkalkuliert, in: Die Welt, 16.7.1996

Suworow, Viktor, Der Eisbrecher. Hitler in Stalins Kalkül, Stuttgart 1989

Suworow, Viktor, Der Tag M, Stuttgart 1995

Thadden, Adolf von, Zwei Angreifer, Essen 1993

Tokaev, Colonel G. A., Stalin Means War, London (1951)

- Tolstoy, Nikolai, *Victims of Yalta*, London, Sydney, Auckland, Toronto 1977
- Topitsch, Ernst, *Stalins Krieg. Die sowjetische Langzeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik*, München ¹1985, ²1986. *Издание на английском языке: Stalin's War*, London 1987
- Topitsch, Ernst, *Stalins Krieg. Die sowjetische Langzeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik*, Herford ³1990; derselbe, *Stalins Krieg. Moskaus Griff nach der Weltherrschaft. Strategie und Scheitern*, 3. überarb. u. erw. Aufl., Herford 1998
- Uhle-Wettler, Reinhard (Hrsg.), *Wagnis Wahrheit. Historiker in Handschellen? Festschrift für David Irving*, Kiel 1998
- Unsere Ehre heisst Treue. *Kriegstagebuch des Kommandostabes Reichsführer SS. Tätigkeitsberichte der 1. und 2. SS-Inf.-Brigade, der 1. SS-Kav.-Brigade und von Sonderkommandos der SS*, Wien, Frankfurt, Zürich (1965)
- Das Urteil von Nürnberg. *Grundlage eines neuen Völkerrechts. Der vollständige Text*, Baden-Baden 1946
- Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus den Gebieten östlich der Oder-Neisse. In Verbindung mit Adolf Diestelkamp, Rudolf Laun, Peter Rassow und Hans Rothfels bearb. von Theodor Schieder, Bd. I/1, hrsg. vom Bundesministerium für Vertriebene (1953) (*Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa*)
- Vertreibung und Vertreibungsverbrechen 1945-1948. Bericht des Bundesarchivs vom 28. Mai 1974. Archivalien und ausgewählte Erlebnisberichte, redaktionell bearb. von Silke Spieler, Bonn 1989 (= Kulturstiftung der deutschen Vertriebenen)
- Vogel, Wolfram, *Wo der Genozid begann. Erhard Roy Wiehns Beitrag gegen Tendenzen des Vergessens*, in: *Südkurier*, 14.9.1991
- Volkman, Hans-Erich, *Die Legende vom Präventivkrieg. Alle Informationen der Regierung und der Wehrmacht stimmen überein: Sowjetrußland war 1941 zum Angriffskrieg weder fähig noch willens*, in: *Die Zeit*, 13.6.1997
- Volkogonov, Dmitrij, *Stalin als Oberster Befehlshaber*, in: *Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa»*, im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes hrsg. von Bernd Wegner, München, Zürich 1991, S. 480-498
- Walter, Klaus-Peter, *Slalom eines Lebens. Zum hundertsten Geburtstag von Ilja Ehrenburg*, in: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 26.1.1991
- Walther, Rudolf, *Nolte läßt grüßen. Mit fragwürdigen Zahlen über die Opfer des kommunistischen Terrors will Stéphane Courtois belegen, daß Hitler bei Lenin und Stalin in die Lehre gegangen sei*, in: *Die Zeit*, Nr. 48, 21.11.1997
- Wasilewska, Wanda, in: *Archiwum Ruchu Robotniczego*, Bd. 7, Warszawa 1982, S. 339-432
- Wehner, Markus, *Von Stalin zum Faustpfand gemacht. Das Schicksal der in der Sowjetunion verurteilten Deutschen kann nun geklärt werden*, in: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 5.11.1996
- Weizmann, Chaim, *Memoiren. Das Werden des Staates Israel*, Zürich 1953
- Werth, Alexander, *Russia at War 1941-1945*, London 1964
- Werth, Nicolas, *Ein Staat gegen sein Volk. Gewalt, Unterdrückung und Terror in der Sowjetunion*, in: *Das Schwarzbuch des Kommunismus. Hrsg. von Stéphane Courtois u. a.*, München, Zürich, 2. Aufl. 1998, S. 51-288
- «Wer zuckt, dem geben wir den Rest». Gespräch des Sowjetautors Lew Rasgon mit einem Henker der Stalinzeit, in: *Der Spiegel*, Nr. 2, 1989, S. 100 f.
- Wieck, Michael, *Zeugnis vom Untergang Königsbergs. Ein «Geltungsjude» berichtet*, Heidelberg 1988
- Wienkopp, Joachim, *Mit fünfzehn in Buchenwald*, in: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 17.1.1996
- Wilhelm, Hans-Heinrich, *Die Einsatzgruppe A der Sicherheitspolizei und des SD 1941/42. Eine exemplarische Studie*, in: *Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938-1942, Teil II*, Stuttgart 1981, S. 281-688
- Winters, Peter Jochen, *Sowjetunion mußte die Akten zur Verfügung stellen. In den Internierungslagern sollen 160 000 Deutsche eingesperrt haben*, in: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 27.9.1991
- Winters, Peter Jochen, *Schuld und Rache. Stalins Strick für Hitlers Hörige*, in: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 11.11.1993
- Wolkogonow, Dmitri, *Triumph und Tragödie. Politisches Porträt des J. W. Stalin. In zwei Bänden, Bd. 1/2, Bd. 2/1, Bd. 2/2*, Berlin 1990
- Wolski, Marek, *Le massacre de Baby Yar (Traduit de l'anglais)*, in: *Revue d'histoire révisionniste*, Nr. 6, 1992, S. 47-58
- Zayas, Alfred M. de, *Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle. Unveröffentlichte Akten über alliierte Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg. Unter Mitarbeit von Walter Rabus*, München ⁴1984
- Zayas, Alfred M. de, *Die Anglo-Amerikaner und die Vertreibung der Deutschen. Mit einem Vorwort von Robert Murphy*, München ³1985
- Zayas, Alfred M. de, *Anmerkungen zur Vertreibung der Deutschen aus dem Osten*, Stuttgart, Berlin, Köln,

Mainz (1986)

Zayas, Alfred M. de, A Terrible Revenge. The Ethnic Cleansing of the East European Germans, 1944-1950, New York 1994

Zayas, Alfred M. de, The Wehrmacht Bureau on War Crimes, in: The Historical Journal, 35, 2, 1992, S. 383-399

Zayas, Alfred M. de, Die deutschen Vertreibungsoffer schwer zu zählen, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 19.9.1997

Zeidler, Manfred, Kriegsoffer im Osten. Die Rote Armee und die Besetzung Deutschlands östlich von Oder und Neiße 1944/45. Im Auftrag der Kulturstiftung der deutschen Vertriebenen Bonn, München 1996

Zlepko, Dmytro (Hrsg.), Der ukrainische Hunger-Holocaust. Stalins verschwiegener Völkermord 1932/33 an 7 Millionen ukrainischen Bauern im Spiegel geheimgehaltener Akten des deutschen Auswärtigen Amtes, Sonnenbühl 1988

Документы

Советская агрессивная война против Польши

«Солдаты Польской Армии!

Панско-буржуазное Правительство Польши, втянув Вас в авантюристическую войну, позорно провалилось. Оно оказалось бессильным править страной и организовать оборону. Министры и генералы схватили награбленное ими золото, трусливо бежали, оставив армию и все население Польши на произвол судьбы.

Польская Армия потерпела суровое поражение, от которого она не в состоянии оправиться. Вам, вашим женам, детям, братьям и сестрам угрожает голодная смерть и уничтожение.

В эти тяжелые для Вас дни могучий Советский Союз протягивает Вам руку братской помощи. Не сопротивляйтесь Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Ваше сопротивление бесполезно и обречено на полный провал. Мы идем к Вам не как завоеватели, а как ваши братья по классу, как ваши освободители от гнета помещиков и капиталистов.

Великая и непобедимая Красная Армия несет на своих знаменах трудящимся братство и счастливую жизнь.

Солдаты Польской Армии! Не проливайте напрасно крови за чуждые Вам интересы помещиков и капиталистов.

Вас заставляют угнетать белорусов, украинцев. Правящие круги Польши сеют национальную рознь между поляками, белорусами и украинцами.

Помните! Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Трудящиеся белорусы и украинцы — Ваши союзники, а не враги. Вместе с ними стройте счастливую зажиточную жизнь.

Бросайте оружие! Переходите на сторону Красной Армии. Вам обеспечена свобода и счастливая жизнь.

Командующий Белорусским фронтом командарм второго ранга Михаил Ковалев. 17 сентября 1939 года.»

Источник: Bundesarchiv — Militärarchiv RH 19 II/15

Советская агрессивная война против Финляндии

Первоначальные террористические налеты Военно-Воздушных Сил СССР на жилые кварталы финских городов в 1939 г. (по данным финского Генерального штаба).

Источник: Bundesarchiv — Militärarchiv RH 19 III/381

Запланированная советская агрессивная война против Румынии

Приказ о наступлении № 001. Штаб механизированной кавалерийской группы, Коломыя, 22.6.40 г., 22 часа.

Источник: Bundesarchiv — Militärarchiv RH 19-I/122

Заметки майора НКВД (в ранге генерал-майора) Мурата о речи Сталина в ЦК перед военачальниками Красной Армии.

Автор настоящего труда еще в 1991 г. ввел в научный оборот этот важный доказательный материал, обнаруженный им.

Источник: Bundesarchiv — Militärarchiv RH 24-24/335

Краткая запись выступления товарища Сталина на выпуске слушателей академий Красной Армии в Кремле 5 мая 1941 г. Сталин объявил, что в состав Красной Армии тогда входили 300 дивизий, включая 100 механизированных, а из них — 2/3 танковых дивизий и 1/3 моторизованных дивизий. Сталин: «Теперь надо перейти от обороны к наступлению... От обороны перейти к военной политике наступательных действий».

Источник: Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Москва, ф. 588, оп. 1.

Составленная отделом иностранных армий Востока во главе с полковником Генерального штаба Геленом «Справка о русских агрессивных намерениях против Германии» подтверждает (с отклонениями) данные Сталина о превосходящей силе Красной Армии весной 1941 г. Немецкой стороной верно отмечено наличие примерно 65 танковых дивизий, а не примерно 35 моторизованных дивизий, одна из которых уже равнялась по своей огневой мощи танковой дивизии германской армии.

Источник: Bundesarchiv — Militärarchiv RH 2/2092

Устрашающий приказ маршала Советского Союза Тимошенко и армейского комиссара 1-го ранга Мехлиса войскам Западного фронта от 7.7.1941 г.

Источник: Bundesarchiv — Militärarchiv RH 21-1/471

Устрашающий приказ Главной военной прокуратуры СССР от 15.12.1941 г., согласно которому родственники красноармейцев, сдающихся немецким войскам, подлежали коллективной уголовной ответственности.

Источник: Bundesarchiv — Militärarchiv RW 2/v. 158

Оперативная сводка советской 26-й танковой дивизии (подполковник Кимбар, майор Храпко) от 13.7.1941 г.: «Сдалось в плен до 80 человек, которые были расстреляны».

Источник: Bundesarchiv — Militärarchiv RW 2/v. 152

«Всего было расстреляно 115 чел.».

Справка начальника разведотдела штаба 33-й армии капитана Потапова от 8.12.1941 г. о расстреле 115 военнопленных (Справка, Начальник РО Штарма 33 Капитан Потапов, 8/XII 41 г.).

Источник: Bundesarchiv — Militärarchiv RW 2/v. 151

Наряду с другими высокими военачальниками, командующий 4-й ударной армией генерал-полковник Еременко также призвал 31.12.1941 г. «с честью» выполнить приказы Сталина и «уничтожить и истребить» всех «фашистских захватчиков» до единого.

Источник: Bundesarchiv — Militärarchiv RH 21-3/v. 742

Военнопленные советские солдаты подтверждают 18.1.1942 г., что им ежедневно зачитывался приказ Сталина от 6.11.1941 г. об уничтожении всех немецких солдат.

Источник: Bundesarchiv — Militärarchiv RW 2/v. 158

Убийствам немецких военнопленных не было конца до 1945 г. Выявленные радиоразведкой убийства немецких солдат в январе-феврале 1945 г.

Источник: Bundesarchiv — Militärarchiv 2/2684

Распоряжение военного прокурора 48-й армии всем подчиненным военным прокурорам от 23.1.1945 г. о преодолении зверств и вандализма.

Источник: Bundesarchiv — Militärarchiv RH 2/2687

«Спросите пленного немца, во имя чего его соотечественники уничтожили шесть миллионов невинных людей, он ответит: “Они еврей”».

Илья Эренбург в статье от 22 декабря 1944 г. под названием «Помнить, помнить, помнить» в «Soviet War News», Лондон.

«Спросите пленного немца, во имя чего его соотечественники уничтожили шесть миллионов невинных людей, он ответит: “Они еврей”».

Илья Эренбург в статье от 4 января 1945 г. под названием «Еще раз — помнить!» в «Soviet War

News Weekly», Лондон.

«Мир теперь знает, что немцы убили шесть миллионов евреев».

Илья Эренбург в статье от 15 марта 1945 г. под названием «Были волками, ими и остались» в «Soviet War News Weekly», Лондон.

Голоса прессы

«Последняя книга Гофмана излагает... достигнутые до сих пор результаты научной дискуссии, из которой он... вышел победителем. Представленный материал его книги является достаточно убедительным.»

«Frankfurter Allgemeine Zeitung», 10 октября 1995 г.

«Гофман может теперь полагаться на новую доказательную базу, означающую блестящее подтверждение его тезисов.»

«Rheinischer Merkur», 20 октября 1995 г.

«Сталин спланировал свою войну против Германского рейха как истребительную и захватническую. Гофман приводит неоспоримые факты об этом из немецких и советских архивов.»

«Berliner Morgenpost», 30 октября 1995 г.

«(Следует) признать, что Гофман воскрешает в нашей памяти такой аспект германско-советской войны 1941-45 гг., которому в последние годы все больше грозило предание забвению.»

«Der Tagesspiegel», 5 декабря 1996 г.

«Решающим следует считать постулат (Гофмана), что нужно, наконец... принять к сведению масштабы сталинской захватнической и истребительной войны и стратегическую оправданность германской превентивной войны.»

«Österreichische Militärische Zeitschrift», № 1, 1996 г.

«...больше не отпустит любого читателя, интересующегося военной историей и ищущего правду.»

«Schweizer Soldat», ноябрь 1996 г.

«Предисловие и книга... являются политически опасными.»

«Das Sonntagsblatt», 22 марта 1996 г.

«“Сталинская истребительная война” является... важной и заслуживающей прочтения книгой.»

«Information für die Truppe». Herausgeber Bundesministerium der Verteidigung, № 3, 1996 г.

«Следует сделать доступной для мирового рынка сокращенную англоязычную версию.»

«Slavic Review» (США), лето 1996 г.

Временное открытие советских архивов вскрыло источники, исходя из которых сегодня с несомненностью подтверждается подготовка Советского Союза к наступательной войне с против Германского рейха при подавляющем превосходстве сил.

Исходя из неоспоримой документальной основы, привлекая результаты новейших международных исследований, автор, который несколько десятилетий был экспертом по проблемам Красной Армии в Исследовательском центре Бундесвера по военной истории во Фрайбурге, доказывает, что Гитлер 22 июня 1941 г. своей собственной захватнической войной лишь ненамного опередил захватническую войну, готовившуюся Сталиным. Террор и пропаганда гнали советских солдат под огонь. Это может служить и объяснением превознесенного позднее пропагандой «советского патриотизма» и «массового героизма», которого в Красной Армии в такой форме не существовало.

6 ноября 1941 г. Сталин призвал к «истребительной войне» против немцев и потребовал «истребить до единого всех немецких оккупантов, пробравшихся на нашу Родину для ее порабощения». Советская пропаганда ненависти, разожженная под предводительством Ильи Эренбурга, с 1941 года имела чрезвычайно трагичные последствия для немецких военнопленных, а с 1944 года — и для немецкого гражданского населения.

Так сегодня рушится под тяжестью доказательств сталинистская пропагандистская фраза о мнимой «освободительной миссии» Красной Армии. Ведь, как заявил Сталин в 1945 г. доверенному лицу Тито и югославскому партизанскому лидеру Джиласу: «Кто оккупирует территорию, тот навязывает ей свою собственную социальную систему. Каждый навязывает свою собственную систему настолько далеко, насколько может продвинуться его армия. По-другому и быть не может».